3 1761 07802804 0

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ

П. Н. РЫБНИКОВЫМЪ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

подъ редакціей

А. Е. Грузинскаго.

Въ трехъ томахъ.

Съ портретомъ, біографіей и указателемъ

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Изданіе фирмы „СОТРУДНИКЪ ШКОЛЪ".

МОСКВА—1910.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Пименовская ул., соб. д.
Москва—1910.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящимъ томомъ заканчивается новое изданіе Рыбниковскаго сборника. Здѣсь сосредоточенъ весь не былинный матеріалъ, распадающійся на нѣсколько крупныхъ отдѣловъ и на рядъ приложеній. При установленіи этихъ отдѣловъ мы старались по возможности объединить однородные матеріалы и собрать вмѣстѣ все разбросанное по отдѣльнымъ томамъ перваго изданія. Не указывая подробностей этой работы, ограничимся заявленіемъ, что ни одна строка изъ собранныхъ Рыбниковымъ произведеній народнаго творчества не была нами опущена. Что же касается приложенной къ IV тому «замѣтки» О. Ѳ. Миллера, мы сочли излишнимъ воспроизводить ее здѣсь: его замѣчанія обыкновенно кратки, бѣглы и могли имѣть извѣстное значеніе сорокъ лѣтъ назадъ, при первомъ появленіи Рыбниковскаго матеріала, который они впервые рекомендовали общему вниманію, — теперь въ этомъ нѣтъ надобности, тѣмъ болѣе, что общая точка зрѣнія, съ которой подходилъ О. Миллеръ къ народному творчеству, въ настоящее время едва ли что дастъ изслѣдователю. Иное дѣло—приложенные имъ для сравненія тексты (къ сказанію о началѣ Москвы, къ повѣсти объ Азовскомъ сидѣніи); они могутъ быть полезны и мы ихъ сохранили.

Статья Рыбникова объ особенностяхъ олонецкаго говора и «Объясненіе непонятныхъ и областныхъ словъ» перепечатаны безъ измѣненій, не потому, чтобы они въ нихъ не нуждались. Словарь въ особенности составленъ нѣсколько пестро и случайно; онъ далеко не содержитъ въ себѣ всѣхъ областныхъ словъ сборника, затѣмъ въ числѣ «непонятныхъ» словъ встрѣчаются и такія, какъ *передомъ идти*, *пугвица*, *со временемъ*, *хоробрый* (семь-восемь такихъ словъ мы рѣшились прямо опу-

стить), наконецъ съ цѣлымъ рядомъ объясненій трудно согласиться. Но мы считаемъ неумѣстнымъ производить здѣсь исправленія, которыя могли бы незамѣтно превратиться въ переработку: Рыбниковское должно остаться таковымъ въ этомъ сборникѣ.

Составленные нами указатели мы считаемъ достаточно полными, хотя, разумѣется, вполнѣ исчерпывающими ихъ назвать нельзя (собственно, предметный); мы, напр., обыкновенно не отмѣчали многократныхъ упоминаній какого-либо слова на протяженіи одной былины въ эпическихъ повтореніяхъ, ограничиваясь однократнымъ указаніемъ; найдутся, разумѣется, и пропуски непроизвольные. Недавно вышедшій указатель г. Васильева къ Гильфердинговскому сборнику неизбѣжно долженъ былъ повліять на нашъ и своимъ планомъ, и своимъ объемомъ, хотя мы и сознавали, что указателю, разросшемуся до такихъ огромныхъ размѣровъ, грозитъ опасность утратить отчетливость и опредѣленность ссылокъ, ибо онъ служитъ слишкомъ многимъ цѣлямъ заразъ. Вѣроятно, указатели г. Васильева и нашъ будутъ послѣдними могиканами старой манеры, которую должна смѣнить новая система нѣсколькихъ спеціальныхъ указателей съ строго очерченными заданіями для каждаго. Но мы не имѣли возможности вырабатывать эту систему, выпустивъ въ $1^1/_2$ года все изданіе: Онежскія былины печатались около 15 лѣтъ и не проложили въ этой области новаго пути, сдѣлавъ лишь большой, думается, заключительный шагъ въ старомъ направленіи.

А. Е. Грузинскій.

Сентябрь 1910 г.

Поправки.

Къ I тому.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
XXIII	5 снизу	реальныхъ	возможныхъ
XLIII	4 снизу	Проф.	Троф.
LXXVII	Оба примѣчанія принадлежатъ редактору.		
C	3 снизу	ноютъ	поютъ
23	13 снизу	раздольце	раздольице
111	10 сверху	писалы	писали
202	8 снизу	Гильферд. № 151	Гильферд. № 7 и 151
327	3 снизу	но	не
503	Подъ заглавіемъ вставить: Гильферд. № 299.		

Къ II тому.

189	12 сверху	кровью	кровь
267	11 сверху	плах	плахѣ
279	10 сверху	самъ	сама
282	18 сверху	дьте	идьте
293	18 сверху	коня	копья
372	16 снизу	птицьица	питьица
397	5 снизу	въ началѣ строки пропущено: И	
408	1 сверху	зималъ	взималъ
512	1 снизу	налеталъ	налетала
537	5 сверху	землы	земли
621	страница помѣчена 619-ой.		
647	12 сверху	колачикокъ	колачиковъ

Къ III тому.

358	17 сверху	опрятный	спрятанный

СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ.

СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ.

I.

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯДЪ ПЕТРОЗАВОДСКАГО И ПОВѢНЕЦКАГО УѢЗДОВЪ.

(Записанъ мною отъ вопленицъ Кижской волости и вопленицы Шунгскаго погоста.)

Въ Петрозаводскомъ и Повѣнецкомъ уѣздахъ, въ такъ называемомъ Заонежьѣ, свадебный обрядъ развился въ цѣлое сценическое представленіе. Главными дѣйствующими лицами *князь*—женихъ, *княжна порученая* — невѣста и непремѣнная наперсница невѣсты—*вопленица* или *плакальщица*. Обязанность этой послѣдней *приплакивать*, т.-е. излагать въ заплачкахъ или жалобныхъ стихахъ, передаваемыхъ изъ рода въ родъ, горькое положеніе *красной дѣвицы*, которая продается *родителемъ батюшкой, государыней матушкой*, *любимымъ родомъ-племенемъ въ чужедальную сторонушку*. Сама вопленица *вопитъ*, невѣста въ это время *привапливаетъ*, т.-е. повторяетъ слова заплачки, *выведельницы* поддерживаютъ невѣсту во время привапливанья подъ руки, *подголосница подголашиваетъ*. Кромѣ этихъ лицъ со стороны невѣсты въ свадьбѣ участвуютъ: *божатка* или крестная мать невѣсты, *передовщики* или *рожники* — провожатые мужчины, *приставленицы* или *ставленицы*—провожатыя жен-

---

[1]) Самый свадебный обрядъ одинаковъ и въ Петрозаводскомъ и въ Повѣнецкомъ уѣздѣ; заплачки почти одѣ и тѣ же; но въ Петрозаводскомъ уѣздѣ во время свадьбы поется много пѣсенъ, между тѣмъ какъ въ Повѣнецкомъ (по первому съ женихомъ согласію) поютъ только одну пѣсню: „Желтыя кудри за столъ пошли“. Въ нѣкоторыхъ заплачкахъ мы сохранили всѣ особенности мѣстнаго выговора: ч произносится какъ ць, ѣ—какъ и, е—какъ іо.

скаго пола и *постельная приставница* или *проводница*, т.-е. постельная сваха; со стороны жениха: *тысяцкой*, иначе *большакъ* или *староста поставленный* — крестный отецъ жениха, *вершники* или *дружки* шафера изъ *вѣжливыхъ людей*, между которыми главная роль принадлежитъ *переднему дружкѣ*, *бояра* или *поѣзжане* — провожатые изъ мужчинъ, *бояръни* или *брюдги* — провожатыя женщины, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ — *клѣтникъ*, который разъѣзжаетъ около дому молодыхъ въ ночь свадьбы и оберегаетъ ихъ отъ порчи.

Женихъ и невѣста обыкновенно знакомятся между собою *на бесѣдахъ*. Познакомился парень съ красной дѣвицей, станутъ они постоянно бесѣдовать, играть, пѣть и плясать, зовутъ другъ друга *парочкою*, и слывутъ парочкою между людьми. Такое положеніе длится нѣкоторое время. Если родные жениха не прочь отъ того, чтобы онъ наконецъ женился на своей парочкѣ, то онъ упрашиваетъ отца, братьевъ, братановъ или крестнаго отправиться къ родителямъ невѣсты и сватать за него его *любушку* [1]). Сватовья (или *сватухи*) пускаются въ путь *большимъ* или *малымъ поѣздомъ*, смотря по роднѣ или состоянію жениха, и непремѣнно выбираютъ окольный путь [2]). Пріѣдутъ къ дому

---

[1]) Въ Каргопольскомъ, Вытегорскомъ и Пудожскомъ уѣздахъ бракъ совершается или свадьбою или уводомъ (увозомъ, иначе бѣгомъ). Въ послѣднемъ случаѣ обрядовъ не соблюдается, кромѣ послѣвѣнечныхъ, а всѣ приготовленія дѣлаются потихоньку. Невѣста уговаривается съ женихомъ о днѣ, въ залогъ даетъ ему лучшіе уборы и наряды, и въ урочный часъ, въ сопровожденіи одной изъ родственницъ, уѣзжаетъ на жениховой лошади къ вѣнцу. Очень часто родители знаютъ про уходъ дочери, но допускаютъ это, желая избѣжать дорогихъ свадебныхъ расходовъ. Такъ, наприм., у удѣльныхъ крестьянъ Ухотской волости всѣ браки уводные, и уводятъ непремѣнно изъ чужой деревни.

[2]) Подробности изъ Остречинскаго и смежныхъ приходовъ Петрозаводскаго уѣзда. Сватать принято ночью, когда всѣ заснутъ въ первый сонъ. Въ то время сваты собираются въ домѣ жениха. Передъ иконою затепливаютъ свѣчи; всѣ домашніе и присутствующіе присядутъ на лавки, а потомъ встанутъ и помолятся Богу. Женихъ подходитъ къ родителямъ, кланяется имъ въ ноги и проситъ ихъ благословенія „на женитьбу и долгій вѣкъ съ женой богосуженой“.— „Богъ благословитъ тебя на доброе дѣло, рожоное дитятко!“—благословляютъ жениха родители, возлагая ему на голову икону. Затѣмъ сваты въ сопровожденіи всѣхъ сродниковъ жениха выходятъ на улицу (гдѣ для нихъ приготовлены лошади), молятся Богу, обращаясь лицомъ къ соборной церкви, откланиваются своимъ провожатымъ и отправляются къ дому невѣсты. Чтобъ

невѣсты ночью, когда всѣ уже спятъ, застучатъ въ окно и просятъ позволенія войти. Изъ дому отвѣчаютъ обыкновенно: «Милости просимъ». Сватовья зайдутъ въ избу, покладутъ на *воронецъ* рукавицы пальцами кверху [1]) и останавливаются среди избы подъ матицей. Гостей просятъ садиться, но они отказываются. «Намъ-де садиться не время, мы, молъ, не сидѣть пришли и не гостить зашли, а за добрымъ дѣломъ, за сватовствомъ; у насъ есть добрый молодецъ, у васъ красная дѣвица: такъ нельзя ли ихъ по божьему суду вмѣстѣ свести и породниться съ вами».—Благодарствуйте на поисканьи.—Тутъ у нихъ отбираютъ шапки и садятъ за столъ; начинается подчиваніе гостей чаемъ, кофе, хлѣбомъ-солью, т.-е. пирогами и яичницею. За столомъ уговариваются когда быть *приказу* или *отказу*. Родители отсрочиваютъ отвѣтъ на день или на два, а сваты просятъ покончить дѣло тутъ же. «Намъ-де лучше пріѣхать на одинъ разъ, чѣмъ долго длить». Иногда приказъ или отказъ дѣйствительно отсрочиваютъ на нѣсколько дней, иногда родители невѣсты тутъ же проговорятъ формулу отказа: «На хлѣбъ-на соль милости просимъ, а на то дѣло — не пошто». На что обидчивые сваты не упускаютъ отвѣтить: «Не овсомъ и кормлены».

Но, если дѣло идетъ на ладъ, то возьмутъ - зажгутъ свѣчу передъ святою иконою, глаза крестятъ, Богу молятся и дѣлаютъ *рукобитье* (ударяютъ по рукамъ), при чемъ сватъ, захвативъ полу своего кафтана, бьетъ по рукамъ со всѣми *рожниками*; тутъ же назначается время свадьбы и другихъ свадебныхъ торжествъ. Послѣ рукобитья, обыкновенно по словамъ матери, невѣста начинаетъ приплакивать своимъ родителямъ и умаливать ихъ, чтобъ они отмѣнили сдѣланное рукобитье [2]):

никого не встрѣтить, выбираютъ окольный путь: всякія встрѣчи поѣзду сватовъ и вообще ѣдущимъ и идущимъ на промыселъ, на важное дѣло почитаются у мѣстнаго населенія неблагопріятнымъ предзнаменованіемъ. Въ поѣздѣ сватовъ на всякій случай находится дружка изъ людей, умѣющихъ „отпускать свадьбы“; онъ ѣдетъ всегда впереди.

[1]) Примѣта: „чтобы не отказали“.

[2]) Въ Остречинскомъ приходѣ во время просватыванія обыкновенно невѣсты не бываетъ въ комнатахъ; когда же сваты окончатъ свое порученіе и по просьбѣ хозяевъ останутся погостить, то она приходитъ разряженная для подчиванія гостей. Тутъ родители спрашиваютъ у нея, согласна ли она идти за-

1.

(Петрозав. у., Ялгубск. погостъ.)

Отцу.

Ты, кормилецъ государь батюшко!
Обострочь меня, дѣвушку,
Хоть на лѣтышко красное:
Ваша думушка часовая,
Моя жирушка вѣковая.

Матери.

Ты, родитель моя матушка!
Ты деннà моя заступница,
Ты ночная богомолица,
Въ день по красному солнышку,
Въ ночь по свѣтлому мѣсяцу.

Брату.

Ужъ ты, братецъ, мое красное солнышко,
Братецъ, тонкая тониночка!
Обострочь меня, красную дѣвушку,
Хоть на лѣтышко красное,
Полюбоваться со дѣвушками,
Погулять лѣто красное.

2.

(Повѣнецкій уѣздъ.)

Подержите-тко, жаланные родители,
У дѣвушкахъ до двадцати годиковъ,
До разливной красной веснушки,
До лѣтушка до теплато.
Знать я вамъ была не трудница [2]), не работница,

мужъ за имрека. Если невѣста согласна, то передъ иконою зажигаютъ свѣчи и всѣ присутствующіе молятся Богу; по окончаніи молитвы отецъ невѣсты, въ знакъ непремѣннаго согласія отдать свою дочь замужъ, подаетъ руку большему свату, а невѣста падаетъ въ ноги родителей со слезами и причитаніями.

[2]) ц произносится какъ ць.

Не легкая была перемѣнщица.
Вы откажите-тко, жаланные родители,
Вы на дворъ меня возьмите въ огороднички,
Въ заднiй уголъ въ подворнички,
На гумно да въ замолотнички:
Я слуга вамъ буду вѣрная,
Я работница буду неизмѣнная.
Вы послухайте, жаланные родители!
Разсердились-распрогнѣвались
На меня на красну дѣвушку.
Вы на первой вины меня простите,
А въ другой вины меня побраните,
А въ третьей вины меня накажите.
Ужъ я чѣмъ провинилася,
Я которою ногою проступилася?
Вы послухайте, жаланные родители!
Знать я въ лѣтнюю во порушку
Не брала вамъ изюмныихъ ягодокъ;
Я во зимнюю во порушку
Не топила парныихъ баенокъ,
Знать не слала мягкiя пуховыя постелюшки,
Не укладывала круто-складное зголовьице?
Вы послухайте, жаланные родители!
Ужъ я чѣмъ я провинилася,
Я которою ногою проступилася?
Вы запродайте удоистыхъ коровушекъ,
Запродайте ступистыихъ лошадушекъ,
Вы повыкупите, жаланные родители,
Отъ эвтого чужаго чужанина.

3.

(Петрозаводскiй уѣздъ.)

Не два ворона въ темномъ лѣсу слеталося,
Не два воина въ чистомъ полѣ съѣзжалося,
Какъ два сватушка въ моемъ домѣ сходилося,
Во славномъ во почестномъ во большомъ углу:

Большій сватъ-кормилецъ сударь батюшко,
Другой сватушка со чужой сторонушки.
Они думали крѣпкую думушку,
Затепляли свѣчи воску яраго
Предъ иконою чудотворною
И крестили очи ясныя,
Рука о руку ударили,
Едино словце родители промолвили,
Во заботушку меня озаботили,
Меня дѣвушку обневолили
Во великую неволю, во неволюшку,
Во чужую злодѣйную сторонушку.
Я сидѣла, душа красная дѣвушка,
Въ полоненомъ заднемъ уголку
За шелковой бѣлой занавѣсочкой.
Молилась было красная дѣвушка,
Молилась пресвятой Богородицы,
Богородицы царицы небесноей,
Чтобъ не дулись огни плящіе
Во жараточкѣ муравленомъ,
Не затопились бы свѣчи воску яраго
Предъ иконою чудотворною,
У жаланныихъ у родителей
Не вздынулась бы ручка правая
Выше плечъ на головушку
Перекрестить очи ясныя,
Не поворотился бы языкъ рѣчись[1]) въ головушкѣ
Поневолить меня красную дѣвушку.
Знать молитвы мои къ Богу не доходныя,
Знать поклоны мои Богу не угодные!
Какъ раздулись жараточки муравлены,
Выскакали огни плящіе
Во лучиночкѣ сосновыя,
Загорѣлись свѣчи воску яраго,
Перекрестили очи ясныя,

[1]) Рѣчистъ.

И вздынулись ручки правыя;
Не въ колоколъ родители ударили,
Не въ трезвонъ мои жаланные затрезвонили,
Едино словце родители промолвили,
Руку о руку жаланные ударили,
Меня, красну дѣвушку, родители поневолили.
Вы послушайте, жаланные родители!
Вы поневолили меня, красну дѣвушку,
Во великую злодѣйную неволюшку,
На остудушку на чужу на сторонушку.
Я приходила было, красная дѣвушка,
Ко своимъ-то ко жаланнымъ родителямъ,
Я корила непокорное сердечушко,
Я молилась было жаланнымъ родителямъ,
Чтобъ не неволили моей младой головушки
На остудушку чужую сторонушку;
Родители моленьица моего не послушали
И поклоновъ-то моихъ не приняли.

4.

(Заонежье.)

Не утушка въ берегахъ закрякала [1]),
Красная дѣвушка въ теремѣ заплакала.
Не шайте-ко, жараточки муравленыя,
Не дуйтесь-ко, огни скорогорящіе,
Не тописъ-ко, свѣща воску ярова,
Передъ Спасомъ и пречистой Богородицей.
Ты не здынься-ко, ручка правая,
У моихъ свѣтъ желанныихъ родителей
Выше плечъ по головушку,
Съ головушки на ретивое сердечушко,
Съ сердечушка на правое на плечушко.
Вы не сдѣлайте, родители,
Вы не сдѣлайте, желанные,

---

[1]) Эта заплачка записана г. Прозоровскимъ.

Крѣпкаго рукобитьица;
Не невольте моей волюшки,
Не заботьте меня, бѣлой лебедушки.
Я въ каку вину, родители, провинилася,
Въ проступку ль у васъ да проступилася;
Знать не скорое да было послушаньице,
Знать не легкая бы вамъ перемѣнушка?
Ваша думушка, родители, часовая,
Мнѣ же жирушка, желанные, вѣковая:
Послѣ схватитесь,—поплачете,
Вспомянете,—востоскуетесь.
Все же думала я, бѣлая лебедушка:
Обсажу я волю жемчужкомъ,
Обовью я чистымъ серебромъ
У своихъ свѣтъ-желанныихъ родителей;
Какъ сегоднишнимъ Господнимъ Божьимъ денечкомъ
Наѣхали разсказы—сваты большіе,
Выводили надежу свѣта-батюшка
На новы сѣни на рѣшатчаты,
Стали спрашивать про бѣлую лебедушку,
Оцѣнять стали бажону вольню волюшку.
Сговорилъ же свѣтъ-родитель мой батюшко:
« Эта волюшка во сто рублей,
« Руса косынька во тысячу,
« А красной дѣвушкѣ и цѣны нѣтъ.»
Какъ збахвалился [1]) разсказъ—большой сватъ,
Сталъ засуливать родителю
Города да съ пригородками,
Села да съ приселками.
Но на это мой родитель не окинулся,
А прочь подальше отодвинулся.
Восхвалять-то сталъ большій сватъ
Младаго сына отецкаго,
Что на походочку есть щепетливый [2]),
На разговорушки учтивыій,

[1]) Расхвастался.
[2]) Щепливый, щеголь.

Его доброе хоромное строеньице
Сорокъ саженъ вверхъ подынуто,
И свѣтлыя есть свѣтлицы,
И стольныя есть горницы.
И на это мой родитель не окинулся
И не смѣнялъ моей бажоной вольной волюшки.
Но лукавъ былъ злодѣй большой сватъ:
Онъ близешенько къ родителю двигается,
Низешенько ему да поклоняется,
Самъ сулитъ ему да засуливаетъ
Сорокъ ведеръ зелена вина,
Сорокъ бочекъ пива пьянаго.
На то мои родители окинулись,
Промѣняли мою вольную-то волюшку
Какъ на этое на сладко зелено вино,
Какъ на этыя на винны малы чарочки
Пропились да промоталися,
Прогуляли мою волюшку.

5.

(Ладвинскій погостъ.)

Благослови, Господи,
Стать на ножки на рѣзвыя,
На сапожки крестьянскіе,
На гвоздики шеломчатые,
Появить жалкой голосокъ,
Своя причеть умильная!
Прослужи, мой жалкой голосокъ,
Средь темное обночьице,
Да и завтра день меженной.
Подойди, родитель матушка,
Ко мнѣ молодешенькой,
Подойди, побесѣдуемъ,
Пожупимъ [1])-побесѣдуемъ.

---

[1]) Жупѣть, протяжно пѣть.

Ты скажи, родитель матушка,
За одно ль вы за едино думу думали?
Ваша думушка часовая,
Моя жирушка вѣковая—
У чужаго чужанина
Подъ грозою крестьянина.
Подойди, кормилецъ батюшко,
Ко мнѣ, молодешенькой,
Подойди, побесѣдуемъ,
Пожупимъ-побесѣдуемъ.
Для чего, кормилецъ батюшко,
Разлучаете вы дѣвушку
Ранымъ-ранешенько,
Молодымъ-молодешенько,
Отъ желанныхъ родителей,
Отъ всего рода-племени?
Заслышалъ, родитель батюшко,
Про меня красну дѣвушку
Нехорошую славушку?
Видно, насказали про меня про дѣвушку
Пустаго пустословьица,
Небылицу да напраслицу?

(*Обращаясь къ прочимъ родственникамъ, продолжаетъ:*)

Я вижу, молодешенька,
У моихъ да у родителей
Весело въ домѣ дѣется.
Мой родъ-племя широкое,
Крестовый мой батюшко,
Крестовая моя матушка!
Я вижу, молодешенька,
Въ сей поздней вечериночкѣ
Не въ колоколъ ударили,
Не въ трезвонъ затрезвонили,
Не къ обѣднѣ, не къ заутреной,—
Ударилъ мой кормилецъ батюшко,
Онъ ударилъ руку о руку:

Какъ прошло да миновалося
У кормильца да у батюшка
Что-ль крѣпкое рукобитьице,
Крестовое цѣлованьице,
Перстневое обручаньице [1]).

Съ «приказомъ» ходитъ (Остречин. прих.) отецъ невѣсты съ нѣсколькими родственниками; пришедши въ домъ жениха и помолившись Богу, онъ говоритъ родителямъ своего будущаго зятя: «челомъ здорово, любезный сватушка (или: любезная сватушка)! У насъ есть дочь, лебедь бѣлая, имя рекъ. Просимъ покорно поспѣшать къ ней: не то она улетитъ за сине море, за горы высокія и вамъ больше не увидать ее».

Передъ отправленіемъ отца изъ дома невѣста причитаетъ:

6.

Съ сего утрышка ранняго,
Съ сего дня, съ сего меженнаго,
Я сидѣла, красна дѣвица,
Во своей свѣтлой свѣтлицѣ,
Во столовой новой горницѣ,
И увидала, babupримѣтила,
Что родитель-то мой батюшко
Во цвѣтны платья одѣвается,
Со родомъ-племенемъ скопляется,
Въ путь-дорожку снаряжается
За чужимъ за родомъ-племенью
Со своима онъ со зватыма.

Тотчасъ послѣ приказа въ Петрозаводскомъ уѣздѣ поется слѣдующая пѣсня:

7.

Не чаяла меня матушка вѣкъ избыть,
Вѣкъ избыть, со двора изжить,

---

1) Заплачка эта сообщена А. И. Ивановымъ; вторая половина ея относится и къ рукобитью.

Изжила меня матушка во единый часъ,
Во единый часъ, во минуточку.
Жарко-жарко въ теремѣ свѣчи горятъ,
Все горятъ свѣчи воску яраго.
Жалко-жалко плакала
Красна дѣвица душа
По своей русой косы,
По своей дѣвичьей красы.
Унималъ ее родимый батюшко,
Уговаривала родитель матушка:
« Ты не плачь, наша умница,
« Не тужи, душа разумница,
« Ужъ вѣдь мы тобя не въ полонъ дадимъ,
« Ужъ вѣдь мы тобя замужъ выдадимъ
« Что за умнаго да за разумнаго,
« За дородняго добра молодца,
« Ужъ какъ мы тобя не одну спустимъ,
« Мы дадимъ тобѣ провожатыихъ.»
— Ты не тѣшь, не тѣшь, родной батюшко!
— Не уговаривай, родима матушка!
— Провожатые всѣ разъѣдутся,—
— Я одна, молодешенька, остануся
— Со удалымъ дороднымъ добрымъ молодцемъ.—

Въ Ялгубскомъ погостѣ невѣста послѣ «приказа» причитаетъ:

8.

Обневолили родители
Вольну волюшку въ неволюшку.
Разлучаютъ родители
Живо - ранную разлукушку.
Отказали родители
Отъ житья, отъ живленьица,
Отъ хоромнаго строеньица.

Дня черезъ два послѣ рукобитья назначается *порученье* или благословеніе. Невѣста въ это время гуляетъ, т.-е. ходитъ по

роднымъ въ сопровожденіи десятка или двухъ десятковъ дѣвицъ и поетъ разныя пѣсни и заплачки. Изъ пѣсенъ поется напримѣръ, когда невѣста сирота:

На горѣ-то сыръ дубъ стоитъ.
Онъ безъ вѣтрышка шатается,
Безъ дождя уливается [1]).

9.

(Заонежье.)

Принесу покоръ желаннымъ родителямъ,
Доложусь я во любимое гостибище,
На урочную гостиную недѣлюшку.
Дай, родитель моя матушка,
Мнѣ дѣвичье рукодѣльице,
Дай-ко пяльца мнѣ точеныя,
Дай иголочку тамбурную,
Трубу да столокотную,
Дай розшивной бумагушки
Мнѣ-ка сто посошковъ.
Снаряжусь я въ любимое гостибище,
Прикрою тамъ свою я вольню волюшку.

(Обращаясь къ дѣвушкамъ:)

Вы пойдемъ-те-ко, совѣтны милы подружки,
Вы пойдемъ-те-ко, души да красны дѣвушки,
Вы воспойте-ко звонунылы жалки пѣсенки,
Возвеселите мою вольню-то волюшку.

(По пріѣздѣ въ гости:)

Добры кони устоялися,
Звонунылы колокольцы помѣшалися,
Знать пріѣхали въ любимое гостибище.
Не убойтесь-ко вы, сродцы мои сродники,

---

[1]) См. похоронныя заплачки.

Не одна да я пріѣхала:
Одно стадушко со мной да есть гусиное,
А другое—лебединое,
Одно стадушко удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
Друго стадушко есть бѣлыихъ лебедушекъ.
Хоть шумноголосна я, бѣлая лебедушка,
А не голодна я къ вамъ пріѣхала, не холодна,
Погостить пришла съ бажоной вольной волюшкой.

(Послѣ угощенія:)

Вознести было спасибо съ благодарностью
На хлѣбъ и соль вамъ на столовую.
Честно приняли въ любимое гостибище,
Вы за гостьицу меня да принимали,
Вы за родную меня да почитали.
Ты прости, мое любимое гостибище!

(Послѣ полученія въ гостяхъ подарковъ, обращаясь къ народу:)

Порастроньтесь-ко, народъ да люди добрые!
Дайте мѣстечка съ единую мостиночку,
Катитъ-жалуетъ сестрица двуродимая,
На рукахъ несетъ бѣлую сорочечку,
Въ устахъ несетъ прощенье съ благословеньицемъ.
Ты за че даришь, сестрица, меня жалуешь?
Ты докладывашь окована коробочку,
Знать радѣешь на чужую на сторонушку.
Я прошу тебя, невольна красна дѣвушка,
На родительско честное пированьице,
На мое слезно горюче умываньице,
На разлуку съ вольной моей волюшкой.

(Отправляясь въ гости при выходѣ изъ дому:)

Ворочуся я, душа красная дѣвица,
Ко своимъ свѣтамъ сердечнымъ родителямъ.

10.

(Мишковская волость Каргопольскаго и Пудожскаго уѣздовъ [1]).

Подойдите, свѣты сердечны родители!
Чего я спрошу, душа красна дѣвица.
Меня звали, душу красну дѣвицу,
Во частую, любимую гостьбицу,—
Вы спустите, сердечны родители,
Дайте вѣрнаго, надійнаго товарища,
Милаго родимаго брателка
Справлять идти мнѣ путь-дороженьку широкую—
Впереди меня, души красныя дѣвицы,
Походить, погулять, покрасоватися
Со кумами, со подругами, со любовными,
По милой, по родимой по стороны,
По славной, по веселой деревни Пожарищу.
Находитесь, нагуляйтесь, ножки рѣзвыя,
Намашитесь, бѣлы бумажны рученьки,
Наглядись, частоплетная руса коса,
На бѣлый свѣтъ, на красное солнышко,
На милую родиму сторону,
Про запасъ, про запасное времячко!
Больше вѣкъ мнѣ не бывать, да и по вѣки,
Мнѣ на милой-то родимой стороны,
Мнѣ хорошей душей-красной дѣвицей.
Я не въ первый разъ иду, въ послѣдніій,
Со кумами, со подружками, со любовными.
Вы обстаньте, кумы, подружки любовныя,
Вы кругомъ меня обстаньте́ и около,
Чтобы буйны меня вѣтры не обвѣяли,
Чтобы лютыя собаки не облаяли,
Народъ-люди добры не посмѣялися.
Вы изтиха ступайте, потихохонько,
Чтобы скобочка о скобочку не пробрякала,
Шеломчатые гвоздочки не помшилися,

[1]) №№ 10, 11, 12 записаны г. Макарьевскимъ и напечатаны въ 11 № и слѣд. Олон. губ. вѣд. 1862 г.

Вы не жалѣйте, подружки-кумы любовныя,
Идти свои скоры рѣзвыя ноженьки:
Теперь все прошло у насъ, миновалося,
Топерь часъ ко часочку приближается,
Прошелъ долгой день изъ утра до вечера.
Увезутъ меня, душу красну дѣвицу
На ознобную чужу дальнюю сторону,
На ознобной-то, чужой дальней стороны
Мосты-те въ избахъ суковатые,
Люди-те живутъ зубоватые,
Осмѣхать начнутъ душу красную дѣвицу.
Я еще зову, душа красная дѣвица,
Я въ частую, любимую гостьбицу
Къ желанному родителю дядюшкѣ.

(Съ этимъ вмѣстѣ невѣста подходитъ къ дому, въ который идетъ въ гости:)

Становитесь, кумы-подружки любовныя,
Бѣлымъ лицемъ къ частоуступчатой лѣстницы.
Ты взвивайся, побѣдный зыченъ голосъ,
Въ хорошую частоуступчату лѣстницу,
Ты взвивайся, побѣдный зыченъ голосъ,
Во новыя сѣни переныя,
Ты взвивайся, побѣдный зыченъ голосъ,
Во свѣтлую хорошую свѣтлицу!

(При входѣ въ избу:)

Меня, Господи, дочь кручинну, благослови
Стать на единую половку дубовую
Передъ чуднова Спасова образа!
Вздынься, правая бумажная рученька,
Перекрестить бѣло лице нерумяное
И помолиться мнѣ, кручинной, покланяться
За большаго дому настоятеля:
Дай Богъ здоровья, живота, вѣку долгаго,
Жить здорову (имреку)
Во своемъ тепловитомъ гнѣздышкѣ,—

Мнѣ прибѣжище кручинной, пристанище
Съ ознобной чужой дальней стороны,
Мнѣ во частую, любимую гостьбицу.
И ты ударь челомъ, млада буйная голова,
На всѣ кругомъ на четыре на стороны!

(Обращаясь къ хозяину дома:)

Ты не убойся, желанный родитель дядюшка,
Ты подойди ко мнѣ, душѣ красной дѣвицы:
Я не съ разбоемъ иду, душа красная дѣвица.
Со кумами, со подругами со любовными,
Я въ частую любимую гостьбицу,
Я не въ первый разъ иду, въ послѣдніій.

(Если въ семействѣ есть состоящій на рекрутской очереди, то къ нему:)

Ты подойди, милый двоюродный брателко,
Ты ко мнѣ, душѣ красной дѣвицѣ:
Я не съ разбоемъ иду, душа красная дѣвица,
Со кумами, со подружками со любовными,
Я въ частую любимую гостьбицу,
Я не въ первый разъ иду, въ послѣдніій.
Ты скажи, милый двоюродный брателко!
Ты о чемъ слезно плачешь, уливаешься,
Ты ронишь слезы изъ ясныхъ очей?
Ты меня жалѣешь, души красной дѣвицы,
Или своя есть какая обида великая?
Или боишься, милый родимый брателко,
Какъ придутъ съ Москвы указы немилостивы,
Потребуютъ на службу государеву,
Наряжать станутъ судьи-власти немилостивы:
Такъ у тебя сходилася обида великая.

Изъ заплачекъ привожу еще заплачку къ брату, находящемуся на службѣ, къ замужней сестрѣ и заплачку между матерью и безотней дочерью предъ самымъ порученьемъ.

11.

(Невѣста выходитъ встрѣчать брата за деревню.)

Напишу скорописчату грамотку
Милому родимому брателку,
На ознобную чужу дальную сторону,
Чтобъ шелъ на побѣдную славную свадебку
Со ознобной чужой дальней стороны.
Накажу скорописчатой грамоткѣ:
Не падай ни на воду и ни на землю,
Ни на темные лѣса дремучіе,
Ни на мхи, на болота зыбучія,
Ты пади, скорописчата грамотка,
Къ ногамъ милаго родимаго брателка,
Гдѣ въ строю стоитъ на службѣ государевой,
Тамъ упроситъ немилостивыхъ начальниковъ
Прочитать скорописчату грамотку.
Вы пойдемте, кумы-подружки любовныя!
Не могла дождать душа красная дѣвица
Милаго, родимаго брателка.
Не своя у него воля великая:
Подъ строгой живетъ грозой государевой,
Ходитъ на крѣпкіе караулы государевы.

12.

(Къ замужней сестрѣ или другой родственницѣ, живущей на сторонѣ и пришедшей въ гости.)

Ты здорово, милая сестрица голубушка!
Живешь здраво на ознобной чужой дальней стороны.
Чего я спрошу, душа красная дѣвица,
У тебя, милая сестрица голубушка:
Каково тамъ, сестрица голубушка,
На ознобной чужой дальней стороны,
У чужихъ богоданныхъ родителей
Доставать ласкоту-добродѣтель великую,
Серебряной иголочкой прищивитися?
Золотымъ клубочкомъ прививатися?

(Та отвѣчаетъ:)

Ты послушай, душа красна дѣвица!
Мудрено жить на ознобной чужой дальней стороны,
Серебряна иголочка затупится.
Набъ покорному быть сердцу ретивому
И склонной младой буйной головы,
Всѣхъ по имени звать, по отечеству;
По утру набъ вставать-то ранымъ-ранешенько,
А вечеромъ ложиться позднымъ-позднешенько.
Какъ зачнешь вставать, душа красная дѣвица,
Попрекать станутъ твоего-то мужа богоданнаго,
Что лѣнивая у него взята, не станливая,
Не трудница взята, не работница.

(Невѣста на это говоритъ.)

Спасибо за совѣтъ, сестрица голубушка,
Что научила душу красну дѣвицу
Какъ жить на ознобной чужой дальней стороны.

13.

(Повѣнецкій уѣздъ.)

(Если у невѣсты нѣтъ отца).

Мать: Ты рѣка, рѣчинька,
Ты рѣка ли моя быстрая!
Ты бѣжишь не сколыбнешься,
Съ берегами не сравняешься.
Ты дите ль, мое дитятко,
Ты дите, дочь одинакая!
Ты сидишь, да не усмѣхнешься,
Говоришь, да не улыбнешься?
Дочь: Мнѣ чего-то смѣятися,
Мнѣ чего радоватися?
У моей-то нонь у маменьки
Полонъ дворъ каретъ наѣхано,
Полны горницы сидятъ гостей,

Сидя́ гости незнакомые,
Че за мной бладой (младой) наѣхали.
Надоть съ волюшкой разстатися,
А съ эстима гостяма опознатися.
А какъ у меня ль, у красной дѣвушки,
Какъ однихъ-то гостей нѣтъ какъ нѣтъ,
Че родныхъ гостей нѣту—батюшка:
Снарядить-то меня е кому,
Отпустить меня больши того,
А благословить нѣту батюшка.
Охъ вы, братцы, ясны сокола!
Вы сходите во Божью Церковь,
Вы ударьте трожды въ колоколъ!
Разступися, мать сыра земля,
Ты откройся, гробова доска,
Развернися, золота парча,
Ты востань, родитель батюшка,
Дай прощеньице съ благословеньицемъ,
На посаждэньице кресна матушка,
Отвезутъ меня братцы родимые,
Благослови, родитель-батюшка!

И вотъ, черезъ два дня [1]) съ жениховой стороны собрали всю *породу*: пріѣхали пять дружекъ, поѣзжане, брюдги, тысяцкой [2]).

---

[1]) Иногда рукобитье и порученье бываютъ въ одинъ и тотъ же день, а иногда особо.

[2]) (Остречинскій приходъ.) Сговоръ и богомолье обыкновенно бываютъ въ домѣ невѣсты. Сюда съѣзжаются родственники съ жениховой и невѣстиной стороны и со взаимнаго согласія порѣшаютъ о приданомъ невѣсты. По окончаніи причитанья дѣлаются приготовленія къ богомолью (благословенію). Въ большой уголъ ставятъ широкій столъ, накрытый бѣлой скатертью; на столъ кладутъ бѣлый („свадебный каравай") и черный („коврига благословленая") хлѣбъ и соль. Приглашаютъ причтъ; священникъ по окончаніи молитвъ осѣняетъ молодыхъ крестомъ, а отецъ невѣсты благословляетъ ее и нареченнаго ея жениха хлѣбомъ-солью. Послѣ благословенія невѣста поетъ:

Помолиться было Богу-Спасу, Пресвятой Богородицы,
За царя-государя великаго:
Имъ дай, Господи, здоровья долгаго,
Долгаго вѣку протяженнаго:
Жить послѣ меня, сизой косатой голубушки,

Изъ женихова дома *жениховцы* ѣдутъ въ невѣстинъ домъ въ слѣдующемъ порядкѣ: въ началѣ *поъзда* ѣдутъ два *вершника* (дружки), за ними тысяцкой, брюдги и наконецъ женихъ съ прочими гостями. По прiѣздѣ въ деревню, они останавливаются въ особомъ домѣ, откуда дружки сходятъ къ невѣстѣ—навѣдаться о ея здоровьѣ и дать знать о здоровьѣ жениха и его прiѣзда; за тѣмъ просятъ отца невѣсты и рожниковъ, чтобы поскорѣе приготовили ее и сами приготовились къ столу. Отецъ отвѣчаетъ: «У насъ невѣста готова, да вѣдь нельзя ничего сдѣлать безъ спросу плакальщицы: на то она и правитель свадьбы». Тѣ отвѣчаютъ! «Намъ-де плакальщицу видѣть не лице» [1]). Да какъ видятъ, что сдѣлать ничего нельзя, такъ поубавятъ спѣси и станутъ просить плакальщицу: «Нельзя-ли поскорѣе приготовить невѣсту?—Мошно (мочно), да мнѣ-ка-ва не за чимъ невѣсту крутить.—Тутъ дружки дарятъ деньгами плакальщицу и тогда она смилуется: «Сичасъ-молъ справлю, готова будетъ къ ставкѣ [2])».

Тогда женихъ со всѣмъ своимъ поѣздомъ приходятъ въ домъ невѣсты и *заходятъ* за столъ, наблюдая такой порядокъ: тысяцкой садится въ большое мѣсто, за нимъ брюдги, женихъ, передовщики и прочiе гости. На покрытый скатертью столъ полагаютъ хлѣбъ-соль и даютъ каждому гостю по одному ломтику хлѣба. Невѣсту же въ это время *окрутятъ* какъ можно лучше: надѣнутъ ей на голову канифасную или бумажную фату и поведутъ ее ко столу; впереди ея идутъ передовщики, передовщицы, бажатка; сама невѣста идетъ, поддерживаемая

Со маленькими сердечными дѣтушками,
Со всей силой и армiей.
Теперь помолиться сизой косатой голубушкѣ
За ласкотника желаннаго батюшка:
Ему дай, Господи, здравiя,
Здоровья долгаго и протяженнаго.
Помилуй, Господи, и матушку
И всѣхъ моихъ родныхъ родителей.

[1]) Неприлично.

[2]) Во время одѣванья невѣста плачетъ, а сваты бьютъ въ воронецъ, приговаривая: „Ну сватьюшки, поскорѣе поворачивайтесь, подавайте невѣсту: женихъ скучаетъ“. А сватьюшки отвѣчаютъ: — На полетѣ, на полетѣ княжна молодая: только крылышки подвязать,—полетѣть-полетѣть!—

двумя ставленицами подъ руки. У стола передовщики разступятся на двѣ стороны, а невѣсту со ставленицами подведутъ къ самому столу, и въ это время дѣвушки, стоящія въ углу, поютъ *припѣвальныя пѣсни* [1]).

Къ этому моменту относится пѣсня:

14.

(Остречинскій погостъ.)

Не шли бы ноженьки рѣзвыя,
Не глядѣли очи ясныя
Во эту свѣтлую свѣтлицу,
Во столову нову горницу:
За этимъ столомъ дубовыимъ
Будто ворона да чернаго
Есть чужаго роду племени.
Во большомъ углу ясенъ соколъ
Надо мной сидитъ-ломается,
Надо мной онъ надсмѣхается.
Подойду къ столу близехонько,
Поклонюсь ему низехонько:
« Ты, удалый добрый молодецъ,
« Прими мои подарочки.»

Затѣмъ тысяцкой или дружка проситъ у невѣстиной родни, чтобы сняли фату и показали невѣсту: «Мы де не фату пріѣхали смотрѣть, а невѣсту.» Просьбу ихъ исполняютъ, и невѣста, освободившись изъ-подъ фаты, ведетъ поклонъ жениховой роднѣ на всѣ стороны, а тысяцкому и князю молодому *въ особину.* Тутъ передовщики спрашиваютъ жениха: «Что князь молодой, люба ли вамъ княжна молодая?» Женихъ выражаетъ свое довольство молча, однимъ кивкомъ, но его провожатые громко кричатъ: — Люба, люба!—«А спросите-ко у

---

[1]) Народная пѣсня такъ объясняетъ это выраженіе:

Ты поѣдешь, мое дитятко, жениться
На душечкѣ на красной на дѣвицы;
Тебѣ будутъ дѣвицы пѣсни пѣти,
Ко тебѣ, сударь, невѣсту припѣвати.

княжны молодой, любъ ли ей нашъ князь молодой?» На это невѣста отвѣчаетъ поклонами, а провожатые ея кричатъ:— Любъ, любъ!—Когда все затихнетъ, женихъ встаетъ на ноги, беретъ подносъ, наливаетъ виномъ двѣ чарки и подаетъ черезъ столъ невѣстѣ, да не просто, а съ обманомъ: поднесетъ къ ея рукамъ подносъ и только она хочетъ взять—онъ и отдернетъ назадъ. Это дѣлается разъ до пяти; наконецъ женихъ отдастъ подносъ и сядетъ, а невѣста, оборотясь къ столу спиною, потчуетъ виномъ своихъ родственниковъ *(родню покореную)*, женихъ же подливаетъ вина и передаетъ ей. Окончивъ угощеніе родни, она оборачивается къ столу лицомъ, потчуетъ тысяцкаго и прочихъ жениховцевъ и послѣ всѣхъ подноситъ чарку жениху, а другую беретъ себѣ. Перекрестивъ глаза, и князь и княгиня ударяютъ чаркой о чарку, при чемъ женихъ старается ударить своей чаркой выше и влить вина въ невѣстину чарку. Если это ему удастся, то его родня закричитъ: «Ай, да молодецъ!—зналъ какъ сдѣлать! Ай да хватъ!» А если въ этомъ возьметъ верхъ невѣста, то ея родня закричитъ:— Наша взяла! Вотъ хватъ-дѣвка!—

Послѣ того невѣста отвернется отъ стола̀, а вопленица заплачетъ:

15.

(Петроз. уѣздъ—Толвуйской и Кижской вол.)

Боже, благослови, Господи,
Во святой часъ да во счастливой,
Во таланну пору-времячко!
Я поворочусь, невольница,
На праву руку на посолонь,
Куда солнышко катилося,
Луна небесна воротилася;
Отъ стола да отъ дубоваго
Я станомъ стану большой уголъ,
А лицемъ на высокъ теремъ.
Гдѣ-то есть у сей невольницы
Большаки въ домѣ начальники,
Какъ большухи заповодчицы?

Мой большакъ въ домѣ—родитель-батюшко,
А большуха—родитель-матушка;
Буде есть въ дому родители,—позовите,
Буде нѣтъ въ дому родителей,—оповѣстите.
Вы послушайте, жаланные родители,
Ты, кормилецъ-сударь-батюшко,
Да родитель моя матушка [1])!
Вы позвольте-тко, жаланные родители,
Попустить да свой зыценъ голосъ,
Бѣлой лебеди возгакати,
Да красной дѣвушкѣ заплакати
По полаты грановитоей,
По терему высокому.
Повелѣлъ мой сударь-батюшко,
Да благословила моя матушка,
Какъ заставили родители
Подъ фатой ходить, голосомъ водить,
Пошла дѣвушка, заплакала,
Да-й во весь народъ разжалилась
На своихъ-то на жаланныихъ родителей,
Че поставили родители
Къ дубову столу во стольницы,
Къ зелену вину въ разливщицы.
Я у дубоваго стола да постояла,—
Во рукахъ были подносы золоченые,
На подносахъ были чарочки хрустальныя,
Во чарочкахъ хмѣльное зелено вино
Злодѣямъ чужимъ чужанинамъ,
Этымъ гостямъ незнакомыимъ.
И покорила свою младую головушку:
Первой разъ я поклонилася,—

---

[1]) Вар. (Кижск.):

Не возбранно ли вамъ, жаланные родители,
Соколы-братцы родимые,
Ветлянныя нешутушки, (*жены братьевъ.*)
Что иду я, красна дѣвица,
Съ жалкима пѣвицамы, съ красными дѣвицамы?

Моя волюшка съ головушки укатилася,
Другой разъ я поклонилася,—
Поблекло мое бѣлое личико,
Третій разъ я поклонилася,--
Подрожали мои рѣзвыя ноженьки,
Свое родъ-племя красна дѣвушка посрамила.
Не на ономъ я свѣту побывала,
Не на страшномъ я суду постояла [1]),
Постояла я у стола дубоваго,—
Во рукахъ были подносы золоченые,
На подносахъ была чарочка хрустальная,
Во чарочкахъ хмѣльное зелено вино.
Я клонила свою младую головушку
Злодѣй-чужимъ чужанинамъ,
Всему кругу молодэцкому,
Поѣзду да княженецкому,
Молодому князю въ особину.
Я недолго у стола да постояла,
Свою волюшку съ головушки потеряла,
Я волюшку на неволюшку смѣняла,

---

[1]) Вар. (Кижск.):

Я не въ зеленомъ саду побывала,
Не зелены цвѣточки сорывала,
Я стояла у стола дубоваго,
Какъ глядѣла ли млада сына отэцкаго:
Какъ сидитъ-то младъ отэцкой сынъ,
Какъ утуплены его ясныя очушки во столы во дубовые,
Да во скатерти во браненыя,
Во ѣствица сахарныя,
Да во питьица медвяныя.
Какъ взглянулъ младъ отэцкой сынъ,
Взглянулъ онъ взглядомъ невеселымъ,
Какъ отъ этого отъ взгляда невеселаго
Мое цвѣтное портишечко
Какъ по швамъ да расшивалося,
По спаямъ да распаялося.
Я отворчусь, невольна красна дѣвушка,
Отъ стола отъ дубоваго
Отъ большаго почестнаго угла...

Я сама себя въ заботы обзаботила.
Подойти было невольницы,
Да-й поглядѣть было кручинницы
На свой да на зеленый садъ,
Въ полоненой во задней уголокъ:
Еще-ль все въ саду по прежнему?
Слава-слава тебѣ, Господи!
Стоитъ все въ саду по прежнему,
Зеленъ-зеленъ мой зеленый садъ
Все деревцамы заморскима,
Изуваленъ мой зеленый садъ
Все кунамы да лисицамы,
Соболямы заграничныма,
Изнасаженъ задней уголъ
Душамы красныма дѣвицамы
Да жалкима пѣвицамы.
Вижу—смѣчу все, невольница,
Еще все въ саду не по старому,
Еще все въ саду не по прежнему:
Раздробленый мой зеленый садъ,
Полоненый задней уголокъ,
Во кручинушкѣ стоитъ да задней уголокъ,
Во крови стоятъ зеленыя липинки,
Во слезахъ стоитъ хрустальная околенка,
При обидушкѣ затула [1]) бѣла занавѣсочка,
Изъ досадушки почернѣла бѣла лавочка,
Припечалилась-затула бѣла завѣска,
Все обо мнѣ-то вѣдь, о красной дѣвушкѣ.
По неволѣ я пришла, красна дѣвушка,
Со почестна со больша угла;
Мнѣ-ка сѣсть было, невольницы,
Да-й по старому, по прежнему,
На брусовую на лавочку
Подъ косявчето окошечко.

---

[1]) Спряталась.

16.

(Кижская деревня Середка.)

Я чего сижу-задумалась,
Чужихъ басенокъ ослухалась,
У старушекъ ли невѣстушекъ,
У молодушекъ разговорушковъ,
У дѣвушекъ ли жалкихъ пѣсенокъ?
Мнѣ-ка стать-пойти на рѣзвы ноженьки,
Поискать своихъ жаланныихъ родителей,
Во первыхъ сыскать кормильца-свѣта-батюшка,
Во другихъ сыскать родитель свою матушку,
Своихъ-то соколовъ-братцевъ родимыхъ,
Мнѣ ветлянныихъ нешутушекъ,
Любимыихъ невѣстушекъ.
Я поворочусь, душа красна дѣвица,
Ко своему кормильцу-свѣту-батюшку.

(Придетъ и поклонится въ ноги отцу.)

Не достойна, красна дѣвица, на ногахъ стоять,
Я достойна, красна дѣвица, во ногахъ лежать
У кормильца-свѣта-батюшка.
Ужъ вы **че**, мои жаланные родители!
Ужъ вы съ кѣмъ дума удумали,
Съ кѣмъ вы дѣлали плотное рукобитьице,
Вы сбирали ли мое родъ-племя любимое,
Вы сбирали ли моего крестнаго батюшка,
Созывали-ль на мою обидную на свадебку
Во другихъ-то крестову мою матушку,
Моихъ тетушекъ-добротушекъ,
Да жаланныхъ моихъ дядинокъ,
Да сестрицъ-то двуродимыихъ?
Ты, послухай-ко, кормилецъ-сударь-батюшко!
Ты на **че** да пріокинулся,
Ты на **че**-то позарился,
Поневолилъ душу красну дѣвушку

Во великую злодѣйну во неволюшку,
На остудушку на чужую на сторонушку:
Ты на широкія-ль поляны хлѣбородныя,
Ты на гладкіе-ль луга на сѣнокосные,
На хорошее-ль хоромное строеньице,
На хорошихъ-ли ступистыхъ лошадушекъ,
На гладкіе кафтаны васильковые,
На шляпоньки-ль да на пуховыя,
Аль на хорошаго млада сына отэцкаго?

17.

(Повѣнецкій, Шунгская вол.)

Я колько у родителей возрастала,
Эдакихъ гостей при домѣ не видала.
Какъ для этыхъ гостей именитыихъ
У моихъ свѣтовъ жаланныихъ родителей
По мостамъ бѣлодубовыимъ
Все сукна да одинцовыя,
По стульицамъ кленовыимъ
Чисто серебро московское,
По косявчетымъ окошечкамъ
Красно золото сибирское,
По стѣнамъ да бѣломшаныимъ
Все парча да золоченая.
Что есть за люди въ почестномъ во большемъ углу,
Что за гости за столомъ да за дубовыимъ?
Безъ спрося да въ высокъ теремъ заходили,
Безъ докладу за дубовый столъ садилися.
Какъ у нашего родителя у батюшка,
На сегоднишній Господень божій денечекъ
У воротъ были приворотники,
На сѣняхъ были присѣнники,
У насъ слуги были вѣрные,
Сторожа да безъизмѣнные.
Вы скажите-ко, дородни добры молодцы,
Чѣмъ дарили теперь слугъ моихъ да вѣрныихъ,

Сторожевъ да безъизмѣнныихъ?
У воротъ ли вы лисицамы,
По сѣнямъ ли вы куницамы,
Аль заморскимъ чернымъ соболемъ,
Аль золотой казной безсчетною,
Аль на винну малу чарочку? [1])
Мои братцы ясны соколы
Не укинулись на лисицу на бурую,
Ни на куницу на черную,
Ни на славнаго заморскаго на соболя,
Ни на эту золоту казну безсчетную,
Прелестились мои братцы ясны соколы
Че на винную на малую на чарочку.
Ты послушай-ко, измѣна-разсказъ-большой сватъ! [2])
Угощался ты какъ у родителя у батюшка,
Его звалъ ты на новы сѣни рѣшатчаты,
Ты выхваливалъ остуду чужу сторону,
Высоко же несъ сына блада отэцкаго,
Ты засуливалъ родителю-батюшку
Сорокъ ведеръ зелена вина,
Пятьдесятъ ведръ пива пьянаго,
Города да съ пригородкамы,
Села да со приселкамы,
На кругъ сине море со пристаньмы,
Корабли да со кладямы?
Говорилъ же мой родитель-батюшко:
« Намъ не надо сорокъ ведръ зелена вина,
« Пятьдесятъ да пива пьянаго,
« Городовъ да съ пригородкамы
« И уже селъ да съ приселкамы,
« Некому владѣть сине море со пристаньмы,
« Кораблевъ да со кладямы.»
Ты още сказалъ, измѣна-разсказъ-большой сватъ,
Ты още сулилъ родителю батюшку
Про бладаго сына отэцкаго,

---

[1]) Вмѣсто ожидаемаго: „Али винной малой чарочкой“. *Ред.*
[2]) Обращеніе къ тысяцкому.

— Что бѣлина онъ—снѣгу бѣлаго,
— Красота онъ—солнца краснаго,
— Брови черны—черна соболя,
— Очи ясны—ясна сокола,
— На головушкѣ кудерышки
— Восемъ рядъ да совиваются,
— Бытдо жаръ да разгораются.—
Ты още сказалъ родитель-батюшку,
— Что онъ бумажкамы дорожки устилаетъ,
— Серебромъ въ народъ-люди даваетъ.—
Ты послушай-ка, измѣна-разсказъ-большой сватъ:
Красота мнѣ его да очевидная,
А золота казна его да неизвѣстная.
Гдѣ ты высмотрѣлъ, измѣна-разсказъ-большой сватъ,
Ты душу да красну дѣвушку:
На горы ль меня катаючись,
Аль о Святой меня качаючись,
Аль о Петровѣ-дни гуляючись?
Ни на че мой родитель не укинулся.
Ты още сказалъ, измѣна-разсказъ-большой сватъ,
Уже родителю-батюшку:
— Въ торгахъ, сказалъ, товары застоялися,
— Въ деревняхъ красны дѣвушки засидѣлися.—
Говорилъ тебѣ родитель-батюшко:
« Отпущу я во пустыню богомольную,
« Гдѣ дѣвушки въ пустыняхъ спасаются. »
Ты още сказалъ, измѣна-разсказъ-большой сватъ:
— Нынѣ пустыни разоряются,
— Красны дѣвушки по домамъ да разъѣзжаются.—
Ты още сказалъ, измѣна-разсказъ-большой сватъ:
— Не товаръ въ углу дѣвушка,
— Не запасъ въ мошнѣ денежка.—
Побоялся мой родитель-батюшко,
Тутъ снялъ волюшку со бладой головушки.
Ты послушай-ко, измѣна-разсказъ-большой сватъ:
Не одна я шла въ почестной въ большой уголъ,
За мной есть три стѣны да городовыихъ:
Сорокъ тетушекъ-добротушекъ,

Безъ числа е желанныхъ моихъ дядинокъ,
Цѣла сотенка сестрицъ моихъ родимыихъ,
Е ветлянная нешутушка,
Воспринемная [1]) крестова моя матушка,
Мои братцы-ясны соколы
И жаланны мои дядюшки.
Ты роздумайся, измѣна-разсказъ-большой сватъ,
Чѣмъ дарить будешь родъ-племя сердечное,
Чтобы честь-хвала была да вѣковѣчная.
Укажу тебѣ, измѣна-разсказъ-большой сватъ,
Чѣмъ дарить мой родъ-племя сердечное:
Дари тетушекъ китайкамы,
Моихъ дядинокъ гарнитурамы,
Сестрицъ моихъ родимыихъ
Дари штофомъ-золотой парчей,
Ветлянную нешутушку
Жемчугомъ перебраныимъ,
А крестову мою матушку
Камкой дари хрущатоей, заузорчатой,
И золотой казной безсчетноей,
А жаланныхъ моихъ дядевей
Сукномъ васильковыимъ,
Опоясочкой шелковоей,
Моихъ братцевъ-ясныхъ соколовъ
Ты жилетамы турецкима
И сапожкамы козловыма,
Ты козла дари турецкаго
А шитья да Питербургскаго.

18.

(Петрозаводск., Толвуйской в.) [2]).

Ты скажи-ка, чужой чужбининъ!
Ужъ ты гдѣ меня повысмотрѣлъ,

---

[1]) Воспріемница.
[2]) Иногда заплачка эта заводится такъ:

Становись-ка, младъ отэцкій сынъ,
На одну со мной мостиночку,

Ужъ ты гдѣ меня повыглядѣлъ:
На горочкѣ катаючись,
О Христовомъ дни качаючись,
На игрищѣ играючись,
На гумнѣ меня молотчучись,
Аль на тихой смирной бесѣдушкѣ?
Какъ повыглядѣлъ на игрищѣ играючись,
На игрищѣ личико принавѣяло;
Какъ повысмотрѣлъ на гумнѣ молотчучись,
Ты отперся младъ отэцкій сынъ;
Какъ на тихой смирной бесѣдушкѣ,
Мое бѣло личико разгорѣлося.

Или вмѣсто послѣдняго стиха:

И тогда у меня молодэшенькой
Было росту понаставлено́,
Было туку принабавлено,
Накладно да лицо бѣлое,
И бѣлымъ-бѣло набѣлено,
И алымъ было нарумянено.

Пропѣвъ заплачку, невѣста садится на лавку, а родственницы ея подходятъ къ ней и приплакиваютъ, т.-е. каждая разсказываетъ свою горесть о переходѣ ея въ чужую семью и предваряетъ, — какъ слѣдуетъ жить «на чужой сторонушкѣ.» Когда этотъ формальный плачъ поутихнетъ и невѣсту немного подправятъ, она снова заплачетъ:

19.

(Петрозавод.)

« Мнѣ недосугъ сидѣть-усиживать,
Говорить да разговаривать:

На едину перекладинку.
Гляди вточь да во ясны очи,
Гляди впрямь да во бѣло лице.
Чтобы жить тебѣ—не каяться,
Мнѣ-ка жить бы—да не плакаться.
Скажи, гдѣ я прилюбилася,
Въ кое время приглянулася?

Сѣнокосъ пришелъ да сѣнограбленье,
Рабочая пора-времячко.
Мнѣ-ка не кѣмъ замѣнитися,
Самой буде потрудитися.
Мнѣ-ка стать было невольницы
Мнѣ на ноженьки на рѣзвыя,
На сапожки на сафьянные,
На гвоздье на шеломчатое.
Пораздайтесь-ко, народъ-люди добрые,
На двѣ-на три-на четыре на сторонушки,
Дайте мѣста несомношечко:
Не попъ иде со мирянамы
И не староста съ крестьянамы,—
Иде поневольна красна дѣвушка
Да со родомъ да со племенемъ,
Со дружкамы со подружкамы,
Со жалкоей со подголосницей,
Гдѣ-то есть у сей невольницы
Все жаланныи родители?
Вы послушайте, жаланные родители,
Мнѣ пойти надо въ почестный большій уголъ,
Къ дубову столу въ стольницы,
Къ зелену вину въ разнощицы.
Ужъ вы дайте-тко, жаланные родители,
Ко столу хорошихъ стольничковъ,
Къ зелену вину разнощичковъ,
Да и хорошихъ отговорщичковъ.
Я ступить-ступлю во сто рублей,
А другой ступлю въ тысячу,
А ужъ третьему и нѣтъ цѣны.
Я не боюсь да не полохаюсь,
И не стыжусь да и не соромлюсь,
Пока свой домъ да-й своя воля,
Пока у своихъ жаланныихъ родителей.
Вы послушайте, жаланные родители!
Мнѣ-ка смѣть-ли подойти къ столу дубовому,
Поклонить своя головушка,

Покорить свое сердэчушко
Этимъ гостямъ незнакомыимъ,
Этимъ чужіимъ чужанинамъ,
Всему кругу молодэцкому,
Молоду князю въ особину?
Мнѣ-ка смѣть ли называть его по имени,
Называть да по изотчины? .

—

Повелѣлъ мнѣ сударь-батюшко,
Повелѣла моя матушка:
« Подойди, дите любимое,
« Ко столу да ко дубовому,
« Поклони свою головушку,
« Покори свое сердэчушко
« Этимъ гостямъ незнакомыимъ,
« Господину честну тысяцку,
« Княжаямъ брюдгамъ-боярынямъ,
« Всему кругу молодэцкому,
« Поѣзду да княженецкому,
« Молоду князю въ особину;
« Называй его по имени,
« Звеличай его по изотчины,
« Не кухнай [1]) его отечества [2]):
« Онъ честнаго отца-матери,
« Роду-племени почтеннаго.

Потомъ невѣста придетъ ко столу съ подносомъ и рюмками и кланяется гостямъ, а плакальщица, стоя позади ея, привапливаетъ:

20.

(Петрозаводскій уѣздъ.)

Мой поклонъ да понизехонькой
Отъ души отъ красной дѣвушки

---

[1]) Не кухнай, т.-е. не поноси.
[2]) Вар.: Ему Богъ далъ имя-отечество,
Не безчести молодэчества.

Всему кругу молодэцкому,
Поѣзду да княженецкому,
Господину чесну тысяцкому,
Княжаямъ брюдгамъ-боярынямъ,
Молоду князю въ особину.

Затѣмъ невѣста подноситъ тысяцкому на подносѣ вина, а плакальщица привапливаетъ:

21.

(Петрозаводскъ.)

Господинъ чесной тысяцкой,
Человѣкъ ты именитыій!

(Называетъ его по имени и отчеству.)

Пейте-кушайте, пожалуста,
Эту чашу зелена вина:
Тебѣ сахаромъ насыпано
И медамы изналивано.

Или:

Тебѣ сахаромъ къ устамъ, здравьемъ на сердце
И весельицемъ въ разумную головушку.

Тысяцкой беретъ чарку, выпиваетъ и даетъ деньги. Послѣ него пьетъ вино и даритъ деньгами весь поѣздъ; послѣ всѣхъ невѣста подноситъ чару жениху, а плакальщица привапливаетъ:

22.

(Петрозаводскій уѣздъ.)

Мой поклонъ да понизехонькой
Отъ души отъ красной дѣвицы
Молоду князю-сыну отэцкому.
За моимъ-то дубовымъ столомъ
Какъ сидитъ-то младъ отэцкой сынъ,
Онъ сидитъ-то какъ свѣча горитъ,
Говоритъ онъ какъ рублемъ даритъ,
Говоритъ онъ не мѣшается,

Во устахъ рѣчь разсыпается.
Какъ у этого млада сына отэцкаго
Красота взята отъ солнышка,
Бѣлина-та отъ бѣла снѣга,
Кружевьемъ лице окружено,
Бѣлиломъ лице набѣлено,
Щечки-то отъ мака отъ краснаго,
Очи ясныя—ясь сокола,
Ясна сокола заморскаго,
Брови черны черна соболя,
Черна соболя сибирскаго.
То не имя, не отечество,
Называть буду по имени,
Звеличать да по отечеству:

(Называетъ его по имени и отчеству.)

Выпей-высуши чару зелена вина
Наливаньица сокола братца родимаго,
Подношеньица души красной дѣвицы.
Тебѣ сахаромъ къ устамъ, здравьемъ на сердце,
А весельицемъ во младую головушку.

Но если свадьба идетъ не совсѣмъ ладно или если знаютъ заранѣе, что женихъ и жениховцы скупятся на подарки, то имъ поются и такого рода заплачки:

23.

Тысяцкому: (Кижской волости.)

Ты не могъ, дороднiй добрый молодецъ,
Не повытолочь да не повыпомочь,
На церковномъ крыльцы повыпросить.

Князю:

Какъ сидитъ младой отэцкой сынъ,
Будто гряда подпорожная,
Какъ собака подорожная:
Красота взята отъ пыльницы,
Бѣлота взята отъ задницы.

Послѣ этой чарки и совершается обрядъ порученья. Сущность его состоитъ въ томъ, что женихъ, взявши чарку вина и поднесши ее къ устамъ, беретъ невѣсту за руку и пожимаетъ ее [1]). Въ иныхъ мѣстностяхъ это называется *подарить въ пясть.* Затѣмъ снимаютъ чарки со стола, женихъ достаетъ шкатулку съ подарками, кладетъ ее на подносъ и подаетъ невѣстѣ. Невѣста, отворотившись отъ стола, замѣчаетъ, что нѣтъ ключа отъ шкатулки, а потому опять воротится къ столу и подноситъ подарки жениху, а плакальщица привапливаетъ:

Дарилъ кованы ларцы,
Такъ отдай золоты ключи!

Женихъ вынимаетъ ключъ и отмыкаетъ шкатулку, съ которою невѣста вторично отворачивается отъ стола и разсматриваетъ подарки. Большею частью она благодаритъ жениха такого рода заплачкою:

24.

(Петрозаводскъ, Толвуйская вол.).

Ты за че даришь, младъ отэцкой сынъ,
Ты ларцами окованыма!
Я дочи да не поповская,
Я дочи да не дьяковская,
Я дочи да сущаго крестьянина;
А ты даришь ларцы окованые,
Съ дальня города привезеные,
За нихъ провозы очень дороги.
Спасетъ Богъ—благодарствуетъ
На люби твоей, на милости,
На честныхъ твоихъ подарочкахъ!

Но иногда невѣста бросаетъ подарки, а вопленица припѣваетъ:

25.

(Петрозаводскъ, Педасельга.)

Не дари-ко, чужой чужбининъ,
Ты нищенскима подаркамы,

---

[1]) Невѣста подноситъ ему руку ладонью кверху, и онъ захватываетъ сверху концами своихъ пальцевъ за ея пальцы.

На церковномъ крыльцы выпроси.
Ужъ я жила, молодэшенька,
У родимаго у батюшка:
Я носила, молодэшенька,
По христовымъ воскресеньицамъ
Я башмачики козловые,
Я чулочики бумажные;
По годовымъ по праздничкамъ
Я чулочики шелковые
И башмачики сафьянные.
Ты послушай, чужой чужбининъ!
Съ моимъ родомъ сопознатися—
Прозакладать все житье-бытье
И хоромное строеньице.
Какъ дарить тебѣ—отдаривать?
Мое родъ-племя великое,
У меня родня широкая:
Сорокъ тетушекъ, сорокъ дядинокъ,
Шестьдесятъ жаланныхъ дядюшекъ,
Въ моемъ ли роду-племени
Все попы-отцы духовные
И причетяна церковные.

Затѣмъ отъ стола невѣста обращается къ своимъ родителямъ и начнетъ имъ пенять, привапливая вслѣдъ за плакальщицей:

26.

(Повѣнецъ.)

Не подъ тучей я стояла, не подъ темноей,—
Я стояла у стола у дубоваго,
Я у эвтаго у князя у молодаго,
У поѣзда была у княженецкаго.
У круга-то стояла молодэцкаго.
Уже этотъ чужъ отэцкой сынъ
Три грозы задалъ великія [1]):

[1]) Вар.: Пригрозилъ мнѣ чужъ отэцкой сынъ
Три грозы да три великія.

Ступилъ на ногу на лѣвую,
Прижалъ за руку за правую,
Взглянулъ взглядомъ невеселымъ:
Со того страху-переполоху,
Съ его взгляду невеселаго,
Мое цвѣтное портишечко
Все по швамъ росшивалося,
Мое золото монищато
Все по спайкамъ распаялося,
Мои скатные жемчуги перебраные
Роскатились по единой по жемчужинкѣ.
Въ дому ль же мой надежа-батюшка,
Во терему ль моя родительница-матушка?
Буде есть въ домѣ,—сейчасъ оповѣстите,
Буде нѣтъ въ домѣ,—сейчасъ поищите.
Ты явись сюда, надежа-сударь-батюшко,
Говорю тобѣ, родитель-матушка!
Мнѣ-ка трои люди надобны:
Мнѣ-ка первы люди надобны
Сошить цвѣтное портишечко,
Мнѣ-ка други люди надобны
Спаять золото монищато,
Мнѣ-ка третьи люди надобны
Собрать скатные жемчуги перебраные.
Исповыкупи́, исповыручи
Отъ стола да отъ дубоваго,
Отъ князя да молодаго,
Отъ поѣзда княженецкаго

Первую грозу—ступилъ на ногу:
Отъ того страху, отъ полоху
Подломились ножки рѣзвыя.
Другу грозу—прижалъ мнѣ праву руку:
Онъ сломалъ злаченъ перстень,
Брильянтовы ставочки по полу разсыпались,
А третью грозу пригрозилъ,
Онъ взглянулъ по-звѣриному:
Отъ того страху, отъ полоху
Мое цвѣтно портишечко
По шитью распоролося.

Отъ круга да молодэцкаго.
Не которую корысть да получили,
Что въ почестной большой уголъ сводили:
Отъ стола люди расходятся,
Отъ вѣнца да разъѣзжаются,
Что дѣвушки въ красы да оставаются.

—

Видно все мое прошло, да миновалося,
Родители на мои слова не сдаются.
Хоть не свой день, да своя воля,—
Протяну я день до поздняго до вечера,
Проживу я у жаланныихъ родителей.

27.

(Петрозаводскъ.)

Вы послушайте, жаланные родители!
Я у дубоваго стола да постояла,
Свою волюшку съ головушки да потеряла,
Я запродала волю вольную
На честны дороги подарочки
И запропила за винную за чарочку,
При всемъ родѣ-племени,
При жаланныихъ родителяхъ,
При братцахъ-ясныхъ соколахъ,
При ветлянныихъ нешутушкахъ,
Я по вашему, родители, велѣньицу,
Да-й по вашему, жаланные, благословеньицу.—
Вы послушайте, жаланные родители:
Ты, кормилецъ-сударь-батюшко,
И родитель моя матушка!
Вы покинулись, жаланные родители,
На честливыя-ль на гладки на словечушки,
На гладкія разбористы полянушки,
На луга да на зеленые,
На участки деревенскіе,
На гладкіе кафтаны васильковые,

На тулупы одинцовые.
Какъ тобѣ-то, мой кормилецъ-сударь-батюшко,
Насулилъ-то младъ отэцкой сынъ
Сорокъ ведеръ зелена вина,
Двадцать ведеръ пива пьянаго,
Двѣ бадьи да меду сладкаго
И безъ счету золотой казны;
Тебѣ, родитель моя матушка,
Сулилъ шубу соболиную,
Паволоку кармазинную.
Онъ младъ отэцкой сынъ догадливый,
Хотѣлъ дарить мой-родъ-племя любимое
Онъ козламы да баранамы,
Соболямы все сибирскима
Да сафьянамы турецкима:
На то окинулись жаланные родители,
Поневолили меня, красную дѣвушку.

По окончанiи этого припѣва невѣста и приставницы пойдутъ въ тотъ уголъ, гдѣ помѣщаются жениховы дары, разберутъ ихъ, пойдутъ назадъ и остановятся противъ брюдгъ, при чемъ плакальщица припѣваетъ:

28.

(Повѣнецкiй уѣздъ.)

Я колько у родителей возростала,
Эдакихъ гостей при домѣ не видала:
По лицу у нихъ по ясному
Печетъ красное солнышко [1]),
Позади ихъ свѣтлы мѣсяцы,
По головушкѣ пекутъ часты звѣздушки.
Вы скажите, милы гостьицы,
Милы гостьицы незнакомыи!
Вы дочери-ль есте купецкiя,

---

[1]) Въ Петрозаводскомъ Заонежьи было бы: пекетъ; точно также: сѣкетъ текетъ, хотитъ (вм. хочетъ).

Али жонушки господскія?
Это быть же дубоваго стола гостьицамъ,
Молодаго князя брюдгушкамъ.
Ты какъ князю причитаешься:
Тетушка-ль добротушка,
Аль сестрица родимая?

Вслѣдъ за этимъ невѣста подходитъ къ каждой изъ брюдгъ, поднося вино, при чемъ брюдга встаетъ, *поздоровкается*, а невѣста причитаетъ:

Съ тобой, гостьюшка, спозналася,
Я съ волюшкой разсталася.

Если же которая брюдга не встанетъ (богата-де), то невѣста или вопленница привапливаютъ передъ нею:

29.

(Повѣнецъ.)

Брюдги на ноги не ставятся,
Со мной на рѣчи не ладятся,
Къ разговору не сдаваются
И родней да не считаются.
Изволь выкупать, брюдга ты боярыня,
Мои малые подносы зелена вина.—
Дочь поднощица—княжна порученая,
Мое сладкое вино да не похмѣльное,
Не даетъ хмѣлю во бладу головушку,
Далече вино да везено,
Дорого вино да куплено,
Оно трожды переливано.
Сахаромъ къ устамъ, здравьемъ на сердце,
А весельицемъ во бладу въ головушку!

(Послѣ угощенья:)

Съ вамы, гостьицы, сей-часъ да спозналася,
Я со волюшкой красой да порозсталася.
Есть-ли при домѣ надежа-сударь-батюшко?

Вы поставили къ дубову столу во стольницы,
Къ зелену вину во розносщицы,
На поклонъ да мою бладую головушку,
На покоръ мое ретивое сердечушко.
Вы умѣли гостей звать, умѣйте подчивать!
Вы гостите, милы гостьицы столовыя,
На хлѣбъ-на соль ко жаланныимъ родителямъ,
На великое на наше угощеніе,
Чтобы не было укору вѣковѣчнаго.
Какъ допрежь сего, до этой поры времячка
Были въ стольникахъ братьица родимые,
На розливъ была родитель моя матушка,
На розносъ де мой родитель-батюшка,
На поклонъ были сестрицы родимыя.
Видно все прошло да миновалося,
Моя волюшка съ красой потерялася.

Такимъ образомъ невѣста обходитъ съ виномъ всѣхъ родственниковъ жениха, собравшихся на свадьбѣ, а ея родители дарятъ ихъ при этомъ подарками и угощаютъ хлѣбомъ-солью (приговаривая: «чѣмъ Богъ послалъ»). Угостившись и получивъ подарки, жениховцы отправляются изъ дому невѣсты, каждый въ свою квартиру. Послѣ ихъ выхода невѣста обходитъ всѣхъ своихъ родственниковъ, подчуя ихъ водкой и сбирая себѣ подарки. Женщины дарятъ ее *сорочками* и кусками разныхъ матерій, величиною въ четверть аршина, а мущины суконными чулками, платками и деньгами.

Иногда послѣ порученья бываетъ двѣ или три *вечеринки*, на которыя также собирается вся родня съ жениховой и невѣстиной стороны. Для собравшихся на вечеринки приготовляется угощеніе, а дѣвицы-подружки невѣсты поютъ все время припѣвальныя пѣсни:

30.

Не отъ вѣтра, не отъ вихоря
Да не отъ Божьей милости

Верея пошатилася,
Ворота отворилися,
Широко размахнулися.
Не слыхала молодешенька,
Какъ бояра на дворъ въѣхали,
Съ широка двора на новы сѣни,
Съ новыхъ сѣней въ нову горницу.
Ужъ я столько услышала,
Ужъ я столько увидѣла,
Какъ Григорій зашелъ въ горницу,
Свѣтъ Ивановичъ во свѣтлицу.
Тутъ и я испугалася,
Тутъ и я перепалася,
Придроглося ретиво сердце,
Прибѣлѣло лицо бѣлое,
Рѣзвы ножки подломилися,
Бѣлы ручки опустилися,
Изъ глазъ слезы прокатилися,
Во слезахъ слово молвила,
Въ возрыданьѣ рѣчь говорила:
« Вотъ идетъ погубитель мой,
« Вотъ идетъ разоритель мой,
« Вотъ идетъ расплети-косу,
« Вотъ идетъ потеряй-красу. »
Тутъ спроговоритъ добрый молодецъ
Да Григорій Ивановичъ свѣтъ:
— Ужъ ты, глупа красна дѣвица,
— Неразумна дочь отецкая!
— Что не я погубитель твой,
— Что не я разоритель твой:
— Погубитель-отъ твой батюшка,
— Разорительница — матушка,
— Расплети-косу — сватьюшка,
— Потеряй-красу — друженьки,
— Что два дружки хорошіе,
— Два удалыхъ добрыхъ молодца.

31.

Мимо батюшковъ высокъ теремъ,
Мимо матушкинъ зеленый садъ,
Мимо дѣвицынъ зеленъ садъ
Пролегала путь-дороженька
Широка-долга спроважена.
Что-й по той ли по дороженькѣ
Что-й по той ли по широкоей
Тамъ ѣдетъ-гуляетъ
Удалый добрый молодецъ
Григорій-то Ивановичъ.
Онъ сворачивалъ съ дороженьки,
Приворачивалъ къ окошечку,
Колотился подъ окошечкомъ
Своей тростью *натуральною*:
« Ты душа-ль моя душенька,
« Душа-ли красна дѣвица,
« Да ты, Марья Ивановна!
« Пріотворь, душа, окошечко,
« Пріотдерни занавѣсочку,
« Покажи-ко лицо бѣлое,
« Лицо бѣлое румяное,
« Будто пороха снѣгу бѣлаго.
« Будешь ты, душа, прилюбишься,
« Я товарищу похвалю,
« Своему брату крестовому. »
Прилюбилась красна дѣвица
Удалому доброму молодцу
Григорью-то Ивановичу.

32.

Ты зоря-ль моя, зорюшка,
Зорюшка вечерняя,
Ай люли вечерняя!
Солнышко восхожее,

Высоко восходило [1]),
Далеко освѣтило
Черезъ лѣсъ, черезъ поле,
Черезъ море синее.
Какъ на синемъ на морѣ
Тутъ лежала жердочка
Тонкая кленовая,
Гибкая сосновая.
Тутъ никто не хаживалъ,
Никого не важивалъ,
Переходилъ добрый молодецъ,
Переводилъ красну дѣвицу,
Переводя ее цѣловалъ-миловалъ:
« Ты ходи — не обманывай,
« Ты люби — не разглядывай!
« Другъ мой, красна дѣвица!
« Ты роди-ко мнѣ сына, бѣлаго сыра,
« Ты роди-ко мнѣ дочку, бѣлую лебедку. »

33.

(Петрозаводскій и Повѣнецкій уѣзды.)

Желтыя кудри за столъ пошли,
Русую косу за собой повели:
Желтыя кудри — Василій молодецъ,
Русая коса — душа Аннушка.
На улицѣ дождикъ накрапливаетъ,
Доброй молодецъ у дѣвицы выспрашиваетъ:
« Ты скажи-скажи, красна дѣвица!
« Кто тебѣ изъ роду милъ? »
— Милъ мнѣ милешенекъ
— Батюшко родной. —
« Дѣвица красная душа!
« Эта не правда твоя, не истинная:
« Свое сердце тѣшишь, а мое гнѣвишь. »

[1]) Слѣдуетъ припѣвъ послѣ каждаго второго стиха.

На улицѣ дождикъ накрапливаетъ,
У красной дѣвицы перстень съ руки выпадываетъ,
Добрый молодецъ у дѣвицы выспрашиваетъ:
« Ты скажи, скажи правду всю,
« Кто тебѣ изъ роду милъ, душа дѣвица?»
— Милъ мнѣ милешенекъ добрый молодецъ.—
« Красная дѣвица-душа!
« Это правда твоя, это истинная:
« Свое сердце тѣшишь, мое веселишь.»

34.

(Повѣнецкій уѣздъ).

Съ терема на теремъ красна дѣвица шла,
Съ высока на высокъ (имярекъ).
« Подойди сюда, красная дѣвица,
« Подойди сюда, извей кудри!»
— Не могу пойти, башмачки глуздятъ,
— Башмачки глуздятъ, пяты ломятся,
— Сапогъ о сапогъ приколачиваетъ.—
« Подойди сюда, красная дѣвица,
« Подойди сюда, извей кудри!»
— Захочу, къ тебѣ подойду,
— Захочу, тебѣ кудри изовью.—
— Не твое я ѣла-кушала,
— Не тебя да я и слушала.
— Ѣла-кушала у батюшка,
— Хочу слушать родной матушки.

35.

(Петроз. и Повѣн. уѣздовъ).

У стола-стола дубоваго,
Противъ зеркала хрустальнаго,
Тутъ чесалъ кудри (имярекъ) молодецъ,
Чесалъ кудри, перечесывалъ,
Чесалъ русыя, приговаривалъ,

Красну дѣвицу къ себѣ перекликивалъ:
« Ужъ ты, дѣвушка, извей кудри,
« Ужъ, красавица, извей русыя!»
— Я теперь-то кудрей не изовью:
— Я теперь слуга у батюшка,
— Въ позволеньицѣ у матушки;
— Не твое я ѣмъ-пью-кушаю,
— И тебя, сударь, не слушаю.—

Вотъ для примѣра насмѣшливая свадебная пѣсня:

36.

(Кижская волость).

Какъ ѣздилъ младъ отецкой сынъ
По деревни красивыя,
Онъ по волости гульливыя;
Ужъ онъ ѣздилъ да посвистывалъ,
Своей волюшкой помахивалъ:
« Ужъ я возьму молоду жену,
« Ужъ я такъ ее повыучу,
« Ужъ я такъ ее повышколю:
« Къ воротамъ пойдетъ дороженькой,
« Отъ воротъ пойдетъ тропиночкой:
« Ужъ я такъ ее повыучу,
« Ужъ я такъ ее повышколю,
« Чтобъ заложечка не щелкнула,
« Перекладинка не скрипнула.»

Въ послѣднюю вечеринку, которая въ среднихъ губерніяхъ носитъ названіе дѣвичника, поются слѣдующія пѣсни:

37.

Передъ ужиномъ къ подругамъ.

(Ладвинскій погостъ).

Ты кормилецъ мой батюшко,
Да родитель моя матушка!

Ставьте вы столы дубовые,
Постелите скатерти вы бранныя,
Кладите кушанья вы сахарныя,
Питьица носите медвяныя.
Вы садитесь, милыя подруженьки,
Все родъ-племя широкое!

Во время ужина:

Ужъ вы еще покушайте, мои бѣлыя лебедушки,
Мои милыя подруженьки,
Все родъ-племя широкое!
Не обезсудьте, пожалуста, за пиво пьяное,
За вино за зеленое,
За гусей, за лебедей,
За свѣжу рыбу трепучую.
Посылала я, молодешенька,
Кормильца свѣта батюшка
На царевы больши кабаки
За виномъ за зеленыимъ,
За пивцомъ да за пьяныимъ:
По моему да безсчастьицу,
Кабаки все призаперты,
Чумаковъ-цѣловальниковъ
Въ домѣ не случилося.
Посылала я, дѣвушка,
Крестоваго я батюшка
Въ далече чисто поле
За гусями да за лебедямы:
По моему да безсчастьицу
Первый разъ стрѣлилъ—не выстрѣлилъ,
Другой разъ стрѣлилъ—не дострѣлилъ,
Третій разъ стрѣлилъ—перестрѣлилъ:
Разлетѣлись гуси-лебеди.
Я, того да не пытаючись,
Посылала братца родимаго
На синее на морюшко
За свѣжей рыбой трепучею:

По моему да по безсчастьицу,
Завѣялъ сильный сиверикъ,—
Волна на морѣ сходилася,
Съ береговъ рыба отшатилася—
На омуты, на омуты на глубокіе.
Ужъ вы еще-ка покушайте,
Мои бѣлыя лебедушки!
Не безсудьте пожалуйста
Овсяннички за прянички,
Житнички за пшеничники,
Ржаной хлѣбъ за колачики.
Соль ты солоная,
Изъ-за моря привезеная,
Обернись на разны кушанья!
Ужоль сыты, голубушки,
Ужоль честны, подруженьки?
Благодарствуйте, родители,
Накормили меня досыта,
Напоили меня допьяна:
Покормилъ меня батюшко
Кручиной великою,
Напоилъ слезамы горючима;
Ваши ѣствы сахарныя
Въ бѣлу грудь становилися;
Ваши питья медовыя
Уста запечатали;
Ваша ложечка красная
Между—сюда [1]) замѣшалася,
Сего темнаго обночьица,
Между бѣлыхъ лебедушекъ,
Между милыхъ подружечекъ.

38.

(Кижская волость).

Сборы сборы широкіе,
Широкіе сборы дѣвичьи!

---

[1]) Произносится: суды.

(Имя, отчество невѣсты)
Сбирала подружекъ за круглый столъ,
Садила подружекъ высоко;
Сама садилась повыше всѣхъ,
Наклонила голову пониже всѣхъ,
Думала думушку покрѣпче всѣхъ:
« Какъ будетъ придти во чужи люди,
« Какъ будетъ назвать люта свекра?
« Батюшкомъ назвать не хочется,
« Свекромъ назвать—разсердится.
« Какъ назвать люту свекровушку?
« Матушкой назвать не хочется,
« Свекровью назвать—разсердится.
« Подружки мои, голубушки!
« Придумайте-ко, пригадайте.—
« Убавлю я спеси-гордости,
« Прибавлю ума-разума:
« Назову свекра—батюшкомъ,
« Люту свекровушку—матушкой.
« Съ этого я худа не буду,
« Съ бѣлаго лица не спаду,
« Съ алыхъ румянецъ не сойду. » [1])

Приводимъ еще заплачку, которая поется въ то время, когда невѣста, поднося вино жениху, ударяетъ съ нимъ чарка о чарку и старается влить вина изъ своей въ чарку жениха:

39.

(Кижск. вол.)

Охъ-ти мнѣ, да охъ-ти мнѣ-шинько!
Хоть мнѣ долго издѣватися,

---

[1]) Въ Климовѣ, Черниговской губерніи, эта пѣсня начинается такъ:

Сборщица, сборщица (имярекъ),
Собрала насъ сборъ полонъ дворъ,
Посадила всѣхъ за круглый столъ,
А сама сѣла повыше всѣхъ,
Наклонила головку пониже всѣхъ.

Будетъ бѣдной покоритися.
Подойти да молодэшенькѣ
Ко столу ко княженецкому,
Ко кругу да молодэцкому,
Ужъ мнѣ снять фату алую.
Не помни, чужой чужбининъ,
Ты ни лихой моей лихости,
Да ни грубой моей грубости.
Ты гляди-ко, чужой чужбининъ,
Господинъ-душа, отэцкой сынъ,
Мнѣ прямо во бѣло лице,
Вточь во ясны очи.
Я дѣвушка не корыстная:
Тебѣ брать, чтобы не каяться,
Мнѣ-ка жить, чтобы не плакаться
На чужой дальней сторонушкѣ.

Во время послѣдней вечеринки, или же въ порученье, съ невѣсты снимаютъ *волю*, т.-е. ленту, которую дѣвицы обыкновенно надѣваютъ на голову до замужества.

Главнымъ украшеніемъ «княгини порученой» — широкая, усаженная бисеромъ или жемчугомъ лента, называемая «волею» или «красотою». Ленту эту носятъ только до свадьбы, наканунѣ которой она торжественно снимается съ головы дѣвушки: это снятіе «красоты» служитъ знакомъ, что дѣвушка разсталась съ своей «дѣвочьей» долей и рѣшилась отдать себя въ распоряженіе мужа. Около шести часовъ вечера является женихъ съ родными: ихъ встрѣчаютъ въ сѣняхъ, подносятъ по «стрѣтной» чарочкѣ всѣмъ, начиная отъ большаго свата до послѣдняго поѣзжанина. Тутъ крестный отецъ жениха проситъ показать невѣсту богосуженую. Но невѣсту окружаютъ всѣ ея подруги и родные, какъ бы стараясь ее скрыть, и за показъ

Думу думала сама съ собой одна,
Что ранымъ-рано зима напала,
Алы цвѣтики позавяли. . . .

Поется кромѣ того: „Полно зимушкѣ зимовати“ и т. д. (см. „Бесѣды“).

требуютъ угощенія. Имъ даютъ по рюмкѣ водки и по нѣскольку пряниковъ. Угощеніе повторяется до трехъ разъ. Затѣмъ вожатая подводитъ невѣсту къ молодому князю, и онъ въ первый разъ цѣлуетъ ее.

Взявъ невѣсту за руку, женихъ входитъ въ избу и садится съ нею за княжій столъ. За нимъ входятъ и размѣщаются поѣзжане. Родители невѣсты подчуютъ гостей чаемъ и закускою и дарятъ ихъ заранѣе условленными подарками, которые подноситъ невѣста; невѣсту тѣ отдариваютъ деньгами. Когда окончена раздача подарковъ и невѣста сядетъ подлѣ жениха, къ ней подходитъ старшая сваха и проситъ «развязать и отдать ей волю». Но свахѣ воли отдать нельзя, потому что сваха стара: у нея лента-воля будетъ валяться попусту. Извинившись передъ свахою, невѣста начинаетъ причеты о разставаньѣ съ волей [1]).

40.

(Острѣчинск. волость).

Прости, красное мое солнышко,
Желанный кормилецъ-батюшко
И родительница-матушка!
Охъ-ти мнѣ да охъ-ти мнѣ-шинько!
По послѣднему денечку
Я сидѣла молодешенька,
Я во свѣтлой своей свѣтлицы,
Во высокой новой горницы,
Ужъ я шила волю золотомъ,
Обшивала чистымъ серебромъ.
Я смотрѣла, молодешенька,
Изъ косявчата окошечка
На озеро на Онежское
Изъ-за озера за Онежскаго
Летятъ птицы заморскія:

---

¹) Въ Мишковской волости Каргоп. и Пудож. уѣздовъ невѣста съ перевязкою на головѣ и нѣсколькими на рукахъ идетъ провожать вольницу, олицетворенную четырьмя парами дѣвушекъ; за невѣстой идетъ пара дѣвицъ, олицетворяя собой безволье или замужество.

Соловей, птица свистучая,
Орелъ, птица говорящая;
Орелъ сѣлъ да на окошечко,
Соловей сѣлъ подъ окошечкомъ,
Орелъ сталъ выговаривать,
Соловей сталъ насвистывать:
« Не сиди, наша голубушка,
« Подъ косявчетымъ окошечкомъ.
« Ты не трать-ко чиста серебра
« И не порти красна золота.
« По сегоднишнему денечку
« Быть саду да полоненому,
« Всему роду покореному,
« Волюшкѣ быть въ неволюшкѣ,
« Дѣвушкѣ быть въ заботушкѣ.»
Не задолго поры-времени
Проскрипѣли дубовы сани,
Побрянчала золота узда,
Просвистала шелковая плеть.
Пріѣзжалъ тутъ злодѣй-большой сватъ,
Насулилъ онъ батюшкѣ
Много пива, много пьянаго.
Говорилъ желанный батюшка:
— Мнѣ-ка пить не запиватися.
— Не промѣняю любовь дочери
— Я за винную за рюмочку.—
Выводилъ да злодѣй-большой сватъ
Много злата, много серебра,
Много скатнаго жемчугу.
Говоритъ родима матушка:
« Серебромъ-то не слюзы [1]) слюзить,
« Золотомъ-то не тыны тынить,
« Жемчугомъ да не сады садить.»
Пропились да промоталися
Мои желанные родители,

---

[1]) Шлюзъ.

Пропили мою головушку
Не за пивную за кружечку
И не за винную за рюмочку.
Вѣрно я да молодешенька
Надоѣла имъ, наскучила!
Видно, бѣдная, я напрокучила
Своимъ долгіимъ дѣвичествомъ,
Глупымъ малымъ ребячествомъ!
Я пріѣла, молодешенька,
Всѣ я стоги пятигодные,
Всѣ засѣки неисходные!
Приносила, молодешенька,
Всѣ я цвѣтныя платьица,
Придержала, молодешенька,
Всю безсмѣтную золоту казну!
Какъ при мнѣ да молодешенькѣ
У моихъ свѣтъ у родителей
Ужъ какъ въ полѣ не родилося,
На дворѣ да не плодилося,
На столѣ да не спорилося!
Изживаютъ меня, бѣдную,
Будто ворога изъ города,
Люта звѣря изъ темна лѣса.
Погоди, родима матушка!
Схватишься, да догадаешься,
Какъ не будетъ меня, бѣдноей;
И по бережку находишься,
Камешковъ наприбираешься
И къ сердцу наприжимаешься.
Рада будешь, красно солнышко,
Черезъ поле въ глаза видѣти,
Черезъ лѣсъ да голосъ слышати,
Черезъ рѣчку рѣчь говорити.
У меня, у молодешеньки,
Будетъ волюшка спрошоная,
Красота да доложоная.
Мнѣ захочется тошнешенько

На родимую сторонушку,
Да отхочется скорешенько.
У меня день пройдетъ спрошаючись,
Другой день да здоложаючись,
Недѣлька снаряжаючись
На родимую сторонушку.
Осенью да бездорожьице,
А весною да безпольице.
Лѣтомъ—лѣтнія работушки,
Зимой—зимушка студеная.
И не спустятъ меня, бѣдную,
На родимую сторонушку. . . . .
Ужъ мы свидимся—понаплачемся,
Разойдемся—натоскуемся!

41.

(Толв. Петр. и Шунг. Пов.)

Моя вольная волюшка
Пусть поѣстъ-попьетъ-покушаетъ!
Кладу вольную волюшку
На хлѣбъ на соль на столовую,
На благодать да на Христовую.
Я неладно вѣрно удумала,
Не мѣстечко дѣвушка удумала
Своей да дорогой волюшкѣ;
Не сдамъ волюшки со младой головушки:
Ужъ придетъ младъ отэцкой сынъ,
Онъ увидитъ мою волюшку,
Станетъ волюшку побрасывать,
Мною дѣвушкой выхвастывать.
Пойдемъ лучше съ волей вольною
На перено на крылечушко.
Отпущу свою волю вольную
Я во темны лѣса лисицею,
Во чисто поле куницею.
Я не мѣсто тутъ удумала

Своей да дорогой волѣ:
Какъ покладутъ шелковыя петелки,
Изымаютъ мою вольную волюшку.

(Или вмѣсто двухъ послѣднихъ стиховъ:)

Ужъ какъ ходитъ младъ отэцкой сынъ
Со винтовкой самострѣльноей,
Онъ застрѣлитъ волю вольную.
Спущу волю свою вольную
Водоплавной сѣрой утушкой
Да на тихое на заводье,
На зеленое на затресье.
Я не мѣстечко тутъ удумала:
Какъ охвотникъ младъ отэцкой сынъ,
Ходитъ за охвотою
Съ пистолетомъ зарукавныимъ
И застрѣлитъ волю вольную.
Спущу волю свою вольную
Во свѣжу ключеву воду
Съ бѣлой-рыбкою, со семжинкой.
Тутъ не мѣсто я удумала
Своей дорогой волѣ:
Какъ у млада сына отэцкаго
Есте неводье шелковое,
Два кереготы рыболовные,
Онъ изловитъ мою вольную волюшку,
Станетъ волюшкой помахивать,
Мною дѣвушкой выхвастывать.
А спущу я свою вольную волюшку
Да подъ плеса подъ широкія,
Подъ небеса подъ высокія,
Къ красну солнышку въ бесѣдушку,
Къ свѣтлу мѣсяцу на думушку,
Ко зорямъ на свиданьице,
Ко звѣздамъ на разселеньице.
Пускай воля наволюется,
Пускай красна наликуется.

Улетай, моя вольная волюшка
Со младой со головушки!

Въ дни вечеринокъ, особенно у богатыхъ крестьянъ, бываетъ катанье вдоль по волости, съ пѣснями. По возвращеніи невѣста поетъ слѣдующій причетъ:

42.

(Остречинск. вол. Петроз. уѣз.)

Отворись-ко, дверь дубовая,
Не скрыпи, пята точеная,
Вереюшка золоченая!
Вы раздвиньтесь, люди добрые,
Разойдитесь, православные,
Дайте мѣстечка немножечко,
Половиночку да узкую—
Не корабль мнѣ съ животомъ провесть,
Не съ конемъ пройти молодешенькой,
Мнѣ пройти да красной дѣвицы
Со своимъ да ликованьицемъ,
Со своимъ-то красованьицемъ . . . .
Увидала я, упримѣтила
Сквозь туманъ-слезу горючую
Своего да братца роднаго:
« Ужь ты братецъ, ты мой родненькой!
« Да спасетъ тебя Боже-Господи!
« Прокатилъ ты меня дѣвушку
« На коняхъ да на сторублевыихъ,
« Ты на саночкахъ дубовыихъ,
« Во своей сбруѣ во серебряной,
« По замерзлой быстрой рѣченькѣ,
« По Покровской гладкой улицѣ,
« По Рождественской площадочкѣ,
« Съ милымъ дорогимъ подруженькамъ,
« Съ душкамъ-краснымъ дѣвушкамъ.

Въ день предсвадебный невѣста отдаетъ *добровъ*, т.-е. прощальный визитъ всѣмъ своимъ родственникамъ. Прежде всего она ѣдетъ къ крестному отцу и матери, а если она сирота, то на могилу родителей и поетъ причитанья. Отъ крестнаго отца она ѣздитъ ко всѣмъ дядюшкамъ, тетушкамъ, братцамъ, сестрицамъ и вездѣ поетъ по короткому причету. Здѣсь приводятся обращенія къ крестному отцу и матери; остальные причеты этого момента см. въ Вытегорскихъ заплачкахъ.

43.

(Остреч. вол. Петр. уѣзд.)

Предъ крестнымъ отцомъ:

Я пришла къ тебѣ, красно мое солнышко,
Желанный родитель-крестной батюшко!
Я пришла къ тебѣ, молодешенька,—
Побить челомъ и поклонитися.
Ты прости меня, родной батюшко!
Я была дѣвица неразумная . . . .
Благослови меня, батюшко,
Вѣковымъ благословеньицемъ!

44.

(Тоже.)

Предъ крестной матерью:

Спасибо, матушка ласковая,
Дорогая и умильная!
Ты берегла меня, матушка,
Во дѣвичествѣ моемъ долгоемъ,
Укрывала меня, матушка,
Отъ людскихъ переговорныхъ словъ,
Ты дарила мнѣ, матушка,
Кажный годъ волю вольную.
А теперь у меня, дѣвушки,
Отнимаютъ эту волюшку,

Да-й сама-то ты, матушка,
Даешь на то свое согласьице . . . .
Ты прощай же, родимая,
Ненаглядное солнышко!
Благослови меня, матушка,
Благослови, не прогнѣвайся,
Не помни, родименька,
Моихъ глупостей дѣвическихъ,
Моихъ словъ неумильныихъ!

За день же до свадьбы или въ утро свадьбы невѣста отправляется въ баню, въ сопровожденіи подругъ и вопленицы, при чемъ поются новыя заплачки:

45.

(Заонежье.)

Одна изъ дѣвицъ, «истопница», зоветъ невѣсту въ баню. Причитанье заводится еще въ сѣняхъ.

Вы не гнитесь, перекладинки кленовыя,
Не ломитесь-ко, мостиночки дубовыя,
Ты здынися-ко, ручка правая,
Ты на тягу на желѣзную!
Творись-ко ты, дверь дубовая,
Что-ль пройти мнѣ въ строеньице хоромное.

При входѣ въ избу:

Есть-ли нà стѣны теперича святители,
Есть-ли прѝ домѣ теперича родители?

Невѣста отвѣчаетъ:

Нѣтъ управы безъ исправника,
Божьей церкви безъ служителя.
Есть хозяинъ въ дому—батюшко,
Есть хозяйка въ дому—матушка.

Истопница къ родителямъ невѣсты:

Я прошу васъ во парную во баенку.
Ино не спѣшите-ко, желанные родители!
Не про васъ-то байна топлена,
Не про васъ-то вода ношена.

Обращаясь къ народу:

Вы пожалуйте во парну во баенку,
Старички вы почтенные,
Вы, старушки старо-древнія!
Да не радуйтесь, старички со стару̀шенкамы!
Не собирайтесь-ко вы съ вѣничонкамы:
Не про васъ-то байна топлена,
Не про васъ-то вода ношена,—
Байна топлена про бѣлую лебедушку.
Ворочусь, пойду въ унылый заднiй уголокъ:
Ты пожалуй-ко, душа красна дѣвица,
Во парну теплу баенку.
Я сегоднишнимъ Господнимъ-Божьимъ денечкомъ
Вставала ранешенько,
Умывалася бѣлешенько:
Я крестъ клала по писаному,
Поклонъ вела да по ученому,
Я Исусову молитву сотворила,
По церковному начало положила
И истопляла теплу баенку
Про тебя, про красну дѣвушку,
Про твою-то вольню волюшку.
Байна топлена не дровцами еловыми,
Не лучинушкой растоплена сосновою:
Она топлена сахарной деревиночкой,
Растоплена цвѣтками лазоревыми
Для тебя, для красной дѣвушки,
Про твою бажону волюшку.
Изукрашена та баенка:
Прорублено три окошечка,

Положено три стопочки точеныихъ,
Поклодено три грядочки клейменыихъ.

Невѣста къ матери:

Ты дай же, родимая моя матушка,
Милья́ да съ умываньицемъ,
Мнѣ бѣлила со румянами,
Часто-рыбій дай-ко гребешокъ,
Да тонко-бѣлую сорочечку,
Кою шила по три вечера рожественскихъ,
Кроила по четыре благовѣщенскихъ,
Строчила-то по пяти по Христосьскіихъ.

Входя въ баню:

Кладу волюшку на стопушку точеную,
Алы ленточки на гвоздикъ золоченыій,
Цвѣтно платьице на грядочку клейменую.

46.

(Ладвинск. погостъ.)

Устоюсь я, молодешенька,
Предъ святыхъ святителей,
Предъ земныхъ содержителей.
Введенье Богородица!
Сведи меня, дѣвушку,
Во теплу парну баенку;
Успенье Богородица!
Ты успѣй меня, владычица,
Во теплу парну баенку;
Стрѣтенье Господне!
Ужъ ты стрѣть меня, Боже,
Во теплу парну баенку;
Покровъ Богородица!
Ты покрой меня, дѣвушку,
Своей ризой нетлѣнноей:

Пока риза та не вытлѣетъ,
Голова моя не старѣетъ,
Сердечко мое не ржавѣетъ.
Ты подай, родитель-матушка,
Шиту-браную скатерѣть:
Мнѣ укрыться молодешенькой
Идучи да во парну баенку
Со бѣлыма лебедушкамы,
Со милыма подруженькамы.
Подойдите вы, бѣлыя лебедушки,
Мои милыя подруженьки,
Подъ праву руку, подъ лѣвую.
Ты дай, кормилецъ-батюшко,
Попередъ пережателей [1]),
Позади провожателей.
Вы возьмите, братцы соколы,
Огни-лучи свѣтлые,
Пистолеты зарукавные,
Ко теплой парной баенкѣ:
Не пришелъ бы чужой чужанинъ.
Вы зажгите, братцы-солнышка,
Огни да леменаціи [2]).
Постой, стадышко гусиное,
Норови гнѣздышко лебединое
Подъ нашимъ подъ большимъ угломъ.
Мой батюшка кличетъ съ окошечка,
Родна матушка со другова:
« Воротись, наше дитятко,
« Воротись, наше рожоное,
« Воротись, сбережоное,
« Мы смостимъ мосты калиновы,
« Постелемъ сукна кармазинныя
« Отъ терема до берега,
« До теплой парной баенки.»

---

[1]) Пережатель—замѣчательная народная форма для обозначенія идущихъ и ѣдущихъ впереди поѣзда или хода.

[2]) Иллюминація.

Я сама пораздумалась:
Не проторьтесь, родители,
Не изъяньтесь, желанные!
Отъ ногъ сукно стирается,
Отъ слезъ камка слиняется,
Отъ кручины мостъ подломится.
Я сойду, молодешенька,
По старому, по прежнему.

Послѣ бани:

Не ластушка вылетывала,
Не касатая выпурхивала
Изъ теплой парной баенки;
Я не мылась, не парилась,
Только съ волюшкой разсталася,
Потеряла потеряшечку,
Обронила оброночку.
По моемъ да бываньицѣ
Раскатись, парна баенка,
По единому бревешечку
На четыре сторонушки.
На тое бы на мѣстечко
Протекла бы рѣчка быстрая.
У моего кормильца-батюшка,
Пока ходила я, дѣвушка,
Во теплу парну баенку,
Были наняты плотнички,
Новы сѣни подрублены,
Въ ступеняхъ число прибавлено....
Не посмѣла я, молодешенька,
Итти въ свѣтлую свѣтлицу.
Слава, слава Господу!
Встрѣчаетъ кормилецъ-батюшко
Со иконой Богородицей,
Со ковригой краснокорою.
Ты, коврига краснокорая,
Повернись горой высокою:

Не подшелъ бы чужой чужанинъ
Ни съ которой сторонушки.

По приходѣ въ избу:

Слава, слава, Господи!
Мнѣ создалъ, Боже-Господи,
Мнѣ-ка милую тишинку,
Мнѣ-ка смирную погодушку.
Поглядите вы, родители,
Таково-ль пошло дитятко
Во теплу парну баенку,
Таково-ль пришло со баенки?
Я не мылась, не парилась,
Только съ волею разсталася;
Я не мыломъ умылася,
Я умылась, дѣвушка,
Слезамы горючима;
Я не паромъ упарилась,
А великой кручинушкой.
Я потеряла потеряшечку,
Обронила оброночку—
Свою вольную волюшку.

47.

(Остречин. вол.)

Я пошла, молодешенька,
Во теплую баенку
Со милыма со подружкамы—
Помыться-попариться:
Не смыть бы мнѣ дѣвью красу,
Отъ роду мнѣ не во-первые,
А во дѣвьей красѣ въ послѣдніе.
Растопись, моя банюшка,
Разгорись, сыра каменка!
Ты разсыпься, крупенъ жемчугъ,
Не по атласу, не по бархату,

А по браной по скатерти!
Ты поплачь, красна дѣвица,
Передъ родителемъ-батюшкой
И родителью-матушкой!
Ахъ вы, батюшко-матушка!
Благословите мнѣ, дѣвушкѣ,
Идти въ парную баенку,
Хоть не въ первую, не послѣднюю,
А во дѣвичью послѣднюю!

48.

(тоже).

(Послѣ бани:)

Спасибо тебѣ, банюшка,
За тепло твое, за добро твое!
Стоять тебѣ, банюшка,
До вѣку до послѣдняго,
Грѣть моихъ родименькихъ:
Батюшка-матушку
И братцевъ-сестреночекъ!
Спасибо тебѣ, баенка,
Спасибо ти, теплая!

49.

(тоже).

Невѣста благодаритъ за баню своихъ родителей:

Ты спаси-тко, Боже-Господи,
Моихъ родныихъ родителей!
Спасибо тебѣ, родимый батюшко,
За теплую парну баенку,
За дрова перелѣтныя
Да за водушку ключевую!
Я сходила, красна дѣвица,
Во теплую парну баенку,

Я не въ первую, не послѣднюю,
А во дѣвичью послѣднюю.

Подруги и нѣкоторые родственники невѣсты остаются въ домѣ родителей ночевать эту ночь, и въ самый день свадьбы [1]) невѣста будитъ своихъ подругъ такого рода «будильными» заплачками.

50.

(Кижск. вол. Петроз. уѣз.).

Мнѣ немножечко спалось, да много видѣлось,
Грозенъ сонъ мнѣ-ка привидѣлся:
Какъ мимо мово крутоскладна зголовьица
Протекала рѣчка быстрая,
Какъ около этой рѣчки быстрыя
Обросла лядина лѣсу частаго,
Какъ у той лядины лѣсу частаго
Стоитъ ель да суковатая,
Да береза виловатая;
Какъ по этой рѣченькѣ по быстроей
Плыветъ сѣрая утушка
Со сизымъ селезенышкомъ;
Какъ у сѣрой у утушки
Призавернута головушка
Подъ правое подъ крылышко.
Разсудите сонъ, пожалуста,
Вы, народъ-люди добрые!
Я сама свой сонъ поразсужу:
Не утушка плыла по рѣченькѣ,
Не сѣрая со сизымъ селезенышкомъ,
А плыла я, красна дѣвушка,
Со чужимъ со чужаниномъ;
Какъ около этой рѣченьки быстроей
Не лядина лѣсу частаго,

---

[1]) Если баня бываетъ въ день свадьбы, то будильныя заплачки поются раньше.

То чужая сторонушка,
Все чужіе чужанины;
То не ель суковатая,
То свекровушка зубатая,
Не береза виловатая,
А золовушка зубатая;
То не рѣченька протекла быстрая,
Тутъ протекали со моихъ со ясныхъ очей
Горючія слезинушки . . . .
Мнѣ какъ выдти, душѣ-красной дѣвушкѣ,
На широкую на улочку,
На перено крылечушко.
Ты лети-ко, моя вольная волюшка,
На чужую на сторонушку,
Ты не стой, вольная волюшка,
За частыма перевозамы,
За мелкима перебродамы.—
Какъ увидишь, моя волюшка,
Этыхъ чужихъ чужаниновъ,—
Не сдавайся, моя волюшка,
На гладкія лестивыя словечушки.

51.

(Остреч. вол.)

Пора встать, мои подруженьки,
Пора встать, мои голубушки,
Съ пуховоей постелюшки,
Съ крутоскладнаго зголовьица!
Ужъ какъ вамъ, мои подруженьки,
Много спалось, мало видѣлось;
Ужъ какъ мнѣ, мои подруженьки,
Мало спалось, много видѣлось.
Приключилось мнѣ-привидѣлось:
Какъ сидѣла я, горюшица,
У косящета окошечка,
Посмотрѣла я, горюшица,

Во хрустальное стеколышко:
По Покровской гладкой улицѣ,
По Рожественской площадочкѣ,
Пролетѣло тутъ три стадышка:
Перво стадышко гусиное,
Другое стадо утиное,
Третье стадо лебединое;
Оставалася лебедушка,
У ней крылышки ощипаны,
У ней ноженьки обломаны.
Вы послушайте, подруженьки,
Вы послушайте, голубушки:
Какъ утиное-то стадышко—
Мой родъ-племя широкое;
А гусиное-то стадышко—
Это добрые молодцы;
Лебединое-то стадышко—
Это вы, мои подруженьки;
Остававался лебедушка—
Это я, мои подруженьки:
У ней крылышки ощипаны,—
У меня коса расплетена,
У ней ноженьки обломаны,—
У меня да воля снятая,
Какъ я есть да порученая,
Какъ я есть благословленая.

Отъ дѣвицъ-подругъ невѣста переходитъ къ матери:

52.

(Тоже.)

Я увидѣла-упримѣтила
Свою родитель-матушку.
Ты, родитель моя матушка!
Отчего стоишь невесела
Ты головушку повѣсила?
Ты скажи-ка мнѣ, дѣвушкѣ,

Отчего ты съ утрушка ранняго,
Съ сего дня, сего меженнаго,
Не будила меня, дѣвушку,
Ни къ коровьему доеньицу,
Ни къ печному затопленьицу,
Ни къ квашонному мѣшеньицу?

Мать отвѣчаетъ:

Ты, рожоно мое дитятко,
Мое красное солнышко!
Не будила тебя, дѣвушку,
Съ сего утрышка да ранняго,—
Пожалѣла тебя, дѣвушку:
Какъ съ сего денечка долгаго
Вѣдь придумалъ твой батюшко
Съ родомъ-племенью разстатися.
Спознавайся, мое солнышко,
Съ чужимъ родомъ-племенью!

Подходя къ одной изъ своихъ замужнихъ подругъ, невѣста привапливаетъ:

53.

(Тоже.)

Ты скажи-ко мнѣ, милая,
Старопрежняя подруженька,
Каково есть разставатися
Со своимъ родомъ-племенью?
Какъ вѣдь я, красна дѣвушка,
Головою не поклонлива,
Я сердечкомъ не покорлива . . .

Подруга на вопросъ невѣсты отвѣчаетъ такою приплачкою:

Мила дорога подруженька,
Душа-красная дѣвушка!
Тяжеленько разставатися
Со своимъ родомъ-племенью,
Со своимъ отцемъ-матерью.

Ужъ ты пей воды студеноей,
Ты другой воды холодноей,
Тяжеленько привыкать будетъ
Ко чужому отцу-матери,
Ко чужому роду-племени;
Будь головушкой поклонлива,
Будь сердечушкомъ покорлива,
Носи платьице,—не снашивай,
Терпи горюшко,—не сказывай.
Пріобидятъ какъ тебя чужіе-то родители,
Не скажи, моя подруженька,
Своему да роду-племени,
Не давай большой обидушки
Своимъ милымъ родителямъ;
Ты въ темную да ноченьку
Выходи, моя подруженька,
На высокое крылечушко,
Ты высказывай обидушку
На широку гладку уличку,
Разнесутъ твою обидушку
Чисты буйные вѣтерки.

Въ день же свадьбы, передъ сокрученьемъ невѣсты, бываетъ уже не обрядный, а настоящій плачъ и у нея, и у ея родственницъ. Сначала ей заплетаютъ косу, какъ можно крѣпче, даже завязываютъ волосы узлами; за тѣмъ моютъ ее, одѣваютъ и сажаютъ *на квашню* [1]). Сваха тотчасъ начинаетъ расплетать ей косу, при чемъ поются особеннаго рода заплачки:

54.

Я не знала, не вѣдала,
Когда сваха пріѣхала,
Спѣсивая, горделивая.

[1]) Въ иныхъ мѣстахъ женихъ, одѣвшись, отправляется въ церковь, а за невѣстою присылаетъ сваху и дружекъ; но въ большей части Петроз. и Повѣн. уѣзд. женихъ отправляется къ вѣнцу изъ одного дома съ невѣстою, какъ мы о томъ разсказываемъ ниже.

Она ступить—не ступила,
Слова не смолвила;
Хотя-жъ она ступила,
Хотя-жъ она смолвила:
« Снаряжайся-ко, умная,
« Снаряжайся, разумная,
« Что въ ту-ль во Божью церковь,
« Что къ тому-ль суду Божію!»
— Отойди же прочь, обманщица,
— Отойди, подговорщица!
— Мнѣ и такъ ужъ тошнехонько
— Разставаться съ родителями:
— У суда вѣдь ноги ломитъ,
— Подъ вѣнцомъ голова болитъ.

55.

По послѣднему денечку
Нанесло тучку черную
Со громамы со трескучима,
Съ молоньямы со сверкучима,
На батюшковъ высокъ теремъ,
На батюшкину горницу.
Пріѣзжалъ чужой чужбининъ
Со хоробрымъ своимъ поѣздомъ,
Съ поѣзжанамы молодыма.
Гдѣ-то есть у молодешенькой
Соколъ-братецъ родименькой,
Голубчикъ златокрыленькой,
Запонка да воротовая,
Сердоликъ-дорогой камень?
Наряжу я, молодешенька,
Службицу я не великую
Да работку не тяжелую:
Ты сходи-ко, братецъ-соколъ мой,
Въ постоялую конюшенку,
Ты возьми-ко, братецъ-соколъ мой,

Что ни лошадь самолучшую,
Запряги-ко, братецъ-соколъ мой,
Въ саночки да въ самокаточки;
Поѣзжай-ко, братецъ-соколъ мой,
Во славный городъ во Вытегру,
Во лавочки торговыя,
Закупи-ко, братецъ-соколъ мой,
Гарнитуру мнѣ-ка чернаго
И шелковъ семи разныхъ цвѣтовъ.
Гдѣ-то есть у молодешеньки
Тайны [1]) милыя подруженьки,
Дорогія поровеночки [2])?
Вы повышейте, голубушки,
Заузорчатую занавѣсь:
Вы на первомъ углу вышейте
Вы Литву да съ татарамы;
На другомъ углу повышейте
Вы Москву да съ боярами;
Вы на третьемъ углу вышейте
Царя да со царицею,
Короля со королевною;
На середочкѣ вы вышейте
Красно солнышко со мѣсяцемъ
Да со частыма звѣздочкамы.
Ты повѣсь-ко, братецъ-соколъ мой,
Заузорчатую занавѣсь
Ко крыльцу да ко переному
И ко столбику точеному,
Ко колечку золоченому.
Какъ поѣдетъ да чужой чужбининъ,
Въ городахъ онъ небывалыій,
Мудрости мало видалыій;
Разглядится да разсмотрится
На узорчатую занавѣсь
И оставитъ молодешеньку

[1]) Задушевныя.
[2]) Однолѣтки.

На родимой на сторонушкѣ,
У желанныихъ родителей.
Глупа я, красна дѣвушка,
Неразумная головушка!
Какъ поѣдетъ-то чужой чужбининъ,
Впереди его вожатые,
Позади да провожатые,
По сторонамъ сбережатые,
Въ городахъ они бывалые,
Много мудрости видалые,
Не отпустятъ молодешеньку
На родимую сторонушку.
Не пускай-ко, братецъ соколъ мой,
Безъ допросу на круто крыльцо,
Безъ докладу красной дѣвицы.

Если отдача воли совпадаетъ съ расплетаньемъ косы, то при этомъ поется такая заплачка:

56.

(Кижск. вол. Петр.)

Ты прости-прости, бажона моя волюшка,
Ты лети-лети, бажона моя волюшка,
За славное широкое Онегушко;
Ты не стой, бажона моя волюшка,
У рѣкъ за перебродамы,
У озеръ за перевозамы;
Ты лети, бажона моя волюшка,
Ко братьицамъ родимыимъ,
Ко свѣтушкамъ любимыимъ.
Сбережетъ ти братецъ красно солнышко.
Не садись-ко, вольна моя волюшка,
На прокляту деревиночку—
На горькую осиночку:
Мнѣ сказали многи люди добрые,
Что охвочъ-то младъ отецкой сынъ
За охвотушкой похаживать,—

Онъ застрѣлитъ вольну волюшку
Вмѣсто птиченьки летучія.
Не садись-ко, воля моя вольная,
На широкое на славное Онегушко,
На ключеву воду холодную:
Мнѣ сказали многи люди добрые,
Что охвочъ-то младъ отецкой сынъ
Свѣжей рыбушки вылавливать,—
Онъ уловитъ тя, вольную волюшку,
Во свою-то во сѣточку;
Будто птиченька сидѣть станетъ во клѣточкѣ,
Будто рыбонька будетъ заловлена въ сѣточку...
Ой, бажона моя волюшка!
Не спущу бажоной своей волюшки
За славное широко за Онегушко;
Я кладу бажону мою волюшку
Ко ретивому сердечушку;
Я снесу бажону мою волюшку
На остудушку чужую на сторонушку,
Я поглядывать стану на свою вольную волюшку;
Я кладу въ окованну коробеечку:
Какъ отомкну окованну коробеечку,
Погляжу на свою вольную волюшку,—
Будто буду я красна дѣвушка,
Разгоню свою великую обидушку...

Въ иныхъ мѣстностяхъ невѣста моется и одѣвается, сидя на квашнѣ; между тѣмъ женихъ съ поѣздомъ прiѣдутъ къ дому невѣсты и останавливаются въ сѣняхъ у отворенныхъ дверей. Дружки жениха одинъ за другимъ входятъ въ избу и понуждаютъ, чтобы поскорѣе одѣвали невѣсту и вывели ее въ сѣни. Это повторяется разъ до десяти. Наконецъ является княжна, въ сопровожденiи «выведельницъ», ближайшихъ родственницъ и родственниковъ; всѣ они останавливаются у самыхъ дверей. Со стороны жениха ихъ опять понуждаютъ вести поскорѣе невѣсту, на что слѣдуетъ отвѣтъ: «Очистите порогъ, тогда и княжна молодая пойдетъ черезъ порогъ». Жениховцы положатъ

на блюдо немного мѣдныхъ денегъ и подчуютъ родственниковъ невѣсты. Эти возьмутъ по грошу, много по два, раздвинутся и поведутъ невѣсту въ сѣни. Здѣсь прежде молятся Богу, потомъ сведутъ молодыхъ вмѣстѣ, и женихъ положитъ одну руку на голову невѣсты, а другою повернетъ ее три раза кругомъ по солнышку; въ это время ловкій женихъ поцѣлуетъ невѣсту, за что ему бываетъ похвала отъ добрыхъ людей. Перекрестившись, всѣ входятъ въ домъ, чтобы сѣсть за столъ, но здѣсь уже заранѣе помѣстились ребята, и они не выходятъ изъ-за стола до тѣхъ поръ, покуда жениховцы не дадутъ имъ нѣсколько денегъ. Только послѣ этого ребята *опоражниваютъ* мѣсто за столомъ, гдѣ тотчасъ садятся молодые съ прочими гостями-свадебщиками. Слѣдуетъ угощеніе, послѣ котораго жениха и невѣсту благословляютъ иконою и хлѣбомъ-солью.

Къ этому моменту относятся слѣдующія пѣсни невѣсты:

57.

(Заонежье.)

Вижу-смѣчу, дочь невольница,
Что за чудо причудилося:
Во почетномъ во большомъ углу
Сидятъ гостюшки нежданые,
Сватовья сидятъ незваные.
Вы зачѣмъ сюда пріѣхали
Да вы что здѣ-ка провѣдали:
Здѣ-ка-ль улицы рядовыя,
Здѣ-ка-ль лавочки торговыя,
Здѣсь ли дѣвушку на выдаванье,
Здѣсь-ли волюшку на продаванье?
На горы стоялъ мой зеленый садъ,
Край пути стоялъ при дороженькѣ;
Не мѣшалъ мой зеленый садъ
Ни попамъ-отцамъ духовнымъ,
Ни служителямъ церковнымъ;
Помѣшалъ мой зеленый садъ
Лишь злодѣю-свату большему.

Обращаясь къ свату:

Тебѣ дай же, Боже-Господи,
Ступень ступить—нога сломить,
Съ коня скочить—голова свернуть,
На полѣ бы со метлицею,
На гумнѣ бы со торицею,
Въ киселю бы задавитися,
А прѣснымъ молочкомъ залитися.

Къ жениху:

Становись же, младъ отецкій сынъ,
На одну со мной мостиночку,
На едину перекладинку.
Гляди вточь да во ясны̀ очи,
Гляди впрямь да во бѣло лицо,
Чтобы жить тебѣ—не каяться,
Мнѣ-ка жить бы да не плакаться.
Скажи, гдѣ я прилюбилася,
Въ кое время приглянулася?
Я на горочкѣ ль катаючись,
На работѣ ль работаючи,
Аль на бесѣдушкѣ играючи?
На горочкѣ катаючись,
Отъ вѣтра̀ лицо навѣяло:
Отъ того была хорошая;
На бесѣдушкѣ играючи,
Было личико набѣлено,
До ала да нарумянено;
На работѣ работаючи,
Я васъ да испугалася,
Въ лицѣ кровь да разыгралася.
Во ту пору, во то времячко
Было росту поднаставлено,
Было туку поднабавлено.
Скажи, что берешь-начаешься?
Да я и дѣвушка не дешевая;
У меня ли, у лебедушки,

Три стѣны городовыихъ:
Перва стѣна городовая—
Стоитъ крестна моя матушка,
Друга стѣна городовая—
Сестрица есть родимая,
Третья стѣна городовая—
Братецъ, красное мое солнышко.
Съ моимъ родомъ познатися—
Съ золотой казной разстатися:
Набъ [1] дарить тебѣ-задаривать
Сватушка братца родимаго
Добрымъ конемъ вороныимъ,
Свѣтъ сестрицу-то родимую
Дарить розовой косыночкой,
А крестову мою матушку
Красной шубой соболиною.

Потомъ всѣ отправляются въ квартиру жениха, гдѣ онъ оставляетъ невѣсту вдвоемъ съ дружкою, а самъ снова возвращается въ домъ невѣсты, позоветъ тещу, поздоровкается съ нею, т.-е. поцѣлуется и даетъ ей денегъ; это называютъ — *на красные сапоги*, и отсюда-то произошла народная поговорка: «Рости-рости, будетъ на красные сапоги». Теща въ свою очередь даритъ будущаго зятя рубашкою. За этимъ обыкновенно отправляются къ вѣнцу.

Въ Повѣнецкомъ уѣздѣ *продажа невѣсты* происходитъ слѣдующимъ образомъ: сокрутивъ невѣсту въ самолучшую одежу, ставленицы пойдутъ продавать ее за деньги. Женихъ со всей своей породой приходитъ въ это время къ столу и садится; чрезъ нѣкоторое время онъ встанетъ и съ нимъ полдесятка родственниковъ. Тысяцкой спрашиваетъ у ставленицъ и выведельницъ: «Которая тетка, которая мать?» Со стороны кричатъ: «Продавать пошли!» Покупаетъ невѣсту тысяцкой: онъ раздаетъ родственницамъ невѣсты деньги *въ пясть* и той, которая поближе къ невѣстѣ, даритъ побольше денегъ, а которая подальше,

[1]) Надобно бы.

той и денегъ дастся меньше. Когда родственницы невѣсты удовлетворены, настаетъ чередъ невѣстиной вопленицы: она беретъ отъ тысяцкаго деньги, а со стороны кричатъ: «Взяла-продала». Затѣмъ жениховцы говорятъ: «Невѣсту вы продали, невѣста не ваша». При этомъ плакальщица, заканчивая свою роль, объясняетъ различныя совершенства невѣсты. Тысяцкому, наприм., она хвастаетъ дѣвственностью ея; князю она бьетъ челомъ съ приговоромъ: «Что хотѣли получить, желаемое получили. Смотри, самый главный тѣлопродавецъ, продолжаетъ вопленица, вотъ тебѣ тетерка—не щипана, не тереблена: самъ щипи-тереби, отъ другихъ береги!» Съ окончаніемъ *продажи* садятся за столъ, отъ стола женихъ ведетъ невѣсту на постоялый дворъ, гдѣ всѣ свадебщики садятся на конь и ѣдутъ въ церковь.

Когда кончится вѣнчанье, то молодые пріѣдутъ въ домъ жениха, прямо на дворъ, и дворовымъ крыльцомъ они идутъ по разостланному холсту. На верхнихъ ступеняхъ крыльца ихъ встрѣчаютъ отецъ и мать *молодаго* и благословляютъ хлѣбомъ-солью, родственники же бросаютъ на новобрачныхъ сверху ячмень, пухъ и поятъ прѣснымъ молокомъ: первое дѣлаютъ для того, чтобъ они жили въ довольствѣ и согласіи, а второе, чтобы дѣти у нихъ были не черные, а бѣлые. Молодые входятъ въ комнаты и садятся на лавку, при чемъ *княгиня молодая* закроетъ себѣ платкомъ глаза и никому не показываетъ своего лица. Тутъ подходитъ къ ней свекровь или дядина [1]), снимаетъ съ головы платокъ, раздвоитъ ея волосы на двѣ стороны, положитъ на голову четверть аршина какой-нибудь матеріи и потомъ уберетъ голову *княгини повойникомъ*. Затѣмъ начинается *княженецкій столъ*. Прежде чѣмъ сядутъ молодые, вся родня ихъ обходитъ вокругъ стола. Во время обѣда одинъ изъ вершниковъ привозитъ молодому князю все приданое жены его. По окончаніи стола, если довольны угощеніемъ хозяина, кидаютъ на печку горшки и кричатъ: «Ура! Хороша-молода!» Угостившись и натѣшившись, молодые отправляются спать. Въ старину клѣтникъ объѣзжалъ вокругъ дома новобрачныхъ и охранялъ ихъ покой; нынѣ же этотъ обычай уже рѣдокъ.

[1]) Дядина жена.

На другой день утромъ молодыхъ будитъ *постельная приставница*, потомъ они ходятъ въ баню, которую топятъ дружки. На дорогѣ въ баню въ честь молодыхъ зажигаются *тукачи* соломы, бьютъ въ сковороды, стрѣляютъ изъ ружей, пляшутъ и поютъ пѣсни. Пока они въ банѣ, провожатые также пляшутъ, поютъ пѣсни, ломаютъ горшки, стучатъ. По выходѣ изъ бани молодая обдаритъ всѣхъ родственниковъ *князя:* тысяцкому, наприм., даритъ она рубашку, свекрови — сорочку, повойникъ, холстъ и пр. Затѣмъ слѣдуетъ угощеніе отъ молодого. Спустя немного времени, князь, въ сопровожденіи дружки и свата, ходитъ къ тещѣ на яичницу, при чемъ наблюдается такое обыкновеніе: новобрачный вырѣзываетъ изъ средины яичницы кусокъ, а дружка наливаетъ туда масло и потомъ разбиваетъ *масляникъ*, т.-е. горшокъ, въ которомъ было масло.

Черезъ нѣсколько дней у матери новобрачной бываетъ обѣдъ, называемый *хлѣбинами*: собирается вся родня какъ съ стороны молодого, такъ и молодой. Послѣ угощенія крестнаго отца новобрачнаго дарятъ полотенцемъ, свекра—рубахой, свекровь—сорочкой.

Чрезъ недѣлю родня молодой отправляется на чужую сторону къ молодому на такъ называемый *отворотинный* столъ. И, наконецъ, каждый изъ участвующихъ въ свадьбѣ дѣлаетъ или обѣдъ или вечеринку для молодыхъ [1]).

---

[1]) По разспросамъ моимъ у Л. Богданова, самому бѣдному крестьянину въ Кижской волости придется истратить на выдачу дочери замужъ слѣдующее:

На угощеніе, столъ, лакомства, причетникамъ и проч.	отъ	8	р.	—	к. до	10	р.	—	к.
Отъ 1 до 2 ведръ вина	„	8	„	—	„ „	16	„	—	„
Свекру на 3 рубахи, 3 полотенца	„	2	„	—	„ „	5	„	—	„
Свекрови на 6 рубахъ, 10 полот.	„	4	„	—	„ „	7	„	—	„
Свекру и свекрови по настилальнику	„	—	„	50	„ „	1	„	—	„
Тысяцкому шелковыя ленточки, утиральникъ, 7 аршинъ холста	„	1	„	—	„ „	1	„	50	„
Поѣзжанамъ по полот. и рубахѣ	„	2	„	—	„ „	6	„	—	„
Брюдгамъ по сорочкѣ	„	2	„	—	„ „	6	„	—	„
Итого	отъ	27	р.		до	52	р.		

Положимъ, что холстъ крестьянинъ и не покупаетъ, да тѣмъ не менѣе онъ стоитъ денегъ.

II.

ПУДОЖСКІЯ СВАДЕБНЫЯ ЗАПЛАЧКИ.

1. ЗАПЛАЧКА НЕВѢСТЫ ВЪ ДЕНЬ СВАТОВСТВА ПОСЛѢ РУКОБИТЬЯ.

Что я сижу, душа красная дѣвушка,
Безъ тонкаго, зычнаго голоса?
Осудятъ, подивуютъ люди добрые,
Меня дурой назовутъ, самовольницей:
« Эка дура младая буйная головушка,
« Она рада безволья великаго,
« Рада чужой дальной ознобной сторонушки! »
Меня Господи благослови, дочь кручинную,
Идти-выступить душѣ красной дѣвицы
Изъ милой, изъ любимой изъ колпицы [1])
Во свѣтлую, хорошую свѣтлицу;
Лицомъ мнѣ стать, душѣ красной дѣвицы,
На свѣтлую свѣтлицу,
Ростомъ стать на высокую горницу,
Ударить челомъ, поклонитися.
Здравствуйте, свѣты-сердечные родители!
Вы во здравіи живете, во Божьей милости,
Вы на радости-веселіи великія;
Какъ у меня-то, у души, у красной дѣвушки,
Не радуется сердце ретивое,
Не веселится млада буйная головушка.
У желаннаго родителя батюшка,
У желанной жалосливой матушки,
Передъ чуднымъ крестомъ, Спасомъ-образомъ,
Не гори свѣча воску ярова,
Не здымайся правая рученька
У желаннаго родителя батюшка.
Ты послушай-ко, жалосливый мой батюшко,
Что я скажу, душа красная дѣвушка:

---

[1] Деревянная пристройка печи, за которою устраиваются полати.

Хоть ударили плотно крѣпкое рукобитьице,
Запоручили младу буйную головушку
На чужу дальну ознобную сторонушку
Ко многимъ богоданнымъ родителямъ,—
Какъ я жила, душа красная дѣвушка,
У васъ, свѣты-сердечные родители,
За каку вину-проступку великую?
Я не трудница была, не работница,
Я не бральщица была краснымъ ягодкамъ?
Не ломальщица боровымъ-то рыжичкамъ?
Пристрамила васъ, сердечныхъ родителей,
Прибезчестила при славномъ при церковномъ при буявѣ [1],
Ссѣкла вамъ по плеча буйную голову?
Застоялась я, душа красная дѣвушка,
Со удалыми дородными молодцами?
Охти мнѣ, мнѣ-ка, бѣдной, тошнехонько!
Не бери во гнѣвъ, желанный родитель батюшко!
Мнѣ сказали — доносили люди добрые.
Я пойду-то, душа красная дѣвушка,
Искать думщичковъ да совѣтничковъ,
Какъ поступать со своими свѣтами-сердечными родителями.
Сама знаю я, душа красная дѣвушка:
Я продамъ скруты-наряды великіе,
Я найму пару коней наступчивыхъ,
Я поѣду, душа красная дѣвушка,
Во ины города, во губернскіе;
Я куплю листъ бумажки гербовыя,
Я найму хитро-мудраго писаря,
Напишу я прошеніе на свѣтъ-сердечныхъ родителей,
На желаннаго родителя батюшка,
На желанную родитель матушку;
Задамъ это прошенье губернатору
И возмолюся, душа красна дѣвушка,
Судьямъ-властямъ немилостивымъ,

[1] Бусво или буяво — мѣсто около церкви, обнесенное оградой, гдѣ кладбище и гдѣ въ праздникъ собираются прихожане и гости изъ другихъ приходовъ на праздникъ.

Чтобы обсудили моихъ свѣтовъ родителей,
Запретили бы моихъ свѣта желаннаго батюшка
И желанную матушку,
Чтобы не отдали меня, красную дѣвушку,
На чужую ознобную сторонушку.
Охти мнѣ, мнѣ-ка, бѣдной, тошнехонько!
Ужъ я съ глупа ума, дѣвочья разума,
Я не ладно угадала-удумала,
Намутили мнѣ-ка люди добрые:
Нѣту надо мной больше судьи свѣта-сердечныхъ родителей.

2. КОГДА НЕВѢСТА ОТПРАВЛЯЕТСЯ ПРИГЛАШАТЬ НА СВАДЬБУ РОДСТВЕННИКОВЪ И ПОДРУЖЕКЪ-ДѢВУШЕКЪ.

Меня Господи благослови, дочь кручинную!
Не гнитесь, не ломитесь ножки рѣзвыя,
Не падите бѣло-бумажныя рученьки,
Не меркни бѣлый свѣтъ во ясныхъ очахъ!
Я пойду, душа красная дѣвушка,
Искать свѣтовъ-сердечныхъ родителей,
Батюшка съ родителью матушкой.
Вы послушайте, свѣты-сердечные родители:
Не жалѣйте своихъ добрыхъ коней наступчивыхъ,
Пожалѣйте меня, душу красную дѣвушку:
Запрягите пару коней наступчивыхъ,
Мнѣ объѣхать вся родня-порода сердечная,
Мнѣ зазвать, душѣ красныя дѣвушкѣ,
Во частую любимую гостьбицу
Вся родня-порода сердечная
На побѣдную слезливую свадебку.

3. ПО ПРІѢЗДѢ КЪ РОДСТВЕННИКАМЪ.

Не бойся, родня-порода сердечная!
Не съ конбоемъ [1]) я пріѣхала, душа красная дѣвушка,
Со кумами да со подружками
Къ вамъ во частую любимую гостьбицу,—

---

[1]) Въ причетѣ слышится: съ конбоемъ, т.-е. съ конвоемъ.

Я зазвать васъ въ частую любимую гостьбицу
На побѣдную слезливую свадебку
Къ моимъ свѣтамъ-сердечнымъ родителямъ
И ко мнѣ-то, ко красной ко дѣвушкѣ.

4. При отъѣздѣ изъ гостей.

Спасибо, родня-порода сердечная,
За частую любимую гостьбицу,
Что приняли меня, душу красную дѣвушку,
Угощали со кумами со подружками.
Вы гостите, вся родня-порода сердечная,
Ко мнѣ въ частую любимую гостьбицу
На побѣдную слезливую свадебку
Поуговаривать свѣтовъ-сердечныхъ родителей,
Чтобы не отдали меня, душу красную дѣвушку,
На чужу дальну ознобную сторонушку.
Лучше пусть наймутъ меня, красную дѣвушку,
Во горькія казачихи во полѣтнія [1]),
Возьмутъ мною несчетной золотой казны
И выкупятъ меня изъ этой лютой неволи великія
Со чужой дальной ознобной сторонушки.
Какъ чужа дальна ознобна сторонушка
Не садами она испосажена,
Не медами она наполивана,
Не сахаромъ, злодѣйка, пересыпана:
Испосажена люта ознобна сторонушка
Лютой неволей великою,
Наполивана чужая ознобна сторонушка
Горькими слезами горючими,
Пересыпана она кручинушкой великою.

5. По пріѣздѣ домой.

Слава тебѣ, слава Христу Господу!
Я объѣздила, душа красная дѣвушка,

[1]) Въ наемныя работницы каждый годъ въ теченіе лѣта.

По милой по родимой сторонушкѣ,
Зазвала свою родню-породу сердечную
Во частую любимую гостьбицу.
Вы ступайте, мои крестовыя кумушки,
Къ моимъ свѣтамъ-сердечнымъ родителямъ
Во свѣтлую хорошую свѣтлицу,
Во новую высокую горенку;
Правьте тутъ дорожку широкую,
Мостите мосточки дубовые,
Устилайте суконцами ординарными,
Убивайте гвоздочками шеломчатыми,
Чтобы льзя [1]) пройти душѣ красныя дѣвушкѣ
Со кумами да со подружками
Ко своимъ свѣтамъ-сердечнымъ родителямъ.
Вы послушайте, свѣты-сердечные родители;
Я пріѣхала со кумами да со подружками:
Ставьте-ко столички дубовые,
Стелите-ко скатерти браныя,
Носите пищу-яству крестьянскую,—
Я сяду, душа красная дѣвушка,
Со кумами со подружками.
Охти мнѣ, мнѣ-ка бѣдной тошнехонько!
Теперь все прошло да миновалося,
Еще часъ ко часу приближается,
Вѣкъ дѣвичій коротается,
Единымъ пройдетъ часочкомъ, минуется.
Охти мнѣ, мнѣ-ка бѣдной тошнехонько!
У меня все-то прошло да миновалося:
Прошли тихія бесѣды смиренныя,
Прошли долгія полуночныя вечериночки
Со своими-то со подружками со кумушками.
Вамъ спасибо, мои крестовыя кумушки,
Что пришли ко мнѣ, ко красной ко дѣвушкѣ,
Во частую любимую гостьбицу,
Что спровадить мою волю бажоную
На чужу дальню ознобну сторонушку.

---

[1]) Замѣчательная коренная форма, извѣстная въ сложной: нельзя.

6. Припѣвка дѣвицъ, когда на другой день по утру по пріѣздѣ въ гостьбицу будятъ невѣсту.

Еще что я заспалася да задремалася,
Моя мягкая перинка залежалася!
Пора вставать да пробужатися:
По селамъ пѣтухи поютъ,
По избушкамъ печки топятся,
По церквамъ да Богу молятся,
По часовенькамъ спасаются.
Мнѣ ночесь мало спалось, а много видѣлось:
У моей-то у тесовой у кроваточки
Въ ногахъ стоитъ роща лѣсу темнаго;
По бокамъ-то кроваточки
Натащило суметы [1]) снѣгу бѣлаго;
Со крутаго складнаго зголовьица
Бѣжитъ быстрая текущая рѣченька,
По быстрой текущей по рѣченькѣ
Плыветъ хороша водоплавная утушка,
Завернута млада буйная головушка
Подъ правое летучое крылушко.
Сама знаю я, душа красная дѣвушка,
Что не роща стоитъ лѣсу темнаго,—
Стояла чужая-то ознобная сторонушка;
Не суметы натащило снѣжку бѣлаго,
А тутъ стоитъ люта неволя великая,
Берегетъ меня, красну дѣвушку;
Со крутаго складнаго зголовьица
Не быстра бѣжала рѣченька,
Тутъ бѣжали мои слёзы горючія;
Не утушка плыла водоплавная,
А уплыла отъ меня воля великая
За синія моря за широкія,
За славные города за сибирскіе.
Мнѣ ночесь мало спалось, а много видѣлось:

---

[1]) Сугробы снѣга у околицъ или избъ по сторонамъ дороги.

Приходила желанная родитель-матушка,
Меня словцомъ побудила, а ручкой окутала:
« Спи-ко, малая косатая ластушка,
« Про запасъ, про запасное времячко!
« Ты будешь на чужой дальной ознобной сторонушкѣ,
« Не даютъ тамъ долго спать-высыпатися:
« Вечеру [1]) уложатъ позднешенько,
« По закатъ красна солнышка,
« По утру разбудятъ ранешенько,
« До всхода тепла краснаго солнышка;
« Погонятъ тебя, бѣдную
« Въ лѣсъ по красныя боровыя ягодки,
« Даютъ корзинку четверичную,
« Во корзинку кинутъ корку огорѣлую.»
Вы послушайте, крестовыя кумушки!
Какъ пойдете съ милой родимой сторонушки
Во темный лѣсъ по красны ягодки,
Приверните къ моимъ свѣтамъ-сердечнымъ родителямъ,
Къ большому косивчату окошечку.
Вы покличьте меня, душу красну дѣвушку,
Придайте моимъ родителямъ
Тоски-кручинушки великія.
А какъ вы придете во темный лѣсъ,
Крестовыя мои кумушки,
Вы сядьте на колодку дубовую,
Вы запойте частую умильную пѣсенку,—
Я услышу, душа красная дѣвушка,
Съ чужой дальной ознобной сторонушки,
Такъ приду я къ вамъ, крестовыя кумушки.
Помогите мнѣ набрать красныхъ ягодокъ
Полную корзину четверичную:
Приду-то я, красная дѣвица,
На чужую ознобную сторонушку,
Ко многимъ богоданнымъ, не къ родителямъ,—
Не зачнутъ меня бранить, красную дѣвушку.

---

[1]) Въ вечеру, вечеромъ.

7. Причетъ дѣвицъ, когда онѣ, вытопивши баню, зовутъ туда невѣсту.

Отворяйся, дверь дубовая,
По петелькамъ шелковыимъ,
По порожкамъ по кленовыимъ!
Не купцы изъ Питера наѣхали,
Не наборщички съ Петровскаго [1],—
Идутъ баенныя истопщички,
Подружки да водоносщички.
Вы пожалуйте, родители,
Въ нашу парную баенку,
Въ бѣлую умываленку.
Не спѣшитесь-ко, родители:
Не про васъ-то байна топлена,
Не про васъ байна изготовлена,—
Про душу красную дѣвушку.
Ты пожалуй, красна дѣвушка,
Въ нашу парную баенку,
Въ бѣлую умываленку.
Еще наша парна баенка
Во сыромъ-то бору ронена [2],
На добрыхъ-то коняхъ вожена,
По рѣкѣ байна приправлена,
По край бережку поставлена,
Мшона байна лисицами,
Крыта байна куницами.
Во нашей парной баенкѣ
Ободверенки дубовыя,
А дверцы-то щитовыя [3],
Петельки шелковыя,
Гвоздочки шеломчатые.
Во нашей парной баенкѣ
Есть три лавочки брусовыя,
Есть три грядочки сѣченыя,

[1]) Съ Петровскаго завода, съ Петрозаводска.
[2]) Рублена.
[3]) Плотныя.

Есть три стопочки точеныя,
Три окошечка косивчаты.
Во нашей парной баенкѣ
Камеленочка хрустальная,
Черпушечка серебряная;
Наша парная баенка
Топлена травой-муравою,
Растоплена парна баенка
Цвѣточками лазуревыми;
Во нашу парну баенку
Изъ трехъ рѣкъ вода ношена:
Со первой рѣки угрюмыя,
Со второй рѣки свирѣпыя,
Со третьей рѣки веселыя.
Ты пожалуй, красна дѣвушка,
Во нашу парну баенку,
Во бѣлую умываленку.
Ты не мойся, красна дѣвушка,
Матушкой Угрюмъ-рѣкой:
Богоданные [1]) будутъ угрюмые,
Милый-ладый [2]) невеселъ съ тобой;
Ты не мойся, красна дѣвушка,
Матушкой Свирѣпъ-рѣкой:
Богоданны будутъ свирѣпые,
Милый-ладый несговорчивый;
Ты умойся, красна дѣвушка,
Матушкой Веселъ-рѣкой:
Богоданные будутъ веселые,
Милый-ладый сговорчивый.
Вамъ спасибо, баенныя истопщички,
Подружки водоносчички!
Честно зазвали и именно [3])
Меня-то, душу красную дѣвушку,
Въ хорошу тепло-парную баенку.

---

[1]) Свекровь и свекоръ, а также и прочіе старшіе родные мужа.
[2]) Разумѣется женихъ.
[3]) Съ почетомъ.

Подойди-ко, жалостливая матушка,
Принеси-ко мою бѣлую рубашку полотняную,
Которая шита по три ночи лѣтнія:
Первая шита ночь Петровская,
Другая шита ночь Иванская,
А третья шита ночь Ильинская;
На правомъ плечѣ шита зоря утрянная,
На лѣвомъ плечѣ поздня вечерняя,
Противъ ретива сердца красное солнышко,
На крылечкахъ младъ свѣтелъ мѣсяцъ,
По всей-то рубашкѣ полотняноей
Разсыпались часты мелкія звѣздочки;
По подолу рубашки полотняноей
Всѣ исшиты пути-дорожки широкіе,
Куда мнѣ идти, красной дѣвушкѣ,
На чужу дальну ознобну сторонушку.
Подойди ко мнѣ, мила сестрица голубушка,
Принеси-ко мнѣ часто-рыбій гребешокъ
И бѣло хрустальное зеркальцо.
Ты послушай-ка, жалостливый мой батюшко:
Дай мнѣ вѣрнаго, надійнаго товарища
Идти въ хорошу парну баенку
Со кумами со подружками,
Чтобы правилъ путь-дороженьку широкую,
Со сторонъ берегъ душу красную дѣвушку,
Чтобы буйны вѣтры не обвѣяли,
Черны вороны не обграяли,
Злы собаки не облаяли,
Добры люди не смѣялися.
Теперь я поневольная, душа красная дѣвушка:
Запоручена моя буйна млада головушка
На чужу дальну ознобную сторонушку
Ко многимъ богоданнымъ родителямъ.
Какъ за мной-то, за душой красной дѣвушкой
Ходитъ лютое безволье великое,
Берегетъ меня, душу красную дѣвушку.
Охти-мнѣ, мнѣ-ка тошнехонько!

8. ПРИЧЕТЪ ДѢВУШЕКЪ ПО ВЫХОДѢ НЕВѢСТЫ ИЗЪ БАНИ.

Спасибо тебѣ, тепло-парная баенка,
На пару-жару, на мыльномъ щелокѣ!
Тебѣ спасибо, бѣла березка кудреватая,
На хорошемъ семишелковомъ вѣничкѣ!
Спасибо, быстрая текучая рѣченька,
На свѣжей-то ключевой воды!
Послѣ моего быванья, вѣку долгаго,
Раскатись-ко, бѣла парна баенка,
Съ верхняго бревешка до подвальнаго;
На этомъ мѣстѣ на баенномъ
Вырости, бѣлая березка кудреватая!
На эту березку кудреватую
Солетятся всѣ птички заморскія;
Какъ настанетъ годовой Господній праздничекъ,
Какъ пойдутъ-то добры люди крещеные
На славное церковное буяво,
Постоятъ-то на этомъ на мѣстѣ на баенномъ,
У этой бѣлой березки кудреватыя,
Подивуются: была хороша тепло-парная баенка,
Теперь выросла бѣла березка кудреватая:
Видно выдана душа красная дѣвушка
На чужу дальну ознобную сторонушку.

III.

ВЫТЕГОРСКІЕ СВАДЕБНЫЕ ПРИЧЕТЫ.

1. ПРИ ПРОСВАТОВСТВѢ НЕВѢСТА СТИХОВОДНИЧАЕТЪ:

Благослови, Боже Господи,
Благословите-ко, родители,
Повести мнѣ зычнымъ голосомъ.
Не лебедушка воззыкнула,
Красна дѣвица заплакала,

Повела да зычнымъ голосомъ
По поздней по вечериночкѣ
Позакать да красна солнышка.
Разодвиньтесь, кумы подруженьки!
Попройти мнѣ, красной дѣвицѣ,
Въ честно мѣсто, во большой уголъ.
Въ честномъ мѣстѣ—во большомъ углу
Есть гости-то незнамые,
У кормильца-то у батюшка
Голоса есть незнакомые.
Какъ взгляну я, красна дѣвица,
На икону бѣлокрущату,—
На иконѣ бѣлокрущатой
Всѣ ли списаны святители?
За столомъ бѣлодубовенькимъ
Всѣ ли собраны родители?
Ахти-мнѣ да мнѣ тошнешинько!
На иконѣ бѣлокрущатой
Не всѣ списаны святители,
За столомъ бѣлодубовенькимъ
Не всѣ собраны родители.
Не спѣши, кормилецъ-батюшко,
Засвѣчать да восковой свѣчи,
Господу-Богу молитися,
Ужъ ты бить да по бѣлымъ рукамъ,
Цѣловать да Спаса образа.
Есть послы у меня посыланы
Во всѣ четыре стороны.
Какъ со батюшкину сторону
Нѣтъ половины роду-племени,
Какъ со матушкину сторону
Нѣтъ всего-да роду-племени.
Ахти мнѣ да мнѣ тошнехонько,
Сколь гораздо обиднехонько!
Отвернусь я, красна дѣвица,
Отъ стола бѣлодубоваго,
Я теперь пойду, кручинная,

Во роду да искать сродничковъ,
Во племени да доброхотничковъ,
Гдѣ-то есть у красной дѣвицы,
Гдѣ кормилецъ-то мой батюшко?
По далеку всё туляется,
По малу всё подвигается.
Слушай-ко, кормилецъ батюшко!
Поспрошу я, красна дѣвица,
Въ чемъ я дочь да провинилася,
Въ чемъ красна я проступилася?
За вину буду винитися,
За проступокъ буду кланяться.
Видно я, кормилецъ-батюшко,
Не раба была, работница,
Не бѣлая портомойщица.
Ахти мнѣ да мнѣ тошнешинько!
Промѣняли красну дѣвицу
Милую да на постылово!
Вы на что да пріобзарились,
Вы на что да пріукинулись:
На богатое богачество,
Или на хорошее хорошество,
Или на хоромное строеньице,
На безрозчетную золоту казну,
На зеленое да вино пьяное?

2. На другой день послѣ просватовства:

Что-то я да разсидѣлася,
Ужъ я чего да призадумалась,
Будто у меня, у красной дѣвицы,
Нѣтъ горя, нѣтъ кручинушки.
Слушайте, кумы-подруженьки,
Вы души да красны дѣвицы!
Послѣ моего бываньица,
Послѣ моего живаньица,
Какъ поѣдете, мои голубушки,

Ко владычну честну праздничку
Господу̂ Богу молитися,
Къ ранней-то заутренькѣ,
Къ пресвященной-то обѣденькѣ,—
Такъ потрудитесь, милы лебеди,
Приверните, кумы-подруженьки,
Къ моимъ сердечнымъ-то родителямъ,
Такъ крикните вы да гаркните
Мою родитель-то матушку
Подъ косищатымъ окошечкомъ:
« Что буди да, желанна тетушка,
« Ты свою-то дочь любимую
« Ко владычну че́стну праздничку. »
Какъ поглядитъ родитель матушка,
Какъ на васъ, мои голубушки,
Взадъ да по походочкѣ,
Спереду васъ по поступочкѣ,
Сотлѣетъ ея сердечушко,
Изоржавѣетъ ретивое,
Схватится и догадается,
Что отпустила лебедь бѣлую.

3. ПЕРЕДЪ СВАДЬБОЮ, УТРОМЪ.

Что-то спятъ мои родители,
Что-то спятъ мои сердечные?
Они спятъ, не пробужаются,
По сегоднишню денечику,
На корыстяхъ спятъ, на радостяхъ.
Какъ вече́ръ по позду вечеру
До сыта́ да наѣдалися,
До пьяна́ да напивалися.
Время встать вамъ, пробудитися:
По деревнямъ печи топятся,
По дворамъ да пѣтухи поютъ,
По полямъ да пахари пашутъ,
Въ островахъ [1]) да сѣкари сѣкутъ.

Какъ по сегоднишню денечику,
Какъ ночесь по позду вечеру,
Я ждала всё, дожидалася
Я рожону свою матушку
Во мягко́й своей постелюшкѣ
На совѣтъ, на думу крѣпкую.
Не могла, горе, дождатися
Моей рожоной-то матушки:
Не было да поры-времечка.
Ахти мнѣ-да мнѣ тошнешинько,
Мнѣ душѣ да красной дѣвицѣ!
Какъ мнѣ ночесь да въ темной ноченькѣ,
Мнѣ не много ночесь спа́лося,
Мнѣ во сняхъ грозно казалося:
« Будто ночесь во темной ноченькѣ,
« Что у васъ, мои родители,
« Что у васъ, мои сердечные,
« Всѣ тыночки раскатилися,
« Всѣ столбы да пошати́лися,
« Съ теремовъ верхи повынесло. »
Разсудите-ко, родители,
Разсудите вы, сердечные,
Мнѣ къ чему да показалося,
Мнѣ къ чему ночесь пригрезилось?
Видно спугалися родители,
Видно спугалися, сердечные.
Не пугайтесь вы, родители,
Не пугайтесь вы, сердечные!
Что не къ вамъ да показалося,
Что не къ вамъ ночесь пригрезилось.
Разсужу я, красна дѣвица,
Я своимъ да глупымъ разумомъ,
Что-ка мнѣ да показалося,
Что-ка мнѣ ночесь пригрезилось.
Не тыночки раскатилися,

[1]) Островъ—небольшой отдѣльный лѣсъ, особнякъ. (Даля Слов., 1283.)

Не столбы да пошатилися,
Не съ теремовъ верхи повынесло,—
Пріоткатитъ красну дѣвицу
По сегоднишню денечику
Съ вашего-то вита гнѣздышка,
Повынесетъ у красной дѣвицы
Мою красную-то красоту,
Что дѣвочью вольну волюшку
Съ моей буйной головушки.

4. НЕВѢСТА ПОЕТЪ МОЛИТВУ.

Помолюсь я, красна дѣвица,
Самому Христу небесному,
Пресвятой я Богородицѣ:
Сохрани-помилуй, Господи,
На сегоднешній великой день.
Помолюсь я, красна дѣвица,
Я Николѣ Многомилостиву:
Сохрани-помилуй дѣвицу,
Святый Никола Многомилостивый!
Помолюсь я, красна дѣвица,
Я Пречистой Богородицѣ.
Ты, Пречиста Богородица,
Пріочисти, Матерь Божія,
Всѣ пути да всѣ дороженьки:
По сегоднишню денечику
Мнѣ пройти да прокатитися
Мнѣ душѣ да красной дѣвицѣ
На любовное гостебище
Съ кумушками, со подружками,
Со душамъ со краснымъ дѣвицамъ,
Не въ первые, во послѣдніе.
Помолюсь я, красна дѣвица,
Я Покрову Богородицы:
Ты покрой да меня, Матушка,
На сегоднешній Господень день
Своей ризою нетлѣнною.

5. Невѣста приглашаетъ дѣвицъ выйти на улицу „отдавать добровъ“ [1]).

Вы пойдемте, кумы подруженьки,
На широкую-то улушку.
Пособите-ко, голубушки,
Пріотдать да красной дѣвицѣ
Мнѣ-ка позднее добровтечко.
Вы давайте-ко, родители,
Великое благословеньице
Мнѣ повыдти красной дѣвицѣ
На широкую-то улушку
Съ кумушками, со подружками.

Выходятъ на улицу и, раскланиваясь во всѣ четыре стороны, причитаютъ:

Затѣмъ добровъ да доброваньице
Что во всѣ четыре стороны:
Какъ во первую сторонушку,
По Никольской пути-дороженькѣ,
Что на площадь-то широкую,
На ограду бѣло-каменну,
На могилочки высокія.
Затѣмъ добровъ да доброваньице
По большой пути-дороженькѣ
Въ грозну службу государеву,
Государю царю батюшку,
Что къ самой-то государынѣ,
Государскимъ малымъ дѣтушкамъ.
Затѣмъ добровъ да доброваньице
Вамъ, поля, луга зеленые,
И на широку гладку улушку.
Затѣмъ добровъ да доброваньице
По всему да свѣту бѣлому,

---

[1]) *Добровъ* — прощанье съ родомъ-племенемъ въ предсвадебный день: невѣста съ вожатыми ѣздитъ по всей роднѣ и испрашиваетъ прощенья въ своихъ проступкахъ.

И вамъ, сердечные родители!
Благодарствуйте, голубушки,
Тайны-милыя подруженьки,
Пособили, бѣлы лебеди,
Пріотдать да красной дѣвицѣ
Мнѣ-ка позднее добровтечко.

Возвращаются къ дому.

Что слава, слава Господу!
Встрѣчаютъ меня родители,
Встрѣчаютъ меня сердечные,
Честно-хвально за бѣлы руки,
Песередь широкой улушки,
На круто красно крылечушко.

По приходѣ въ избу.

Затѣмъ добровъ да доброваньице
Во всю свѣтлую-то свѣтлицу,
Во высоку нову горницу,
Вамъ пречестны—святы образы,
Вамъ, косищаты окошечка,
Вамъ, стекольчаты околенки,
Вамъ, брусовы бѣлы лавочки,
Большачку въ домѣ на бо́льшинѣ,
Что большухонькѣ разводчицѣ.—
Походить мнѣ, красной дѣвицѣ,
Походить—покрасоватися,
Погулять—погуливатися
У сердечныхъ-то родителей;—
Не долго мнѣ красоватися,
Не долго мнѣ волеватися:
Часъ къ часочку коротается,
Мнѣ одинъ часъ да остается.
Я теперь пойду, кручинная,
По полу́ пойду расхаживать,
Терема пойду раскрашивать,
Цвѣтно платьице донашивать,

Красной кра́соты додерживать,
Черныхъ чеботовъ дотаптывать.
Вы топчитесь, черны чоботы,
На моихъ да рѣзвыхъ ноженькахъ,
Ты носись, да цвѣтно платьице,
На моихъ да узкихъ плечикахъ,
Ты держись, да красна красота,
На моей да буйной головушкѣ,
Развивайтесь, алы ленточки,
Во моей да русой ко́сынькѣ,
По моимъ да узкимъ плечикамъ.

6. НЕВѢСТА ПРИЧИТАЕТЪ, КОГДА КТО-ЛИБО ИЗЪ РОДСТВЕННИКОВЪ ПРІѢЗЖАЕТЪ ЗВАТЬ ЕЕ ВЪ ГОСТИ.

Что слава, слава Господу!
Кого ждала, того до́ждала,
Кого звала, того вызвала:
Дождалась я, красна дѣвица,
Ужъ я зову-то гостиново,
Я пріѣзду лошадинаго,
Что зовутъ да меня жалуютъ
На любовное гостебище,
Съ кумушка̀ми, со подружками,
Со душамъ со краснымъ дѣвицамъ.
Ужъ вы потчуйте, родители,
Ужъ вы чёстуйте, сердечные,
Удалово добра молодца,
Что Ивана-свѣтъ-Сергѣича.
Вы сряжайтесь-ко, голубушки,
Вы сдобляйтесь-ко [1]), подруженьки,
Вы души да красны дѣвицы,
Сестрицы мои, голубушки,
Что со мной, со красной дѣвицой,
На любовное гостебище.
Прокатитесь, бѣлы лебеди,

---

[1]) *Сдобляться* или *сподобляться* = собираться, приготовляться, отъ корня *доб*, откуда *удобство*, *надобно* и др.

При послѣднемъ порѣ-времечкѣ
Что со мной, со красной дѣвицей.

7. По пріѣздѣ домой невѣста благодаритъ:

Благодарствуй, добрый молодецъ,
Иванъ да ты Сергіевичъ!
Укаталъ да красну дѣвицу
По сегоднешню денечику
Съ кумушками, со подружками,
Со душамъ со краснымъ дѣвицамъ.
Ахти мнѣ да́ мнѣ тошнешенько!
Пришла честь да слава добрая,
Похвала да мнѣ-ка славная,
Мнѣ душѣ да красной дѣвицѣ.
Благодарствуйте, родители,
Благодарствуйте, сердечные,
Ты, кормилецъ мой да батюшко,
Ты, родитель моя матушка,
Родимы́ да милы братьицы!
Учестили да употчевали
Всю родню свою широкую,
Всю природу-то хорошую.
Ужъ какъ брали красну дѣвицу
Честно-хвально за бѣлы руки,
Съ моими милыми подружками,
Брали меня, чёстывали
Отъ души да отъ сердечушка
Со всѣмъ родомъ, со всѣмъ племенемъ.
Нагулялась красна дѣвица
При послѣднемъ порѣ-времечкѣ,
Со всѣмъ родомъ распростилася,
Я со всѣми разгостилася.

8. Если невѣста сирота, то пріѣзжаетъ на могилы родителей и причитаетъ:

Вы повѣйте, вѣтерочики,
Со всѣхъ четырехъ-то сторонушокъ,

Вы не свѣйте, вѣтерочики,
Съ лѣсочиковъ вершечиковъ,
Съ Божьей церкви-то златыхъ крестовъ.
Ужъ вы свѣйте, вѣтерочики,
Со могилушки песочикъ.
Отворись-ко, мать сыра земля,
Расколись-ко, гробова доска,
Размахнитесь, полотенечка,
Покажи-ко, красно солнышко,
Ты, родитель моя матушко,
Ты свое да лицо бѣлое.
Слушай-ко, моя добротушка!
Какъ я стояла, красна дѣвица,
Я у ранней-то заутрени,
У пресвященной-то обѣденки,—
Я молилась, низко кланялась
Самому Христу небесному,
Пресвятой я Богородицѣ.
Я просила, низко кланялась,
У Христа-то у небеснаго,
У Пресвятой я Богородицы,
Я двухъ ангеловъ-архангеловъ:
Прилетайте-ко вы, ангелы,
И приносите-ко вы, ангелы,
Моей родимой-то матушкѣ
Душеньку да во бѣло тѣло,
Дыханьице да въ ретиво сердце,
Ходость [1]) въ рѣзвы ноженьки,
Маханье [2]) да во бѣлы рученьки,
Слухъ да во чутки уши,
Взглядъ да во ясны очи,
Рѣчь-пословицу умильную
Во уста бѣлосахарныя.
Ты вставай-ко, красно солнышко,

---

[1]) и [2]) *ходость* и *маханье*—замѣчательныя народныя слова для обозначенія способности движенія руками и ногами.

Ты, родитель моя матушка,
И ты садись, родитель матушка,
Край [1]) высокой-то могилушки,
Ужъ ты врядъ да со мной по-ряду,
Ужъ я стану, сиротиночка,
Про твое житье выспрашивати.
Про свое горе высказывати.
Слушай-ко, родитель матушка!
Какъ не дай да тово, Господи,
Безъ сердечныхъ жить родителей,
Безъ родители-то матушки!
Во раннéмъ-то сиротаньицѣ,
Въ горе-горькомъ покликаньицѣ [2]),
Надо много ума-разума;
Какъ послѣ твоего было живаньица,
Послѣ твоего было бываньица,
Находилась горе-бѣдная
По чужимъ дѣламъ-работушкамъ:
Не могла, горюша бѣдная,
Я угодить-то чужимъ людямъ,
Я ни дѣломъ, ни работушкой,
Я ни умомъ-то, я ни разумомъ.
Слушай-ко, родитель матушка!
Есть у меня, у красной дѣвицы,
Есть горя̀ много, кручинушки,
Три поля̀ горя̀ насѣяно,
Три горы есть понакачено:
Не съ кѣмъ горюшка измыкати,
Кручины̀ не съ кѣмъ убавити,
Нѣтъ ни съ коей-то сторонушки,
Нѣтъ ни роду, нѣтъ ни племени,
Камешка будто отколышекъ,
Чурочки будто отрубышекъ.

---

[1]) *Край*—очень употребительное въ олонецкомъ подрѣчіи выраженіе, имѣющее силу предлога, наприм., край лѣса, край моря.

[2]) *Покликаньице*—жизнь въ „сиротаньицѣ“ представляется при безпрестанномъ покрикиваньи на сироту.

Хоть есть у меня, у красной дѣвицы,
Есть много роду племени,
Есть сестрицъ много, голубушекъ,
Есть желанныхъ у меня тетушекъ,
Родимыхъ да милыхъ братьицевъ,—
Отошла жалость великая
У всего да роду племени.
Слушай-ко, желанна матушка!
Я пришла, да красна дѣвица,
Я пришла къ тебѣ, прiѣхала
За великимъ благословеньицемъ.
Чѣмъ ты станешь, красно солнышко,
Благословлять, родитель матушка,
Ранню бѣдну сиротиночку?
Мнѣ не въ садъ бѣдной садитися,
Подъ вѣнецъ да становитися,
Такъ чѣмъ же ты станешь, родитель матушка,
Благословлять да красну дѣвицу:
Ужъ ты златомъ или серебромъ
Или цвѣтнымъ меня платьицемъ,
Или безросчетной золотой казной?
Ахти мнѣ да мнѣ тошнешенько!
Глупа́я я, неразумная!
Мнѣ не надо, красной дѣвицѣ,
Мнѣ ни злата да ни серебра,
Не безросчетной золотой казны,
Мнѣ не цвѣтнаго-то платьица.
Ты давай, родитель матушка,
Великóе благословеньице:
Какъ твое-то благословеньице
На головушкѣ не старѣетъ,
На сердечушкѣ не ржавѣетъ,
Въ темномъ лѣсѣ не теряется,
На водѣ не потопляется.
Ахти мнѣ да мнѣ тошнешенько!
Глупа́я я, неразумная,
Рання бѣдна сиротиночка,

Я горюша горегорькая!
Благословила, красно солнышко,
Что родитель меня, матушка,
Изъ-за малово ребячества
Раннебѣднымъ сиротаньицемъ,
Горегорькимъ покликаньицемъ.
Вы пойдемте, милыя подруженьки,
Вы, души красны дѣвицы,
Вы пойдемте да поѣдемте
Мы съ сердечною-то матушкой!

9. Когда невѣста разстается съ красотою (головнымъ дѣвичьимъ уборомъ), то причитаетъ:

Гдѣ-то есть у красной дѣвицы
Кумушки мои подруженьки?
Собирайтесь-ко, лебедушки,
Въ одно стадо-то гусиное,
Въ одинъ кругъ-то лебединый;
Пособите-ко, голубушки,
Помогите-ко, подруженьки,
Пріотдать да красну кра̀соту̀,
Умѣстить да вольну волюшку.

Обращаясь къ матери, продолжаетъ:

Гдѣ-то есть у красной дѣвицы,
Гдѣ рожона моя матушка?
По далеку всё туляется,
По малу̀ всё придвигается.
Ты давай, родитель матушка,
Часто-рыбчатое [1]) блюдечко
Положить мнѣ красна красота.
Ты снимай, родитель матушка,
Мою красну-то красоту
Со моей буйной головушки.

Мать беретъ съ головы невѣсты красоту и кладетъ на блюдо; невѣста продолжаетъ:

[1]) *Рыбчатый, рыбавчатый,*—на рыбу похожій. (Даля Слов., II, 105.) (?)

Ахти мнѣ да мнѣ тошнешенько!
Подынулись твои рученьки
Снять красную-то красоту
Со моей буйной головушки,
При кумахъ да при подружкахъ,
При душахъ да красныхъ дѣвицахъ
Поглядите-ко, подруженьки,
Поглядите-ко, сердечныя:
Не статится мнѣ, не ладится
Мнѣ безъ красныя-то красоты,
Безъ дѣвочьей вольной волюшки.

Беретъ съ блюда:

Воротись-ко, красна красота,
Взадъ на бѣлыя-то рученьки,
Поприжму я красну красоту
Я ко вздоху-то тяжелому,
Я ко сердцу-то ретивому:
Хоть я часъ да покрасуюся,
Хоть другой я поволююся,
Цѣлый годъ пропохваляюся
На остудной-то сторонушкѣ
Противъ чу́жово чужанина.
И я не знаю, красна дѣвица,
Мнѣ куда, да молодешенькѣ,
Положить мнѣ красна красота,
Умѣстить да вольна волюшка.
Ты возьми, родитель-матушка,
Мою красную-то красоту,
Что дѣвочью вольну волюшку,
И положи, родитель-матушка,
Во теплу́ю къ себѣ пазушку
Ко ретивому сердечушку.
Ахти мнѣ да мнѣ тошнешенько!
Матушка у меня старешенька,
Поясокъ держитъ слабешенько,
Испоронитъ красну красоту,
Потеряетъ вольну волюшку.

Беретъ отъ матери красоту:

Воротись-ко, красна красота,
Взадъ на бѣлыя-то рученьки,
Поприжму я красну красоту
Я ко вздоху-то тяжелому,
Я ко сердцу-то ретивому,
И не разстанусь съ красной красотой,
Со дѣвочьей вольной волюшкой.
Хоть долгб мнѣ красоватися,
Мнѣ будетъ да приразстатися
Мнѣ со красной-то красотой.
Положу я красну красоту
Въ Божью церковь во соборную,
Ко иконамъ бѣлокрущатымъ:
Старъ пойдетъ, Богу помолится,
Младъ пойдетъ,—да подивуется,
Малъ пойдетъ, да попотѣшится.
Тамъ есть мѣсто ей и мѣстечко,
Тамъ помѣстье вѣковѣчное.
Ахти мнѣ да мнѣ тошнешенько!
У попа-отца духовнаго
Стали дѣти своевольныя,
Исталуютъ [1]) красну красоту,
Изорвутъ да вольну волюшку.
Ахти мнѣ да мнѣ тошнешенько!
Тутъ не мѣсто ей, не мѣстечко,
Воротись-ко, красна красота,
Взадъ на бѣлыя-то рученьки.
Хоть я часъ да покрасуюся,
Хоть другой я поволююся.
Гдѣ-то есть у красной дѣвицы,
Гдѣ душа да красна дѣвица,
Гдѣ сестрица моя голубушка?
Ты возьми-ко красну красоту,
Ты дѣвочью вольну волюшку.

---

1) *Исталовать*—?

Ты носи, моя голубушка,
Мою красную-то красоту
По владычнимъ честнымъ праздничкамъ,
По Христовымъ воскресеньицамъ,
Ко пѣнью Божью-церковному,
Ко звону́ да колокольному,
Ты ко ранней-то заутренкѣ,
Къ пресвященной-то обѣденкѣ.
Ахти мнѣ да мнѣ тошнешенько!
Тутъ не мѣсто ей, не мѣстечко,
Не помѣстье вѣковѣчное;
Исталуетъ красну красоту,
Изорветъ да вольну волюшку.
Воротись-ко, красна красота,
Взадъ на бѣлыя-то рученьки.
Я не знаю, красна дѣвица,
Мнѣ куды класть красна красота,
Умѣстить да вольна волюшка.
Гдѣ-то есть у красной дѣвицы,
Гдѣ кормилецъ-то мой батюшко?
Ты давай, кормилецъ батюшко,
Подъ косищатымъ окошечкомъ
Мнѣ-ка мѣстечка немношенько,
Мнѣ земелюшки малешенько,
Разсадить сады зеленые.
Положу я, красна дѣвица,
Во садики во зеленые
Свою красну-то красоту,
Я дѣвочью вольну волюшку.
Тутъ ей мѣсто, тутъ ей мѣстечко,
Тутъ помѣстье вѣковѣчное.
Ты гляди, родитель-матушка,
Со косищата окошечка
На красную-то красоту,
На дѣвочью вольну волюшку;
Береги, родитель-матушка,
Мою красную-то красоту,

Что дѣвочью вольну волюшку.
Какъ сойду я, красна дѣвица,
На остудную сторонушку,
Ко чужому-то чужа̀нину,
Ко чужимъ-то лютымъ людямъ,
Какова да пора сдѣется,
Каково да время слу́чится,
Какъ нагрубя́тъ меня грубешенько,
Надсадя́тъ да обиднешенько,—
Я приду да красна дѣвица
Со остудной-то сторонушки
На любовное гостебище,
Ко сердечнымъ-то родителямъ;
Приверну я, красна дѣвица,
Во зеленой-то садочикъ,
Я возьму да красна дѣвица
Свою красную-то красоту,
Я дѣвочью вольну волюшку,
Я на бѣлыя-то рученьки,
На совѣтъ на думу крѣпкую,
Наговорюсь я, принабаюся
Я со красной-то красотой,
Со дѣвочьей вольной волюшкой.
Тутъ ей мѣсто, тутъ ей мѣстечко,
Тутъ помѣстье вѣковѣчное.

10. НЕВѢСТА ПРОСИТЪ У РОДИТЕЛЕЙ БЛАГОСЛОВЕНІЯ.

(Передъ вѣнцомъ.)

Выдавайте-ко, родители!
Засвѣчай, кормилецъ-батюшко,
Засвѣчай-ко воскову свѣчу.
Благословляйте-ко, родители,
Благословляйте-ко, сердечные,
Мнѣ не въ садъ бѣдной садитися,
Подъ вѣнецъ да становитися.

11. Невѣста садится за столъ вмѣстѣ съ дѣвицами.

Вы садитеся, кумы-подруженьки,
Большàя да возлѣ мѐньшую,
Мѐньшая да возлѣ бòльшую.
Слушайте, милыя подруженьки,
Вы души да красны дѣвицы:
Какова да пора сдѣется,
Каково да время случится,
Какъ приступитъ чужой-чуженецъ,
Съ княженѐцкимъ своимъ пòѣздомъ,
Такъ не сдавайтесь, бѣлы лебеди,
На поклоны-то на низкіе,
На слова-то вы на ласковы,
На чѐстны дòроги подарочки,
На городецки сладки прянички,
На безросчетну золоту казну,
На зеленое вино пьяное.

12. По пріѣздѣ жениха невѣста причитаетъ.

Что катитъ да туча темная,
Со громами, Божьей милостью,
Съ маланьѐй да со сверкучей.
Не могла пасть да туча темная,
Что ни нà воду, ни нà землю,
Ни на корбы-то дремучія,
На болота-то зыбучія.
Ужъ какъ пала туча темная,
Что на батюшковъ высокъ теремъ,
Что на дѣвочій зеленой садъ.

13. Женихъ входитъ въ домъ; невѣста причитаетъ.

Отвернусь я, красна дѣвица,
Отъ стола бѣло-дубоваго,
Отъ скатертей-то шито-браныихъ;
Ахти мнѣ да мнѣ тошнешенько!
Хоть долгò мнѣ-то бранитися,

Мнѣ будетъ да помиритися,
Со чужимъ-то со чужаниномъ,
Со удалымъ добрымъ молодцемъ.
Слушай-ко, добрый молодецъ!
Есть у тя ли, добрый молодецъ,
Моимъ сердечнымъ-то родителямъ
Честны дороги подарочки:
Моему кормильцу-батюшку
Много злата, много серебра?
Моей рожоной-то матушкѣ
Что бадья да меду сладкаго,
Голова да бѣла сахару?
Ахти мнѣ да мнѣ тошнешенько!
Не сулитъ всё добрый молодецъ
Честныхъ дорогихъ подарочекъ.
Отвернусь я, красна дѣвица,
Отъ стола бѣло-дубоваго,
Отъ скатертей-то шито-браныихъ.
Хоть долго мнѣ-ка бранитися,
Мнѣ будетъ да помиритися,
Со чужимъ-то мнѣ чужаниномъ.
Поспрошу я, красна дѣвица,
Есть у тя-ли, добрый молодецъ,
Чѐстны дòроги подарочки:
Родимымъ да милымъ братьицамъ
Три ведра да зелена вина,
Три бочки да пива пьянаго?
Есть у тя-ли, добрый молодецъ,
Чѐстны дòроги подарочки
Сестрицамъ моимъ голубушкамъ—
Городски сладки прянички?

(Записано въ Исаевской волости г. Любимскимъ.)

ПОХОРОННЫЯ ЗАПЛАЧКИ.

ПОХОРОННЫЯ ЗАПЛАЧКИ.[1]

Заплачки по мертвымъ бываютъ разнаго происхожденія. Однѣ—свободное и безыскусственное изліяніе тоски и скорби по близкомъ человѣкѣ. Чувство само собою облекается въ образъ, образъ одѣвается въ стихъ. Въ нѣкоторыхъ старорусскихъ мѣстностяхъ такія заплачки слагаются каждой женщиной, таковы №№ 5, 6, 7, 8. Но мало-по-малу способность эта утрачивается, а потребность высказать свое горе остается все та же. Вотъ и прибѣгаютъ къ помощи вопленицы или плакальщицы, которая обязана знать самыя трогательныя и жалобныя заплачки. Но откуда же взялись эти отборныя заплачки (напр. №№ 1, 2, 3, 4)? Чья-нибудь заплачка сложилась такъ хорошо, что поразила другихъ и осталась въ памяти. Живой примѣръ тому заплачка № 8, которая сложена на-дняхъ молодой дѣвушкой, а между тѣмъ уже извѣстна многимъ вопленицамъ. Художественная заплачка съ теченіемъ времени обращается въ пѣсню. Такъ сдѣлалось съ извѣстнымъ всѣмъ плачемъ невѣсты—сироты безотней или безматерней. (№ 9).

1.

Когда покойника обмоютъ, одѣнутъ, положатъ на столъ, то родные соберутся и, обращаясь къ женѣ покойника, станутъ вопить:

Сидѣла ли у трудной постелюшки,
Была ли у душевнаго разставаньица,
Какъ душа съ бѣлымъ тѣломъ разставалася?

[1]) Первыя четыре заплачки записаны мною со словъ вопленицы дер. Большого Двора, Шунгскаго пог. Повѣнецк. уѣзда.

И какъ пришла къ тебѣ скорая смеретушка?
Къ вамъ нищей ли каликой перехожеей,
Аль удалымъ дороднымъ добрымъ молодцемъ,
Али славныимъ бурлакомъ Петербургскіимъ?

Если покойникъ былъ бѣденъ, то вдова (или вопленица за вдову, которая только приплакиваетъ) отвѣчаетъ такою заплачкою:

Какъ бы я въ пространноей богатой жирушкѣ,
Такъ сидѣла бы у трудной у постелюшки,
Я видѣла бы скорую смеретушку.
Если пришла бы каликой перехожоей,
Наладила бы хлѣбъ-соль столовую,
Накормила бы калику перехожую
И оставила бы законную свою семеюшку;
Если удалымъ дороднымъ добрымъ молодцемъ,
Я одѣла бы его во цвѣтно платьицо,
Обула бы въ сапоженьки козловые,
Дала бы опоясочки шелковыя;
Если славнымъ бурлакомъ Петербургскіимъ,
Я дарила бы золотой казной безсчетною,
И пооставила законную свою семеюшку.
Какъ въ проклятой, во несчастной живу жирушкѣ,
Многоуходны сердечны малы дѣтушки;
У насъ нѣтъ вѣдь хлѣба-соли столовыя,
И ни кушанья у насъ сахарнаго,
И ни славныя одежи молодецкія,
Ни козловыихъ на ноженькахъ сапоженекъ,
У насъ нѣту золотой казны безсчетноей;
Такъ не видѣла я законную свою семеюшку,
Какъ душа съ бѣлымъ тѣломъ разставалася.
Не по силушкамъ крестьянчикамъ работушка,
Не по розмысламъ проклятая заботушка.
По часту да умъ въ головушкѣ мѣшается,
Безовременно свѣтъ съ очей теряется.
Какъ буду ростить я сердечныхъ своихъ дѣтушекъ
Безъ своей законной семеюшки?

Мнѣ въ темномъ лѣсу ли заблудитися,
Али мнѣ упасть да въ кругло малое озерышко,
Аль утонуть въ малой быстрой рѣченькѣ?
Гдѣ раздѣять мнѣ великая кручинушка?
Буду нищей-каликой перехожеей,
Какъ во чистое во полюшко раздѣять великая кручинушка,
Такъ съ моей съ великой со кручинушки
Выростать да будутъ лѣсушки дремучіе,—
Уже тутъ моей кручинушкѣ не мѣстечко:
Воспрещать будутъ сосѣди спорядобные,
Что заростать будутъ поля да хлѣбородныя.
Какъ раздѣять мнѣ великая кручинушка
Какъ во славно во широко во озерушко,
Будутъ лудушки въ озерѣ не сходучіи,
А камешки на лугахъ не двигучіи,
И тутъ моей кручинушкѣ не мѣстечко:
На помѣшкѣ будетъ рыболовушкамъ.
Хоть задѣять въ Свирь-рѣку свирѣпую,
Застоятся тутъ пороги шумячіи,—
Тутъ моей кручинушкѣ не мѣстечко:
Застоится въ рѣкахъ да ключева вода.
Я сберу пойду сердечныхъ своихъ дѣтушекъ,
Не разступится ли вѣдь матушка сыра земля?
Какъ бы матушка сыра земля разступилася,
Я съ дѣтушкама сейчасъ схоронилася:
Такъ тошнешенько мнѣ кручинноей
Остаться во домовой этой жирушкѣ.
Ты, прости меня, законная семеюшка!
Мы затайно съ тобою говорили,
А не молвилъ мнѣ про эту скорую смеретушку.
Я тебя не отдала бъ, законная семеюшка,
Я бы отдала сердечныхъ своихъ дѣтушекъ,
Схоронила бъ свою законную семеюшку.
Разступись-ка ты, матушка сыра земля,
И откройся, нова гробова доска,
И полетите съ неба, ангелы, архангелы,

И вложите-ка душу во бѣлы груди,
И рѣчи съ языка въ разумную головушку,
И бѣлый свѣтъ въ ясны очи.
Ужъ ты встань, моя законная семеюшка,—
Я у Господа у Бога упросила,—
Крестъ положи по писаному,
Поклонъ положи по ученому,
Сдѣй со мною доброе здоровьице!
Не одна взошла въ сердечно въ гостибище,
А и съ собой веду сердечныхъ твоихъ дѣтушекъ:
И ты, пойдемъ въ домову свою жирушку,
Моя жирушка теперь застоялася.
Видно, гнѣвъ держитъ законная семеюшка
На меня, многокручинную головушку!
Я у мужа въ гостяхъ побывала,
Хлѣба-соли я въ глазахъ да не видала,
И не убавила кручинушки, прибавила.
Видно, тое дѣло да не сбывается,
Что мертвый съ могилы ворочается;—
Сиротой быть беззаконной безъ семеюшки!

2.

Родные богатаго покойника обращаются ко вдовѣ съ такою заплачкою:

Ты куда свою семеюшку отпущаешь:
По любезнымъ ли сердечнымъ по гостибищамъ,
Аль по чужимъ по дальнимъ по сторонушкамъ,
Аль во славные бурлаки Петербургскіе?
А ужъ мы видимъ кручинныя головушки,
Что не во цвѣтноемъ во славномъ во платьицѣ,
И не по ноженькамъ козловые сапоженьки,
При карманѣ теперь нѣту золотыхъ часовъ,
При себѣ-то золотой казны безсчетноей
У твоей милой законной семеюшки.
Нонь мы видимъ, кручинная головушка,
Во пути во широкой во дороженькѣ -

Онъ на оное на второ на пришествіе,
На тусвѣтну вѣковѣчну вѣдь жирушку.
Ты още скажи намъ, бѣлая лебедушка,
Ты видѣла ли скорую смеретушку,
Какъ душа съ бѣлымъ тѣломъ разставалася,
Какъ пришла въ домъ скорая смеретушка:
Она нищей ли каликой перехожоей,
Али славнымъ бурлакомъ Петербургскіимъ,
Али душой она зашла да красной дѣвушкой?
Ты пожалѣла знать золотой казны безсчетныя?

Вдова отвѣчаетъ:

Я сидѣла хоть у трудной у постелюшки
И у эвтого крутаго изголовьица,
Только не видѣла я вѣдь скорую смеретушку:
Видно, налетѣла скорая смеретушка
Скоролетною птицынькой,
Залетѣла во хоромно во строеньице,
Скрытно садилась на крутоскладно на зголовьице
И впотай вѣдь взяла душу со бѣлыхъ грудей.
Я бы заперла косявчето окошечко,
Заложила бы новы сѣни рѣшетчаты.
Хоть застучалась бы вѣдь скорая смеретушка,
Такъ я дала бы золотой казны безсчетныя
И хорошаго бы цвѣтнаго платьица,
По ноженькамъ козловые сапоженьки,
Я бы всю свою дворовую скотинушку
И не жалѣла бы домовой своей жирушки:
Наши въ лѣсъ срослись поля бы хлѣбородныя,
И водой снесло луга бы сѣнокосные,
Поосталась бы столько законная семеюшка!
Какъ бы знала я, кручинная головушка,
Про эту про скору про смеретушку,
Заложили бы мы тройку удалыихъ лошадушекъ,
Мы бы взяли золотой казны по надобью,
Пріуѣхали бы съ законной семеюшкой
По чужимъ по дальнимъ по сторонушкамъ,

Доискались бы ту дальную сторонушку,
Что гдѣ печали нѣтъ въ добрыихъ во людюшкахъ
И вѣкъ не слыхано вѣдь скорыя смеретушки.
Ай, ужъ послушайте вы, родъ-племя сердечное!
Хоть осталась и домовая нонѣ жирушка,
И понадолго золотой казны безсчетныя,
Хуже нищей я калики перехожія,
Какъ отпустилъ Господь законную семеюшку.
Ужъ вы слушайте, все родъ-племя сердечное!
Вы берите-ка листы да двурублевые,
Двурублевые листы да гербовые,
Вы чернильца возьмите-тко столовыя,
Писарей да отъ столовъ ли отъ дубовыихъ,
Вы спишите-ка законную семеюшку
И на эту бумаженьку гербовую:
Бѣло личико пишите со очамы,
Вы головушку со черныма бровамы,
Потому [1]) же вы со русыма кудрямы.
Какъ послѣ своей законной я семеюшки
Проживать буду вдовой благочестивою,
А какъ стоснется по законной по семеюшкѣ,
Такъ держать буду бумаженьку написану,
Буду день держать во бѣлыихъ во рученькахъ,
Лице къ лицюшку вѣдь буду прилагати,
Я семеюшкой своею называти,
Уже въ ночь да у ретливаго сердечушка
Я на нѣжныя груди да на ретливыя.
Ужъ вы слушайте, все родъ-племя сердечное!
Вы возьмите-ка да ключи позолоченые,
Отоприте-ка ларцы да окованые,
Вы возьмите-тко мнѣ теплу теперь шубоньку,
Возлѣ шубоньки жилеты вы шелковые,
Въ жилетахъ вы часы-то золоченые,
Потому же вы козловые сапоженьки,
На головушку фуражку черна бархата.

[1]) Потомъ.

Вы надѣнете законную семеюшку
Во эты во жилеты во шелковые,
Ужъ мы эту кунью теплу ему шубоньку
Во этой во опояскѣ во шелковоей,
И на ноженьки козловые сапоженьки,
На головушку фуражку черна бархата.
Уведу свою законную семеюшку
Я во эту во свѣтлу свою свѣтлицу,
Посажу я ко столу да ко дубовому,
Я ко этымъ ко кушаніямъ сахарніимъ.
Не кушаетъ мой мужъ кушаній сахарніихъ
И не пьетъ вѣдь онъ питьицевъ медовыихъ,
Обжидаетъ видно поповъ-отцевъ духовныихъ.
Какъ идутъ нонь попы-отцы духовніе,
Какъ наши служители церковніе
За моей видно законноей семеюшкой:
Оны въ черныя во ризы надѣвалися,
На рукахъ да́ Божьи книги начиталися,
Велятъ взять мою законную семеюшку.
Унесите-ка, сосѣди спорядобные,
На это на кладбище на умершее!
Ты, прощай-ко-ся, законная семеюшка,
Со своей теперь съ домовою со жирушкой,
Со довольной съ золотой казной безсчетноей,
И съ своимъ да родомъ-племенемъ сердечныимъ,
Со мной да со кручинною головушкой!
Видно все мое прошло да миновалося:
Не славны живутъ домы безхозяйскіе,
Не въ почетѣ будутъ женушки безмужнія,—
Также я, многокручинная головушка.

3.

ЗАПЛАЧКА ДѢТЕЙ ПО РОДИТЕЛѢ.

Ты на кого меня, родитель, пооставилъ,
Ты на чье большо великое желаньице?
Будутъ вѣтрышки насъ обвѣвати,

Добры людюшки вѣдь будутъ обижати.
Ты на чье насъ велико на желаньице,
Намъ вѣдь гдѣ искать великаго желаньица,
Намъ въ твоемъ ли роду-племени сердечноемъ,
Аль во своемъ вѣдь во хоромноемъ строеньицѣ?
Хоть долго намъ плакать-унывати,
А родителей въ глаза намъ не видати!

4.

ПЛАЧЪ ДѢТЕЙ НА БУЕВКѢ (НА МОГИЛКѢ).

Ты послушай-ко, желанный дядюшко,
Ты, желанная тоцливая [1]) тетушка,
Послѣ нашихъ желанныихъ родителей
Роспустите-тко великое желаньице
И по намъ, многокручинныимъ головушкамъ,
Вмѣсто нашихъ желанныихъ родителей.
Хоть добры чужи желанные родители,
До своихъ живутъ сердечныхъ своихъ дѣтушекъ,
Не до насъ, многокручинныихъ головушекъ!

5 [2]).

ЗАПЛАЧКА ПО РЕБЕНКѢ.

Пойти мнѣ-ка, бѣднушкѣ,
Ко рожоному, ко жадобному,
Ко рожоному сердечному,
Какъ которое жадобное
Тяжело было да ношено,
Трудно-больно пріотрожено.
Какъ сегоднишніимъ денечкомъ
Не пекетъ солнце по лѣтнему,
Не грѣеветъ по вешнему:
Потеряла я потеряшечку,

---

[1]) Т.-е. тоскливая.

[2]) Пятая, шестая, седьмая и восьмая заплачки записаны со словъ жены архіерейскаго служителя, уроженки города Пудожа.

Обронила я оброночку,—
Свое милое рожоное.
Какъ сегоднишніимъ денечкомъ
Подхожу, бѣдна горюшица,
Ко рожоному жадобному:
« Ты скажи, мое рожоное,
« На кого да пріокинуло
« Меня, матерь безсчастнюю?
« Уже не могу я допроситися
« Одно тайное словечушко
« На досадное сердечушко.
« Какъ послушай-ко, сердечное,
« Рожоное, милое дитятко!
« Какъ сегоднишніимъ денечкомъ
« У меня да у горюшицы
« Сердце клубышкомъ катается,
« Оно червышкомъ свивается,
« Оно кровью обливается.
« Ужъ какъ мнѣ-то поразстатися,
« Мнѣ водой ли поразлитися:
« Али клубомъ откатитися
« Отъ тебя, рожонаго дитятка?
« Не могу я откатитися,
« Не могу я поразстатися
« Отъ тебя, рожоное дитятко,»
Ужъ я мать да вѣдь безсчастная:
Какъ кокушка во темномъ лѣсу,
Какъ горюша во сыромъ бору,
Такъ я, бѣдная горюшица.
На моихъ да на бѣлыхъ рукахъ
Красно золото помидило,
Серебро-то позелизило.

6.

ЗАПЛАЧКА ПОСЛѢ ПОХОРОННАГО СТОЛА.

Какъ выйдутъ изъ за похороннаго стола, всѣ родные заплачутъ:

Какъ у насъ да у безсчастныихъ
Во углу-столу пустешенько,
Во другомъ-то холоднешенько:
Какъ не стало у бѣдныихъ
Родителя-матушки,
Какъ денной нашей заступушки,
Ночной да богомольницы.

Затѣмъ дочь продолжаетъ:

Какъ вложите-ко желаньице,
Родъ-племя великое
Да честное, именитое,
Во меня, бѣдну горюшицу:
Послѣ родителя-матушки
Не будетъ великаго желаньица
Да большаго прививаньица.
Какъ сегоднишніимъ денечкомъ
Вставала по утру ранешенько,
Повстрѣчалась злодѣйная кручинушка,
Большая досадушка,
Какъ потеряла родителя-матушку.
Такъ вложите-ко, родъ племя великое
Да честное, именитое,
Великое желаньице
Во меня, бѣдну горюшицу,
Сироту красну дѣвицу.
Какъ сиротные дѣтушки
На улицы бурливые,
Во избы-то хлопотливые,
За столомъ многовытные;
Какъ сиротнымъ дѣтушкамъ
Подъ конецъ стола обломочки.
Охъ-ти мнѣ-ка да тошнехонько!
Не надѣюсь, я горюшица,
Себѣ хлѣбъ да соль столовую,
Себѣ ѣствій сахарніихъ
Про сиротныхъ про дѣтушекъ:

Будутъ вѣтрышки свиватися,
Добры людюшки смѣятися,
А я, бѣдна горюшица,
Буду клубышкомъ кататися,
Буду кровью обливатися.

7.

ЗАПЛАЧКА ПО МУЖѢ.

Потеряла я, бѣднушка,
Многоумную, разсудную,
Удалую головушку.
Какъ куды припокинулъ ты,
Какъ пріоставилъ ты,
Многоумная головушка,
На вѣтренно свиваньице,
Аль на людское смѣяньице?
Уже мнѣ гдѣ искать желаньица:
Во твоихъ ли сердечныхъ родителяхъ,
Аль въ братцахъ-ясныхъ соколахъ?
Ужъ не надѣюсь я, бѣднушка,
Найти въ твоихъ братцахъ родимыихъ,
И въ родителѣ-батюшкѣ,
И въ добротушкѣ-матушкѣ.
Ужъ какъ буду искать, бѣднушка,
Во чужихъ многихъ добрыхъ людяхъ
И въ порядныихъ сосѣдовьяхъ:
Еще вложатъ ли желаньице
Въ моемъ роду да племени
Какъ желанный милый дядьица,
Аль двуродны милы братьица,
Али братцы-ясны соколы?
Въ моемъ-то роду племени
Велико вложатъ желаньице,
Да большее прививаньице
До меня, бѣдной горюшицы.

8.

ЗАПЛАЧКА ПО ДВОЮРОДНОМЪ БРАТѢ.

Какъ послушай-ка, желанная тетушка!
У меня, бѣдной горюшицы,
Рѣзвы ножки подломилися,
Ясны очи помутилися,
Какъ у желаннаго дядюшки
Сегоднишніимъ денечкомъ
Какъ это витое да гнѣздышко—
Сверху горница, внизу поморозница.
Какъ, желанна мила тетенька,
Сегоднишніимъ денечкомъ
Потеряла ты потеряшечку,
Обронила ты оброночку,—
Какъ обронкѣ цѣны не было,—
Свою яблонь кудреватую,
Свою грушицу зеленую,
Свою тоненьку тониночку,
Да сахарню деревиночку,
Свой свѣтъ со ясныхъ очей,
Красоту да со бѣла лица,
Душу да со бѣла тѣла,
Чуденъ крестъ да со бѣлой груди,
Свою хлѣбъ да соль столовую,
Перемѣнушку вѣковую.
Полети-тко ты,
Злодѣйная, великая кручинушка,
На ретливое сердечушко,
Ты летѣла по птичьему,
Говори по человѣчьему
Какъ ко желанному ко дядюшкѣ,
Ко судьямъ немилосливымъ,
Ко сердечкамъ нежалосливымъ [1].
Какъ желанный милый дядюшка

[1]) Дядя-то былъ человѣкъ подначальный—монастырскій служитель.

Не знаетъ, предъ чимъ сердце свивается,
Оно кровью обливается,
Онъ не знаетъ, желанный дядюшка,
Что съ сыномъ разставается.
Какъ послушай-ка, желанная тетинька!
Какъ твоя-то удалая головушка
Подъ замахамы подъ грозныма,
Подъ ударамы подъ больныма,
Такъ пойдемъ-ка, желанная тетинька,
Въ казначейство государево,
Тамъ возьмемъ-ка листъ бумаженьки гербовыя.
Какъ по нашемъ роду-племени
Грамотные-то все учливые,
Писаря все умильные,
Напишутъ намъ, бѣднымъ,
Его лицюшко-то блеклое,
Его тѣло-то мертвое,
Всю стѣнь-то человѣческую.
Какъ посудьячу, поретую,
Попеняю, пообидую
Ко родителю ко матушкѣ,
Что не спустила меня, бѣдную,
Ко любимому жадобному
Ко братцу двуродимому:
Я сидѣла бы, горюшица,
У трудной, больной постелюшки
И попросила бы, бѣднушка,
У братца двуродимаго,
Буде сказалъ мнѣ, бѣднушкѣ,
Хоть одно тайно словечушко,
Такъ сказала бы, горюшица,
Я желанной милой тетинькѣ.
Я поотдала бы, бѣднушка,
Борзой, скорой смеретушкѣ
Я бы цвѣтны вѣдь платьица,
Я прокладну житье-жирушку,
Я безъ счета да золоту казну,

У родителя у матушки
Больно стадо бы дѣтинное,
Только не отдала бы братца двуродимаго.

9.

Что на горѣ сыръ дубъ стоитъ,
Онъ безъ вѣтрышка шатается,
Безъ дождя онъ уливается.
Много, много у сыра дуба,
Много витья и павитья,
Много витья зеленаго
(Много винограду кудряваго).
Только нѣту у сыра дуба,
Золотой нѣту вершинушки,
Позолоченой маковки,
Что теперь-то было надобно,
Что въ эту пору-времячко,
Что къ лѣту-то красному,
Что къ веснѣ-то розливной.
Много, много у красной дѣвицы,
Много рода и племени,
Много сродцевъ и сродничковъ,
Много ближніихъ пріятелей,
Да сосѣдовъ спорядобныихъ.
Только нѣту у красной дѣвицы,
Нѣтъ родителя-матушки,
Что теперь-то было надобно,
Что въ эту пору-времячко,
Къ благословеньицу великому.
Кормить-поить есть кому [1]),
Благословить ее не кому:
Благословляютъ все чужи люди,
Чужи люди, посторонніе,
Все сосѣди спорядобные.

---

[1]) Снарядить младу есть кому.

Въ случаѣ если у невѣсты нѣтъ матери, а есть только отецъ, то поютъ:

Благословляетъ ее батюшка
Съ крестовой ея матушкой.

(Записана мною въ Петрозаводскѣ и повѣрена въ разныхъ мѣстахъ Петрозаводскаго уѣзда.)

10.

ПЛАЧЪ НЕВѢСТЫ СИРОТЫ НА МОГИЛѢ РОДИТЕЛЕЙ.

Кормить-поить есть кому,
А благословить младой не кому:
Нѣтъ кормильца свѣта-батюшка,
Нѣтъ родителя-матушки.
Поджидай, мое солнышко, братецъ родимыій,
Со Никольской дубравушки
Кормильца свѣта-батюшка.
Посулился родный батюшко
При скорой смеретушкѣ,
При послѣднемъ часу-времени,
На крѣпкое рукобитьице,
На послѣднее прощаньице,
На вѣковое благословеньице.

(Сообщенъ А. И. Ивановымъ, записанъ въ Ялгубскомъ погостѣ.)

БЫТОВЫЯ ПѢСНИ

РАЗНАГО РОДА.

БЫТОВЫЯ ПѢСНИ РАЗНАГО РОДА.

1. БЕСѢДЫ И БЕСѢДНЫЯ ПѢСНИ ВЪ УѢЗДАХЪ ПЕТРОЗАВОДСКОМЪ И ПОВѢНЕЦКОМЪ.

Бесѣды начинаются въ Олонецкой губерніи съ октября мѣсяца и продолжаются до масляницы. Онѣ соотвѣтствуютъ посидѣлкамъ великорусскихъ губерній, и разница бесѣдъ отъ посидѣлокъ состоитъ въ томъ, что на послѣднихъ дѣвушки въ самомъ дѣлѣ работаютъ, и молодежь веселится между дѣломъ; а на бесѣдахъ въ будни работаютъ только на словахъ, въ праздникъ же приходятъ совсѣмъ безъ рукодѣлья, и время проводится въ забавахъ разнаго рода, пѣньѣ, пляскахъ и играхъ. Въ Заонежьѣ выборъ и порядокъ этихъ забавъ не зависятъ отъ произвола или случая, а большею частію опредѣлены заранѣе обычаемъ, который почти всегда строго соблюдается. Игра слѣдуетъ за игрой въ извѣстномъ порядкѣ, пляска за пляской; во время каждой игры или пляски поются пѣсни только извѣстнаго рода и напѣва.

Съ октября молодежь олонецкихъ деревень выбираетъ какуюнибудь просторную и чистую избу и собирается въ ней, въ продолженіе цѣлой зимы, почти каждый день съ 7 часовъ вечера. Парни, принимающіе участіе въ играхъ, платятъ хозяину избы за постой, освѣщеніе и безпокойство или ежедневно по 2 или по 3 коп. сер. съ человѣка, или по 25—30 коп. за зиму; дѣвушки пользуются правомъ входа безплатно [1]). Такъ какъ нѣкоторыя пляски требуютъ музыки, то на этотъ предметъ парни дѣлаютъ между собою особую складчину, которая въ Зао-

[1]) На югѣ Петрозав. уѣзда платятъ и дѣвушки.

нежъ доходитъ за все время бесѣдное до рубля серебромъ и болѣе, и отдаютъ ее играющему на балалайкѣ или на гармоніи.

Вотъ передъ нами просторная изба. Потолокъ ея забранъ досками въ переплетъ [1]); налѣво отъ дверей русская печь съ большою запечкою и полатями; вдоль стѣнъ тянутся лавки, надъ ними надлавочники, а въ лицевомъ углу полки въ нѣсколько рядовъ; надлавочники соединяются крестъ-на-крестъ воронцомъ [2]). Между почестнымъ большимъ угломъ, гдѣ образа, и лицевымъ находятся три окна: середнее *красное*—побольше, а по сторонамъ его *волоковыя* — нѣсколько поменьше. На воронцѣ и надлавочникахъ поставлено нѣсколько свѣчей, столъ сдвинутъ отъ почестнаго угла къ заднему, *полоненому*, направо отъ входа.

Изба полна народа. Сюда собрались не только сосѣди, но и сошлись и съѣхались парни и дѣвушки изъ окольныхъ деревень, пожалуй, за 10 и за 15 верстъ. Дѣвушки разсѣлись на лавкахъ отъ печки до лицевого угла и отъ него до краснаго окна. Богатыя разодѣты въ красные парчевые и штофные сарафаны, перехваченные у таліи поясомъ изъ лентъ, и тонкія сорочки съ польскими (коротенькими) рукавами. На шеѣ у нихъ пестрые платки, которые не закрываютъ жемчужныхъ ожерельевъ; въ ушахъ большія жемчужныя серьги; на головѣ поднизь, т.-е. сѣтка изъ лошадинаго волоса, изнасаженнаго жемчугомъ, которая, какъ кружево, обрамляетъ лобъ и спускается къ ушамъ. — Поднизь состоитъ изъ нѣсколькихъ кружевныхъ сборовъ, и чѣмъ богаче дѣвушка, тѣмъ больше сборовъ въ сѣткѣ. У нѣкоторыхъ, кромѣ сѣтки,—*челочокъ*, т.-е. коронка изъ жемчуга. Молодицы, старухи, женатые мужики сидятъ на лавкахъ у печи и на запечкѣ и не принимаютъ непосредственнаго участія въ забавахъ. Развѣ только какая-нибудь старуха держитъ въ рукахъ зажженную лучину и хлопочетъ не столь-

[1]) Изъ трехъ досокъ середняя закрываетъ собою нѣсколько боковыя.—Переплетъ называется также и польскимъ потолкомъ.

[2]) Воронецъ—доска, которая идетъ отъ правой стѣны къ лѣвой и отъ печки къ лицевой стѣнѣ. Въ старыхъ избахъ воронецъ привѣшивается къ потолку на веревкахъ.

ко о томъ, чтобы свѣтить играющимъ, сколько о томъ, чтобы не прожечь полъ или не подпалить кого-нибудь изъ сосѣдей. Хозяинъ стоитъ у стола и принимаетъ отъ парней плату за входъ. Парни размѣстились отъ краснаго окна до почестнаго угла и отъ него до полоненаго. На нихъ синіе кафтаны и поддевки, а бурлаки, т.-е. тѣ, которые ходятъ въ Петербургъ на заработки, разрядились въ длинные сюртуки и даже въ пальто-пальмерстонъ.

Когда соберется полный сборъ парней и дѣвушекъ, бесѣда открывается слѣдующею пѣснею:

1.

Ты, хозяинъ, благослови,
Господинъ, благослови,
Трожды по избы пройди,
Словцо вымолви,
Нѣтъ ли лишняго бревна,
Выше краснаго окна,
Ниже потолока?

Затѣмъ начинается игра *пелепелка* пѣснею:

2.

Гдѣ, гдѣ пелепелка,
Гдѣ, гдѣ молодая?
На дѣвкахъ пелепелка,
На дѣвкахъ молодая.
Туды-суды полетѣла
Тому-сему крыло дала,
Кому любо, золотое.
Кому слюбится, приголубится,
Кому хочется, тотъ сволочится,
Наколотится и взадъ воротится.
Кому тошно по насъ,
Тотъ и будетъ у насъ;
Кому не тошно,
Идти не почто;

Миновать мудрено,
А бросить не за что.
Пелепелка-ль ты моя,
Молодэнькая ты-ль моя!

Самая игра состоитъ въ томъ, что парень подойдетъ къ дѣвушкѣ, ударитъ ее по плечу, обмѣнится съ ней низкимъ поклономъ и воротится на свое мѣсто [1]). Затѣмъ подымаются съ лавокъ дѣвушки, подходятъ къ парнямъ, отплачиваютъ имъ ударомъ и поклономъ и разсаживаются по своимъ мѣстамъ. Эта церемонія продолжается подъ звуки пѣсни до тѣхъ поръ, пока, по народному выраженію, парни и дѣвушки не поколотятся со всѣми, которые имъ любятся.

За пелепелкой слѣдуетъ непремѣнно *утушка*. Дѣвушки запоютъ:

3.

Утушка, поплавай-ка,
Сѣрая, со селезнемъ,
Молодецъ, со дѣвушкой!
— Ради васъ поплаваю,
— Сама я изъ круга вонъ пойду.

А сами становятся въ рядъ и выкликаютъ парней, которые имъ по мысли; берутъ ихъ за руки, то сводятъ въ тактъ обѣ руки вмѣстѣ, то разводятъ по сторонамъ. А молодецъ между тѣмъ нагибается къ дѣвушкѣ и шепчетъ ей на ухо задушевныя рѣчи. Во все время игры хоръ дѣвушекъ и парней поетъ:

4.

Не яхонтикъ по горницы катался,
Не скаченъ [2]) жемчугъ по блюду розсыпался,
Добрый молодецъ жениться собирался
На душечкѣ на красной на дѣвицы.

[1]) На югѣ Петрозаводскаго уѣзда всѣ парни по очереди берутъ каждую изъ дѣвицъ, и, сдѣлавъ вмѣстѣ два круга, кланяются имъ и благодарятъ за то, что не отказались идти за нихъ замужъ. Это называется „жениться“.

[2]) Скатенъ.

Его матушка провожала,
Государыня родима снаряжала,
Хорошо ему кудерки разчесала,
На поѣздкѣ таково слово сказала:
« Ты поѣдешь, мое дитятко, жениться
« На душечкѣ на красной на дѣвицы:
« Тобѣ будутъ дѣвицы пѣсни пѣти,
« Ко тобѣ, сударь, невѣсту припѣвати,
« Тобя умницей называти,
« Разумницей звеличати;
« Не дари-тко ихъ рублемъ и не полтиной,
« А унижайся своимъ низкіимъ поклономъ,
« Еще паче того поцѣлуемъ. »

5.

Ты почто, мати, хорошу родила,
Хорошую, счастливую,
Гладко голову расчесывала,
Ко обѣднѣ отнаряживала?
Мнѣ нельзя, мати, къ обѣденкѣ идти,
Мнѣ нельзя, мать, Богу кланяться,—
Весь народъ люди зарятся:
« Это чья это хорошая-баска? »
Напогощаны пуще всѣхъ:
Попъ тотъ запѣвается,
Дьяконъ въ книгу зачитается,
Пономарь звонитъ-мѣшается,
Добрый молодецъ про то же говоритъ:
— Это чья это хорошая-баска:
— Взялъ бы дѣвушку замужъ за себя.

6.

Не стойки по стойкамъ стоятъ,
Не винтовки въ саду говорятъ,
Не серебряны поступочки,

Не малиновые пруточки.
А жениться пора,
Красной дѣвицы идти времена [1]),
Холостому время свататься.
Гдѣ сватали, тутъ не дали,
Гдѣ не сватали, тутъ двѣ-три даютъ.
Полдесятка навязываютъ,
Все старыя, все малыя,
Все людишки неудалыя.

7.

Поблекло, поблекло лице,
Противъ сѣверика [2]) идучи,
На дѣвушкинъ домъ глядючи.
Во терему дѣвица сидитъ,
Жемчужное ожереньице садитъ.
Розсыпалось ожереньице
По всему ли высоку терему.
Не собрать, собрать жемчужку
Не братцамъ-яснымъ соколамъ,
Не сестрицамъ-бѣлымъ лебедямъ
Соберетъ, соберетъ жемчужокъ
Че удалый, добрый молодецъ
Со душой со красной дѣвушкою).

---

[1]) Вар.: Молодцамъ-то жениться пора,
Пора дѣвушекъ взять за себя.
Была теща-то ласковая,
Невѣсты хорошія,
Чернобровыя, пригожія,
Черноглазеньки, басеньки;
Молодцы-то кудревастеньки,
На улицахъ катаются,
Быдто сахаръ разсыпаются,
Жениться собираются.
Жениться захочется:
Отъ порожка сволочется,
Отъ порожка до лавочекъ,
До дѣвушкиныхъ прялочекъ.

[2]) Сѣверный вѣтеръ.

Тутъ припѣвается молодецъ къ дѣвицѣ.

8.

На кабакъ иде дѣтина, скаче, пляше,
Съ кабака иде дѣтина, тужитъ, плаче:
— Отворяй, жена, широкія ворота! —
Поскорешенько младэшенька вставала,
Я покрѣпче ворота запирала,
Посмѣлѣя со невѣжей говорила:
« Ужъ ты гдѣ, моя надежа, напивался,
« Поди тамъ, моя надежа, прохмѣляйся!
« Тобѣ мягкая постеля—снѣга бѣлы,
« Тобѣ тепло одѣяло—лютые морозы,
« Крутоскладно изголовьице—заносы [1]),
« Шитый браный положечекъ—часты звѣзды,
« Тебѣ часты поцѣлуи—сѣры волки.
« Я сама ли, молодэнька, на постели,
« Выбирать стану, младэнька, молодого,
« Молодаго я собѣ дружка иного,
« Чтобы допьяна онъ не спивался,
« И надъ женушкой надъ мною не ломался» [2]).

9.

Красна дѣвица коровъ доила,
Скрозь платочекъ молочко цѣдила,
Цѣдила-выцѣживала, [3])
Говорила-прибубенкивала:
« Не женись-ка, не женись, молодецъ,
« Не женись-ка, удалая голова!
« Проживешь,—проживешь, молодецъ,
« Проживешь, проволочишься,
« Межу красныма дѣвушкамы,
« Межъ молодыма молодушкамы.

---

[1]) Сугробы снѣга въ селеніяхъ.

[2]) Эта превосходная пѣсня сохранилась и въ черниговскихъ слободахъ, смотр. слѣд. отдѣлъ.

[3]) Вар: Цѣдила-приговаривала.

« Скажутъ, съ дѣвкамы жить добро,
« Съ молодухамы спать тепло,
« Со старухамы холодно.
« Надолызла волокитушка твоя
« По чистому полю ходючись,
« Подъ капелюшкою стоючись.
« Капелюшка: капъ, капъ, капъ,—
« На моемъ-то сердцѣ: такъ, такъ, такъ!
« Не увидѣлъ бы старикъ-жадовикъ,
« Не ударилъ бы березиною,
« Не прибавилъ черемшиной,
« Не заставилъ бы сугорбивши въ гости ходить,
« Не приневолилъ бы стараго любить.
« У стараго много робятъ есть,
« У молодаго никого нѣтъ».

10.

Скоморохъ ходилъ по улицы,
Удалой ходилъ по широкой.
Ужъ онъ бьется-колотится
У души у красной дѣвицы
Подъ окошечкомъ косявчетымъ,
У дѣвицы сдоложается:
« Ты спусти, спусти, дѣвица, постоять,
« Спусти, красна, скомороха ночевать,
« Удалаго на тисовую кровать.
« Скоморохи люди вѣжливые,
« Скоморохи люди честливые.»

Наигравшись въ утушку, пары разсаживаются по своимъ мѣстамъ и отдыхаютъ. Затѣмъ нѣсколько парней и дѣвушекъ выходятъ на середину избы и пляшутъ *сорви голову*. Мужчина и женщина схватываются сначала лѣвою рукою и быстро вертятся на одномъ мѣстѣ, а потомъ перехватываются правою рукою и кружатся въ другую сторону, а въ это время хоръ поетъ:

11.

Зимушка-зима студена, холодна,
Заморозила зима дородняго молодца,
Всю травку-муравку повызнобила,
Съ шелковой травы цвѣты повысушила,
Молода жена мужа повыкрушила.
Какъ бы та вѣра была, старика продала,
Не дорого бъ взяла, стара даромъ отдала;
Я прибавила бъ полтину и купила бы дѣтину,
Полюбила бы молодчика молодэнькаго,
Молодэнькаго, собѣ хорошенькаго,
Черноброва, черноглаза,
Русокудревата,
Русы кудри завитыя,
Алой лентой повитыя,
Съ алыма, со малыма съ ленточкамы,
Съ дорогима, золотыма прозументикамы.

12.

Чернобровая поджариста!
Не ты ль меня изсушила,
Безъ мороза сердце вызнобила,
Заставила сугорбивши ходить,
Приневолила стараго [1]) полюбить.
Поди, любушка, замужъ за меня,
Красавица, за дородня молодца.
« Я нейду-нейду, не здумала итти,
« Право я ли не надумалась.
« Вечеръ слышала словечко про тобя:
« Иде славушка не очень хороша,
« Скажутъ, пьешь, милый, винцо и пивцо,
« Табачекъ, милый, понюхиваешь,
« Сладкой водочкой закусываешь.»
— Право, любушка, нигдѣ я не бывалъ,

---

[1]) Себя самого онъ называетъ старымъ.

— Окромя тобя никого не видалъ,
— Окромя вина ничего не пивалъ.

Затѣмъ заводится *кругъ*. Молодецъ выбираетъ дѣвушку и съ нею заводитъ кругъ, къ нимъ примыкаетъ другая пара, потомъ третья, четвертая и т. д. Пары то свиваются, то развиваются подъ протяжный напѣвъ слѣдующихъ пѣсенъ:

13.

Полно, солнышко, изъ-за лѣсу свѣтить,
Полно, красно, въ саду яблочко сушить,
Полно, дѣвица, по молодцѣ тужить!
« Уже какъ мнѣ не плакать, не тужить:
« Больше во вѣкъ дружка такого не найтить,
« Мнѣ ни голосомъ, ни волосомъ дружка,
« И ни ростомъ, ни поступкой красоты,
« Ни его ли молодэцкой чистоты!»
На молодца незгодушка пришла,
На удалаго сударушка гнѣвна,
Гнѣвна-гнѣвна, сердита на меня:
Ена сердится, не срѣтится со мной,
А хоть и срѣтится, не кланяется намъ,
А и поклонится, въ глаза мнѣ не глядитъ,
А и погляне, ничего не говоритъ.
Не свѣтелъ мѣсяцъ всю темну ночь свѣтилъ,
Часты звѣздочки до утренней зори,
Зоря-бѣлый день въ окошечко взошла,
Ко мнѣ любушка сама въ гости пришла,
Всѣ утѣхи, всѣ забавы принесла,
Въ окошечко бѣлы руки подала,
Во другое увѣряла молодца:
« Чернобровый, черноглазый, милый мой!
« Неразлучная любовь наша съ тобой.
« Приде время, мы разстанемся съ тобой.
« Вечеръ поздо я въ бесѣды сидѣла,
« Про милаго тако слово слышала:
« Тобя, миленькій, женить скоро хотятъ,

« Тобя женя, меня за мужъ выдаютъ.
« Ты поѣдешь, милъ, дорожкой столбовой,
« Заѣзжай, милый, проститься хоть со мной.»
— Я заѣхалъ бы, мнѣ воля не своя:
— Навязалась зла-негодная жена,
— Не спуститъ на улицу погулять,
— По большимъ хороводамъ танцевать,
— А хоть спуститъ, въ окошечко приглядитъ,
— Меня, добра молодца, въ глаза журитъ-бранитъ.

14.

Полно зимушкѣ зимовати,
Пора матушкѣ-весны наступати;
Полно, миленькой, пить-гуляти,
Моему сердцу тоску нагоняти!
Моему сердцу тошно,
Пособить горю никакъ невозможно:
Хотитъ батюшко дѣвку замужъ отдавати,
Родна матушка замужъ не за ровню,
Не за ровнюшку замужъ, за стараго.
Не за ровнюшкой, дѣвушка, жить не стану,
А стараго мужа стану проклинати,
Собѣ ровнушку стану выбирати,
Далеко ровню буду провожати.

15 [1]).

Охъ вы, слезушки, вы, горючія мои!
Не катитесь-ка вы, слезушки, изъ глазъ,
Мнѣ теперича, слезы, не до васъ,
Не до васъ-то, мои слезы:
Во солдаты везутъ насъ,
Нѣту радости отъ васъ,
Нѣту радости-веселья . . .

[1]) Эта пѣсня новая.

Я безъ милаго спать не лягу,
Безъ надеженьки вовсе не усну,
Спомню, здумаю про дружка милаго,
Не огнемъ мое сердечушко горитъ,
Не огнемъ мое сердечушко, смолой,
Быдто въ синемъ морѣ ключъ кипитъ,
Кипитъ ключикъ безпокидно [1]).
Далеко милый живетъ,
Живе далеко-далече на чужой стороны,
На чужой милой сторонушкѣ, во матушкѣ во Москвы,
Во матушкѣ во Москвы, на казенныхъ корабляхъ,
На военныхъ на казенныхъ, неизвѣстно куды шелъ,
Неизвѣстно куды сшелъ, мнѣ-ка вѣдомъ не пришелъ.

Послѣ *круга* обыкновенно пляшутъ *шенъ* или *шестерку*. Послѣдняя пляска гораздо оригинальнѣе первой, представляющей неполное и неудачное подражаніе кадрили, и совершенно вытѣсняетъ ее изъ употребленія. Въ шестеркѣ нѣсколько паръ становятся другъ противъ друга и выплясываютъ по избѣ восьмую цифру. Мужчина идетъ вслѣдъ за женщиною и старается выкинуть ногами самыя мудреныя фигуры. Во время пляски играютъ на балалайкѣ или на гармоніи и поютъ пѣсни:

16.

Хмѣль, мой хмѣль, веселая голова,
Веселая голова, широкая борода!
Отчего жъ, мой хмѣль, заряждаешься,
Почему жъ, мой хмѣль, подымаешься?
Заряждался хмѣль отъ сырой земли,
Подымался хмѣль по точинкѣ вверхъ,
По той по точиночкѣ по тонсенькой.
Кто за хмѣлемъ поводится, тотъ будетъ человѣкъ.
Поводился за хмѣлинушкой дѣтинушка:
У дѣтины-сиротины ни уса ль, ни бороды,
Ни уса, ни бороды, ни ума въ головы.

---

[1]) Безостановочно.

17.

Право, матушка, мнѣ тошненько,
Государыня родима, тяжеленько:
На роду такого не бывало,
Какъ вечеръ тоска нападала,
Напала тоскичушка немала
На мою ли на побѣдну на головку,
На мое ли на ретивое сердечко.
Вы, ребятушки молодые,
Молодые, молодые, удалые!
Подхватили ребята новы моды,
Новы моды, новы моды, черны шляпы,
Черны шляпы, черны шляпы, алы ленты,
Алы ленты, алы ленты, новы пряжки,
Новы пряжки, новы пряжки, для признашки,
Чтобъ дѣвушки признавали,
Души-красныя дѣвицы примѣчали.

18.

Рѣчка быстренькая, хоботистенькая!
Не широкая рѣчка, не глубокая,
Перевозу на ней нѣтъ,
Перегрузу на ней нѣтъ.
Я по жердочкѣ шла, я по тоненькой,
Я по тоненькой по еловенькой,
Тонка жердочка гнется, не ломится,
Хорошо съ милымъ живется, не стоснется,
Хоть и стоснется, востоскуется,
Востоскуется, замужъ выдется,
Замужъ выдется, гулять захочется.

19.

Была Дунюшка щеплива, Одотьюшка [1]) щегольлива,
Щеплива, щегольлива, на рыночекъ выходила,

[1]) Авдотьюшка.

На рыночекъ выходила, туфеленочки купила,
Дала за туфелки рублевикъ, за чулочки полтора,
За чулочки полтора, за пряжечки два рубля.
Туфель на чулокъ не влязя [1]), на босую ногу врядъ,
На босую ногу врядъ, туфли къ милому глядятъ,
Туфли къ милому глядятъ, поскочить скоро хотятъ,
Поскочить скоро хотятъ, цѣловать дружка велятъ.
« Поцѣлую я иную, хорошую-баскую,
« Хорошую-баскую, петербургску щегольскую,
« Я худую худельбу одинъ разъ обойму.»
— Пріолентикъ голубой, пріятель мой дорогой,
— Пріятель мой дорогой, проводи меня домой,
— Проводи меня домой до фатеры до своей,
— До фатеры до своей, до матушки до родной,
— До матушки до родной, до кровати тесовой,
— До кровати тесовой, до перины пуховой.
— Я, худая худельба, поразхвасталась:
— Я вечеръ молода въ бесѣды сидѣла,
— Наѣзжіе ребята разгуливались,
— Красныхъ дѣвокъ цѣловали, хорошую двожды,
— Хорошую двожды, пригожую трожды,
— Пригожую трожды, разлапушку семь разъ,
— Разлапушку семь разъ, ради ей веселья,
— Я была, худа, одинъ разъ обнята.

20.

На кабакъ иде дѣтина, будто маковъ цвѣтъ,
Съ кабака иде дѣтина, будто мать родила,
Стрѣчала-примѣчала молода жена:
« Поди, плѣшникъ, домой, поди, курвяжникъ, домой!
« Прожилъ-прогулялъ житье-бытьё свое,
« Все житье-бытье свое, все приданое мое,
« Все приданое мое, дѣдье [2]) матернее.»
— Помолчи, бѣдна жена, ты не будешь голодна!

---

[1]) Не влѣзетъ.
[2]) Дѣдовское.

— Теплыхъ денъ дождусь, въ казаки [1]) наймусь,
— Три рубли возьму, гарнитуръ куплю,
— Гарнитуръ куплю, сарафанъ сошью.
— Сарафанъ сошью, на себя сопью,
— Мѣшокъ сошью, тебя въ міръ спущу.
— Поди, бѣдна жена, по подоконьямъ,
— Оберай, бѣдна жена, куски ломаные,
— Куски ломаные, ломти рѣзаные.

Между плясками парни и дѣвушки играютъ въ разныя игры. Изъ этихъ игръ самая оригинальная и интересная въ «околъ города».

Всѣ парни и дѣвушки становятся попарно въ кругъ, при чемъ каждая пара поочередно представляетъ царевича и царевну, прочіе же называются князьями-боярами. Пока поютъ пѣсню, царевичъ ходитъ около круга:

21.

Вовъ городѣ царевна, царевна,
Какъ за городомъ царевъ сынъ, царевъ сынъ,
Какъ по городу щеголяетъ, щеголяетъ,
Шелковымъ платкомъ махаетъ, махаетъ,
Золотымъ перстнемъ сіяетъ, сіяетъ.
Отворяйтесь-ко, ворота, ворота,
Какъ царевъ сынъ вовъ городъ, вовъ городъ.
Поклонитесь-ко пониже, пониже,
Какъ еще того пониже, пониже,
Поцѣлуйтесь помилѣе, помилѣе,
И еще того милѣе, милѣе;
Ты возьми-ко, свѣтъ, за ручку, за ручку,
Обведи кругъ городочка, городочка!
Посмотрите-ко, міряна, міряна,
Какова я молодая, молодая:
Изъ станка дѣвка высока, высока,

[1]) Работники.

Изъ бѣлилъ дѣвка бѣленька, бѣленька,
Изъ румянъ—румяненька, румяненька.

А царевна стоитъ въ серединѣ круга. Мѣсто, которое они занимали прежде, остается пустымъ и считается воротами города. При словахъ пѣсни: «просимъ милости, царевъ сынъ, въ городъ», или: «отворяйтесь-ко ворота, ворота», царевна кланяется царевичу, онъ ей отвѣчаетъ тоже поклономъ и становится въ воротахъ. Затѣмъ царевичъ понемножку подвигается къ царевнѣ, обнимаетъ ее или беретъ за руки и ходитъ, обнявшись или рука объ руку, въ серединѣ круга. Каждый царевичъ заканчиваетъ игру тѣмъ, что, ходючи вокругъ города, показываетъ князьямъ-боярамъ свою молодую.

О святкахъ парни являются на бесѣды *окрутчиками*, т.-е. наряжаются скоморохами и калѣками. Скоморохи должны одѣться въ свое же платье, только вывороченное на изнанку, и прикрыть лицо платкомъ или маскою, а калѣки и нищіе покрываются какимъ-нибудь дырявымъ старьемъ, придѣлываютъ на спину горбъ и навѣшиваютъ на себя кошели и корзинки. Первые пляшутъ и выдѣлываютъ разныя штуки [1]), а вторые подходятъ къ зрителямъ просить у нихъ милостыни.

22.

(Поется въ Петрозаводскомъ уѣздѣ на свадебныхъ вечеринкахъ.)

Какъ сказали-пробаяли,
Говорили-прославили,
Что Андрей-то грозенъ,
Свѣтъ Петровичъ-то немилосливъ.
Онъ грозенъ, сударь, немилосливъ,
До Катеринушки нежалосливъ,
До Васильевной немилосливъ.
Онъ повадился въ высокъ теремъ ходить,
Онъ заводилъ ли погрядочку [2]),

---

[1]) Человѣкъ, хорошо выдѣлывающій изъ себя фигуры, въ Заонежьѣ получаетъ прозвище „изнимальника“.

[2]) Бѣлая браненая занавѣска у кровати; у черниговскихъ слобожанъ— „чистый браный положечекъ“.

Заузорчатую завѣсу,
Онъ завидѣлъ душу, высмотрѣлъ
Душу красную дѣвицу,
Катерину свѣтъ Васильевну.
Онъ ступилъ на правую ногу,
Онъ прижалъ правую рученьку,
Во правой рукѣ златой перстень,
Во лѣвой позолочено кольцо.
Какъ расплакалась Катеринушка душа,
Растужилася Васильевна:
« А мнѣ какъ придти къ батюшку,
« Сдоложиться къ родной матушкѣ?»
Андрей-то догадливъ былъ:
— Уже такъ скажи, Катеринушка душа,
— Уже такъ скажи, Васильевна!
— Я ходила по новымъ сѣнямъ,
— Я искала золоты ключи,
— Отмыкала всѣ ларцы-сундуки,
— Я искала тонкосинее сукно,
— Да кроила Андрею кафтанъ,
— Чтобъ не дологъ, не коротокъ былъ,
— По подолу былъ раструбистый,
— Кругъ сердечушка поджимистый,
— Чтобъ полегче на добра коня скочить,
— Да поскорѣе ѣхати ко тещенькѣ,
— Къ богоданной своей матушкѣ.

23.

(Поется, какъ невѣсту къ вѣнцу вести.)

Ай, лелѣй-ка, сполелѣй, да сине море!
А какъ не долго синю морю лелѣявати,
Ай, какъ въ лѣто отъ весны до осени:
Ай, какъ придутъ ли на тебя лютые морозы,
Ай, что лютые морозы Крещенскіе,
Ай, заморозятъ тебя крѣпко на крѣпко,
Ай, заморозятъ тебя плотно на плотно.

Ай, лелѣй-ка, сполелѣй, мати, дочерь свою!
Ай, не долго Аннушкѣ въ дѣвушкахъ сидѣть,
Ай, не долго Дмитревнѣ въ красненькихъ сидѣть:
Ай, какъ наѣдетъ Егорушка съ большимъ поѣздомъ,
Ай, какъ наѣдетъ Степановичъ со широкіимъ,
Ай, какъ возьметъ нашу Аннушку за бѣлы руки,
Ай, какъ возьметъ Дмитревну за злаченые перстни;
Ай, какъ повезетъ нашу умницу ко суду ли Божью,
Ко суду ли Божью, во Божью церкву,
Во Божью церкву, ко злату вѣнцу.
Ай, у суда ли Божья голова болитъ,
Подъ златымъ вѣнцомъ ножки ломятся,
Ай, во бѣлыихъ во рукахъ свѣчи гасятся,
Ай, со ясныхъ со очей слезы катятся.

24.

(Тамъ же, въ окрестностяхъ города.)

Во полѣ березонька стояла,
Во полѣ кудрявая стояла [1]).
Не кому въ чистомъ полѣ гуляти,
Бѣлую березку заломати...
Ужъ какъ я пойду, я загуляю,
Бѣлую березку заломаю,
Выломлю я три пруточка,
Сдѣлаю я три гудочка,
Въ четвертыхъ-то балалайку.
Стану въ балалаечку играти,
Стану я стара мужа будити:
« Ужъ ты встань, мой мужъ, проснись,
« Старъ мой мужъ, пробудись!
« На тебѣ умоечки,—умойся,
« На ти рукотерничекъ,—утрися,
« На тебѣ заслонка,—помолися,
« На ти простокиша,—захлебнися! »

[1]) Припѣвъ: Ай люли, люли, кудрявая стояла.

25.

(Въ Остречинахъ.)

Не вызрѣвшей рябинушки
Нельзя заломать,
Не выросшей дѣвушки
Нельзя замужъ взять.
Я пойду, рябину заломаю,
Сдѣлаю я два гудочка,
Стану я стараго будити:
« Стань, мой старъ, пробудися,
« Вотъ тебѣ помои—умойся,
« Вотъ тебѣ рогожа—утрися,
« Вотъ тебѣ лопата—помолися. »
Стану я малаго будити:
« Стань, мой малъ, пробудися,
« Вотъ тебѣ грязна вода,—умойся,
« Вотъ тебѣ тряпица,—утрися,
« Вотъ тебѣ заслонка,—помолися! »
Стану я ревнюшку [1]) будити:
« Стань-ко, ревнюшка, пробудися,
« Тутъ есть ключева вода,—умойся,
« Вотъ тебѣ платочекъ,—оботрися,
« Вотъ тебѣ икона,—помолися. »
Старъ мужъ на руку ложится,
Словно колода валится,
Ревнюшка на руку ложится
Легче пера ли лебединаго;
Старый мужъ къ устамъ припадаетъ,
Словно смолой поливаетъ,
Ревнюшка къ устамъ припадаетъ,
Словно медомъ поливаетъ.

26 [2]).

(Петрозаводскаго уѣзда.)

Пойду прялицу хвачу,
На бесѣду покачу.

[1]) Ровню. [2]) Сравни № 9 въ Черниговскихъ пѣсняхъ.

Ужъ какъ пѣтухи пропѣли,
Я сижу таки, сижу;
Ужъ какъ другіе пропѣли,
Я еще посижу;
Ужъ какъ третьи пропѣли,
Заря взошла,
Я домой пошла.
Ужъ я прялочку на лавочку,
Я башмачки подъ кровать,
Сама скокъ на кровать.
Еще старой мужъ,
Еще старой гужъ,
Пробуждается:
« Не теперь ли, жена,
« Изъ бесѣды пришла? »
— Охъ ты, старой мужъ,
— Охъ ты, старой гужъ!
— Я хочу млада скочить,
— Хочу печку затопить,
— Киселя-каши варить,
— Тебя стараго кормить. —
« А спасибо ти, жена!
« Не забыла ты меня. »
— Ужъ мнѣ какъ тебя забыть,
— Какъ бы вовсе избыть. —
Сама рученьку подъ шею
Подкладываю,
Сама петельку на шейку
Налаживаю.
Тутъ я милому въ окошко
Конецъ подала:
— Ты тяни-тяни, милой,
— Потягай, дорогой! —
Старое огущище не сорвется,
У стараго шея не оторвется;
Еще старъ захрапѣлъ,
Будто спать захотѣлъ;

Рукамъ-ногамъ забилъ,
Будто чортъ задавилъ;
Еще лобъ залощилъ,
Глаза вытаращилъ.

27.

(Петрозаводскаго уѣзда.)

Какъ за рѣченькой было за Невагою,
За другою рѣчкой Перебрагою,
Не полынь-трава во полѣ шаталася,
Зашатался тамъ душа добрый молодецъ.
(Оповадился Ваня за рѣку ходить въ кабакъ,
Не въ кабакъ онъ ходитъ, къ цѣловальницы,
И не къ ней самой, къ ея дочери.
Я не дочь люблю,—сладку водочку,
Сладку водочку все вишневочку.
Съ этой водочки онъ сдѣлался пьянешенекъ) [1]).
Онъ не самъ зашелъ, не своей охотою,
Занесло его силою невольною,
Завела молодца неволюшка,
Чужа дальная сторонушка,
Поневолила жизнь его [2]) боерская,
Жизнь его боерская, служба государева:
Велика служба, служба съ утра день до вечера,
Съ утра день до вечера, часика до перваго.

28.

(Вытегорскаго уѣзда.)

Веселая голова, широкая борода,
Не ходи мимо сада,
Милъ, дорожки не тори,

[1]) Въ другихъ варіантахъ этой вставки съ 5 по 10 стихъ нѣтъ, и въ такомъ неискаженномъ видѣ пѣсня представляетъ какъ бы лирическую варіацію на начало былины о Настасьѣ Королевичнѣ.

[2]) Вар.: Наша.

Худой славы не клади:
Худа славушка пройдетъ,
Никто замужъ не возьметъ,
Ни приказный, ни купецъ,
Ни удалый молодецъ;
Отцу-матери безчестье,
Роду-племени укоръ,
Съ плечъ головушка долой.
Мнѣ нельзя идти съ тобой:
Скажутъ матушкѣ родной:
Скажутъ такъ, скажутъ сякъ,
Скажутъ иначе вотъ такъ.
Скажутъ, въ садикѣ была,
Рвала яблочки все наливчатыя,
Наливчатыя, все разсыпчатыя.
Я на блюдо положила,
На серебряный подносъ,
Ко милому относила
Во высокъ во теремъ.
Милый яблочки не приметъ,
Ничего не говоритъ,
Не отказываетъ, не приказываетъ.
Ужъ я стукнула ногой,
Сама съ терема долой:
« Оставайся, чортъ съ тобой!
« Не ломайся надо мной,
« Надъ моей русой косой,
« Надъ дѣвичьей красотой. »
На ступененьку ступила, призадумалась,
На другую ступила, образумилась,
Ворочуся я назадъ,
Дружку выговорю,
Въ глаза выругаю:
« Ты послушай-ко, негодный,
« Погадай-ка, негодяй,
« Я за что тебя люблю,
« За что жаловать хочу?

« Что на ноженьку легокъ,
« На босу ногу сапогъ,
« Во полночь гулять готовъ. »

(Эта пѣсня сообщена г. Петровымъ.)

29.

(Петрозаводскаго уѣзда.)

Плавала чарочка во сладкомъ меду,
Во сладкомъ меду у Николая въ дому.
Какъ у чарочки да у серебряной
Золотой у ней вѣнчикъ былъ;
А у Николая-то золотой обычай былъ,
Что ни ѣстъ гдѣ, ни пьетъ,
Гдѣ онъ, сударь, ни кушаетъ,
Онъ домой идетъ къ молодой жены,
Ко двору онъ подъѣзжаетъ,
Молоду жену кличетъ:
« Александрушка, встрѣчай,
« Ты, Михайловна, встрѣчай! »
— Недосугъ, сударь, встрѣчати,
— Надо сына мнѣ качати.
— Ужъ я сынушка качаю,
— Перемѣну я начаю [1]),
— Я дочушку-то качаю,
— И гостибище [2]) начаю. —

30.

(Тамъ же.)

Всѣ мужья до женъ добры,
Накупили женамъ тафты.
Мой мужъ не ласковъ до меня,
Не купилъ онъ мнѣ шелкова платка;

[1] Надѣюсь.
[2]) Мѣсто, куда ходить въ гости.

Онъ коровушку купилъ,
Мнѣ заботку снарядилъ.
Лучше бъ масла пудъ,
Да муки купилъ мѣшокъ.
Я бъ стряпейку наняла:
Стряпеюшка постряпывала,
А я, млада, похаживала,
Каблучками приколачивала.
Вы, бѣлильца, румянца мои,
Дорогія, новокупленыя,
Въ зелено вино разложеныя,
На бѣло лицо положеныя!
Вы скатитесь со бѣла лица долой:
Ѣдетъ добрый мужъ домой,
Любимые подарочки везетъ,—
Шелкову плеть несвистаную
На молоду жену избалованую.

31.

(Тамъ же.)

Ты, отеческая дочь!
Не ходи гулять въ полночь,
Не ходи гулять въ полночь
Мимо моего двора,
Не прокладывай слѣда
Къ нову зелену саду.
Какъ у моего двора
Пріукатана, углажена гора,
Водою улита, каблуками убита.
Лишь я скокъ на ледокъ,
Окаянный башмачокъ,
Окаянный башмачокъ,
Поскользнулся каблучокъ,
Я упала на бочокъ.
Не слыхала, какъ упала,
Погляжу, млада,—лежу

Я на правомъ на боку,
Помираю со смѣху.
И я глядь-поглядь,
Меня некому поднять:
Шелъ дѣтина молодой,
Не женатый, холостой;
Я не знаю, какъ назвать,
Научилася солгать,
Его душенькой назвать:
« Ахъ ты, душенька-душа!
« Ужъ я радъ бы поднять,
« Со стороны люди глядятъ,
« Поимать меня хотятъ,
« Руки-ноги связать,
« Во солдатушки отдать,
« Во солдатушки отдать,—
« Отцу матери не ждать. »

32.

(Тамъ же.)

Я ходила по раменью,
Набрала беремя каменью.
За два камешка по грошику дала,
За цѣпочечку копеечку,
Я связала мужу на воротъ, воротъ,
Спустила мужа во сине море.
Посмотрѣть было съ сарайныхъ воротъ,
Далеко ль мой милый пловетъ.
Онъ пловетъ, воздохнется,
Молодой жены возмолится:
« Ужъ ты, женушка-жена моя!
« Ты достань-ко изъ синя моря меня.
« Буду всякія работы работать,
« По ночамъ буду ребятушекъ качать,
« По субботамъ буду баенки топить,
« Тебя, милую, въ баенку водить. »

33.

(Г. Петрозаводскъ.)

Ужъ какъ вздумалъ мой родитель-батюшко
Отдать-то меня во солдатушки,
Во солдатушки, во наборные полки,
Во наборные, принаполненные,
За небольшое за жалованьице:
По три денежки на суточки даютъ,
По полтинушкѣ на мѣсяцъ выдаютъ.
Я не знаю, куда денежки дѣвать,
То-ли молодцу пропить ли, прогулять,
Али молодцу на картахъ проиграть.

34.

Архан. Воргозер. Поется при отправкѣ рекрута.

Ты пеки, пеки, красно солнышко,
Ты свѣти, свѣти, свѣтелъ мѣсяцъ,
Ты со чистыми со звѣздами,
Ты со свѣтлою со луною,
Чтобы намъ, старикамъ-ворамъ-міроѣдамъ,
Чтобы видно было на кабакъ итти,
На кабакъ итти да дума думати:
У богатаго взять,—не отдати,
У бѣднаго взять,—дакъ раззорити.
Есть за рѣченькою, за рѣкою,
У вдовушки у старушки
Одинъ-одинакой сынъ Иванушко,
Намъ того отдать да во солдаты:
Онъ хорошъ-пригожъ да уродился,
Онъ дѣвушкамъ да прилюбился,
Онъ всему міру да пригодился.

---

[1]) Эта пѣсня сообщена торгующимъ крестьяниномъ Я. Гунинымъ, который замѣчаетъ: Пѣть эту пѣсню собираются со всего селенія старые и молодые: родные поютъ, а прочіе слушаютъ и плачутъ.

35.

(Дѣтская пѣсня.)

Уточка маховая,
Гдѣ ночéсь ночевала,
Гдѣ ночéсь побывала?
« Тамъ, тамъ на болотцѣ
« У Кузьмы-Демьяна,
« У святой Варвары.»
Печка топилась свѣтленько,
Кашка варилась густенько,
Пирожки на полкѣ прячутся,
Пиво въ бочкѣ дерется.
Шли, шли, шли скоморошки,
Выпрутали по пруточку.
Вы, гудки, не гудите,
Матушку не будите.
Матушка старенька,
Батюшка молоденекъ,
Три братья по службамъ,
Двѣ сестры по замужамъ.
Брата Романа убили,
Подъ колоколъ схоронили,
Кадильцемъ накадили,
Просвиркой помянули.
Кто по брата Романа поплачетъ?
Два волка мохнатые,
Двѣ свиньи горбатыя,
Двѣ курицы безхвостыя,
Да два пѣтуха безголовые.

(Записано въ г. Каргополѣ.)

36.

НЕБЫВАЛЬЩИНА О МИЗГИРѢ.

По край болота
Жили мызгирь толстой, клопъ простой,

Мошка грязная да строка некошная.
Онѣ завоевали да и заворовали:
Дескать другъ дружку и хвалятъ,
А мызгиря, борца, ни къ какому дѣлу не ставятъ.
Это мызгирю стало вредно,
И взяло его великое непокорство.
Онъ съ горя съ кручинушки
Ставъ ножками трясти
Да мережки плести
И ставить тѣ мережки
На тѣ путь-дорожки,
Гдѣ мухи летали.
Одна муха летала,
Да въ мережку и попала.
Мызгирь пришовъ,
Въ мережкѣ муху заставъ,
Ей руки и ноги связавъ
И ставъ ее бити-губити
И за горло давити,—
А муха—вопити.
Услыхала ихъ драку
Честная госпожа оса.
Она прилетѣла, въ скорости, боса,
Да и безъ пояса;
Прилетала, да тутъ же въ мережку и попала,
Однако рвалась да вырвалась
И говоритъ:
« Ахъ, тошно моей головѣ!
« Лучше жить бы мнѣ въ своей слободѣ:
« У насъ выѣзды частые,
« А у мызгиря, плута, вымыслы лихіе».
Вотъ пропустили про мызгиря такую славу,
Будто бы его заслали въ дальные города,
Будто бы ему тамъ руки и ноги связали
И шибко больно наказали.
Мухи послѣ того первую весенку летаютъ,
Да пѣсенки попѣваютъ;

Въ барскіе домы летаютъ,
Крестьянъ кусаютъ.
Какъ бы муху убить,
А она, плутовка, и улетитъ.
Вотъ мухамъ сталъ жаръ не по нутру,
И всѣ они забрались въ дуплю.
А мызгирь тогда сдружився
Съ клопомъ да съ таракномъ
И со сверчкомъ блинникомъ,
А дуплю подтенётивъ.
Сверчокъ-смовчокъ
Сѣвъ на коверъ
Да въ дудочку заигравъ,
А клопъ да тараканъ
Учали бить въ барабанъ,
Мухи такого шума испугались,
Тотчасъ всѣ изъ дупли выбирались,
И всѣ въ мережку попались.
Мызгирь ихъ въ мережкѣ заставъ,
Всѣмъ имъ руки-ноги связавъ,
И учавъ ихъ бити-губити
И больно за горло давити,
А мухи—вопити.
Тогда мухи, которыя и по волѣ летали,
Къ мызгирю тутъ прилетали,
И всѣ ему покорство воздавали.
Сему судному дѣлу конецъ,
А хто сложивъ про его,—молодецъ.

(Перепечатано изъ Волог. губ. вѣдом. 22 апрѣля 1866 г.)

2. Пѣсни, записанныя въ слободахъ Черниговской губерніи.

1. (Хороводная пѣсня.)

Одна изъ дѣвушекъ кладетъ что-нибудь похожее на камилавку подъ конецъ стола и ходитъ посреди хоровода, напѣвая:

Не мое дѣло черничкой быть,
Не мое дѣло въ келейкѣ сидѣть,

Не мое дѣло Богу молиться,
Не мое дѣло низко кланяться,
Не мое дѣло камилавку носить.
Только мое дѣло по саду ходить,
Только мое дѣло орѣшки щелкать,
Только мое дѣло меды щелыгать.
Положу-ткось я камилавку свою,
Положу камилавку подъ конецъ стола,
Вкругъ камилавочки похаживаю,
На камилавочку поглядываю,
Подыму-ткось я камилавочку,
Подарю-тко ее другу милому.

2 (тоже хороводная).

Ой, старецъ лихъ, лихоманецъ лихъ!
Не велитъ мнѣ бѣлиться, румяниться,
Велитъ въ келейкѣ сидѣть, Богу молиться,
Мнѣ ли молодешенькѣ не хочется,
Что хотѣлось молодешенькѣ
Попить, погулять да попраздновать.
А я все-таки до старца наскачусь, напляшусь,
Наиграюсь, набѣлюся, нарумянюся!
Ой, старецъ лихъ, лихоманецъ лихъ!
(И такъ далѣе.)

3.

Ужъ вы, кумушки, голубушки, подруженьки мои!
Вы какимъ святителямъ молились,
Вы какимъ же чудотворцамъ обѣщались,
Что у васъ-то мужья молодые,
У меня ли, молодешеньки, старымъ-старенекъ.
Не медвѣдь-то въ мерлугѣ [1]) завалился,
Завалился старичище на печищѣ,
Не спущаетъ старичище на игрище.
А я отъ стараго уходомъ уходила,
Подъ полою цвѣтно платье уносила,

[1]) Берлога.

За воротмы спѣхомъ наряжалась,
А за вереюшкой потайно убиралась;
Ужъ я позже всѣхъ въ бесѣду приходила,
Я на кончику стола, младешенька, садилась,
И я раньше всѣхъ съ бесѣды уходила.

4.

Во дубу, дубу, во зеленыимъ,
Ай калина, да малина (*повторяется послѣ каждаго стиха*),
Сидитъ дѣвка да что ягодка,
Точетъ поясъ съ разныхъ шелковъ,
Съ разныхъ шелковъ, да разныхъ сортовъ;
Не только точетъ, а колько плачетъ:
Да кому, дѣвка, достанусь я?
Достанусь я да старому:
Онъ старъ добре, да неровня мнѣ,
Да неровня мнѣ, да не по версту,
Да не по версту, да не по мыслу.
Онъ спать идетъ, кряхтѣть начнетъ.
Вставать начнетъ, охать станетъ;
Меня младу анда горе беретъ,
Горе беретъ, кручинушка.
Во дубу, дубу, во зеленыимъ и пр.
Да кому, дѣвка, достанусь я?
Достанусь я да малому:
Онъ малъ добре, и неровня мнѣ,
Да неровня мнѣ, да не по версту,
Да не по версту, да не по мыслу.
Онъ спать идетъ, плакать начнетъ,
Вставать начнетъ, кулехчится,
Меня младу анда горе беретъ,
Горе беретъ, кручинушка.
Во дубу, дубу во зеленыимъ и пр.
Да кому, дѣвка, достанусь я?
Достанусь я да ровнюшкѣ,

Онъ ровня мнѣ, да и по версту,
И по версту, и по смыслу.
Онъ спать идетъ, играть начнетъ,
Вставать начнетъ, не кулехчится.

5.

Игра ты моя веселая,
(Ой люли, люли люлешеньки люли, веселая), [1])
Поиграйте, дѣвочки, поиграйте красныя,
У отца, у матери, у роду, у племени,
Ужъ вы замужъ выдете, вы играть не будете,
Вы играть не будете, про игру забудете.
У воротъ свекоръ стоитъ, середи двора кличетъ:
« Ты пойдемъ, сноха, ты пойдемъ, голубушка!»
— Я нейду, не слушаю: не доиграна игра,
— Не доиграна игра, не допѣта пѣсенка,
— Не допѣта пѣсенка, не утѣшенъ милый другъ.
У воротъ свекруха стоитъ, середи двора кличетъ:
« Ты пойдемъ, сноха, ты пойдемъ, голубушка!»
— Я нейду, не слушаю: не доиграна игра,
— Не доиграна игра, не допѣта пѣсенка,
— Не допѣта пѣсенка, не утѣшенъ милый другъ.—
У воротъ милый стоитъ, середи двора кличетъ:
« Ты пойдемъ, жена, ты пойдемъ, любимая!»
— Я иду и слушаю: и доиграна игра,
— И доиграна игра, и допѣта пѣсенка,
— И допѣта пѣсенка, и утѣшенъ милый другъ.

6.

Какъ по сѣнямъ, по сѣнюшкамъ,
По новымъ сѣнямъ, по рѣшетчатымъ,
Какъ ходила-похаживала,
Молодая боярыня, Марья свѣтъ Григорьевна.
Она будила-побуживала

[1]) Послѣднее слово каждаго стиха повторяется съ припѣвомъ.

Своего дружка, Ивана свѣтъ Петровича:
« Ужъ ты встань, проснись, мой милый другъ,
« Пробудись, душа отецкій сынъ!
« Оторвался твой добрый конь
« Отъ столба ли отъ дубоваго,
« Отъ колечушка серебрянаго,
« Отъ витаго, позолоченаго;
« Проломилъ онъ весь дубовый тынъ,
« Потопталъ онъ весь зеленый садъ
« Со калиной, со малинушкой,
« Съ черной ягодой смородинкой,
« Съ засадихою черемухой.»
— Не плачь ты, Марьюшка свѣтъ Григорьевна,
— Я поставлю тѣ дубовый тынъ,
— Насажу тебѣ зеленый садъ
— Со калиной, со малинушкой,
— Съ черной ягодой смородинкою,
— Съ засадихою черемухою.

8.

Отдаютъ мя молоду на чужую сторону,
На чужую сторону, въ небольшую семью:
Только свекоръ да свекруха, да четыре деверья,
Да четыре деверья, двѣ золовушки,
Двѣ золовушки, да двѣ тетушки,
Да двѣ тетушки, двѣ голубушки.
А какъ свекоръ говоритъ: «людоѣдицу ведутъ»,
А свекруха говоритъ: «къ намъ медвѣдицу ведутъ»,
А деверья говорятъ: «къ намъ неряху ведутъ»,
А золовки говорятъ: «къ намъ непряху ведутъ»,
А тетушки говорятъ: «къ намъ разлучницу ведутъ».
Ужъ я ли молода, очень бойка была,
Очень бойка была, всѣмъ отвѣтъ отдала:
— Сударь батюшко, ты позволь-ка мнѣ
Вдоль по горенкѣ пройти, словцо выговорить,
— Словцо выговорить, словцо вымоловить.
— Во темномъ-то лѣсу, тамъ медвѣдицы живутъ,

— Во сыромъ-то бору людоѣдицы живутъ;
— А деверья соколы, у васъ жены таковы;
— Золовушки-голубушки, вамъ самимъ замужъ итти;
— А тетушекъ-голубушекъ поставимъ на порогъ,
— Мы поставимъ на порогъ, да укажемъ семь дорогъ,
— Да въ притолочку, да въ выволочку!

9.

Прялочку на лавочку, сама гулять пошла,
Куры пропѣли, я не думала домой,
Другіе пропѣли, я не думала домой.
Какъ зорюшка занялась, а я млада собралась,
А я домой собралась, сама къ старому подъ бокъ.
А старый говоритъ: «Гдѣ была, жена, гдѣ погуливала?»
— Ахъ, старый чортъ, не во снѣ ль ты говоришь,
— Сѣдая борода, да не брешешь ли ты?
— Я ли молода всю ночку не спала,
— Всю ночку не спала, во хлѣвѣ пробыла.
— Наша коровушка буренькая отелила теленочка рыженькаго,
— Теленочка рыженькаго, да еще съ лысинкою.—
« Милая жена, пустимъ мы теля на племя!»
— Ахъ, старый чортъ, не во снѣ ль ты говоришь,
— Сѣдая борода, да не брешешь ли ты?
— Первое теля не пущаютъ на племя:
— Первое теля все закидываютъ.—
Ужъ и я ли молода догадлива была,
Силкомъ зацѣпила, милому въ окно подала:
— Милый, порадѣй, потяни подобрѣй!—
Милый порадѣлъ, что старый захрапѣлъ,
Зубы оскалилъ, что смѣяться сталъ,
Языкъ высунулъ, ровно дражнится.

10.

Я у батюшки-у матушки глупенешекъ родился.
Я у батюшки-у матушки маленешекъ женился,
Ужъ и взялъ ли я жену молодую,
Во саду ли вишенку наливную.

Какъ жена мужа да не взлюбила,
Повела негодяя къ тещѣ въ гости,
Къ тещѣ въ гости, въ зеленую рощу,
Привязала негодяя къ бѣлой березѣ,
А сама пошла—загуляла,
Загуляла-пировала девять денечковъ,
На десятый на денечекъ встосковалась;
Встосковалась, пошла къ негодяю,
Не дошедши негодяя, становилась,
Не дошедши негодяя, поклонилась:
« Хорошо тебѣ, негодяю, пиръ пировати?»
— Государыня жена! А мнѣ не до пиру:
— Мнѣ соловушки головушку пробили,
— Мнѣ комарики всѣ плечики скусали,
— Мнѣ мурашики всѣ ноженьки сточили.—
« Ужъ ты будешь, негодяй, кормить меня хлѣбомъ?»
— Государыня жена! Буду калачами.—
« Ужъ ты будешь, негодяй, поить меня квасомъ?»
— Государыня жена! Я сытою,
— Я сытою, я сытою медовою.—
« Ужъ ты будешь, негодяй, пущать меня въ гости?»
— Государыня жена! Ступай хоть вовсе!»

11.

Какъ подъ яблоныю, подъ кудрявою,
    Ай люли, люли, подъ кудрявою, [1])
Подъ кудрявою, кучерявою,
    Ай люли, люли, кучерявою,
Мужъ жену училъ, мужъ угрюмую,
Мужъ угрюмую, неразумную.
Какъ жена мужу не покорилася,
Свекру батюшкѣ взмолилася,
Низко въ ножки поклонилася:
« Свекоръ, батюшко, отыми меня
« Отъ негоднаго, отъ непутнаго!»
Свекоръ говоритъ:—Воля не моя,

[1]) Послѣднее слово стиха повторяется вмѣстѣ съ припѣвомъ.

— Воля не моя, воля сынняя.—
Какъ подъ яблонью, подъ кудрявою, и пр.,
Свекрови матушки покорилася,
Покорилася, низко въ ножки поклонилася:
« Свекровь, матушка, отыми меня
« Отъ негоднаго, отъ непутнаго!»
Свекровь говоритъ:—Воля не моя,
— Воля не моя, воля сынняя.—
Какъ подъ яблонью, подъ кудрявою, и т. д.,
Жена мужу покорилася,
Низко въ ноги ему поклонилася.

12.

Вы раздайтесь, расшатнитесь, добрые люди,
Ужъ вы дайте мнѣ, младенькѣ, погуляти,
Поколь батюшка-сударь замужъ не выдалъ
За того ли за дѣтинку за невѣжу!
Со двора идетъ невѣжа, скачетъ—пляшетъ,
Съ кабака идетъ невѣжа, кричитъ—вопитъ:
« Ужъ ты дома ли, жена молодая,
« Отворяла бъ поскорѣича ворота.»
Какъ заслышала невѣжинъ голосище,
Потихохоньку съ постели я вставала,
На босу ногу башмачки одѣвала,
Ко воротамъ спѣхомъ поспѣшала,
Поскорѣе я ворота затворяла,
Покрѣпчѣе я ворота запирала,
Посмѣлѣе со невѣжей говорила:
— Ты ночуй-усни, невѣжа, за воротмы.
— Тебѣ мягкая перина—бѣлая пороша,
— Высоко ли изголовье—подворотня,
— Соболино одѣяло—лютые морозы,
— Шитый, браный положечекъ—частыя звѣзды.
— Каково тебѣ, невѣжа, спать за воротмы,
— Таково-то мнѣ, младенькѣ, жити за тобою,
— За тобою, за твоею за удалой головою.

СКАЗКИ, ПОВѢРЬЯ, ЗАГАДКИ, ПРЕДСКАЗАНІЯ, ЗАГОВОРЫ И Т. П.

СКАЗКИ, ПОВѢРЬЯ, ЗАГАДКИ, ПРЕДСКАЗАНІЯ, ЗАГОВОРЫ И Т. П.

СКАЗКА О МУЖИКѢ—ВОИНѢ.

(Пудожскаго уѣзда.)

Мужикъ поѣхалъ рѣпы пахать. И насѣло на его лошадь много комаровъ, оводовъ, бучней и мухъ. Онъ какъ махнетъ мѣшкомъ, то нѣсколько головъ сразу убьетъ. И говоритъ мужикъ самъ себѣ: «что мнѣ-ка рѣпу пахать, какъ я нѣсколько головъ сразу убиваю? Такъ лучше я поѣду домой, и пойду въ чистое поле и буду воевать». И пошелъ онъ изъ дому въ чистое поле къ старцу-монаху лука просить. Прійдя къ старцу, спросилъ у дверей его кельи: «Отче святый, дома ли ты?»—Дома,—отвѣчалъ старикъ:—что тебѣ нужно, мужичокъ?—

«То нужно, что я, съѣхавши рѣпу пахать, нѣсколько головъ сразу побилъ, то къ тебѣ пришелъ лука просить: хочу итти въ чистое поле поляковать».

— Не дамъ я тебѣ лука,—отвѣчалъ старецъ,—а послушай, я тебѣ сказку скажу, тогда и лука дамъ.—

«Ну, такъ сказывай, отче сказку, когда хочешь сказать; только лука-то дай».

— Слушай же. Насъ было сорокъ братьевъ и всѣ разбойники, а я изъ нихъ самый меньшой братъ. И не боялся ихъ сорока человѣкъ, хоть братья-то мои вдвоемъ—втроемъ меня дюжѣе. Была у насъ мыза край самой дороги. Разбойничать мы далеко не ходили. И купцы про это все знали, и дарили насъ кто по тысячѣ, а кто по двѣ и больше; а у кого подарковъ не случится, тотъ принесетъ намъ покорность, и мы того пропустимъ безъ всякой остановки. Долго ли, коротко ли мы жили въ этой мызѣ, того не помню. И разъ, глядимъ, ѣдетъ ста-

рикъ очень старый на двухъ сѣрыхъ коняхъ: онъ не то чтобъ насъ подарить, такъ не снялъ колпака и не хотѣлъ даже на нашу мызу и взглянуть. Тогда, какъ я, меньшой братъ, былъ у нихъ, бо̀льшихъ братьевъ, на посылкахъ, то братья меня и послали воротить этого старика взадъ, за то что онъ не хотѣлъ даже поглядѣть на мызу и рожи даже не поворотилъ.— «Воротить его назадъ»—приказывали они мнѣ. Я побѣжалъ въ ту сторону, куда старикъ проѣхалъ. Догналъ старика и говорю ему: «Ахъ ты, старый чортъ! воротись назадъ, не то бѣда тебѣ будетъ». Старикъ мнѣ и говоритъ:—Дарить у меня васъ нечѣмъ.—«Не мое дѣло, сказалъ я, поди, братьямъ отвѣчай самъ, а я спустить тебя не могу». И онъ со мной воротился. Приходимъ въ нашу мызу, братья на старика закричали: «Ахъ ты, старый чортъ! ты не то чтобы подарить насъ, такъ не хотѣлъ колпака прикривить, такъ складывай намъ деньги».—Что, кормильцы, складывать, у меня денегъ нѣтъ, то вѣдаете вы.— «Ну, старый чортъ, крикнутъ братья, складывай, не то тебя жива не спустимъ». Старикъ стоитъ на своемъ: у него-де есть въ карманѣ одинъ сгибенекъ; его, пожалуй, подаритъ, а больше дарить нечѣмъ.—И вдругъ, показавши сгибенекъ, махнулъ въ одну сторону и попалъ въ одного брата, а отъ того еще девять убилъ, потомъ махнулъ въ другую сторону—въ другого брата, и за нимъ тоже отъ него девять убилось; такъ и въ третью сторону махнулъ и тоже десятерыхъ убилъ; и въ четвертую сторону махнулъ и тоже девять человѣкъ убилъ. А я положилъ завѣтъ уйти въ монахи, лишь бы остаться живымъ, и свалился между мертвыми въ то время, когда старикъ убивалъ третій десятокъ. Старикъ такъ со сгибнемъ пошелъ—сѣлъ на своихъ коней и поѣхалъ, куда ему надо, оставилъ насъ лежучись. Я въ это время не смѣлъ даже и пошевелиться, лежа между братьями. Наконецъ слышу, старикъ уѣхалъ; всталъ я и оглядѣлся кругомъ. При мнѣ была здоровая дубинка. Взяло меня горе, и я побѣжалъ за старикомъ съ тѣмъ, чтобы убить его. Вотъ и догоняю его, и догналъ уже, и лишь только хочу его ударить, да какъ одумаюсь, что если не убить его, то онъ меня убьетъ, и такъ отойду, и иду надзоромъ сзади. Опять побѣгу, и опять раздумаюсь. Наконецъ положилъ себѣ

въ душѣ такое мнѣніе: «лучше идти мнѣ за старикомъ, и гдѣ остановится, тамъ убить его: наняться въ работники къ кому-нибудь и выжидать удобнаго случая, когда бъ удобнѣе убить старика». Съ тѣмъ пошелъ я за нимъ, однако ему не показываюсь, потому что онъ меня въ лицо зналъ.

Старикъ этотъ пріѣхалъ въ московское царство и воротитъ прямо къ дому своему. Кругомъ дома его обнесенъ высокій, прочный тынъ, а ворота рѣшетчатыя желѣзныя. Подъѣхавши къ дому, старикъ отворилъ самъ своими руками ворота, поддынулъ ихъ къ верху, и лошади прошли въ нихъ свободно. Я въ это время остался за тыномъ. Прошло порядочно времени, и я, подошедши къ воротамъ, сталъ ихъ дубинкою отпирать и не могъ даже ни сколько поднять; а старикъ рукой поднялъ. Отошелъ я и сталъ ходить около воротъ и тына,—перетаптываюсь съ мѣста на мѣсто. Старикъ меня увидалъ, что хожу около воротъ, вышелъ, поднялъ одной рукой эти ворота, и они отворились. Онъ мнѣ и говоритъ: «Чтò, молодецъ, топчешься до позда? хочешь обокрасть, чтò ли?».—Я, говорю, не воровать пришелъ, а наняться въ работники хочу куда-нибудь и служить, да не смѣю у тебя постучаться.—«А когда не воровать пришелъ, а въ работники наймоваться, то поди: мнѣ работника надо, и я найму тебя». И я съ нимъ пошелъ въ его домъ».—

Мужикъ, выслушавъ это, и говоритъ монаху: «Отче! у тебя сказка-то какая длинная! Я послушалъ, теперь дай лука-то мнѣ. Я пойду въ чистое поле поляковать».

— Ничего, ничего, дружокъ, послушай еще моей сказки. Покуда сказки тебѣ этой не доскажу,—лука не дамъ.—И говоритъ монахъ:

«Старикъ тотъ провелъ меня въ покои своего дома и приказалъ своимъ дворовымъ кормить-поить меня и на работу не посылать. Я, говоритъ, нанялъ его въ работники (т.-е. меня-то). Недѣлю живу, другую живу, и третью живу. Меня кормятъ и поятъ, а дѣлать ничего не даютъ. Хозяина въ это время я и въ глаза не видалъ. Комнатъ въ домѣ много. И слышу, что въ мастерской рядомъ съ той комнатой, гдѣ я жилъ, зень метлой пашутъ. Поглядѣлъ туда: а тамъ старенькой и горбатый старичокъ пашетъ зень; взялъ онъ большой чанъ съ

кожами и переставилъ на другое мѣсто. Въ этотъ же день молодой работникъ въ этой мастерской говоритъ мнѣ: «Что ты, готовоѣжа, сколько ты живешь у насъ, ничего не дѣлаешь, да еще надъ нами насмѣхаешься». И однимъ пальцемъ тихонько попихнулъ меня,—я палъ на зень за мертво, и послѣ мнѣ сказали, что я три часа лежалъ безъ чувствъ. Послѣ этого я пришелъ въ свой опять покой, и оттуда уже самъ не смѣлъ выйти никуда. Наконецъ пришелъ ко мнѣ самъ хозяинъ и сказалъ: «Работникъ! ступай за мною». Привелъ онъ меня въ свой покой, въ которомъ стоялъ большой столъ, а на столѣ было накладено всякихъ кушаньевъ и напитковъ много-премного. Въ комнатѣ похаживаетъ молодецъ въ одномъ камзольчикѣ, только мостовники подъ ногами подгибаются, самъ и говоритъ: «Что, батюшка, работника этого нанялъ?»—Да, дитятко, этого работника.—«Ну, коли это работникъ, то садись со мной обѣдать», говоритъ молодецъ и посадилъ меня за столъ. Я сѣлъ на уголокъ, а самъ сѣлъ на другой, а хозяинъ стоитъ и смотритъ на насъ. Стали мы ѣсть. Я поѣлъ да и не хочу больше, а молодецъ хозяйскій все оплетаетъ. Хозяинъ говоритъ мнѣ: «Что̀ же ты, работникъ, мало ѣшь? Ѣшь больше». Какъ обѣдъ нашъ кончился, молодецъ хозяйскій и я начали одѣваться,—и одѣлись. Потомъ вышли на дворъ и тамъ обсѣдлали и обуздали тѣхъ самыхъ двухъ сѣрушковъ, на которыхъ старикъ около нашей мызы ѣхалъ. Молодецъ на одного сѣрушка сѣлъ, а я на другого сѣсть не могу. Старикъ-хозяинъ взялъ меня, какъ ребенка, посадилъ и ноги ремнями привязалъ. «Ну, говоритъ, теперь не выпадешь». Подошелъ онъ къ воротамъ, одною рукою отворилъ ихъ и выпустилъ насъ за ворота. Хозяинъ мой такъ шибко поѣхалъ на сѣрушкѣ своемъ, за которымъ и мой бѣжалъ сѣрушко, что я рѣшительно ничего не видѣлъ: даже и свѣтъ въ глазахъ потемнѣлъ.

Ѣхали — близко ли, далеко ли, и пріѣхали въ чистое поле. Хозяинъ спустился съ сѣрушка своего, развязалъ мнѣ ноги и меня снялъ. Потомъ раскинулъ бѣлый полотняный шатеръ, привязалъ лошадей къ столбу, зашелъ въ шатеръ и меня туда взялъ. Тамъ хозяинъ приказалъ мнѣ сойти въ погребъ, отворить дверь и взять тамъ котелъ, налить въ него воды и сварить каши

пообѣдать. И я пошелъ въ погребъ, двери кое-какъ отворилъ, а котла и поднять не могъ порожняго, не то чтобы въ немъ воды принести. Прихожу къ молодому хозяину и говорю: «Воля твоя, господинъ хозяинъ! Не могу поднять котла». Хозяинъ и говоритъ: «Одиннадцать лѣтъ батюшка нанималъ работниковъ, и всѣ они мнѣ въ дорогѣ кашу варили, а на двѣнадцатый годъ батюшка нанялъ такого работника, что мнѣ надо для него каши сварить».—Пошелъ самъ, взялъ котелъ, почерпнулъ воды, сварилъ кашу и меня накормилъ. Ложится спать и наказываетъ мнѣ: «Смотри, работникъ, ты не спи и гляди вотъ въ ту сторону, и когда увидишь, что ѣдетъ молодецъ на сѣромъ конѣ, и стоя стоитъ, и въ гусли играетъ, и пѣсни поетъ, и пляшетъ, и говоритъ: «Хорошъ молодецъ, да не у мѣста спитъ»,—то ты меня не буди; второй разъ проѣдетъ тотъ же молодецъ,—не буди; и въ третiй разъ проѣдетъ,—не буди. А когда объявится Татаринъ, будто сѣна копъ, на ворономъ конѣ, тогда меня непремѣнно буди, а если не можешь разбудить, то вотъ этимъ сгибнемъ бей меня, говоритъ, въ пяту».—Сказалъ и заснулъ. Молодецъ на сѣромъ конѣ проѣхалъ всѣ три раза и приговаривалъ: «хорошъ молодецъ, да не у мѣста спитъ». Вотъ ѣдетъ й Татаринъ на ворономъ конѣ. Я сталъ хозяина будить и разбудилъ. Онъ и говоритъ: «Поздно-де я разбудилъ». Сталъ сѣдлать коня своего сѣрушка, а мнѣ наказываетъ опять: «Гляди, работникъ! Когда мы съѣдемся и будемъ съѣзжаться первый разъ съ саблями, второй разъ съ палицами, а третiй разъ съ копьями,—и если мы падемъ и будемъ лежать,—то гляди: чей конь голову повѣситъ, тому значитъ въ живыхъ не быть; а чей будетъ кругомъ ходить, тому въ живыхъ быть. И если мой конь будетъ кругомъ ходить, то ты иди мнѣ на помочь; а если мой конь голову повѣситъ, то ты отправляйся домой и скажи моему батюшкѣ, что меня въ живыхъ нѣтъ».

Вотъ они съѣхались въ первый разъ,—ударились саблями и другъ друга не ранили, кони ихъ проскочили; съѣхались во второй разъ,—ударились палицами и тоже не ранили другъ друга; съѣхались въ третiй разъ, ударились копьями вострыми, копья ихъ до рукъ пригибалися. И въ это время они соскочили съ коней своихъ, схватилися охабкою, и упали они о землю такъ, что

земля сколыбалася, и поганый татарище на верхъ палъ, да тутъ они оба затхнулися, а сѣрушко головушку повѣсилъ, а воронушко вокругъ пошелъ. Я гляжу и думаю: «хозяинъ мой— отецъ этого молодца—убилъ моихъ братьевъ, а непріятель этотъ ничего мнѣ не сдѣлалъ, то пойду и добью хозяина». Прихожу къ нимъ и вижу, что они оба лежатъ замертво; а сгибенекъ, которымъ отецъ хозяина убилъ моихъ братьевъ, лежитъ поодаль; я взялъ его, расшаталъ, раскачалъ его и хлопнулъ молодца по лбу, а у него изъ горла кровавый кусокъ выскочилъ, и онъ ожилъ, меня поблагодарилъ и выскочилъ изъ-подъ-низу Татарина, взялъ ножище-кинжалище и вонзилъ его въ грудь Татарина,—и пошла съ Татарина кровь ручьями: совсѣмъ добилъ его. Потомъ у меня сталъ спрашивать: «За что я его ударилъ по лбу?» Я отвѣчалъ ему: «Отецъ твой убилъ моихъ 39 братьевъ; я съ тѣмъ нанялся и въ работники, чтобы за братьевъ кровь отмстить,—и потому ударилъ тебя въ голову. Вотъ сущая моя правда. Прости меня!» — и онъ меня простилъ.

Мужикъ выслушалъ это и говоритъ монаху: «Отче! сказка твоя длинная. Дай же мнѣ лука. Я пойду домой и стану воевать».

— Когда дослушаешь мою сказку, тогда и лукъ дамъ.—И монахъ продолжалъ:

«И говоритъ молодецъ:

«По одиннадцать лѣтъ ѣздилъ я въ поле и не могъ непріятеля убить, а на двѣнадцатый годъ чрезъ тебя, работникъ, убилъ его». И возвратились мы съ нимъ въ шатеръ. Онъ меня уже не посылалъ варить кашу, сварилъ самъ и меня накормилъ. Пообѣдавши, легли мы спать; и онъ такъ захрапѣлъ, что меня въ шатрѣ, какъ на морѣ на валахъ, стало шатать. Хозяинъ мой выспался, обсѣдлалъ обоихъ сѣрушковъ, посадилъ опять меня и ноги перевязалъ, и сѣлъ самъ, и мы съ нимъ отправились домой. Пріѣхали, и старикъ насъ встрѣтилъ и воротá отворилъ, запустилъ насъ во дворъ, отвязалъ меня отъ лошади и пустилъ, а сѣрушковъ убралъ въ конюшни. Хозяева пошли въ свои покои, и я пошелъ въ свой покой. Опять меня попрежнему стали кормить и поить.

Чрезъ нѣсколько времени приходитъ ко мнѣ самъ старикъ хозяинъ и говоритъ: «Ну, работникъ, пойдемъ за мной». И привелъ меня въ тотъ же покой, гдѣ я первый разъ при отъѣздѣ обѣдалъ. Въ покоѣ дѣвица похаживаетъ, только половиченки подгибаются; разодѣтая, красивая, и коса у ней длинная. Сама и говоритъ отцу своему: «Родитель батюшко! одиннадцать лѣтъ я ѣздила съ непріятелемъ воевать и теперь только на двѣнадцатый годъ, пріѣхавши съ этимъ работникомъ, на его счастье, я убила непріятеля (въ это время я такъ и остолбенѣлъ), такъ теперь я за него замужъ выйду: благослови меня!» Я и думаю: «Какая это будетъ мнѣ жена: руку или ногу накинетъ, и задавитъ меня». Я сказалъ тутъ:—А помнишь ли, хозяинушко, какъ ты на мызѣ-то нашей убилъ сорокъ безъ одного моихъ братьевъ, а я живой между ними палъ и завѣтъ завѣчалъ поступить въ монахи, если останусь живъ; такъ мнѣ за это жениться нельзя.—Она и говоритъ отцу: «Батюшко! Когда я въ полѣ лежала мертвая, то онъ за это твое убійство меня сгибнемъ ударилъ по лбу, и у меня выскочилъ кровавый съ горла кусокъ, а чрезъ это, вмѣсто смерти, я получила жизнь, и за его откровенное признаніе его простила и умертвила окончательно Татарина невѣрнаго, то прости его и ты.—А если ты, дружокъ,—говоритъ мнѣ,—не хочешь по завѣту на мнѣ жениться, то не женись, а ступай по своему обѣщанію; и не хвастайся мной, а что знаешь, того никому и нигдѣ не разсказывай ни въ Москвѣ и ни въ Вологдѣ». Затѣмъ я отъ нихъ ушелъ въ эту келью и теперь даже отъ нихъ получаю по обѣщанію пищу, обутку и одѣтку, и живу въ уединеніи».

Мужикъ сказалъ старцу монаху: «Ну, отче! сказка теперь у тебя вся?»

— Вся,—отвѣчалъ ему монахъ.

«Ну, такъ дай же мнѣ, отче, твоего лука: я пойду въ чистое поле воевать-поляковать».

Монахъ, отпоясавъ ремень отъ себя и не говоря болѣе мужику ни слова, схватилъ его, положилъ голову межъ ноги и началъ такъ сильно драть, что мужикъ закричалъ дурнымъ матомъ. Монахъ приговариваетъ: «Вотъ тебѣ лукъ, вотъ тебѣ война и поляканье! А лучше поди-ко, да паши рѣпу, да хо-

зяйство веди». Мужикъ, вырвавшись отъ монаха, побѣжалъ домой не оглядываясь и въ безпамятствѣ даже позабылъ свою шапку.

(Отъ кр. дер. Ранниой Горы Филимоновск. вол. Анфима Савельева.)

СКАЗКА ОБЪ ОЛЕШѢ ГОЛОПУЗОМЪ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ мужичокъ. У этого мужичка былъ сынъ Олёша. Съ малолѣтства Олёша у дьячка выучился грамотѣ, а потомъ сдѣлался такой лѣнтяй, что кромѣ печи никуда не ходилъ. Вотъ и говоритъ отецъ Олёшѣ: «Пора тебѣ, Олёша, и къ работѣ привыкать!»—«А что, говоритъ Олёша: докормите до уса, такъ и буду помогать». Вотъ и усъ у Олёши пробился. Отецъ и говоритъ опять: «Олёша! пора тебѣ и пахать».—«А на что пахать, говоритъ Олёша: «пахать?—лучше на печи лежать. Докормили до уса, такъ докóрмите и до бороды, а тогда ужъ и пахать стану». Выросла и борода, а Олёша кромѣ печи и свѣта Божьяго не знавалъ. Вотъ отецъ и говоритъ опять: «Ну, пора тебѣ, Олёша, и за умъ хвatиться. Люди добрые, изъ твоихъ-то товарищей, ужъ нѣкоторые и дѣтокъ имѣютъ, а ты и пахать не умѣешь».

Олёша на другой день и поѣхалъ пахать, а день-то былъ такой жаркой, что оводовъ и комаровъ гибель насѣла на его и на лошадь. Онъ и давай ихъ бить, да и пробилъ весь день. Подъ вечеръ онъ сталъ ихъ считать: считалъ, считалъ да и сосчитать не могъ. Пріѣхалъ домой, ужъ темно было, да и говоритъ отцу: «Ужъ я тебѣ не пахарь да и не кормилецъ, а наживай-ко хлѣбъ-то самъ! Я поѣду свѣта посмотрѣть, да себя показать: у меня сила богатырская—поѣду, да потѣшуся, да еще дайте мнѣ эту клячу». Отецъ видитъ, что *и взаболь* [1]) отъ него не хлѣбъ, взялъ да и отпустилъ.

Олёша взялъ косу да топоръ да толокна мѣшокъ, да на клячу

---

[1]) Въ самомъ дѣлѣ.

рогожу накинулъ, да сѣлъ и поѣхалъ. У кого-то онъ слыхалъ, что богатыри-то ѣздятъ, такъ записочки за собой кидаютъ;— и онъ тоже вынялъ лоскутокъ бумаги да и пишетъ: «Ѣдетъ сильный и могучій богатырь Олёша»... да и задумался, какую дать себѣ фамилію: онъ не зналъ, какъ прозывался отецъ да и онъ самъ: смотрѣлъ, смотрѣлъ да и увидѣлъ, что балахонъ у него разорванъ, и сквозь его видно пузо: вотъ онъ и написалъ: «Олёша Голопузой». «Я, Олёша Голопузой, въ одинъ часъ и въ одну минуту три тьмы, три тысячи богатырей (за богатырей-то онъ принялъ оводовъ) избивалъ, а мелкой силы (т.-е. мошекъ) и смѣты нѣтъ. Такъ вамъ, сильнымъ и могучимъ богатырямъ, отъ меня, Олёши Голопузого, взадъ ѣхать—не уѣхать, и впередъ ѣхать—не уѣхать; а лучше мнѣ, Олёшѣ Голопузому, въ ясныя очи показаться». Написалъ да и бросилъ.

Вотъ ѣдетъ за нимъ настоящій богатырь и видитъ, что лежитъ записочка, сошелъ съ коня, поднялъ и читаетъ: «Ѣдетъ сильный и могучій богатырь Олёша Голопузой. Я, Олёша Голопузой, въ одинъ часъ и въ одну минуту три тьмы, три тысячи богатырей избивалъ, а мелкой силы и смѣты нѣтъ. Такъ вамъ, сильнымъ и могучимъ богатырямъ, отъ меня, Олёши Голопузого, взадъ ѣхать—не ухать, и впередъ ѣхать—не уѣхать; а лучше мнѣ, Олёшѣ Голопузому, въ ясныя очи показаться».— Какой это, думаетъ онъ, такой богатырь? Я, кажись, всѣхъ сильныхъ и могучихъ богатырей знаю, а такого не слыхалъ; да и это бы ничего, а онъ такъ еще похваляется, что вишь, сильнымъ и могучимъ богатырямъ отъ меня, Олёши Голопузого, взадъ ѣхать—не уѣхать и впередъ ѣхать—не уѣхать, а лучше мнѣ, Олёшѣ Голопузому, въ ясныя очи показаться?» Хорошо, поѣду. А самъ вынялъ лоскутокъ бумаги и написалъ: «Ѣдетъ въ царство царя Кощея сильный и могучій богатырь Иванъ сынъ Царской. Я, Иванъ сынъ Царской, въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько силы, сколько есть на днѣ моря камешковъ».

Вотъ ѣдетъ и скачетъ онъ за Олёшей и видитъ, что ѣдетъ такой хухлякъ съ косой да съ топоромъ, что и за богатыря не принялъ и хотѣлъ проскакать мимо, а Олёша и кричитъ ему: «И потише можешь ѣхать-то!»—Иванъ сынъ Царской подъѣхалъ

къ Олёшѣ и говоритъ: «Ты ли сильный и могучій богатырь Олёша Голопузой?» «Извѣстно, что я», говоритъ Олёша: «а много ли ты можешь убить силы въ одинъ часъ и въ одну минуту и куда теперь ѣдешь?»—«Я, говоритъ, Иванъ сынъ Царской: ѣду теперь въ царство сильнаго и могучаго царя Кащея, а силы въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько, сколько есть камешковъ на днѣ моря».—«Ну, намъ такіе люди и надобны: поѣзжай рядомъ». — А для Ивана сына Царскаго это было сущее наказаніе, потому что у него конь рвался, а у Олёши кляча еле двигалась.

Вотъ ѣхали они—близко ли, далеко ли; низко ли, высоко ли:—скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается. Вотъ ѣдетъ другой богатырь и видитъ двѣ записочки; поднялъ и читаетъ: (на одной) «Ѣдетъ въ царство сильнаго и могучаго царя Кащея сильный и могучій богатырь Иванъ сынъ Царской. Я, Иванъ сынъ Царской, въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько силы, сколько есть камешковъ на днѣ морскомъ»; (на другой): «Ѣдетъ сильный и могучій богатырь Олёша Голопузой. Я, Олёша Голопузой, въ одинъ часъ и въ одну минуту три тьмы три тысячи богатырей избивалъ, а мелкой силы и смѣты нѣтъ. Такъ вамъ, сильнымъ и могучимъ богатырямъ, отъ меня Олёши Голопузого, взадъ ѣхать—не уѣхать, и впередъ ѣхать—не уѣхать; а лучше мнѣ, Олёшѣ Голопузому, въ ясныя очи показаться».—Какъ это, говоритъ Илья Королевичъ (это былъ онъ): Я всѣхъ сильныхъ и могучихъ богатырей и Ивана сына Царскаго знаю, а этого не слыхалъ, да и это бы ничего, а онъ такъ похваляется, что «вамъ сильнымъ и могучимъ богатырямъ отъ меня, Олёши Голопузого, взадъ ѣхать—не уѣхать, и впередъ ѣхать—не уѣхать; а лучше мнѣ, Олёшѣ Голопузому, въ ясныя очи показаться». Хорошо, поѣду.—А самъ вынялъ лоскутокъ бумаги и написалъ: «Ѣдетъ въ царство сильнаго и могучаго царя Кащея сильный и могучій богатырь Илья Королевичъ. Я, Илья Королевичъ, въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько силы, сколько есть листочковъ въ лѣсѣ». Написалъ да и бросилъ, а самъ поскакалъ за Олёшей.

Вотъ слышитъ Олёша, что скачетъ кто-то, и говоритъ Ивану

сыну Царскому: «Скажи, чтобы тише ѣхалъ-то». Иванъ сынъ Царской остановился и говоритъ: «Тише, тише. Это сильный и могучій богатырь Олёша Голопузой». Илья Королевичъ подъѣхалъ къ Олёшѣ и говоритъ: «Здравствуй, сильный и могучій богатырь Олёша Голопузой!»—Здорово, говоритъ Олёша: много ли ты можешь въ одинъ часъ и въ одну минуту избить силы и куда теперь ѣдешь?» «Я ѣду, говоритъ Илья Королевичъ, въ царство сильнаго и могучаго (богатыря) царя Кащея, а силы въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько, сколько есть листочковъ въ лѣсѣ».—«Ну, говоритъ Олёша, намъ такіе люди и надобны: поѣзжай рядомъ». Вотъ они ѣдутъ (да записочки подкидываютъ)—близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли: скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается.

Вотъ ѣдетъ еще богатырь Данило Бѣлой, и видитъ—лежатъ три записочки; сошелъ съ коня и читаетъ (на одной): «Ѣдетъ въ царство сильнаго и могучаго Царя Кащея сильный и могучій богатырь Иванъ сынъ Царской. Я, Иванъ сынъ Царской, въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить силы столько, сколько есть камешковъ на днѣ моря». (На другой): «Ѣдетъ въ царство сильнаго и могучаго царя Кащея сильный и могучій богатырь Илья Королевичъ. Я, Илья Королевичъ, могу въ одинъ часъ и въ одну минуту избить силы столько, сколько есть листковъ въ лѣсѣ». (На третьей): «Ѣдетъ сильный и могучій богатырь Олёша Голопузой. Я, Олёша Голопузой, въ одинъ часъ и въ одну минуту три тьмы три тысячи богатырей избивалъ, а мелкой силы и смѣты нѣтъ. Такъ вамъ, сильнымъ и могучимъ богатырямъ, отъ меня Олёши Голопузого, взадъ ѣхать—не уѣхать, и впередъ ѣхать—не уѣхать, а лучше мнѣ, Олешѣ Голопузому, въ ясныя очи показаться».—«Какъ, говоритъ Данило Бѣлый: Я всѣхъ сильныхъ и могучихъ богатырей знаю а этого не слыхалъ; да и это бы ничего, а онъ еще такъ похваляется, что «вамъ сильнымъ и могучимъ богатырямъ отъ меня, Олёши Голопузого, взадъ ѣхать — не уѣхать, и впередъ ѣхать—не уѣхать, а лучше мнѣ, Олёшѣ Голопузому, въ ясныя очи показаться». Ну, такъ и быть — поѣду да посмотрю, что эта за птица такая».

Вотъ слышитъ Олёша, что кто-то скачетъ, и говоритъ Ильѣ

Королевичу: «скажи, чтобы ѣхалъ-то потише!» Илья Королевичъ остановился и говоритъ: «Тише, тише—это сильный и могучій богатырь Олёша Голопузой». Данило Бѣлой подъѣхалъ къ Олёшѣ и говоритъ: «Здравствуй, сильный и могучій богатырь Олёша Голопузой!»—«Здорово, здорово», говоритъ Олёша: «а сколько ты можешь въ одинъ часъ и въ одну минуту избить силы и куда теперь ѣдешь?»—«Я ѣду въ царство сильнаго и могучаго царя Кащея, а силы въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько, сколько есть песку по краямъ моря». «Ну, говоритъ Олёша: намъ такіе люди и надобны, поѣзжай рядомъ».

Вотъ они ѣхали — близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли: скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается,— и наконецъ пріѣхали они на луга царскіе, раскинули шатры бѣлополотняные, выставили на нихъ флаги шелковые, а Олёша раскинулъ рогожку да и повалился. Тѣ богатыри насыпали своимъ конямъ пшена бѣлояраго, налили сыты медовыя, а Олёша спустилъ свою клячу на Божью волю; а она тѣхъ коней и объѣла, да богатыри и прекословить ему не посмѣли. На другой день начали они кличъ кликать, а у царя Кащея дочь просить; а если царь Кащей имъ откажетъ, такъ грозили войско прибить, царство разорить, а дочь силомъ взять. А лишь только увидѣли, что выходитъ войско изъ города, и пошли къ Олёшѣ и говорятъ: «Скажи, сильный и могучій богатырь Олёша Голопузой: самъ ли ты пойдешь противъ войска или намъ велишь?»—«Пусть идетъ меньшой братъ», сказалъ Олёша. Не прошло и часу, какъ пріѣзжаетъ меньшой братъ (Иванъ сынъ Царской) и привозитъ на копьѣ голову воеводы и говоритъ: «Ни одной души не осталось на полѣ сраженья и дерзкую голову воеводы къ ногамъ твоимъ я привезъ».—«Ну, говоритъ Олёша: ты достоинъ чести—спасибо!»

На другой день они опять выѣхали прежній кличъ кликать, и лишь только увидѣли, что выходитъ изъ города войско, поѣхали въ шатры къ Олёшѣ и говорятъ: «Скажи намъ, сильный и могучій богатырь Олёша Голопузой: самъ ли ты поѣдешь противъ войска, или которому либо изъ насъ прикажешь?»—«Пусть, говоритъ Олёша, ѣдетъ средній братъ».—Не прошло и полуторыхъ часовъ, какъ пріѣхалъ средній братъ (Илья Королевичъ), привезъ

на копьѣ голову воеводы и говоритъ: «ни одной души не осталось на полѣ сраженья и дерзкую голову воеводы къ твоимъ ногамъ я привезъ».—«Ну, говоритъ Олёша: и ты достоинъ чести—спасибо!»

На третій день царь Кащей вывелъ противъ нихъ всё войско — сколько осталось, и лишь только это увидѣли богатыри, пришли къ Олёшѣ и говорятъ: «Скажи намъ, сильный и могучій богатырь Олёша Голопузой, самъ ли ты поѣдешь противъ войска, или которому либо изъ насъ прикажешь?»—«Пусть, говоритъ Олёша, ѣдетъ старшій братъ». Не успѣли тѣ богатыри ничего сдѣлать, какъ пріѣхалъ старшій братъ (Данило Бѣлой), привезъ голову полководца и говоритъ: «ни одной души не осталось на полѣ сраженья и дерзкую голову воеводы къ ногамъ твоимъ я привезъ».—«Ну, спасибо», говоритъ Олёша.

Вотъ видитъ царь Кащей, что бѣда приходитъ и посылаетъ гонца къ сыну Демьяну Кащеичу, что пріѣхали подъ его царство четыре богатыря, и войско, сколько было въ царствѣ, всё прибили «и хотятъ царство мое разорить и сестру твою силòмъ взять». Демьянъ-то Кащеичъ былъ 12-ти лѣтъ, а ростомъ 12-ти саженъ, а толщиною 6-ть саженъ; онъ ѣздилъ на волшебномъ конѣ и бился съ сильнымъ и могучимъ царемъ Далматомъ.— Царь Далматъ и самъ-то былъ богатырь, да и въ царствѣ у него было до ста тысячъ богатырей, и онъ хотѣлъ взять за себя сестру Демьяна Кащеича, прекрасную царевну Елену Кащеевну. Демьянъ Кащеичъ въ недѣлю проскакалъ три тысячи верстъ и началъ по чистому полю разъѣзжать и тѣхъ богатырей на битву вызывать. Богатыри и говорятъ между собою: «Ну, если самъ Олёша Голопузой не поѣдетъ, то намъ тутъ вѣрная смерть». Однако ослушаться не смѣли и пришли къ Олёшѣ и говорятъ: «Скажи намъ, сильный и могучій богатырь Олёша Голопузой, самъ ли ты пойдешь противъ Демьяна Кащеича, или изъ насъ кому-либо прикажешь?»—«А что, развѣ я своей очереди не знаю»! говоритъ Олёша.

Вотъ выѣхалъ Олёша противъ Демьяна Кащеича съ косой да съ топоромъ и думаетъ: «Однако смерть такъ смерть: пусть отсѣкутъ мнѣ голову, и концы въ воду». А богатыри одинъ за другимъ и уѣхали: такъ испугались Демьяна Кащеича. Вотъ какъ сталъ

Олёша съѣзжаться да и думаетъ: «Дай-ко голову-то я наклоню: такъ хоть не увижу, какъ отсѣкутъ ее! Сдумано — сдѣлано; а Демьянъ-то Кащеичъ думалъ, что это какая-либо рыцарская хитрость, да повалился да и заснулъ. Вотъ Олёша и думаетъ, что долго богатырь-то головы не сѣчетъ: дай-ко взгляну;—взглянулъ, а Демьянъ-то Кащеичъ спитъ. Олёша сошелъ съ лошади да и давай по шеѣ пилить косой: коса не беретъ,—давай топоромъ, и топоръ не беретъ. Что дѣлать?—Подошелъ онъ къ Демьяну, а у него мечъ-то закинутъ за спину, да такъ и заснулъ. Вотъ Олёша (привязалъ) кой-какъ, приподнялъ меча да и спустилъ на шею, а голова-то и покатилась. Олеша привязалъ ее за волосы къ хвосту клячи, а та и ни съ мѣста. Вотъ онъ вскарабкался кой-какъ на лошадь богатырскую ѣхать къ богатырямъ: посмотритъ, а тамъ и мѣсто чисто; поворотился да и поскакалъ въ городъ, тамъ царь Кащей встрѣтилъ его съ честію и славою, одѣли его какъ красную дѣвицу, а Демьяна похоронили тоже съ честію. У царя Кащея не пиво варить, не вино курить, а честнымъ пиркомъ и за свадебку!

Вотъ прошло послѣ свадьбы почти три года. Въ одно утро встаетъ царь Кащей и смотритъ, а на его лугахъ царскихъ раскинуты шатры бѣлополотняные, а на тѣхъ шатрахъ бѣлополотняныхъ выкинутъ флагъ сильнаго царя Далмата. Царь Далматъ лишь только услышалъ, что Демьянъ Кащеичъ убитъ, и пошелъ войной на царя Кащея. Царь Кащей не успѣлъ еще отойти отъ окна, какъ выѣхали изъ шатра три могучихъ богатыря и стали они кличъ кликать и царя Кащея на бой вызывать; а если царь къ нимъ не выйдетъ, то они его царство разорятъ, а прекрасную царевну Елену Кащеевну силòмъ возьмутъ». Вотъ царь Кащей и говоритъ Олёшѣ: «Зять мой любезный! ты прибилъ у меня всё войско и сына моего Демьяна убилъ; такъ вся теперь надежда у меня на тебя: самъ ты защищай и жену свою и царство; а если ты враговъ прибьешь, я тебѣ и царство сдамъ, однако и голова моя стара стала».

«Вотъ тебѣ, матушка, и Юрьевъ день», думаетъ Олёша: «однако ужъ двухъ смертей не будетъ, а одной не миновать, а я еще вотъ что сдѣлаю: не далеко отъ города, на дорогѣ къ лугамъ, есть дубъ, такъ велю на этотъ дубъ придѣлать

шелковую петлю, да такую крѣпкую, чтобъ скорѣе дубъ сломился, чѣмъ она сорвалась, а какъ поѣду къ лугамъ-то, такъ и суну голову-то въ петлю; хоть стыда меньше будетъ; а пусть тамъ надъ мертвымъ хоть что дѣлаютъ». Какъ задумано, такъ и сдѣлано. Вотъ и выѣхалъ Олёша да и сталъ править къ самому этому дубу, да вмѣсто себя-то и заправилъ въ петлю коня. Конь-то былъ такой сильный, что и вырвалъ дубъ со всѣми кореньями, да и побѣжалъ по войску, да куда прибѣжитъ—тутъ и улица, а повернетъ—тамъ переулокъ, и наконецъ притопталъ и придавилъ до одного человѣка. Вотъ царь Кащей такъ этому обрадовался, что въ тотъ же день и сдалъ ему свое царство. А Олёша такъ этимъ удивилъ своихъ сосѣдей, что во всю жизнь свою ни съ кѣмъ не воевалъ (т.-е. никто не смѣлъ съ нимъ воевать). А нашъ сильный и могучій Царь Олёша привезъ къ себѣ отца и сталъ жить да быть.

Я тамъ былъ, мёдъ и пиво пилъ: пиво-то тепло, по губамъ текло, а въ ротъ не попало.

(Сообщено г. Барсовымъ.)

ЗАОНЕЖСКІЯ ПОВѢРЬЯ.

По вѣрованію Заонежанъ, земля, кромѣ людей, населена несмѣтнымъ множествомъ видимыхъ и невидимыхъ существъ, которыхъ нельзя причислить къ благимъ духамъ. Трудно пріискать для нихъ общее народное названіе. Замѣчу только, что у нихъ нѣтъ никакой связи съ библейскимъ діаволомъ. Въ представленіи Заонежанъ—человѣконенавистникъ-діаволъ самъ по себѣ: это отвлеченное существо, о которомъ, внѣ круга религіозныхъ вѣрованій, они знаютъ лишь изъ особаго рода сказаній; въ жизни же они имѣютъ дѣло съ духами совершенно иного порядка, которые и по природѣ, и по наклонностямъ близки къ человѣку, но только сильнѣе его. Это домовики, лѣсовики, лѣсные старики, водяники, водяныя женщины и т. п. Когда-то эти духи были языческими геніями, иные изъ нихъ принадлежали къ лику боговъ, но, по введеніи христіанства,

потеряли свои небесные престолы. Впрочемъ, отнявъ у нихъ тронъ, христіанство не лишило ихъ власти, потому, вѣроятно, что культъ ихъ былъ не общественный, а семейный.

Чтобы какъ-нибудь согласить существованіе своихъ пенатовъ съ христіанскими понятіями, народъ сложилъ слѣдующую легенду: «по досюльному океянъ-морю плавало два гоголя: одинъ бѣлъ гоголь, а другой черенъ гоголь. И тыми двумя гоголями плавали самъ Господь Вседержитель и Сатана. По Божію повелѣнію, по Богородицину благословенію, Сатана выздынулъ со дна моря горсть земли. Изъ той горсти Господь-то сотворилъ ровныя мѣста и путистыя поля, а Сатана надѣлалъ непроходимыхъ пропастей, щильевъ и высокихъ горъ. И ударилъ Господь молоткомъ въ камень и создалъ силы небесныя; ударилъ Сатана въ камень молоткомъ и создалъ свое воинство. И пошла между воинствами великая война: по началу одолѣвала было рать Сатаны, но подъ конецъ взяла верхъ сила небесная. И сверзилъ Михайла архангелъ съ небеси сатанино воинство, и попадало оно на землю въ разныя мѣста: которые пали въ лѣса, стали лѣсовиками, которые въ воду—водяниками, которые въ домъ—домовиками; иные упали въ бани и сдѣлались баенниками, иные во дворахъ—дворовиками, а иные въ ригахъ—ригачниками».

Кромѣ лѣсовиковъ, водяниковъ и ихъ собратій, есть особое сословіе *нечистой* силы или чертей *(лембоевъ)*: имъ подневольны *заклятые*, и съ ними ведутъ дружбу *клохтуны* или *ерестуны*. Черти въ глазахъ народа тоже отличны отъ діавола: по заонежскому поговорью, «чортъ чортомъ, а діаволъ самъ по себѣ». Эта нечистая сила вездѣ водится, но ея любимыя жилища на Ишь-горахъ и Мянь-горахъ [1]). Тамъ когда-то жили, по народному преданью, двѣ сестры, блины пекли, съ горы на гору перебрасывали. Теперь тамъ живутъ цѣлыя полчища нечистой силы, у нихъ тамъ цѣлыя села съ переселками и города съ пригородками. Лембои женятся между собою, расплоджаются, а все имъ мало: дня не проходитъ, чтобъ они не похищали людей, въ особенности дѣтей, которые заклятыя родите-

[1]) Есть горы этого имени по Заонежью, въ Толвуѣ и Кижахъ, и на Пудожскомъ берегу.

лями. Если отецъ или мать скажутъ своему дѣтищу не въ добрый часъ нехорошее слово, напр., «изыми тя», или «унеси тя»—быть ребенку между заклятыми [1]). Заклятые нужны нечистой силѣ, потому что единственно посредствомъ ихъ она можетъ проникать къ людямъ: забудутъ крещеные перекрестить ѣства,—самой то нечистой силѣ нельзя ихъ стащить,—вотъ и посылаютъ на это дѣло заклятыхъ. Воротить заклятаго можно посредствомъ осиноваго листа; отъ того и слыветъ у Заонежанъ поговорье, что заклятаго человѣка отъ дому отдѣляетъ только осиновый листъ.

«А часто ли у васъ люди попадаютъ къ нечистой силѣ?» спрашивалъ я на Шуй-наволокѣ. Въ отвѣтъ на мой вопросъ Заонежане привели мнѣ десятки примѣровъ и изъ прошедшаго, и изъ недавнихъ дней, насказали мнѣ случаи, о которыхъ слышали и которые сами видѣли. «Лонись (т.-е. прошлаго года) въ деревнѣ Боярщинѣ мать прокляла дочку,—пошла дѣвка по ягоды и не воротилась; а добрые люди видѣли ее потомъ между заклятыми.—Въ деревнѣ Середкѣ мать выбранила мальчика,—и мальчикъ пропалъ. Мѣсяца черезъ два послѣ этого, Леонтій Богдановъ шелъ съ лѣсу и, подходя къ дому, видитъ: на воротахъ что-то копышется: анъ сидитъ на воротахъ младенецъ: «Только бы его снять, да крестъ надѣть; съ рукъ-то бы не взяла нечистая сила». Но пока Леонтій Богдановъ прохлаждался, разсуждаючи такимъ образомъ, мальчикъ сгинулъ изъ виду».

На Толвуѣ пропалъ мужъ у жены. Долго она понапрасну его отыскивала. И вотъ сжалился надъ нею сусѣдъ и указалъ ей такого колдуна, больше котораго никто не могъ отыскать ся мужа. Стала она просить колдуна о своемъ дѣлѣ, а тотъ и говоритъ ей: «Да что Иванъ-то Васильевичъ тебя ко мнѣ посылаетъ: онъ твоего мужа лучше меня отыскать можетъ». Пала баба въ ноги къ Ивану Васильевичу и упросила его пособить ся горю. Наканунѣ Иванова дня отправились они оба къ Ишь-горѣ и пришли туда въ полуночную пору. Колдунъ научилъ

[1]) Слѣдовательно, „нечистая сила“ можетъ вредить человѣку только тогда или, лучше сказать, въ ней является только тогда вредная сила, когда люди сами вызываютъ ее, когда обрекаютъ другъ друга гибели.

бабу, что ей нужно дѣлать, и остался самъ внизу, а она поднялась вверхъ на гору,—и видитъ большое село. Была темная ночь, а сталъ бѣлый день; конца нѣту строенію. На улицахъ пляски и игрища, разставлены столы, на столахъ ѣствамъ и питьямъ счету нѣтъ [1]). Какъ завидѣли черти чужую женщину, окружили ее со всѣхъ сторонъ и стали у ней выспрашивать: «Зачѣмъ пришла къ нимъ?»—Я-де мужа розыскиваю.—«Ну, говорятъ, ладно, такъ розыскивай: только держи ухо востро». Стали рядами цѣлыя ихъ тысячи: платья у всѣхъ одноличныя, точно съ одного плеча; нельзя ихъ различить одного отъ другаго ни по волосу, ни по голосу, ни по взгляду, ни по выступкѣ. И никакъ бы не могла баба признать между ними мужа, да на счастье вспомнила наказъ сусѣда. У всѣхъ платье застегнуто съ лѣвой стороны, и нѣтъ ни кровинки въ лицѣ; а у мужа правая пола вверху, а кровь на щекахъ такъ и играетъ. Какъ узнала она мужа, ее честью отпустили съ нимъ домой; и пока они шли до сусѣда, не спускала съ рукъ руки мужа.

Въ досюльные годы въ Заонежьѣ жилъ старикъ, и померли у него оба сына. Остался онъ одинъ со старухой, кормился охотой, и была у него собака, ей цѣны нѣтъ. И разъ попался ему встрѣчу хорошо убранный человѣкъ: «продай, говоритъ, собаку и приходи ко мнѣ на Мянь-гору завтра вечеромъ за расчетомъ». Старикъ собаку отдалъ, а на другой день пошелъ на Мянь-гору. Идетъ себѣ, да думаетъ:—Здѣсь и дороги никогда не было.—Какъ поднялся на верхъ горы, видитъ большой городъ, и показали ему домъ хорошо убраннаго человѣка. Самого хозяина еще не было дома, но старика напоили, накормили, послали попариться во баенку и дали ему парильщикомъ добраго молодца. Какъ выпарилъ старика молодецъ въ парной баенкѣ, палъ ему въ ноги и говоритъ: «Не бери, дѣдушка, за собаку жалованья, а проси меня».—Хорошо, скажетъ, дитятко!—Воротились они тутъ въ палаты; хозяинъ уже дома

[1]) При этомъ разсказчикъ остановился и пояснилъ мнѣ: „плясали-де и забавлялись черти заклятые, а ѣства и питьица унесены были отъ крещеныхъ, которые забыли благословиться: такъ нечистая сила унесла неблагословленное, вмѣсто того оставила имъ всякихъ пакостей“.

и спрашиваетъ старика: «Что тебѣ за собаку?» — А не надо мнѣ ни золота, ни серебра. Дай мнѣ этого дородня добра молодца; дѣтей у меня нѣту-ти: будетъ онъ мнѣ на мѣсто сына.— «Много ты просишь, старичокъ, да дѣлать нечего: надо дать». И велѣли молодцу надѣть одежду самолучшую, дали ему хорошую шляпу, сапоги козловые и все исправное; отпустили его со старикомъ и на прощеньице дали 500 рублей на его житье. Какъ пришли они на фатеру, молодецъ и говоритъ ему:—Отдай,— дѣдушка, деньги старухѣ, а у насъ денегъ будетъ. Ступай ты въ Новгородъ и отыщи на улицѣ Рогатицѣ такого-то купца.— И разсказалъ ему тотъ молодецъ, что надо сдѣлать, и что̀ говорить, и отпустилъ въ Новгородъ. Старикъ пришелъ въ Новгородъ, разыскалъ на Рогатицѣ домъ купца и попросился къ нему ночь ночевать. Послѣ ужина сталъ старикъ купца спрашивать: «Было-ли у тебя дѣтей?»—Былъ, говоритъ, сынъ, любимое дѣтище, да мать въ сердцахъ выговаривала ему: «лембой те возьми»; лембой его и унесъ.—«А что дадите, я вамъ его ворочу?»—Гдѣ тебѣ-ка-ва вернуть? Сколько у насъ денегъ было держано, сколько добрыхъ людей прошено, а не могли воротить сыночка.—«Такъ послушайте-же: есть у васъ въ кладовой зеленый сундукъ, въ сундукѣ съ лѣвой руки лежитъ на самомъ днѣ перстень, съ нимъ и найдете сына». Взяли перстень и поѣхали въ Заонежье. Призналъ купецъ дородня добра молодца за сына и хотѣлъ наградить старика несчетной казной. А сынъ ему говоритъ: «Старика намъ отпустить не мочно: ты меня породилъ, а онъ мнѣ второй отецъ, изъ лютой неволи высвободилъ». И тутъ они стали всѣ вмѣстѣ жить да быть.

Есть такіе люди, которые знаютъ, какъ обращаться съ нечистой силой. Но знакомство знакомству рознь. Добрые люди ведутъ съ лембоями знакомство на помощь крещенымъ, а худые во вредъ ближнему. Злые колдуны и по смерти своей не даютъ покоя крещенымъ и дѣлаются *ерестунами* (иначе *хлоптунами*, *клохтунами* или *шоптунами*); они подстерегаютъ минуточку, когда къ сусѣду подойдетъ скорая смеретушка, и только душа разстанется съ тѣломъ, ерестунъ входитъ въ покойника. Тогда въ семействѣ пойдутъ нехорошія дѣла — неподобныя. И такіе есть ерестуны, которые «обвертываются», т.-е. принимаютъ на

себя чужой ликъ и стараются подобраться въ свою или чужую семью. Живетъ ерестунъ, кажется, какъ надо быть хорошему крестьянину, а смотришь, изъ семейства и изъ деревни станутъ пропадать люди одинъ за другимъ: это ихъ ерестунъ поѣдаетъ. Чтобъ извести обвороченнаго колдуна, надо взять плетку отъ коня нелегченнаго и ударить ерестуна на испашку. Тогда онъ съ ногъ долой, и до могилы въ немъ души нѣтъ. А чтобъ онъ опять не ожилъ въ гробу, такъ надо ему вбить осиновый колъ въ спину промежъ самыхъ плечъ.

Въ лѣсахъ живутъ *лѣсные старики* или *отцы*. Особеннаго зла они не дѣлаютъ людямъ, а только заманиваютъ въ лѣсъ ребятишекъ; держатъ Богъ вѣсть зачѣмъ при себѣ и Богъ вѣсть чѣмъ кормятъ. — Ѣхали разъ на суднѣ мужики и мальчикъ. Мальчикъ и слѣзъ въ бору за нуждою. Звали его—звали, нѣтъ нигдѣ, ни вездѣ. Воротились они домой нерадошны, и не даютъ имъ проходу бабы: не вѣрятъ, чтобъ мальчикъ пропалъ самъ собой. А пуще всѣхъ горюетъ мать и попрекаетъ мужиковъ, что сына-де утопили. Отыскали они вѣдунью, и стала она выкликать мальчика, читаючи ему панихиду, какъ покойнику. Еще не кончила она панихиды пѣть, глядь, а онъ стоитъ на томъ берегу. Мужики не вытерпѣли, сѣли въ лодку и за нимъ; мальчикъ-то опять сгинулъ и долго, долго пропадалъ. Наконецъ нашли его подъ кустомъ: онъ совсѣмъ одичалъ, ничего не говоритъ, а глаза горятъ, какъ жаръ, и такъ и бѣгаютъ изъ стороны въ сторону,— и долго не могъ онъ привыкнуть къ людской молви и къ человѣческой ѣдѣ.—Другой разъ идетъ мужикъ по лѣсу и наткнулся по дорогѣ на мальчика: сидитъ мальчикъ, скорчившись, подъ деревомъ. «Ты съ кѣмъ здѣсь?—Я, говоритъ, съ отцомъ.—«А кто тебя кормитъ?»—Отецъ.—«А кто твой отецъ?»—Старикъ.— И больше ничего нельзя было добиться отъ мальчика.

Лѣсовикъ или *лѣсъ*—хозяинъ лѣса. Въ обыкновенное время его не видно, а слышенъ только хохотъ, да уканье, да плескъ рукъ. Съ виду лѣсъ похожъ на человѣка, только кровь у него темная, и не свѣтлая, какъ у людей [1]), потому его и зовутъ сине-

[1]) Не всѣ крестьяне такого мнѣнія о наружности лѣсовиковъ. Леонтій Богдановъ положительно заявилъ мнѣ, что лѣсъ съ виду ничѣмъ не отличается отъ человѣка, а „синчаки--то де нечистая сила“.

образнымъ. Безъ причины онъ ни за что не тронетъ человѣка: «Онъ-де праведенъ, не то, что чортъ». Есть у лѣсовиковъ, въ каждой землѣ, какъ и у людей, свои воеводы и свои цари. Надъ русскими лѣсовиками царствуетъ Мусаилъ-лѣсъ. Когда у людей заведется усобица, ведутъ между собою войну и лѣшіе: сходятся цѣлыя войска ихъ и звѣрей изъ воюющихъ царствъ и бьются между собою нещадно до тѣхъ поръ, пока не прекратится человѣческая война. Вотъ отъ чего, по замѣчанію крестьянъ, передъ войной всегда бываетъ переселеніе звѣрей.

Если лѣсъ сдѣлаетъ человѣку лихо, тогда надобно его заклясть. Для этого отправляются въ лѣсъ, отыскиваютъ лядину, чтобъ на ней росла рябина, а отъ рябины была бы отростелина. Изъ той рябины вырубаютъ нѣсколько рябиновыхъ батожковъ: вооружившись ими, крестьянинъ начинаетъ выговаривать заклятья, въ которыхъ жалуется Мусайлѣ на праведнаго лѣса: «сдѣлалъ молъ имреку лихо, не вѣдаю за что. И ты-де, царь Мусайла, имрека отъ лиха честью избавь, а не то будетъ у меня послана грамотка къ царю въ Москву» [1]). Лѣсовикъ и вся его стихійная братія показываются только тогда, когда людямъ предстоитъ что-либо чрезвычайное, когда, по словамъ народа, «какая ни на есть бѣда лучится надъ крестьяниномъ».

Идутъ однажды два охотника по лѣсу; подходитъ къ нимъ прохожій добрый молодецъ и ни съ того, ни съ сего начинаетъ разсматривать ихъ ружья. Ругнули было его порядкомъ охотники, да какъ посмотрятъ въ лицо, а онъ синеобразенъ,—значитъ, надо уходить. И ушли они изъ лѣса вонъ ко тихому заводью, зеленому затресью, и разошлись въ разныя стороны, чтобы стрѣлять дичь. И покажись охотнику, что неподалеку, въ листвѣ, притаился тетеревъ; стрѣлилъ онъ въ птицу и слышитъ: кричитъ птица не по птичьему, кричитъ голосомъ человѣческимъ. Побѣжалъ поближе и видитъ: стрѣлено у него въ товарища. И вышло, что не передъ добромъ показывался имъ лѣсовикъ.

Лѣсовые могутъ уводить въ свои жилища людей, особенно маленькихъ дѣтей, проклятыхъ родителями. Вотъ довольно любопытный разсказъ одной повивальной бабки о томъ, какъ она у лѣсоваго должна была принимать дитя.

[1]) Самый текстъ заговора см. въ отдѣлѣ заговоровъ.

«Разъ какъ-то нôцью,—говорила она,—колонулись мни-ка въ окошко [1]). Я и подумала, цё кто-ни зôветъ бабить. Скорéнько накинула нá себя сарафанишко, а нá голову платишко, да и вышла нá крыльцё. А было дѣло осенью. На улици тма тмущая, хоть глазъ выколи. Слышу ôтъ окна пôшелъ кто-то. Я и не спросила, кто тутъ, а опустилась съ крыльця и пошла въ слѣдъ. Думаю, цё кому-ни изъ деревéнцевъ понàдобилась. Не пôмню ужъ, перекрестилась ли я на походѣ, или нѣтъ. Вôдакъ мôй шéлъ скôро; я на силу лёпсяла пô грязи. Но слышу—онъ вышолъ ужъ за деревню. Видно, думаю прô себя, съ другой деревни кто-нибудь ведетъ. А друга деревня пôцяй вôзли и была; тôлько не знаю, кôимъ пôбытьемъ я оцюдилась зà полемъ. Куды, думаю, мéня повели. Есть и въ тôй стôроны деревнишко, но тамъ свôя бáбка. Я было остоялась и думала спрôсить вожàтого, куды онъ вéдетъ мéня; но лишь я подумала это, кàкъ онъ нàбѣжалъ, да хвáтилъ мéня и такъ пòтащилъ, цё у меня нòги только заливкали. Нé прошло и минутки, какъ оцюдились мы у лѣсовой избушки. Но мни-ка и въ умъ нé придетъ, цё сò мной дѣлается, цё-ни не лàдно, а думаю, видно кака-ни была на работы, да тамъ и прижало съ родамъ. Отворилъ онъ фатéрку и пихнулъ мéня туды. Въ фатéры горѣла луцинина, а въ углу нà зени лежала баба. Не успѣла я и оглянуться, какъ смолилась мни-ка бѣдна бáба: скорѣе, бàбушка, смёрéтушка приходитъ. Я брòсилась нà помоць. Пòтерла поясницки, да погладила брюшка, Богъ и рáспросталъ. Рòдила пàренька. Я спрашиваю у рожаницы, гди ка бы найти судешко какò-ни, вымыть младеня. Нѣту, гòворитъ, бáбушка, у насъ ницего такого. Сейцясь принесу, прòговорилъ гòлосъ зà дверью. Я въ пéрво услыхàла этóтъ гòлосъ, онъ показáлся мни-ка кàкимъ-то стрàшнымъ. Нé прошло и двухъ минутъ, какъ дверь òтперлась и тотъ же гòлосъ прòговорилъ: нá-те воду. Я въ это врéмя помогàла рожаници оциститься. Оглянулась нàзадъ, вижу у порòга стòитъ подòйникъ. Я скорѣе взяла éго и поднесла къ òгню, поглядѣть, циста ль вода; но лишь тòлько взглянула на подóйникъ, тàкъ у меня сердéцько и ёхнуло: вижу цё подóйницекъ мой. А все-

[1]) Сохраняемъ всѣ особенности говора, какъ онѣ отмѣчены въ перв. изд.; онѣ даны безъ всякихъ объясненій и не вездѣ выдержаны.—*Ред.*

таки не́ придетъ въ умъ—я не съ крещёными, а думаю, цё онъ моше́нникъ, какъ ни стяпостилъ у меня подо́йникъ, какъ приходилъ за̀ мной. Но не знаю съ це́го пришло мни-ка въ го̀лову сдѣлать углемъ дви цёртоцьки на подо́йники, и ста̀ла мыть ребёнька. Вымыла, да кла́ла возли ма̀тери, а са̀ма думаю о̀брать по̀слѣдъ. И лишь только ла̀дила приняться, ка̀къ на̀бѣжалъ въ избу мужицина стра̀шной та̀кой, а гла̀за, какъ у разбо́йника, такъ и ходятъ. Не́ тронь, го̀воритъ, нице́го. Я са̀мъ уберу, а те́би по̀ра до̀мой. Потомъ въ о̂дну руку сунулъ мни цё-то мягкое, цё я сряду и кинула на̀ зень, а за другу по̂велъ ме́ня во̂нъ. Ско̂ро ка̀къ-то оцюдились мы у своей дере́вни. Во̂жакъ мой такъ и сгинулъ, будто скво̂зь зе́млю про̂шелъ. У меня такъ дыбомъ во̂лосы и ста́ли. Не помню ужъ, какъ я прошла дере́вню и зашла въ избу. Не́ досугъ ни огню дуть, ни сарафанишка скидывать, а скорѣе за̀бралась на̀ пець, да сряду и заснула. Проснулась, слышу, ужъ деревенци выпуска̀ютъ коровъ. Ой, думаю, набъ скорѣе доить корову. Но вдругъ вспомнила, цё подойника-то нѣту; да взглянула на две́рну ла̀вку, а̀жно подойникъ стоитъ на своемъ мѣсти. Я скоре́нько плеснула разъ другой въ гла̀за воды, перекрестилась немножко и пошла было доить, вышла ужъ въ сини, но какъ-то взгляну на подойникъ, онъ и полетѣлъ съ рукъ. Дви цёртоцьки на̀ боку прове́дены углемъ. Ну, думаю, спасъ ме́ня Богъ,—въ добромъ же мѣсти я ноцесь бабила. Видно я, грѣшниця, вышла не́ благословясь, да и подойник-отъ то же попа̀лось, видно, кла̀сть не́ благословясь, а онъ окаянный, какъ стоялъ у окна-то, такъ по духу и уцюялъ, це́ е́сть въ избы подойникъ кла̀денъ не́ благословясь, а какъ пона̀добилось судно, такъ онъ и лизнулъ туды. Видно ужъ въ другомъ мѣсти не́ было примѣце́но». По словамъ старухи, женщина эта была проклята мужемъ.

Водяникъ—высокій, здоровенный мужикъ; съ лица онъ черенъ, голова у него какъ сѣнная копна. Подъ водой у водяниковъ есть цѣлыя царства; въ моряхъ и большихъ озерахъ построены города изъ богатыхъ палатъ; въ малыхъ озерахъ села и «особливыя хоромины». Жители этихъ подводныхъ поселеній совсѣмъ не такого незлобиваго характера, какъ лѣсовики. Вопервыхъ, они, пользуясь малѣйшей оплошностью, хватаютъ

«крещеныхъ» съ лодокъ или во время купанья, особенно дѣвокъ, и топятъ ихъ; во-вторыхъ, ходятъ къ заклятымъ женщинамъ. — Прочитавъ на лицѣ моемъ нѣкоторое сомнѣніе въ послѣднемъ обстоятельствѣ, Леонтій Богдановъ предложилъ, при первой поѣздкѣ по Кижамъ, свезти меня къ одной бабѣ, къ которой и о сю пору похаживаютъ водяники. «Чего, чего не дѣлали сродники», говорилъ онъ: «и заговаривали ее, и вѣдуновъ къ ней водили,—ничто не беретъ: сначала какъ будто полегчаетъ, а немножечко погодя, смотришь, къ ней опять лѣзутъ изъ воды незваные гости». Замѣчу при этомъ, что заонежане народъ отважный и безпечный, озеро Онежское имъ знакомо вдоль и поперекъ, и, несмотря ни на какую погоду, безстрашно пускаются они на своихъ утлыхъ лодченкахъ въ путь, на разстояньи 40, 60-ти верстъ и болѣе. Что же мудренаго, если и лодки, и люди погибаютъ зачастую. Но съ помощію водяниковъ несчастное происшествіе объясняется чрезвычайно просто и, главное, не вызываетъ на будущее время бо́льшей осмотрительности. Утонулъ крестьянинъ, по своей неосторожности,— сусѣды разсуждаютъ: «вѣдь его молъ водяникъ потопилъ», и дѣло рѣшено. «Вотъ ты, Павелъ Николаичъ (говорили мнѣ на Шуй-наволокѣ), думаешь, что на водѣ люди погибаютъ больше отъ своей вины; а мы тебѣ заподлинно сказываемъ, что дѣло безъ водяника не обойдется. Хоть бы нашу деревню Середку взять: позапрошлымъ лѣтомъ поѣхали въ лодкѣ двѣ дѣвки: одна-то на выданьи, а другая-то еще не человѣковатая [1]). И стала дѣвочка сказки сказывать, какъ подъ водой живутъ водяники въ хрустальныхъ палатахъ. А старшая и говоритъ: «ишь какъ у нихъ хорошо: хоть бы однимъ глазкомъ посмотрѣть на подводное царство». И не было ни вѣтра, ни волны, вдругъ заколебалась вода, и поднялся черный мужикъ, волоса у него взъерошеные, ухватилъ дѣвку за руку и, какъ она ни билась, стащилъ ее подъ воду, только ее и видѣли. И все это дѣвочка видѣла своими глазами».

Впрочемъ иногда и съ водяниками у людей завязывается тѣсная дружба. Около Сандалъ-озера жилъ безсчастный старикъ со

[1]) Т.-е. еще не такого возраста, въ которомъ можно выйти замужъ.

старухой и сыномъ. И не было имъ ни въ чемъ удачи. Пришла пора женить сына: «набъ (надо бы) работницу во дворъ взять; анъ никто изъ сусѣдей не хочетъ отдать дѣвку въ домъ безсчастнаго крестьянина: всякому своего дѣтища жаль. Вотъ одинъ разъ и говоритъ старикъ старухѣ: «пойду-ка я искать невѣсту для сына».—А у кого жь ты будешь свататься?—«Да хоть у водяника».—Пошелъ онъ изъ дому; а отъ озера вышелъ къ нему дюжій молодецъ и говоритъ: «Ты у насъ свататься задумалъ: невѣста твоему сыну готова хорошая, приданое есть исправное, только ты не мѣшкаючи пріѣзжай за ней поѣздомъ».—Пошелъ съ нимъ старикъ по берегу, и объявилась отъ берега дорога прямоѣзжая, гдѣ и вѣкъ ея не было. Шли они, шли, пришли къ хрустальнымъ хоромамъ и взошли въ пребогатую палату. Вышелъ къ нимъ старшой водяникъ и дѣвку съ собой вывелъ: хорошая такая дѣвушка, въ богатомъ снарядѣ, въ золотыхъ монистахъ, въ жемчужной поднизи и жемчужныхъ серьгахъ.—Ударили сваты по рукамъ, и отправился старикъ домой. Взялъ съ собой сына, дружку, какъ слѣдуетъ, бояръ и брюдгъ, и поѣхали благословляться къ попу. Попъ и спрашиваетъ. «А у кого берете дѣвку?—У водяника беремъ.—Попу, выходитъ, тутъ дѣлать нечего. На выѣздѣ изъ деревни подошла къ поѣзжанамъ сусѣдка и говоритъ: «Возьмите-тко и меня съ собой: я вамъ свадьбу устрою, какъ надо лучше».—И взяли ее съ собой, пріѣхали къ хрустальнымъ палатамъ и стали справлять свадьбу. Вотъ вывели невѣсту подъ фатой, а сусѣдка шепчетъ старику: «смотри, дѣдушка, обманываютъ: это не настоящая невѣста».—Вывели было другую дѣвку, сусѣдка опять предупреждаетъ старика, что и на этотъ разъ водяники его обманываютъ. Видятъ они, дѣлать имъ нечего, и дали настоящую невѣсту. Стали давать приданаго: злата и серебра, парчи и всякаго имѣнія. А сусѣдка говоритъ старику: «проси-ка ты у свата саней съ персидскимъ ковромъ, проси рыженькихъ лошадокъ, да бери синій кафтанъ съ золотыми пуговицами, еще шапочку соболью и перстень съ самоцвѣтнымъ яхонтомъ».—Сталъ было водяникъ на просьбу старика отнѣкиваться, да видитъ: сусѣдка все знаетъ, и далъ санки и прочее добро.—Воротился старикъ со своими на фатеру. Сноха у него вышла смирная и работя-

щая. Мѣсяца два спустя послѣ свадьбы говоритъ она свекру:— «Запряги, батюшка, рыженькихъ лошадушекъ въ сани съ персидскимъ ковромъ, надѣнь соболью шапочку и синій кафтанъ, бери перстень съ самоцвѣтнымъ яхонтомъ и поѣзжай въ Новгородъ. Есть тамъ купецъ, сорокъ у него лавокъ и сорокъ домовъ, просись къ нему ночевать».—Старикъ послушался снохи, одѣлся, снарядился и поѣхалъ въ Новгородъ. Розыскалъ онъ уже ночью домъ богатаго купца и сталъ проситься къ нему переночевать. Долго еще не пускали, и выглянула въ окошко купчиха и говоритъ мужу: «Что за чудо, санки-то наши у воротъ стоятъ, и лошади-то наши; поди, отопри поскорѣе ворота».—Пустили старика въ домъ, купчиха такъ и закричала мужу: «кафтанъ на чужанинѣ твой, и шапка твоя, и перстень на рукѣ у него твой».—Сталъ тогда купецъ старика разспрашивать: «какъ къ тебѣ мое добро попало? У меня, говоритъ, по грѣхамъ моимъ, назадъ тому пятнадцать лѣтъ, пропала дочка двухлѣтняя и это добро, — искалъ я его и дочку пятнадцать лѣтъ, не могъ сыскать». А старикъ отвѣтилъ: «съ дочкой пропало, съ дочкой и найдешь. — Есть у меня сноха: на правой щекѣ у ней три родимыхъ пятнышка, три вишеньки».—Это и есть, говорятъ купецъ и купчиха, наша дочка.—Съѣхали они тутъ къ старикамъ и стали вмѣстѣ жить да быть. И теперь еще ихъ внуки живутъ въ Кижахъ.

Сказаніе про водяныхъ женщинъ перешло сюда большею частію съ Груманта [1]). Не стану повторять всѣмъ извѣстнаго разсказа о томъ, какъ водяная царица слюбилась съ промышленникомъ на Грумантѣ, и какъ она, когда онъ ее покинулъ, на прощаньѣ бросила ему въ лодку прижитыхъ съ нимъ дѣтей, — а лучше разскажу мѣстное преданіе. Отправился добрый молодецъ вечеромъ ловить рыбу за Онего въ дальнюю губу, и задержалъ его до утра на островахъ срѣтный вѣтеръ. Какъ стало свѣтать, видитъ молодецъ: прилетѣло три лебедушки, ударились о земь, обернулись красными дѣвушками и стали купаться въ губѣ, а на берегу у нихъ оставлены птичьи шкурки. Молодецъ подкрался потихоньку и захватилъ одну шкурку.—Двѣ-то дѣвушки, какъ

---

[1]) Шпицбергенъ.—*Ред.*

выкупались, вышли на берегъ, одѣли шкурки, ударились о земь и полетѣли себѣ лебедушками. А третья дѣвка ищетъ своей шкурки, не можетъ найти. Тутъ къ ней подошелъ молодецъ и говоритъ: «Что дашь за шкурку»?— Хочешь несчетной золотой казны? — «А ненадо мнѣ казны, отдай самою себя». — Изволь, говоритъ, буду твоей женой.— Дали они другъ другу заклятье и стали мужемъ и женою. Къ вечеру вѣтеръ стихъ. Какъ надо имъ садиться въ лодку, молодецъ и подай шкурку женѣ: «на, говоритъ, спрячь, чтобы не замокла».— А жена накинула шкурку на себя, обвернулась лебедушкой и полетѣла по поднебесью. А на прощаньѣ только закричала мужу языкомъ человѣческимъ: «Не умѣлъ ты меня беречь-стеречь, не видать тебѣ меня три года. А какъ исполнится три года, приходи ко озеру Ильменю, «увидишь на плоту женщину-портомойницу: она тебя прове«детъ ко мнѣ». Воротился молодецъ домой одинъ-одинешенекъ: плохое ему житье, стосковался по своей по женѣ: крѣпко она ему полюбилась.— Исполнилось срочное времячко, и пошелъ онъ къ Новугороду, къ Ильмень озеру. Какъ пришелъ туда, солнышко было навечерѣ, и видитъ онъ, стоитъ на плоту портомойница и манитъ его къ себѣ. «Сведи меня, говоритъ, голубушка, къ моей женѣ».— Отчего не свести, пойдемъ.— И пошли они берегомъ, дорожка все спускалась внизъ, стало какъ-то холоднѣе. И пришли они въ большое село, къ богатому дому. Говоритъ ему вожатая.— Ты какъ войдешь въ избу, смотри не молитвись.— И встрѣлъ ихъ въ избѣ большакъ[1]),— сѣдая голова, сѣдая борода. «Долго, говоритъ, зятекъ, ждали мы тебя». И вышла затѣмъ красавица, за руку вывела ребеночка по третьему году:— смотри, молъ, Иванушка, какой у тебя сыночекъ подросъ.— «А пусть его растетъ, говоритъ дѣдъ, намъ это добро надобно».— Поздоровкался молодецъ съ женой, и стали они жить ладкомъ. «И я у нихъ въ гостяхъ былъ, пиво пилъ, сладкимъ медомъ закусывалъ».

Домовикъ и *дворовикъ* видомъ оба въ хозяина, *баенникъ* ходитъ голый, а *ригачникъ* весь въ лохмотьяхъ. Первый обыкновенно бываетъ въ ладу съ хозяиномъ и показывается людямъ

---

[1]) Хозяинъ дома.

рѣдко «не къ добру»; второй ведетъ себя спокойно, если скотинка «ко двору пришла», а если нѣтъ, то дворовикъ ее изведетъ, поломаетъ и складетъ въ ясли. Есть и отшельники — домовики: они поселяются въ пустыхъ фатерахъ, въ которыхъ проѣзжіе и прохожіе останавливаются на роздыхъ. Какъ ѣхать отъ Лижмы на Шуньгу, есть такая фатера, живетъ въ ней сердитый хозяинъ, оттого ее обѣгаютъ и рѣдко заходятъ туда поодиночкѣ. И ѣхалъ зимою добрый молодецъ по этому пути; верстахъ въ двухъ отъ фатеры сломайся у него сани. Кое-какъ добрался онъ до избы, дальше ѣхать не на чѣмъ, да и немочно: ужъ очень озябъ.— Вошелъ онъ въ избу и слышитъ: на полатяхъ кто-то стонетъ. Вотъ онъ помолился, перекрестился, на всѣ стороны поклонился, досталъ себѣ изъ сумы хлѣба и рыбникъ [1]), самъ закусилъ, а чего не съѣлъ, на печь положилъ. Оттуда проговорило тихимъ голосомъ: «благодарствуешь, кормилецъ, на памяти; обогрѣйся себѣ и ничего не бойся». Только онъ прилегъ на лавку, какъ вдругъ растворилась дверь настежь, пошелъ со двора паръ, и заговорилъ сердитый голосъ: — Русскимъ духомъ пахнетъ, ты почто сюда пожаловалъ? — А съ полатей отвѣчаетъ жалкій голосъ: «Не тронь его, болѣзнаго добраго молодца: онъ меня безъ тебя накормилъ». — Ну, говоритъ, коли такъ, оставайся же здѣкава: я тебѣ сейчасъ санки налажу. — Прошло эдакъ съ часъ мѣста, опять растворилась дверь и заговорило: — Ты теперь обогрѣлся и поотдохнулъ: пора тебѣ, время въ путь-дорогу.— Простился молодецъ съ хозяйкой, вышелъ на дворъ и видитъ: стоятъ у дверей чудесныя санки съ полостью. — Сѣлъ онъ въ нихъ бариномъ и поѣхалъ на Шуньгу, радъ, что отъ сердитаго хозяина выбрался по добру по здорову. — И случилось ему черезъ годъ быть въ Москвѣ, пріѣхалъ онъ къ трактиру и пошелъ туда пить чай. Немного погодя, подходитъ къ нему купецъ и говоритъ: «Скажи на милость, молодецъ, гдѣ ты купилъ санки; точь въ точь мои: зимусь меня вѣтромъ изъ такихъ вышвырнуло. Какъ сталъ я на ноги, стоитъ одна лошадь съ упряжью, а саней, словно какъ не бывало, нѣтъ».— Тутъ ему молодецъ разсказалъ всю правду, всю истину.

---

[1]) Пирогъ съ рыбою.

Въ заключеніе сообщаемъ разсказъ, который Леонтій Богдановъ передалъ мнѣ со словъ промышленниковъ съ Груманта, и легенду о Иванѣ купецкомъ сынѣ (записанную въ Заонежьѣ г. В. Знаменскимъ).

Остались тамъ на зиму двое промышленниковъ въ одной фатерѣ. Одинъ изъ нихъ заболѣлъ и хворалъ мѣсяца три или четыре. Здоровый это время ходилъ за больнымъ, какъ за роднымъ братомъ. — Въ одну ночь и говоритъ больной товарищу: «Завтра я, Иванушка, помру». — Господь съ тобой, что это ты вздумалъ! Дастъ Богъ, здоровѣе меня будешь.— А тотъ ему отвѣчаетъ: «Ты меня, братъ, не жалѣй, я какъ помру, тебя съѣмъ».— Ну, говоритъ, коли съѣшь, и то ладно.— Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Умеръ больной, товарищъ обмылъ его, одѣлъ, положилъ его на столъ и сталъ надъ нимъ читать на память молитвы. Какъ подошло время полуночное, взошелъ въ окошко свѣтелъ мѣсяцъ, мертвый зашевелился. Видитъ Иванушка, плохо дѣло: первое дѣло товарищъ исполнилъ, — умеръ, стало и другое исполнитъ—съѣстъ. Вотъ онъ зачурался и пуще прежняго принялся читать молитвы. А мертвый поднялся, потоптался, потоптался на одномъ мѣстѣ, и сталъ разводить руками, искать товарища. Иванушка все отъ него кругомъ стола ходитъ, да молитву читаетъ. Зубы у мертвеца такъ и стучатъ, пробуетъ онъ отворить глаза,— немочно. А тутъ на счастье куры пропѣли — и говоритъ мертвецъ: «Счастливъ твой Богъ, ушелъ ты отъ меня сегодня цѣлъ, такъ я жъ те завтра съѣмъ». И опять легъ мертвецъ на столъ. А на Грумантѣ нѣтъ зимою ни дня, ни ночи, все темень. Почиталъ еще молодецъ молитвы и пошелъ ходить по полю. Напала на него такая тоска: нейдетъ на умъ ни ѣда, ни питье. А къ вечеру, дѣлать нечего, надо вернуться на фатеру: на дворѣ не товарищъ, такъ звѣри съѣдятъ. — Сталъ молодецъ въ большой уголъ и творитъ молитву. Въ полуночную пору мертвецъ опять поднялся, весь синій, развелъ руки и сталъ разыскивать Иванушку. — Походили они около стола, покойникъ остановился и вспомнилъ: «Вотъ оно что, говоритъ, надо глаза отворить». Бился онъ съ глазами, индо распухъ, напослѣдокъ глянулъ и выговорилъ: «Я тебя, Иване, вижу и теперь навѣрно съѣмъ».— Ступилъ онъ къ Ивану шагъ, а подъ поломъ заговорило:—

Врешь, братъ, не съѣшь, може я тебя съѣмъ. — И вылѣзъ изъ подполья другой мертвецъ: саванъ у него въ лоскутьяхъ, на костяхъ одни клочья висятъ. И стали мертвецы между собою подираться, и костякъ первому покойнику руку пооторвалъ. — Запѣли куры, костякъ пропалъ, а Ивановъ товарищъ захватилъ съ собой руку и легъ на столъ. — Такая тоска напала на Иванушку, что хоть руки на себя наложи. — «Что будетъ, думаетъ, по вечеру, помилуй мя, Господи, и спаси». А къ ночи все-таки вернулся на фатеру. — Въ урочное время, какъ зашевелился Ивановъ товарищъ на столѣ, полѣзъ и другой мертвецъ изъ подполья. И пошла между ними драка великая, а на Иванушку напалъ такой страхъ, такой трусъ, что онъ обомлѣлъ. Какъ очнулся изъ забытья, слышитъ — кто-то чавкаетъ, анъ это костякъ его товарища грызетъ, работаетъ надъ нимъ, не проклаждаючись. Съѣлъ онъ ему голову и палъ Ивану въ ноги: «Теперь, говоритъ, я пойду въ свое подполье и твоего недруга возьму. А ты, Иванушка, какъ будешь дома, въ Заонегѣ, сходи въ такую-то деревню: живетъ тамъ ветхая старушонка, моя матушка, ей болѣе ста и семидесяти годовъ. Какъ былъ я живъ, не почиталъ ея, все ей насупротивъ дѣлалъ, и завелъ я всякимъ безпутствомъ заниматься, до того дошелъ, что съ родною сестрою любовь свелъ, а когда она отъ меня поносъ понесла, то я стыда ради ушелъ на Грумантъ, безъ матерьня благословенія. За это матушка прокляла меня такою клятвой, что меня мать сыра земля не принимаетъ, а у ней Господь не беретъ души со бѣлыхъ грудей. И разскажи ты, Иванушка, ей про мое великое горе, авось меня помилуетъ, тогда и ее Господь Богъ отпуститъ со бѣла свѣта. — А коли не захотитъ простить, проси ее о томъ неотступно со священникомъ». — И слѣзъ мертвецъ въ подполье и Иванова товарища обралъ. Какъ наступило лѣто, съѣхалъ Иванушка домой, а мертвеца положилъ въ гробъ и на лодкѣ свезъ на родную сторону. И по пріѣздѣ первымъ дѣломъ пошелъ къ его матушкѣ: сидитъ она старая, престарая, еле душа въ тѣлѣ держится, и на Иванову просьбу только рукой отмахивается. Тогда Иванушка привелъ священника, и сообща они уговорили старуху простить сына. Выговорила она прощенье, едва привстала, благословилась у священника и стала кончаться. Тогда сына ея отпѣли, похо-

ронили его въ благословенной землѣ, и земля его приняла. А самъ-то Иванушка сталъ жить, поживать, дѣтокъ наживать и теперь живетъ.

ЛЕГЕНДА О ИВАНѢ — КУПЕЦКОМЪ СЫНѢ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ купецъ Никола со своей купчихой. Сначала жили они хорошо и богато, а главное радовались тому, что Господь надѣлилъ ихъ сынкомъ, да такимъ хорошимъ, умнымъ да разумнымъ, что отецъ и мать только о томъ и молились Богу и угоднику его святому Николаю Чудотворцу, чтобы они надѣлили его еще счастіемъ да долголѣтіемъ. Этакъ подъ старость они, ни съ того — ни съ другого, начали бѣднѣть и то того обѣднѣли, что Никола изъ знатнаго купца сдѣлался просто торгованомъ: — у него осталась одна лавочка, а въ ней было: ящикъ табаку, да гвоздья да желѣза понемногу.

Вотъ съ того ли, что они обѣднѣли, али ужъ съ того, что остарѣли, мать и отецъ Ивана — такъ звали Николина сына — занемогли. Однажды отецъ позвалъ Ивана да и говоритъ: «Ну, сынъ ты нашъ любезный! мы, кажется, скоро умремъ, а ты не плачь по насъ, а лучше Богу молись. Вѣдь мы ужъ пожили на своемъ вѣку: будетъ съ насъ; а ты насъ похорони хорошенько, а я и денежекъ тебѣ на это припасъ! Вотъ, иное изъ нихъ на похороны здержи, иное на поминовеніе, а на остальное купи товарцу, да и поторгаивай. Только вотъ мое благословенье: никого ни обвѣшивай и не обсчитывай; а будс разбогатѣешь — и Бога не забывай и нищихъ обдѣливай, какъ я то прежде дѣлалъ. Ну, прости сынокъ! Буди на тебѣ Божіе благословеньице и наше грѣшное!»

Черезъ недѣлю Иванъ похоронилъ отца, а потомъ и мать, и началъ поторгаивать. Въ скоромъ времени онъ задумалъ перебрать все въ дому и гдѣ-то въ углу нашелъ образокъ угодника Божія Николы Чудотворца. Принесъ онъ образокъ въ избу, налилъ воды въ блюдо, вымылъ, вычистилъ и на божницу поставилъ; а потомъ пошелъ на рынокъ, купилъ лампадку да и затеплилъ передъ

образомъ. Въ первое воскресенье позвалъ попа, помянулъ родителей, прослужилъ молебенъ Николѣ Чудотворцу и снесъ образокъ въ лавочку, чтобы постоянно на него смотрѣть. Послѣ этого, какъ придетъ въ лавочку, сперва помолится на образокъ, а потомъ и начнетъ торговать; такъ счастливо торговалъ, что будто самъ Господь покупателей посылалъ. Потомъ онъ построилъ и другую лавочку. Въ каждой день онъ подавалъ много денежной милостинки, а между прочимъ старичку, который въ каждой день приходилъ къ нему. Иванъ полюбилъ его больно; а когда понадобился Ивану прикащикъ въ новую лавочку, онъ сказалъ этому старичку: «Дѣдушка, не знаю я твоего святого имени, не знаю, какъ и батюшка твоего звали; а только не огорчи ты меня, вотъ я построилъ новую лавочку, а прикащика у меня нѣтъ. Поди ко мнѣ прикащикомъ: я и самъ буду тебя слушаться, какъ бывало отца своего слушался; будь такъ добръ, не отказывайся». Старичекъ сначала было отпирался, а потомъ согласились и стали они вмѣстѣ жить да поживать; а Иванъ во всемъ слушался старичка и называлъ его батюшкомъ. Старичекъ торговалъ счастливо и прибыльно, и однажды говоритъ: «Иванушко, товаръ-то твой мнѣ не порато нравится: торгуешь ты табакомъ, а Богъ табаку не любитъ,—да и тѣхъ не любитъ, которые табакомъ торгуютъ; а накупи-ко ты лучше мелочнаго товару,—такъ и покупателей будетъ больше, да и грѣха-то не будетъ». Иванъ послушался; накупилъ товаровъ много, всё разныхъ, и началъ опять торговать. Когда товары вышли, Иванъ началъ считать деньги и, откуда ни возьмись, насчиталъ втрое. Обрадовался Иванъ такой прибыли, позвалъ попа, отслужилъ молебенъ Николѣ Чудотворцу; а старичекъ—такой-то веселый, такъ Богу и молится!

Торговали они такъ три года, и Иванъ такъ разбогатѣлъ, что старичекъ началъ ему совѣтовать отправиться за море съ товарами. Послушался Иванъ старичка, купилъ судно,—нагрузилъ товарами, отдалъ домъ нищимъ, а одного поставилъ хозяиномъ, пока самъ не прiѣдетъ; помолились Богу и поѣхали за море со старичкомъ. Вотъ ѣхали они — ѣхали, близко ли—далеко ли—скоро это сказывается, а не скоро дѣло дѣлается; вдругъ напали на нихъ разбойники и ограбили у нихъ всѣ товары,

а самихъ какъ-то спустили живыми и здоровыми. Горько было Ивану, а старичекъ утѣшаетъ его да говоритъ, что всё это къ лучшему. Два дни плыли они послѣ этого, а на третій пристали къ острову, а тутъ множество было кирпичу. Старичекъ и говоритъ Ивану: «Собирай-ко ты, Иванушко, эти кирпичи да носи на судно». Иванъ и говоритъ: «Куда мнѣ съ этими кирпичами; я лучше умру, чѣмъ буду торговать ими». А старичекъ и говоритъ на это: «Ахъ, ты, Иванушко, Иванушко! мало ты еще опытенъ, а я скажу тебѣ на это, что одинъ эдакой кирпичъ дороже всего твоего товару, которой разбойники ограбили».—И потомъ бросилъ одинъ кирпичъ о землю, а подъ глиной-то драгоцѣнный камень. Обрадовался Иванъ и началъ нагружать судно кирпичемъ, а когда нагрузили до полна, старичекъ и говоритъ: «Ну, Иванушко, теперь надо надѣлать простыхъ кирпичей, чтобы разбойники не отняли у насъ этихъ». Да сверху одинъ рядъ и наклали. Поднялся попутный вѣтеръ и они поѣхали дальше, а (на нихъ) разбойники напали опять и начали приступать за товаромъ. Старичекъ и говоритъ имъ: «Будьте милостивы, добрые люди, оставьте насъ въ живыхъ, а товары у насъ недавно разбойники ограбили, и вотъ теперь мы веземъ кирпичъ, который на этомъ островѣ надѣлали». Разбойники повѣрили и поплыли прочь, а Иванъ и старичекъ дальше; а въ скоромъ времени приплыли они въ столицу и остановились въ гавани.

Въ томъ царствѣ былъ такой обычай, что всѣ купцы, какіе туда пріѣзжали, носили на поклонъ къ королю всякой свой товаръ. Старичекъ и говоритъ Ивану: «Помолись-ко ты, Иванушко, Богу-Господу, да поди купи золотое блюдо да фату̀ шелковую, а завтра и пойдешь къ королю на поклонъ». Иванъ сдѣлалъ все, что велѣлъ старичекъ, и на другой день пошелъ на поклонъ къ королю. Сказали королю, что пришелъ какой-то купецъ съ поклономъ, онъ сѣлъ на престолъ и велѣлъ привести Ивана. Пришелъ Иванъ къ королю, а въ рукахъ золотое блюдо, а на блюдѣ закрытъ фатой кирпичъ. Король спросилъ Ивана, какого онъ царства и какъ звали отца съ матерью, и потомъ сдернулъ фату̀, а какъ увидѣлъ кирпичъ, то больно разгнѣвался на него и сказалъ: «Развѣ мало у насъ кирпичей что-ли, и торговалъ бы ими въ своемъ царствѣ».—

И потомъ бросилъ въ Ивана, а Иванъ-то посторонился, кирпичъ упалъ на полъ и разбился. Тутъ король увидѣлъ, что онъ не хорошо сдѣлалъ, да и началъ просить у Ивана прощенія, а потомъ велѣлъ откупить у Ивана все судно. Иванъ какъ увидѣлъ это, да и говоритъ: «Товаръ-то у меня берите, а судна не отдамъ,—у меня тамъ есть старичекъ прикащикъ,—такъ мы въ городѣ жить не пойдемъ».—«А, сказалъ король: такъ васъ двое? прочитайте же три ночи который-либо псалтирь по моей дочери,—она теперь въ церкви». А дочь-то у него была волшебница и въ каждую ночь съѣдала по человѣку.

Иванъ воротился на судно, и таково-то ему скучно да не весело: самому идти—умереть не хочется, а старичка послать—разстаться жаль. Старичекъ говоритъ Ивану: «Что ты, Иванушко, не веселъ, что ты буйную головушку повѣсилъ?» Иванъ разсказалъ ему, что было и что сказалъ король. Старичекъ и говоритъ: «Ладно, Иванушко! Не тужи, помолись Спасу, да ложись спать, а я за тебя подумаю, какъ бѣдѣ не быть». Лишь только стало темнѣть, старичекъ разбудилъ Ивана, да и говоритъ: «Вотъ тебѣ три свѣчки, Иванушко! Пока первая горитъ, ты Богу молись; а вторая сгоритъ — ты зажги третью, да самъ и повались по правую сторону царскихъ вратъ и ничего не говори; а только молитву твори. Ну, съ Богомъ!». Свели Ивана въ церковь и заперли, а онъ и началъ псалтирь читать. Сгорѣла свѣчка, сгорѣла и другая,—засвѣтилъ третью да и легъ по правую сторону царскихъ вратъ. Вдругъ доска соскочила сверху и волшебница начала искать Ивана: «Гдѣ ты, — я ѣсть хочу». Искала искала, а найти не могла; запѣли пѣтухи, а она и повалилась въ гробъ. Всталъ Иванъ, закрылъ гробъ и опять началъ читать. Утромъ пришли костья убирать,—смотрятъ, а Иванъ живъ; пошли и сказали королю, а онъ опять въ слѣдующую ночь велѣлъ читать Ивану. Пришелъ Иванъ къ старичку и разсказалъ, чтò было въ церкви ночью. На другую ночь старичекъ Ивану велѣлъ лечь по лѣвую сторону царскихъ вратъ, и волшебница опять не могла найти.

На третью ночь старичекъ далъ три свѣчки да мячъ изъ вару, а варъ-то перекатанъ былъ съ волосомъ, и сказалъ: «Сегодня, Иванушка, послѣдняя ночь. Какъ ты зажгешь третью

свѣчку и повались врядъ гроба; а какъ волшебница выйдетъ, ты и повались въ гробъ на ея мѣсто и не пускай ее до того времени, пока она не прочитаетъ: «Богородице, дѣво, радуйся...» и «Отче нашъ...». Пришелъ Иванъ въ церковь и началъ опять читать псалтирь, а какъ засвѣтилъ третью свѣчку, и повалился по правую сторону гроба. Волшебница отбросила верхнюю доску и закрыла Ивана, а сама начала опять искать его по всей церкви; а какъ пришло время лечь ей,—смотритъ, а Иванъ въ гробѣ на ея мѣстѣ. «А, вотъ гдѣ ты, говоритъ волшебница: я третьи сутки голодомъ,—выходи, я ѣсть хочу!» Иванъ бросилъ ей варъ съ волосомъ, и она грызла—грызла и потомъ говоритъ: «Пусти!».—Нѣтъ, говоритъ Иванъ: не пущу! «Пусти», говоритъ волшебница.—А прочитай, говоритъ Иванъ: «Богородице, дѣво, радуйся» за мной—такъ пущу». Волшебница прочитала и говоритъ опять: «Пусти!» Иванъ и говоритъ: «А прочитай еще «Отче нашъ»,—тогда ужъ пущу!» Волшебница прочитала, а Иванъ и вышелъ:—Ложись, говоритъ. А волшебница и говоритъ: «Нѣтъ, теперь ужъ и не лягу». Сталъ Иванъ молиться, и она тоже. Пришли утромъ опять два человѣка и лишь только увидѣли Олёну-королевну,—такъ звали волшебницу,—побѣжали къ королю и разсказали, что̀ видѣли. Король собралъ все духовенство и пошелъ въ церковь,—онъ думалъ, что и Иванъ тоже сдѣлался волшебникомъ. А когда же узналъ всё подробно, обнялъ Ивана и назвалъ его сыномъ, а волшебница сказала Ивану: «Ну, Иванъ - купецкой сынъ! Если ты умѣлъ Бога замолить и меня воскресить, такъ умѣй же овладѣть мною, а отъ тебя я ни на шагъ не отстану!». Пришелъ Иванъ на̀ судно и разсказалъ старичку всё, а старичекъ и говоритъ: «Иванушко, не бойся ничего, и возьми въ замужъ за себя Олёну-королевну, да только въ первыя три ночи до третьихъ пѣтуховъ не засыпай, а не то она тебя еще и замучитъ!».

У короля не долго мѣшкали,—заразъ все приготовили и Иванъ обвѣнчался съ Олёной-королевной. Прожилъ благополучно двѣ недѣли, да и говоритъ тестю: «Доброй батюшко! отпусти ты меня на свою родимую сторонку отца да мать помянуть, да еще разъ посмотрѣть её». Король и говоритъ: «Сынъ мой любезный, Иванъ-купецкой сынъ,—воли твоей я у тебя не отнимаю, а только ты воротись сюда. Самъ ты видишь,—я уже не мо-

лодъ сталъ, а наслѣдника у меня нѣтъ, а какъ ты воротишься,— я и царство тебѣ сдамъ, и живи себѣ счастливо да весело».

Собрались въ путь-дороженьку, да и поплыли въ свое царство, на родиму сторону,—Иванъ и Олёну съ собой взялъ. Пріѣхали они на кирпичной островъ, нагрузили всѣ суда, судовъ было много, весь островъ перекопали. Въ одинъ день старичекъ нарубилъ дровъ, сносилъ ихъ на другой берегъ острова, да и говоритъ:—«Иванушко, благодѣтель мой! Мнѣ бы съ вами надо бы поговорить», и потомъ повелъ ихъ туда, гдѣ были складены дрова. Досталъ огня и, когда дрова ужъ разгорѣлись, онъ взялъ Олёну, повалилъ, наступилъ на одну ногу, а за другую дернулъ да и разорвалъ пополамъ. Иванъ не знаетъ, что и сказать, а старичекъ положилъ обѣ половинки на огонь, а оттуда и поползли змѣи, лягушки и гады всякіе.—Потомъ вынялъ изъ огня, выполоскалъ въ морѣ, вспрыснулъ какой-то водицей, перекрестилъ, и Олёна стала такой красавицей, что ни словомъ сказать, ни перомъ написать. Потомъ и говоритъ: «Ну, благодѣтель мой, будущій сильный и могучій король Иванъ—купецкой сынъ! Ты теперь и богатъ, и славенъ, и счастливъ,—такъ смотри, не забывай Бога и нищихъ, а больше не увижусь съ вами». Иванъ и Олёна стали на колѣни и начали было просить, но старичекъ сказалъ: «Нѣтъ, ужъ не просите, а лучше благодарите Бога, что онъ меня послалъ къ вамъ. Я полюбилъ и твоего отца, Иванъ, а еще больше тебя за то, что ты радушно подавалъ милостину, а теперь ты богатъ и знатенъ, такъ не забывай милостиной нищихъ». А самъ и скрылся.

Иванъ и Олёна поблагодарили Бога, пришли къ судамъ и поплыли дальше. Вотъ когда нищіе узнали, что пріѣхалъ Иванъ съ несмѣтными богатствами, пришли на берегъ и стали цѣловать у Ивана руки, ноги и платье, и всѣ до того обрадовались, что у многихъ слезы покатились изъ глазъ. Иванъ поставилъ кресты на могилы родителей, одѣлилъ нищихъ,—отдалъ имъ свой домъ и воротился къ тестю и правилъ государствомъ много лѣтъ, а жилъ столь долго, что видѣлъ, какъ за его старость управляли сынъ, внукъ и правнукъ—и постоянно молился и благодарилъ Бога и Николу Чудотворца за ихъ милости къ нему. Въ томъ царствѣ, гдѣ онъ былъ королемъ, и доселѣ еще вспоминаютъ короля Ивана и жену его Олёну-прекрасную.

---

1. СКАЗАНІЕ О ГРОМѢ И МОЛНІИ.

Егда бываетъ громъ отъ востока, то будетъ всякаго обилія много. Аще громъ будетъ съ полудня, на лѣто плода мало и овцамъ гибель. Аще громъ пріидетъ з запада,—то лѣто сухо, дождь не будетъ. Аще громъ пріидетъ с полунощника, овощей много будетъ, а ржи мало, лѣто сѣверно бываетъ.

2. СКАЗАНІЕ НА ВСЮ СЕДМИЦУ.

Аще Рождество Христово в недѣлю, зима люта, а весна вéдрена, а плода мало, овцамъ моръ, пожары часты, а старымъ моръ.

Аще Рождество Христово въ понедѣльникъ, зима добра, весна дождлива, а жатва суха, а тяжь многимъ людямъ будетъ, а меду много.

Аще Рождество Христово во вторникъ, зима добра, а жатва вéдряна, а весна дождлива, а обилія много, людемъ отъ притчей смерть будетъ.

Аще Рождество Христово в среду, зима и весна дождлива, а обилія много, а жатва добра, овощи мало, а скоту пагуба.

Аще Рождество Христово въ четвергъ, зима люта, весна зла, потравлива, а лѣто добро, обилія и пшеницы много, скоту пагуба.

Аще Рождество Христово в пятокъ, зима легка и ведряна, весна добра, овощей много, меду мало, а жатва вéдряна, и слабымъ смерть.

Аще Рождество Христово в субботу,—зима тепла, осень велика—ведряна, плоду мало, очемъ болѣзни, овцамъ моръ.

3. СКАЗАНІЕ О МѢСЯЦЕХЪ НА ПОЛЬЗУ ХРИСТІЯНОМЪ.

Сія знаменія прояви Богъ Израильтяномъ, соблюдая ихъ отъ всякаго зла; а въ мѣсяцехъ есть по два дни злыхъ—ни крви

пущати, ни сѣяти, ни садовъ садити, ни портищь кроити, ни свадебъ творити, ни въ заимъ давати, ни иного чего дѣлати.

		Числа.		Добры.	Часы злы.
1.	Январь . . .	2	25	5	1
2.	Февраль . . .	4	24	21	9
3.	Мартъ . . .	3	25	25	5
4.	Апрѣль . . .	3	20	20	6
5.	Май	20	23	4	6
6.	Іюнь	7	18	22	5
7.	Іюль	6	28	24	8
8.	Августъ . . .	6	18	8	6
9.	Сентябрь . .	2	21	22	3
10.	Октябрь . . .	8	28	22	9
11.	Ноябрь . . .	4	21	28	5
12.	Декабрь . . .	2	21	22	10

Аще въ тѣ дни начнетъ человѣкъ болѣть, не встать ему будетъ; аще возстанетъ, не здравъ будетъ; аще свадьбу творитъ, не возрадуется; аще родится,—не жить ему будетъ; аще не умретъ, не избыть ему горькія части; аще домъ строитъ, и не будетъ добра; и портищо кроитъ, не износить ему; купецъ *въ гозбу* (въ гостьбу) поѣдетъ, и будетъ ему либо смерть, и либо потопъ, или разбойники разбіютъ его; аще ли сѣяти, или садити, не взяти ему будетъ; аще ли вновь де (гдѣ?) идетъ, и не жити ему будетъ; но подобаетъ тѣхъ дней боятися. Во всякомъ мѣсяцѣ настоящаго мѣсяца 1-й день до 9-го часа сѣяти и садити, и власовъ урѣзати, изряднѣе бываютъ.

4. СКАЗАНІЕ О ТРАВАХЪ.

Трава чернолистная, а растетъ та трава на черной землѣ, а растетъ плотно, тоненька, а листья нѣту, походила на костеръ и та, чтобы коней не образила, то есть лошади въ гриву завязать, и въ мѣсто то не придетъ разбойникъ; також въ храминѣ положи на всѣ четыре угла, то разбойницы не смѣютъ подходить, ни тати для того, что имъ много кажется людей, шуму много.

Есть трава именемъ *орекъ*. Та трава ростетъ близъ среднихъ

рѣкъ на среднемъ мѣстѣ, а цвѣтетъ она что будто голубецъ съ киноварью; а ростомъ въ стрѣлу на четыре грань; аще кто ту траву получитъ да положитъ подъ церковный большой уголъ на трои сутки, взять и положить кверху въ шапку и зашить и говорить надъ шапкою и надъ травою: какъ сія трава подъ церковнымъ угломъ лежала и никто не видѣлъ, тако бъ и меня раба божія имрекъ ни хто не видѣлъ и не слышалъ на всякомъ дѣлѣ въ день и въ нощь. По три зори говори надъ травою.

Трава *хвалиха* ростомъ въ локоть, на ней 4 цвѣта: багряной, черной, зеленой, синій, а на сторонахъ по 10 листочковъ. Носить при себѣ на имя раба божія имрекъ—ласкота и доброта со князи и бояры и со всѣмъ православными христіяны о хлѣбѣ и соли и благодѣяніи. *Аминь.*

5. КАКЪ СТАТЬ НЕВИДИМКОЙ.

Аще обрящеши муравейникъ великъ, отъ котораго есть дванадесять дорогъ, и ты разожги огонь и навари воды со ушатъ, и чтобы вода кипѣла, и облей весь муравейникъ, и какъ обожжешь, и разгреби весь до земли и второй разъ облей водой, и обрящеши дыру въ земле, и свяжи . . . . пугвицу мѣдную или оловянницу и спусти въ землю; и доколѣ идетъ и какъ станетъ, и ты копай 3 сажени или $2^1/_2$, и зряще царя муравьевъ на камени, а камень багровый или синій, и облей царя муравьевъ кипячею водою, и онъ отвалитце скамня; и ты держи при себѣ платъ тавтянной и обхвати камень платомъ, и тутъ снова копать; и онъ спроситъ у тебя: нашелъ ли? и ты въ то время молчи и тотъ камень держи во ртѣ, и платомъ потирайся, и ходячи никто не видитъ.

Ты небо отецъ, ты земля мать, ты корень святъ, благослови себя взять на добрыя дѣла на добро.

(Изъ древней рукописи.)

6. ЗАГАДКИ. А. [1]).

1. Что есть свѣтила небесная, и широта земная, и глубина морская? Отецъ и Сынъ и Святой Духъ.

[1]) Извлечено изъ старинной рукопис .

2. Кто бѣжитъ, и кто гонитъ, кая два борца борются? Животъ бѣжитъ, а смерть гонитъ.

3. Кто есть попъ непоставленъ, а дьяконъ отметникъ, а пѣвецъ блудникъ? Попъ непоставленъ Іоаннъ Предтеча, а дьяконъ отметникъ Петръ апостолъ, а пѣвецъ блудникъ царь Давидъ.

4. Кто есть пріиде богатый къ нищему, а всего имѣя много, токмо единаго не имѣя? Богатый Христосъ пріиде къ Іоанну, прося крещеніе.

5. Что есть святой градъ между небомъ и землею, изъ него же идетъ посолъ и несетъ грамоту неписану? Градъ есть Ноевъ ковчегъ въ потопѣ, а посолъ голубь, а грамота листъ масличный во устѣхъ къ Ною несетъ.

6. Кто есть многія рѣки піе, а не можетъ напитися? Богатъ много собираетъ, а не можетъ насытися.

7. Кому Господь съ небеси звѣзду послалъ? Женѣ блудницѣ, родившей же ей и нарекши имя ему Ѳеодоръ, и многихъ той спасе.

В) Обонежскія загадки.

1. А што, бате́, бате́! Зайду я на вой, вой, вой;—да ударю въ чивирь, вирь, вирь; да утѣшу я царя въ Москвѣ, старца въ кельи, младеня въ люлькѣ? *Колоколъ.*

2. А што, бате́, бате́! Старище Елизарище куплется и похваляется: «Есть у меня калина, дубина съ двухъ концевъ свинцомъ залита»? *Мельничный валъ.*

3. А што, бате́, бате́! Шелъ братъ съ сестрою, мужъ съ женою, шуринъ съ братомъ,—сколько всѣхъ стало? *Трое.*

4. А што бы те такое: кукушка съ хохломъ всякому поклонъ. *Рукомойникъ.*

5. А што бы те такое: въ лѣсъ идешь,—домой глядитъ; а домой идешь,—въ лѣсъ глядитъ? *Топоръ.*

6. Кликнулъ климанъ сквозь бѣлой камень: «Собирайтесь, дѣтки, къ деревянной маткѣ»? *Колоколъ.*

7. Что такое: въ небѣ есть, въ землѣ нѣтъ, въ бабѣ два, а въ дѣвкѣ ни одного? *Звукъ б.*

8. Сидитъ сова на корытѣ, не можно ее накормити ни попа-

ми, ни дьяками, ни пиромъ, ни міромъ, ни добрыми людьми, ни старостами? *Смерть.*

9. Родился—не крестился, умеръ—не воскресъ, а Бога носилъ? *Оселъ.*

10. Кто красенъ послѣ смерти? *Ракъ.*

(Олон. Вѣдом. 1867 г. № 1.)

11. Дѣвица въ темницы, а коса на улицы? *Морковь.*

12. Стоитъ Трошка на одной ножкѣ, крошитъ крошенинку ни себѣ, ни людямъ? *Свѣтецъ.*

13. Умылся не такъ, нарядился не такъ, поѣхалъ не такъ, заѣхалъ въ ухабъ, и не выѣхать никакъ? *Покойникъ.*

14. Сутулъ, горбатъ, все поле перешолъ, всѣ загоны перечелъ? *Серпъ.*

15. Лежитъ дерево безпрутое, на его летитъ птица безкрылая, приходитъ дѣвица безротая и съѣдаетъ птицу безкрылую? *Земля, снѣгъ и солнце.*

16. Въ лѣсѣ оно, не видать его, а съ лѣсомъ ровно? *Сердцевина въ деревѣ.*

(Вологод. вѣд. 1866 г. № 17.)

7. ПРЕДСКАЗАНІЯ [1]).

1. Господь самъ рече человѣколюбецъ: помощникъ я буду всякому человѣку; не бойся, человѣче, злаго своего супостата; азъ тебѣ помогу десною рукою, и супостатъ твой погибнетъ. О чемъ еси помыслилъ, добро ти будетъ.

2. Нѣкоторый человѣкъ посѣялъ ниву и много обилья, и возстанетъ буря великая и грозная туча и поломитъ ѡ в и(?) и еще обилія и погибнетъ. И тако и твое дѣло, человѣче, лихо, возвратися вспять.

3. Святый Илья пророкъ рече къ народу: пойдемъ, человѣче, на село свое, посѣемъ на селѣ своемъ ниву жати со благодареніемъ и пожнемъ со благословеніемъ, и соберетъ же; нивою

---

[1]) Извлечено изъ рукописи знахаря. Языкъ не измѣненъ ни на волосъ, а только ороографія приведена въ порядокъ, напр., тѣбе, некоторый.

своею обогатѣетъ, и возрадуешися. Таково и ты, человѣче; о чемъ еси помыслилъ, добро ти будетъ, дерзай скоро.

4. Ѣдятъ нищіи, и насытятся, и восхвалятъ Господа взыскающіе его. Тако и ты, человѣче, исполнишь свою алчбу, насытися, добро ти будетъ.

5. Зритъ человѣкъ очима далече, а святые ангелы подъ облакомъ, а смерть у него за плечми, готовится его похватить. Такъ и твое дѣло, человѣче, лихо есть, берегися злаго дѣла своего; возвратися, да не погибнешь.

6. Нѣкая жена носитъ во утробѣ своей младенца и начатъ тужити. Умру или жива буду. Никола его породитъ, и она возрадуется о своемъ помышленіи. Богъ ти помощникъ, съ пожданіемъ дѣло твое будетъ, и вскорѣ радость будетъ.

7. Якоже пчела летитъ на красные цвѣты и собираетъ воскъ и медъ, святымъ церквамъ на просвѣщеніе и на свѣчи, а медъ на канонъ добрымъ людямъ на утѣшеніе и на почествованіе, а безумнымъ на лакомство. Такожъ и дѣло твое, человѣче; съ терпѣніемъ добро ти будетъ; о чемъ помыслилъ, сбудется скоро.

8. Господь ходитъ по винограду, и придетъ къ нему слѣпецъ и хромецъ, прося отъ него исцѣлѣнія. Господь милосердова о нихъ и исцѣлихъ; и возрадовася слѣпецъ и хромецъ радостію великою. Тако и ты, человѣче, возрадуешися.

9. Святый Николае избавитъ изъ темницы трехъ мужей оклеветанныхъ и неповинныхъ отъ напрасныя смерти, и возрадовася три мужи. Тако и ты, человѣче, возрадуешися о своемъ дѣлѣ. Что еси помыслилъ, добро ти будетъ и радостію.

10. Ластовица птица свила еси подъ кедромъ гнѣздо и высидѣла дѣти, и пришла змія и дѣти поѣла, и возлетѣла ластовица, и воскричала, и восплакалась горько о дѣтяхъ своихъ. Такъ и ты, человѣче, не держи на то дѣло надежды, лихо есть, отступи отъ него, нѣтъ на пользу.

11. Стоитъ градъ каменный, а врата у него желѣзныя, крѣпко затвержены, николи не отверзаются. Тако и ты, человѣче, не ступай на острое, не погуби своего дѣла, о чемъ еси помышляешь, возратися вспять, лутче ти будетъ; аще невозвратишися, погибнешь.

12. У святого Θеодора Стратилата змѣй ухватилъ на кладези матерь его, и веде ей въ пещеру, и украси ея яко невѣсту; и святый Θеодоръ помолися Господу Богу, и взялъ оружіе свое и побѣдилъ лютаго змія; и матерь свою здраву взялъ и введе ея въ домъ свой; возрадовася вси граждане радостію великою о таковомъ чудѣ. Тако и ты, человѣче, возрадуешися, о чемъ еси помыслилъ: добро ти будетъ.

13. Святая пророчица Анна собираетъ во святую церковь дѣвицы и воспоютъ себѣ тихимъ гласомъ ангельскую пѣснь, и возрадуются о тихой пѣсни. Слава отъ Господа непрестанно. Такъ и ты, человѣче, возрадуешися о своемъ дѣлѣ и помышленіи. Богъ ти на помощь.

14. Вдаде звѣриный рогъ въ тянято и воскрыча Господу Богу великимъ гласомъ звѣрь. Слыша Господь гласъ звѣря того, избави его отъ тенята, и радъ бысть тотъ звѣрь воли своей. Такъ и ты, человѣче, возрадуешься о своемъ дѣлѣ и помышленіи. Богъ ти на помощь.

15. Святая Троица, Отецъ, Сынъ и Святый Духъ, небесная святая милость и Синайскихъ отецъ посланіе (Господу ?) благословенія на русскую землю, вѣрнымъ людямъ. И зрадовася благословенію Господню весь міръ. Такъ и ты, человѣче, возрадуешися о своемъ дѣлѣ.

16. Въ пустыни воютъ волцы, лѣсные звѣри съ голоду, хотятъ другъ друга ясти. Такъ и ты, человѣче, возвоешь; о чемъ еси помыслилъ, лихо есть; возвратися вспять, лутче ти будетъ.

17. Пришелъ Господь ко ученикомъ своимъ, пресваривъ (?) воду и вино, и благослови ихъ; и насытишася, исполни жажду свою, и поклонишася ученицы его, радостію исполнишася отъ него. И такъ и ты, человѣче, возрадуешися о своемъ помышленіи; добро ти будетъ.

18. Святый Іоаннъ Златоустый рече: аще кто послушаетъ святаго евангелія и учнетъ молитися съ вѣрою и со страхомъ, и можетъ Господь исцѣлити его отъ напрасныя смерти и отъ египетскія работы. Такъ и ты, человѣче, молися Богу и святому Іоанну Златоусту, добро ти будетъ.

8. ЧАРОВАНІЯ.

1. Баенымъ [1]) каменемъ потомъ же кругъ человѣка обведи трожды, положи его въ воду; будетъ—завопитъ [2]) въ воды, отъ водяной пришло, а избной камень возьми потомъ, кругъ человѣка обведи, положи его въ воду, будетъ завопитъ, и то отъ людей пришло.

2. Аще хощеши отвѣдати у лѣсоваго о болящемъ человѣкѣ, отчего ему пришло, какъ идешь въ лѣсъ и найдешь ледину, и сыщи рябину древо, чтобъ отростелина была бы отъ нея, да отсѣки её, да расколи на-двое, да свяжи въ концахъ посконною ниткою, и пройди сквозь рябину трожды; и какъ проидешь, высѣки три батожка рябиновыхъ же, да клади противъ сердца батожекъ, а два подъ пазухи, а четвертый за хребетъ, да стой такъ, а самъ напиши челобитную: Бью челомъ тебѣ, царь Государь, на сего праведнаго лѣса, что онъ спортилъ, а не вѣдаю за что, а будетъ ты не справишь, царь Мусайла, сего раба (имрекъ), и я иду къ Мос. . . . (вѣроятно къ Москвѣ); стану бить челомъ на тебя царю Государю, и подойдутъ съ Москвы стрѣлцовъ два приказу, съ Новагорода приказъ, съ Азова Донскихъ казаковъ два приказу, и какъ не избавишь человѣка сего (имрекъ) почтеннаго, и васъ высѣкутъ въ пень. И какъ напишешь сіе письмо, да положи бумагу въ рябину же, впередъ крычи: «Ай же ты, царь Мусайла лѣсъ, праведно скажи мнѣ про сего раба (имрекъ), отъ чего ему пришло.»

3. Да еще, человѣче, повѣдаю ти, хощешь убѣжати отъ сѣти діявольской, отъ потежа [3]) свадебнаго, поди въ лѣсъ до Егорьева дни въ веснѣ, найдешь змія, убей его.

9. ПРИВОРОЖИТЬ МОЛОДЦА.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа аминь! Стану я рабъ Божій благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ двора воротами. Выйду на широку улицу на встокъ лицемъ, на западъ тыломъ, поклонюсь и помолюсь. Есть въ чистомъ этомъ полѣ,

[1]) Баеный—отъ баяика—баня.

[2]) Закипитъ.

[3]) Портежа? *Ред.*

въ широкомъ раздольѣ четыре брата, буйные вѣтра: встокъ и западъ и лѣто и сѣверъ. Какъ вы служили истеному Христу, царю небесному, такъ вы послужите мнѣ доброму рабу Божію (имрекъ). Возьмите отъ меня раба Божія тоску, и сухоту, и черну печаль, возьмите и не оброните противо вѣтра и ни по вѣтрѣ, противо солнышка и (ни?) по солнышку, противо воды и ни по воды, черезъ ручья текущіе и черезъ рѣки быстры, черезъ горы высоки, черезъ лѣсы темны, черезъ тыны желѣзны; изъ сѣней ходучи али на лѣствицы седючи или на кровати, на постели лежучи, или за столомъ седючи. Со отцемъ или съ матерью и съ братомъ или сестрою или съ подругой и со всѣмъ родомъ и племенемъ совѣтъ совѣтуетъ, тутъ берите ево за бѣлыя руки и кладите ему въ бѣлое тѣло и ретивое сердце и въ черную печень и въ семедесять семь жилъ и въ семъ суставовъ, то бы рабъ Божій не могъ бы безъ меня рабы Божій жить и не быть, и не пилъ бы и не ѣлъ бы, смертной тоской тосковалъ бы, той тоски не могъ бы хлѣбомъ заись (ѣсть), не питьемъ запить, не въ бани замыть, такъ онъ рабъ Божій за рабой Божьей бѣжалъ бы и сзади напегалъ (набѣгалъ) бы, за шею хватилъ бы, и во уста цѣловалъ бы, и не глядѣлъ бы ни на отца, ни на матерь, не на сестру, не на родъ, не на племя, ни на какого человѣка; такъ бы рабъ Божій обо мнѣ думалъ, обо мнѣ рабѣ Божьей, въ день при солнцѣ, а въ нощи при мѣсяцы, на утренней зари и на вечерней зари, и на нову и на ветху, и на перекрой мѣсяцы, и на намежныхъ дняхъ. Чего не доумѣлъ, мастеръ не доучилъ—будь мои слова всѣ сполна всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣкъ—*аминь*.

ОБЕРЕГЪ.

Господи Іисусе Христе, сыне Божій, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Постави самъ (И)Сусъ Христосъ, отъ земли и до неба златы лисвицы (лѣствицы). У тѣхъ златыхъ лисвицъ по три ступени, по три......., по три тугихъ луковъ, по три златоперыхъ стрѣлъ. И стрѣляетъ самъ (И)Сусъ Христосъ кругомъ меня, раба Божія, и весь княшь полъ [1]) и стерегъ самъ

[1]) Вм. *княжъ* — не въ смыслѣ ли; *мужескій* полъ?—А можетъ быть—*клятъ* полъ (проклятый родъ). Рукопись крайне плоха.—О. М.

Сусъ Христосъ кругомъ всѣхъ: и злова лихово человѣка, еретика, грыжника, икотника и ломотника [1]): не може крови своей пить, мозгу своево (съ)сать, чевь изъ утробы добыть, рукъ пересѣчи, морской глубины провѣдать, земной широты и небесной высоты и всей земной окружности; а також де мя раба Божія а не урнуть, не уловить не (ни) злымъ конемъ, не діяволскимъ моженіемъ, не бѣсовскимъ помысломъ. И не о своей думѣ, не о своей крови и не о своей проди (плоти?). Чуръ мои (моей) думѣ, и крови, и проди своей. И будьте мои слова крѣпки, и аки тѣмъ словамъ ключь и замки за моремъ окіяномъ въ роте.

10. ПРИВОРОЖИТЬ ДѢВИЦУ.

Г. И. Х. Во имя О. и С. и С. Д.! Ма(ть) утренняя зоря, ма(ть) вечерняя зоря, ма(ть?) полу безъ солнца не закатится и безъ мѣсяца не взойдетъ, такъ тѣло отъ мяса не отстаетъ, и мясо отъ кости не отстаетъ; также бы и раба божья рабица, красная дѣвица, не отставала. Какъ крестъ и поясъ отъ себя не отходитъ, также бы отъ меня раба Божія имрека не отходила. Какъ безъ отца и безъ матери, безъ роду и племени, также бы и безъ меня не могла не жить, не быть, не ѣсть и не пить, и не думу думать, не совѣтъ совѣтовать. И также бы я ей казался краше краснова солнца, свѣтлѣе свѣтлово мѣсяца. Будьте мои слова крѣпки и т. д.

11. НАГОВОРЪ НА НЕДРУГА.

Благослови Господи, помоги Господи, пособи Господи! Ложится сей рабъ Божій имрекъ благословясь, стану глаза перекрестясь, пойду супротиву недруга ненавстника (ненавистника?) своего. Создай мнѣ, Господи, главу желѣзную, очи мѣдныя, языкъ серебряный, сердце булату крѣпкаго, ноги волка рыскучаго; а недругу ненавистнику моему создай, Господи, щеки местовыя (?), языкъ овечей, умъ телечей, сердце заячье. А которой недругъ ненавстникъ мой травами отирается, кореньемъ обкуривается, и которая трава отъ земли взята, и рвана ру

---

[1]) Вѣроятно дальше пропущено: какъ злой человѣкъ...

ками, перстами моими на землю брошена, ногами моими затерана и потоптана.

(ПРИГОВОРЪ НА СУДЕЙ.)

Есть подъ восточной страной, стоитъ столъ-престолъ Господень, Его Господа Бога престолъ силъ небеснѣхъ, и не могутъ худо зрѣти и смотрѣти очесми своими царя и царицы, князи и княгини, бояра и боярыни, попы и діяконы, судіи и подъячіе, стрѣлцы, солдаты, всѣ міряна, крестьяна православные. И такожде судіи на меня раба Божія имрека не могли бы худо зрѣти и смотрѣти, очей и бровей своихъ повыздынуть и лихими словами говорити и молвити, и рукъ своихъ подняти и съ крутости сердца разгорѣтися и влагости (?) дѣла не произвести. Небомъ и землею, именемъ Господнимъ во вѣки, аминь!

Ложится сей рабъ Божій благословясь, стану глаза перекрестясь, пойду изъ избы дверми, изъ сѣней воротами, изпротиву недруга ненавистника своего; въ далечѣ въ чистомъ полѣ умыюся раноутренною росою, подотрусь раноутренной зарею, обнадежусь симъ бѣлымъ свѣтомъ, подпояшу красную зорю, подтычуся частыми звѣздами, надѣну на главу свою красное солнце. Пойду сей рабъ Божій имрекъ раноутренною зарею супротивъ недруга ненавистника своего. Какъ у Господа Бога изъ-за горы изъ-за высокія, изъ-за лѣсу изъ-за темнаго на небо на ясное восходитъ солнышко красное, да возрадуются вси цари и царицы, князи и княгины, бояра и боярыни, попы и діяконы, судіи подьячіе, стрѣлцы и солдаты, всѣ міряна и крестьяна православные, купцы заморскіе, тако на своего раба Божія имрека. Небомъ и Землею, именемъ Господнимъ во вѣки вѣковъ, аминь!

(Наговаривать на воду трижды и въ той водѣ мыть платье, и сушить противу печи, да при случаѣ утиратце.)

12. ЗАГОВОРЪ ОТЪ ТОСКИ.

Г. И. Х. Во имя О. С. и С. Д.! Вода-водица, рѣка-царица, зоря-зорица! Соймите тоску-кручину и унесите тоску-кручину

за синее море въ морску пучину, гдѣ люди не ходятъ и на коняхъ не ѣздятъ. Какъ въ морской пучины сѣръ камень не (вс)таваетъ, такъ бы у раба Божія имрека тоска-кручина къ ретивому сердцу не приступала и не приваливалась, отшатилась бы и отвалилась. Кое слово забылъ али обругалъ, вмѣни Господи и т. д.

13. КАКЪ СВАДБА ОТПУСКАТЬ.

Станутъ отпущать, зайди въ укромную полатку, затопи предъ образомъ свѣщу, положи три поклона отъ жалания и наговаривай въ висучей замокъ. Какъ рѣчь проговоришь въ замокъ трижды, плюнуть и на игли трижды плюнуть. Тотъ замокъ замни (замкни) и отомкни.

Станешь говорить:

снова говори трижды противъ эстого. Второй уставъ или въ плеть наговаривать также предъ образомъ Господнимъ. То тою плетью лошади не погоняй. Буде кто тоя свадьба станетъ портить, и ты возми плеть, ударь вдоль по дорогѣ,—будетъ по вашему.

14. ЗАГОВАРИВАТЬ ОТЪ ПРИТЧИ.

Спасъ свѣтъ и пречистая Богородица! помоги, Господи, щипоту снять и ломоту снять, избавити и собляти, отговорити отъ чирья, отъ вереду. Ложится сей рабъ Божій имрекъ благословясь, стану глаза перекрестясь, пойду въ далече въ чистое поле и буду въ чистомъ полѣ у бѣлаго каменя; и идетъ на стрѣту старъ матеръ мужъ, и съ нимъ идетъ Никола всѣмъ скорбящимъ въ скорби помогаетъ; за нимъ идетъ святой честной Козма и Дамьянъ, хитромудрые мастеры, на рукахъ несутъ мису золотую; а на мисѣ золотое перо. Я приду рабъ Божій имрекъ, Николѣ помолюся и покорюся, поклонюся своей буйной главы всѣмъ скорбящимъ скорыи (скорому) помощнику отъ Николы. Всѣхъ всѣмъ скорбящимъ скорби помощитель! помози, Господи, пособи, Господи, со всѣми силами небесными, Никола всѣмъ скорбящимъ, избави, сговори чахоту, сухоту, притчи, болѣзни, отъ чирья, отъ вереду, которыя пристали днемъ

и ночью, и вечеру поздо. по утру рано, отъ воды, отъ земли, отъ байны, отъ вѣтра, отъ вехоря, отъ мужескаго и отъ женскаго полу, и отъ худыя помысли человѣскія. И Никола всѣхъ всѣмъ скорбящимъ скорби помогатель, избавитель и отговоритель изъ ретиваго сердца, изъ бѣлаго тѣла, изъ костей, изъ мощей, изъ жилъ и суставовъ, и отъ ушей, изъ ясныхъ очей и отъ всея буйной головы. Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь!

(Наговаривать въ воду, въ масло.)

15. ЗАГОВОРЪ ОТЪ ГРЫЖИ.

Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! Во имя Отца и Сына и Светово Духа ста рабъ Божій *Абппидив въ* на улицу на вѣ(сту) сторону, на вѣстой сторонѣ есть пристолъ (престолъ), на томъ на пристолѣ самъ Исусъ Христосъ, царь небесной съ громовой и молоньей и громовыми стрѣлами, и громомъ отбиваетъ, и молоньей ожигаетъ, и стрѣлами отстрѣливаетъ уроки злые, прокосы всяки, винокосы (валокосы?) кие киликеи всяки перевсяки злы, лихіе недуги, грыжи. Подите старому атаману на пяту, гдѣ состигите и постигите починника и урочьника, завидника, еретика, клеветника, грыжника, икотника, ропотника. Какъ злой человѣкъ не можетъ крови своей пить и мозгу своего (съ)сать, чевь изъ утробы добыть, морской глубины провѣдать, земной широты, небесной высоты, всей земной окружности, також не могъ ни меня раба Божія имрека не злымъ конемъ, не діявольскимъ моженіемъ, не бѣсовскимъ помысломъ.

16. ЗАГОВОРЪ ОТЪ БѢЛОЙ ГРЫЖИ И ЗУБОВЪ.

Стану я рабъ Божій, благословясь,
Пойду перекрестясь,
Изъ избы дверьми,
Изъ двора воротами
Во чисто поле—
Путемъ дорогою

По край синя моря.
Въ синемъ морѣ есть
Святой Божій островъ;
На святомъ Божьемъ островѣ
Святая Божья церковь;
Въ той святой Божьей церкви
Есть престолъ Господень;
На томъ престолѣ Господнѣ
Есть священномученикъ Христовъ Антипа,
Изцѣлитель зубной,
И безсребренники Христовы
Козьма и Даміанъ.

Помолюсь и поклонюсь рабъ Божій имрекъ:
«Священномученикъ Христовъ Антипа
«И безсребренники Христовы
«Козьма и Даміанъ!
«Изцѣлите скорбь и болѣзнь зубную
«И грыжу бѣлую.

И речетъ священномученикъ Христовъ Антипа:
«Есть въ той Божьей церкви Адамово тѣло,
«Не слышитъ ли Адамово тѣло
«Звону колокольнева,
«Пѣнія церковнаго—
«Въ бѣломъ тѣлѣ ходячей грыжи.

И отвѣщаетъ мертвое тѣло Адамово:
«Я не слышу звону колокольнева—
«Пѣнія церковнаго—
«Въ бѣломъ тѣлѣ ходячей грыжи,
«Тильной, жильной, пуповой,
«Суставной, становой, подкожной,
«Ушной, глазной, зубной...

Такъ же рабъ Божій имрекъ не слышалъ бы въ себѣ — въ бѣломъ тѣлѣ ходячей грыжи — отъ нынѣ и до вѣка — вѣкъ по вѣку—вѣковъ. Аминь.

(Олонец. Вѣдом., 1867.)

17. ЗАГОВОРЪ ОТЪ ЗУБНОЙ БОЛИ[1]).

Во имя Отца и Сына и Св. Духа!

Стану я, рабъ Божій, благословясь, пойду, перекрестясь, отцемъ прощенъ, матерью благословленъ, выйду я, рабъ Божій имрекъ, изъ избы въ избу дверми, изъ двора воротми въ чистое поле. Въ томъ чистомъ полѣ идутъ путемъ дорогою три святителя Христовы: Авраамъ, Исаакъ и Антипъ, зубной изцѣлитель. При пути и при дорогѣ лежатъ мертвецы непогребенны. Спросятъ у нихъ святители Христовы: «Что вы, мертвецы непогребенны, лежите при пути, при дорогѣ? Не болятъ ли у васъ болѣлые зубы, не щепятъ ли кости, не точатъ ли черви; нѣтъ ли въ нихъ щепоты, ломоты и опухоли? И говорятъ мертвецы непогребенны: «Ой, вы, святители Христовы! Мы есть мертвецы непогребенны, лежимъ при пути при дорогѣ. Не болятъ у насъ болѣлые зубы, не щепятъ кости, не точатъ кости (черви?); и нѣтъ въ нихъ щепоты, ломоты и опухоли».

И такъ я, рабъ Божій имрекъ, помолюсь и поклонюсь тремъ святителямъ Христовымъ: Аврааму, Исааку и Антипу, зубному изцѣлителю. Помогите и пособите мнѣ рабу Божію, имр., чтобы не болѣли мои бѣлые (болѣлые?) зубы, не щепели бы кости и не точили бы черви, и не было бы въ нихъ щепоты и ломоты и опухоли въ ста-то трехъ и двухъ составахъ, въ ста семидесяти двухъ и трехъ жилахъ, въ новомѣсяцѣ, въ полномъ и въ перекроѣ, въ новцо̀вомъ и верховомъ, въ нарожденномъ и схожой (?) пятницы. Будте мои слова и рѣчи сильныя, и тѣмъ словамъ въ подтвержденіе ключъ и замокъ. Слава Отцу и Сыну и Св. Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь.

(Изъ рукописи.)

18. ОТЪ СУРОВЦА.

«Стану я рабъ Божій, благословясь, пойду, перекрестясь,

«Изъ избы дверьми,
«Изъ двора воротами,

[1]) Молитва на зубную боль. Читать надъ чеснокомъ ее трижды. Положить одну половину чесночинки на больной зубъ, а другую привязать къ жилы той руки, а которой щекѣ болитъ зубъ. *Примѣч. рукописи.*

«Во чисто поле за—воромъ—
«Въ восточную сторону.
«Въ восточной сторонѣ есть сине море;
«Въ синемъ морѣ—синёй камень,
«На томъ ли на синѣ камнѣ
«Сидитъ Пречистая Богородица.

«Возмолюсь, поклонюсь я, рабъ Божій имрекъ, той ли Пречистой Богородицѣ.

«Пречистая Богородице!

«Вынь и выложи изъ раба Божія имрекъ суровецъ, непросыпъ, головной, глазной, пупной, изъ сахарныхъ устъ, изъ горячей печени, сердечной и подсердечной, закожной и подкожной, нутровой, пузырной и истовой, костовой и мозговой, жильной и составной, изъ 70 жилъ, изъ 70 составовъ, изъ 70 жилъ подпятныхъ, съ головы да въ тулова, изъ тулова въ ноги, изъ ногъ въ подошвы, изъ подошвъ въ сыру землю, за темные лѣса, за дики острова, гдѣ птица не залетаетъ, гдѣ звѣри не забѣгаютъ, добрые люди не загуляютъ, и воронъ кости не заноситъ—нынѣ и во вѣки вѣковъ. Аминь.

(Олон. Вѣдом., 1867.)

19. УРАЗЪ СНЯТЬ.

Г. И. Х. Во имя О. С. и С. Д.!

Жидове самаго Христа понимали, на кипарисовомъ древѣ, на крестѣ роспинали, жезломъ ребро прободали; а не видѣлъ самъ Исусъ Христосъ и царь небесный на себѣ, не видѣлъ не крови, не раны, не шепоты, не болѣзни и не опухоли. А также на мнѣ на рабѣ Божьемъ имрекѣ не быдь (не будь) не крови, не раны, не шепоты, не болѣзни и не опухоли. И т. д.

20. КРОВЬ ЗАГОВАРИВАТЬ.

Г. И. Х. Во имя О. С. и С. Д.!

Есть великій Окіянъ море; въ томъ великомъ Окіянъ морѣ есть калена изба; въ той каленой избы сидитъ три сестры, самому Хри(сту) дочери. Болша сестра сидитъ у порогу на золо-

томъ стулѣ, беретъ иглу булатну, вдѣваетъ нить шелкову, зашиваетъ рану кровавую у раба Божія имрека. Не было бы не раны, не крови, не ломоты, не болѣзни, не опухоли. Будь слово мое крѣпко. И т. д.

21. ОТЪ НОГТЯ.

Г. И. Х. Во имя О. С. и С. Д.!

Поди злой, лихой нокоть, вилокосный и прикосный, дремучей и темучей, закожной, забороной, жилной, роздумной, и поди злой, лихой нокоть, и поди испарѣ (изъ поры?) Бо(жьей) скоти(н)ки, и поиди (въ) правое копыто, изъ правово копыта поди въ сыру землю, въ три сажени печатныхъ. Тамъ тебѣ, злому лихому ноктю, мѣсто! Будь мое слово крѣпко. И яки тѣмъ словамъ ключь и замки за моремъ Окіяномъ вложе (?).

22. ОТГОВОРЪ СУМАСШЕДШАГО.

1. Очерчивая троекратно ножикомъ сумасшедшаго, знахарь читаетъ надъ водой слѣдующія слова:

«Отъ Духа Святаго,
«Отъ печати Христовой,
«Отъ Спасовой руки,
«Отъ Честнаго креста,
«Отъ Богородицына запечатнаго замка!
«Ангелъ Хранитель!
«Сохрани его душу!
«Укрѣпи его сердце!
«Врагъ-Сатана—отступи отъ него
«Отъ раба Божія (имрекъ),
«А самъ Іесусъ Христосъ приступи
«Къ рабу Божію (имреку).
«Запрестольная Мати Божья!
«Пресвятая Богородица!
«Съ раба Божія (имрека)
«Сохрани и очисти

«всяку болѣзнь, всяку скорбь, всяку немощь, всяку нечисть бранныхъ словъ и своей лихой думы, притчи, уроки, переполохи,

оговоры, одумы и призоры съ раба Божія имрека, съ буйной головы, съ ясныхъ очей, съ сахарныхъ устъ, съ рукъ и съ ногъ и могучихъ плечъ и съ бѣлыхъ грудей, съ ретиваго сердца, съ бурой печени, съ легкихъ и съ селязня, съ 70 жилъ, съ 70 составовъ, съ 70 жилъ подпятныхъ, съ головы да въ тулова, съ тулова въ ноги, съ ногъ въ подошвы, а съ подошевъ въ сыру землю, на темные лѣса, за синія моря, къ богатому крестьянину не безъ отрыжки пива пить—во вѣки. Аминь.

Ножикъ, которымъ троекратно очерчивается больной, кладется въ изголовье. Водой, надъ которой бываетъ это шептанье, поятъ его и моютъ. Если онъ заснетъ, то совѣтуется при этомъ не будить его, пока онъ самъ не проснется.

(Изъ Олонецк. Вѣдом. 1867.)

23. ПРИЗОРЪ ОТГОВАРИВАТЬ.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Есть славное синее море, есть въ славномъ синемъ морѣ синей островъ, есть на синемъ островѣ синей камень, на томъ синемъ камени сидитъ синей человѣкъ, у синяго человѣка синей лукъ безтетивной, синяя стрѣла безъ перья, и отстрѣливаетъ синей человѣкъ синимъ лукомъ безтетивнымъ, синей стрѣлой безъ перья, притчи и призоры, и уроки, переломы и грыжища всякія, падежи и удары, и пострѣлы, всякую нечисть.

Есть славное серебренное море, на серебренномъ морѣ серебренный островъ, на серебренномъ островѣ серебренной камень, на серебренномъ камени сидитъ серебренный человѣкъ, держитъ серебренный лукъ безтетивной, натягиваетъ серебренный лукъ, накладываетъ серебренную стрѣлу безъ перья, отстрѣливаетъ серебреннымъ лукомъ безтетивнымъ и серебренной стрѣлой безъ перья притчи и призоры, вѣтренные переломы, падежи и пристрѣлы и грыжища.

Есть славное Мугай-море, на Мугай-морѣ есть Мугай островъ, въ Мугай-островѣ сидитъ Мугай-птица, прилетаетъ къ рабу Божію имреку, отдерываетъ ноктями, отклюиваетъ носомъ, перьями отмахиваетъ притчи и призоры, и уроки, вѣтренные переломы, падежи и пристрѣлы и грыжища у раба Божія имрека,

притчи, призоры и уроки и вѣтрянные переломы и всякую нечисть, и полетаетъ та Мугай-птица черезъ огненную рѣку и сгорятъ у раба Божія имрека тыи притчи, призоры и уроки, вѣтрянные переломы, падежи и пристрѣлъ, и всякая нечисть. Во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь!

24. ОТЪ ЗУБНОЙ БОЛѢЗНИ, и ЩИПОТЫ и ОТЪ ГРЫЖИ.

Говори на соль трижды: «Господи Боже, Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго. Аминь!

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь»!

Вечерняя заря Марья, утренняя Маримьяна. (Уговори и утоли) у меня у раба Божія имрека сего грыжи и щипоту и зубную щипоту и костяную ломоту и червія неусыпающія, и всякой болѣзни, и уразы тѣлесныя и жильныя, и костяныя, и сердечныя, отнынѣ и до вѣка и до втораго Христова пришествія. Аминь.

Младъ молодъ мѣсяцъ, у меня уговори и утоли у раба Божія имрека грыжи, и щипоты, и болѣзни, и уразы тѣлесныя и жильныя, и зубную щипоту, и костяную ломоту, и грыжу, и червей неусыпающихъ, отнынѣ и до вѣка и до втораго Христова пришествія. Аминь!

Рече Каинъ брату своему Авелю: Востанетъ ли братъ нашъ Авель отъ мертвыхъ? И никакоже не востати брату нашему изъ мертвыхъ»! Такоже бы и не чета сему рабу Божію имреку ни грыжи и ни щипоты, ни болѣзни, ни уразу ни тѣлеснаго и ни сердечнаго, ни зубныя щипоты, ни костяныя ломоты и грыжи, и червія неусыпающаго отнынѣ и до вѣка и до втораго Христова пришествія! И како же убитой мертвецъ Авель лежитъ отъ начала свѣта и не чуетъ въ себѣ ни грыжи, ни щипоты, ни болѣзни и уразу тѣлеснаго, ни жильнаго и не костянаго, и не зубныя щипоты, ни костяныя ломоты, ни грыжи, ни червія неусыпающаго, такоже бы у сего раба Божія имрека ни грыжи, ни щипоты, ни болѣзни, ни червія неусыпающаго отнынѣ и до вѣка и до втораго Христова пришествія и суда. Аминь.

25. ОБОРОНА СКОТУ.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Стану я, рабъ Божій, благословяся, лягу перекрестяся, одѣюся

свѣтомъ, опояшуся свѣтомъ - зорею, покрываюся облаками, обтыкаюся частыми звѣздами; стану на доброе мѣсто, ступлю въ архангельскія слѣды и пойду я рабъ въ чистое поле, на востокъ лицомъ, на западъ хребтомъ. Отрекаюся отъ сатаны и отъ дияволa и предаюся вышнему Творцу самому Господу Исусу Христу, Саваоѳу Богу, который сотворилъ небо и землю, луну и звѣзды, птицы и звѣріе и всякихъ малыхъ животовъ и крестьянскихъ скотовъ и съ красными, и черными, и бѣлыми, и скомолыми, и съ рогатыми и разношерстными и съ розными копытами на сбереженіе, и на сохраненіе, и въ мѣсто на слученіе, и ко двору на прихожденіе, а милому животу, крестьянскому скоту, на легкость, на здравіе и Божію милость и на животъ. Истянный Христосъ, Богородица мати Божія, святые честные безсребренники Козьмы и Демьяне, Михаилъ архангелъ, Гавріилъ архангелъ, грозные воеводы небесныхъ силъ, Николай чудотворецъ, Власей епископъ Севастійскій, чудотворецъ Флоръ и Лаверъ, Меркурій Смоленскій, Аверкій Іерапольскій, Кіевскіе и Печерскіе чудотворцы Антоній и Ѳеодосій, и вы, святые честные евангелисты: Маркъ, Лука, Іоаннъ и Матѳей, Херувимы и Серафимы и вся небесная сила! Научите меня, раба Божья Козьму, и помогите, и благословите словъ говорити, огорода ставить, оборона чинить отъ черново звѣря, отъ бураго звѣря, отъ рыси и отъ росомахи и отъ рыскучево волка и отъ ползучево гада, и отъ нашлово и отъ насланново звѣря, и отъ туроку, и отъ призора, и отъ падежу, и отъ падчия силы, и отъ нечистово духа, и отъ колдуна, и отъ колдуньи, и отъ вѣдуна, и отъ вѣдуньи, отъ чернеца, и отъ черницы, отъ бѣльца, и отъ бѣлицы, отъ скимняка, отъ скимницы, отъ попа поповича, отъ дьяка дьяковича, отъ мужика и отъ женки, отъ пареня и отъ дѣвки, отъ однозуба и (д)воезуба, отъ (т)роезуба, со стороны видящаго и мимо идущаго заговору и запгрету. Милой животъ, крестьянскій скотъ, стой крѣпко въ огородѣ и сей заговоръ, аки синей камень въ Синемъ морѣ, аки черной камень въ Черномъ морѣ, аки арапъ-камень въ Арапскомъ морѣ, аки окиянъ камень въ Окиянскомъ морѣ, стой крѣпко сего огорода и сей заговоръ кругомъ меня раба Божія (имя рекъ) и кругомъ моего милово живота крестьянскаго скота. И кто же па меня раба Божія и на милой мой животъ и на крестьянскій скотъ думою

подумаетъ и мыслію помыслитъ, и тому человѣку съ окиянъ моря вода выпить и камень поглодать; и кто же на меня раба Божія и на милой мой животъ и на крестьянскій скотъ думою подумаетъ и мыслію помыслитъ, и тому человѣку дѣтей своихъ приисть (приѣсть) и кровь ему припить; и кто же на меня раба Божія и на милой мой животъ и на крест. скотъ думою подумаетъ и мыслію помыслитъ, тому человѣку зубы со рта, очи со лба; и кто же на меня раба Божія (имя рекъ) и т. д. помыслитъ, и тому человѣку кругомъ окіянъ-моря лѣсы пощитать, *ѳои*[1]) позобать; и што нисть (ни есть?) на земли цари, и всѣмъ царемъ царь огонь-царь и зжетъ и палитъ, отъ меня раба Божія (имя) и отъ милаго живота и крестьянскаго скота и зжетъ и палитъ бѣлое тѣло, и черную кровь, и ретивое сердце, и кости, и жилы, и мозги зжетъ и палитъ; и какъ бы стекаются рѣки къ окиянъ морю *съ текучихъ* горъ и дремучихъ лѣсовъ, и со мховъ и болотъ, и такъ бы стекался мой милой животъ и крестьянскій скотъ на гласъ трубнъ, сами съ лѣсу дальнаго, Божіею милостію, словами моими: и какъ сходится міръ крещеный, народъ Божій, къ звону колокольному, къ пѣнію церковному и ко отцу духовному, и такъ же бы стекался и сбѣгался мой милой животъ и крестьянской скотъ на гласъ трубнъ, и съ лѣсу домой, Божіею милостію и словами моими; и сколь крѣпко стоитъ на мѣстѣ и одержится въ мѣстѣ Синай-гора, и сколь крѣпко стоитъ на мѣстѣ и одержится въ мѣстѣ Вертепъ-гора, и столь (сколь) крѣпко стоитъ на мѣстѣ и одержится въ мѣстѣ Аѳонъ-Гора, и сколь крѣпко стоитъ на мѣстѣ и одержится въ мѣстѣ Фаѳеръ-гора, и столь крѣпкой огородъ четыре горы и четыре страны: Палестинскія и Ерусалимскія, горы не разсыпаются и не роздвигаются, съ мѣста не подвигаются, и столь бы же крѣпко сей огородъ, и сей заговоръ кругомъ меня раба Божія, и кругомъ милого моего живота и крестьянскаго скота на сохраненіе и на береженіе, на мѣсто на слученіе, и милому животу и крестьянскому скоту на легкость и на здравіе, на Божію милость, на плодъ и на животъ. Истинный Христосъ, Богородица мати Божія, святые честные Козмы и Даміянъ, Михаилъ архангелъ и Гавріилъ архангелъ, грозный воевода небесныхъ силъ,

[1]) Иглы хвойнаго дерева.

Николай чудотворецъ, Власій епископъ Севастійскій чудотворецъ, Меркурій Смоленскій, Аверкій Іерапольскій, Кіевскіе и Печерскіе чудотворцы Антоній и Θеодосій, и вы, святые честные евангелисты: Маркъ и Лука, Іоаннъ и Матθей, Херувимы и Серафимы, и вся небесная сила! научи меня раба Божія Козьму словъ говорить, огорода ставить, оборона чинить отъ черново звѣря, отъ бураго звѣря, отъ рыси, отъ росомахи, отъ рыскучево волка и отъ ползучево гада и отъ нашлово и отъ насланново, отъ уроку и отъ призору, отъ притчей, и отъ падежа, и отъ нечистово духу, и отъ вѣдуна и отъ вѣдуньи, отъ колдуна и отъ колдуньи, и отъ попа и отъ дьяка дьяковича, отъ мужика и отъ женки, отъ парня и отъ дѣвки, и отъ однозуба, отъ (д)воезуба, отъ (т)роезуба, и отъ старца и отъ старицы, отъ скимника и отъ скимницы, и отъ постригощего и мимо идущего, и отъ всякии (всякихъ) звѣрей земныхъ и лѣсныхъ, и отъ всякаго зла человѣка и лиха супостата. Ставьте же вы, дванадесять апостоловъ, и кругомъ меня раба Божья (имрекъ) и кругомъ моего милаго живота и крестьянскаго скота, тынъ желѣзный, ворота мѣдныя, вереи сталные въ землю тридевять лакоть, отъ земли до небеси, отъ небеси до земли; и еще ставте тынъ каменный, ворота желѣзныя, вереи мѣдныя въ землю тридевять лакотъ, отъ земли до небеси и отъ небеси до земли, отъ востока до запада, отъ запада до лѣта, отъ лѣта до сѣвера, и еще ставте тынъ сребрянный, ворота мѣдныя въ землю тридевяти лакоть отъ земли до небеси, отъ небеси до земли, до сѣвера на три поприща на три версты, и замыкайте тридевяти ключами и тридевяти замками съ огнемъ и пламенемъ и дымомъ, и отдайте тѣ ключи Богородицѣ въ седьмое небо, на престолъ Господень, и она же Владычица, Пресвятая Багородица, Царица небесная, мати Христова, загради ризою нетлѣнною, которою порождала и заграждала сына своего возлюбленнаго, Господа нашего Іисуса Христа, во святомъ градѣ, во Іерусалимѣ и во святой горѣ во Вертепѣ, и снесетъ Богородица свою ризу нетлѣнную, Іоаннъ Предтеча и заградитъ крестомъ животворящимъ, и которымъ крестилъ Господа нашего Іисуса Христа, и снесетъ свою ризу съ крестомъ животворящимъ Іоаннъ Предотеча въ седьмое небо.

26. БОЖЕСТВЕННЫЙ ОБХОДЪ РОГАТАГО СКОТА.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь!

Стану я, рабъ Божій пастырь, благословясь, пойду перекрестясь изъ дверей въ двери, изъ воротъ в ворота, далече въ чистое поле. Стану я на востокъ лицемъ, на западъ хрептомъ. Помолюсь я рабъ Божій Господу Богу Саваоѳу, Христу Сыну Божію, Пречистой его Богоматери Богородицы и присно дѣвы Маріи, Іоанну Пророку Предтечи и Крестителю Христову, Михайлѣ Архангелу грозному воеводѣ небесныхъ силъ, Святымъ Апостоламъ Петру и Павлу и Святому Николаю Чудотворцу и Святому священномученику Власію Епископу Савастійскому Чудотворцу и святому Преподобному Георгію, всей небесной Силѣ, со умиленіемъ припадаю и молюся Вамъ. Пособите, помогите, благословитѣ, на путь проводите меня, раба Божія пастыря, съ моимъ милымъ скотомъ, съ крестьянскимъ животомъ, съ коровьимъ стадомъ, пасти отъ сего дня, во все теплое лѣто, до бѣлаго снѣгу. Закройте, заградите, закрестите святыми своими Божественными нетлѣнными ризами ходячии (?) сей поскотинѣ и меня раба Божія пастыря *Іоанна*, мой милый скотъ, а крестьянской животъ, коровъ, быковъ, нетелей и малыхъ подтелковъ, колматыхъ, рогатыхъ, кладеныхь и некладеныхъ, доморощеныхъ и вновь приведенныхъ, черныхъ, бѣлыхъ, пестрыхъ, сивыхъ, и красныхъ, и всяку разношерстну скотину, отъ чернаго звѣря, отъ сѣраго звѣря, широколапаго медвѣдя и прикидня, насилочнаго пакостника, перехожаго волка, волчихи, красныя лисицы, черныя соболихи, отъ рыся и росомахи, отъ великой зміи, скорпіи, отъ всякаго злаго человѣка порченника и пыточника и отъ всякія отъ патшія (падшія) силы, отъ падежу, отъ пострѣлу, отъ повѣтрія, отъ стрѣтущаго и постигающаго, со стороны видящаго, всякаго разнаго чина людей. Закрѣплю я, рабъ Божій пастырь *Іоаннъ*, заговорю свое вышеписанное коровье стадо вашими всесильными мольбами. Сколь твердо основаніе земное двигнуться не можетъ съ мѣста, и сколь крѣпокъ Гробъ Господень на воздусѣ во святомъ градѣ Іерусалимѣ, и сколь крѣпокъ синій камень во окіанѣ мори, не крушится, не колется и не разгнется, столь крѣпокъ и жестокъ мой буди вышеписанной заговоръ кругомъ моего люби-

маго стада, вышеписанной заговоръ вѣкъ по вѣку, Аминь, Аминемъ заключается.

О Пресвятая Госпоже Владычице Богородице, какъ ты закрыла, заградила сына своего Господа нашего Іисуса Христа, во святомъ градѣ Вифліемѣ Іудейстемъ, отъ Ирода царя безбожнаго, такъ ты закрой загради закрѣпи Святой своей ризою нетлѣнной ходячи(?) въ моей поскотинѣ, къ осѣку, по тропамъ, по угодьямъ и меня раба Божія пастыря *Іоанна* и мой милый скотъ крестьянской животъ вѣкъ по вѣку. Аминь, Аминемъ заключается!

О Пресвятой Царю Господи! (поставь) около моего вышеписаннаго коровья стада тынъ желѣзной, другой булатной, третій мѣдной, въ четвертыхъ стѣну каменную глубиною три сажени въ землю, вышиною тридевять сажень, проведи, Господи, рѣку огненную глубиною до самыя бездны, повели, Господи, тѣ вышеписанные тыны; и ту стѣну каменную замнуть и заложить святому Апостолу Петру златыми его ключами и снесть за престолъ подъ святую его одежду нетлѣнную; какъ сего замка ключей не видѣть, такъ же бы звѣри не видѣли моего любимаго стада, кажися сіе при лѣсѣ лѣсомъ, при горѣ горой, при камнѣ камнемъ, при водѣ водой, Аминь, Аминемъ заключается.

О пресвятый Царю Господи! пошли Господи св. пророка Ілію на огненной колесницѣ, съ громомъ и молніею, съ стрѣлою съ кременной, чтобъ изстрѣлить изъ моей паскотины всякаго звѣря. Пошли Господи злыхъ медицынскихъ (меделянскихъ) лютыхъ кобелей съ вострыми зубами, съ желѣзными кохтями, чтобъ прогнали изъ моей паскотины черныхъ дикихъ разныхъ разнопомянутыхъ звѣрей; медвѣдей, медвѣдицъ. Подте вы за синее окіянъ-море, на дикомъ лѣсѣ; тамо вы ѣштѣ зеленую траву, пейтѣ болотную воду, ломайте и ворочайте пенье, и колодье и выискивайте дикое каменье, а у меня раба Божія пастыря въ моей паскотинѣ вамъ ни питья, ни яденья, вѣкъ по вѣку, Аминь, Аминемъ заключается.

Какъ собирается народъ православной ко звону колокольному, къ пѣнію церковному или къ отцу духовному, и какъ собираются муравьевы дѣти къ отцу своему царю мурашу со всѣхъ сторонъ, служатъ ему и слушаютъ его всегда, и какъ стекаются быстрыя рѣки и малыя источники во славно окіанъ море, такожде мой ми-

лой скотъ, крестьянской животъ, любимое коровье стадо, шли бы, плелися-вилися въ одно мѣсто, стекалися на трубу мою, на покатъ солнца въ новцѣ и вѣтхѣ, на перекроѣ-мѣсяцѣ, въ меженные дни, во всякое время, изъ паскотины, изъ рѣкъ, изъ ручьевъ, изъ сѣнныхъ покосовъ, со великаго мѣста къ домамъ своимъ, къ хозяевамъ и хозяйкамъ, безъ обрядочно дружка отъ дружки не оставаючись, вѣкъ по вѣку, Аминь, Аминемъ заключается.

Возьми у всякой скотины межъ рогами шерсти, и клади въ воскъ, прочти эту книгу, три разъ по солнцу и с образомъ и обойди три разъ, волочи за собою топоръ, и такъ спусти, а воскъ зарой въ землю, чтобъ люди не видали и не знали.

Аще кто на меня раба Божія пастыря и мой милой скотъ зло подумаетъ, какой порчею, враждебною статьею, у того бы порченника и пыточника въ тимѣ языкъ воротило бы, подколѣнныя жилы рвало бы, скочили бы очи, со лба выпрянули бы, чтобъ ему порченнику и пыточнику въ день покою и въ ночь усыпу не было, и до смертнаго его часу буди Господи во вѣки вѣковъ. Аминь.

(Изъ старин. рукоп.)

27. ОТПУСКЪ СКОТА.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа.

Стану я, рабъ Божій, Иванъ благословясь, пойду перекрестясь во святые темные лѣса (двухъ строчекъ разобрать нельзя) со свѣтомъ Богородицей Маріей. Спаси и освободи, помилуй милое мое стадо, крестьянской животъ: одношерстные и двоешерстные кони и кобылы и малыя поскотяны(ны), черныя и бѣлыя, сѣрыя и красныя теля, такожъ и коровы черныя, и красныя, и пестрыя съ малыми подтелками отъ всякаго чернаго звѣря, медвѣдя и медвѣдицы, широколапаго, и волка рыскучаго и волчицы; и постави, Господи, около моего стада, милаго и любимаго крестьянскаго живота, (горы) каменныя, тынъ желѣзный, столпъ огненный отъ земли и до неба. Спасите и помилуйте, Фролъ и Лаврей, святый Егорей Храбрый, милыя кониныя и коровья стада, кони и кобылы и коровы и посоковъ и подтелковъ, а одношерстныя. . .,

бѣлыя, и сѣрыя, и красныя и пѣгихъ отъ дребей и болотъ, чтобъ не потерялась ни едина шерстина и копыто отъ крестьянскаго милаго живота, любимаго скота; чтобъ не могли ни колдуны околдовать, и не еретики оеретичествовать, да никакой портененикъ испортилъ, ни еритицы; и кто подумаетъ худое, пройди скрозь того стрѣла каленая, отъ моего любимаго стада, крестьянскаго скота.

Царю Давидъ, царю Ко(н)ст҃(ант)инъ, царю Соломонъ! Спасите и сохраните конское и коровье мое стадо, милый, любимый крестьянскій животъ. Какъ царь Ко(н)ст҃(ант)инъ ходилъ около своего воинства со крестомъ и сохранялъ свое воинство, также и около моего конскаго и коровьяго стада, милаго крестьянскаго живота, ходилъ бы и сохранялъ бы со крестомъ отъ чернаго звѣря, широколапаго медвѣдя и медвѣдицы, отъ сѣраго рыскучаго волка, волчицы, и отъ колдуновъ и отъ колдуней, отъ еретиковъ и отъ еритицъ, и отъ портениковъ. И поставте вы около моего стада, милаго крестьянскаго живота, горы каменныя, столпъ огненный и тынъ желѣзный. Зверь(?) моего голоса и моего слѣду, и какъ услыша(тъ) церковный звонъ, такъ бы и сбирались малое (милое?) мое стадо на означенное мѣсто; гдѣ я самъ живу, отъ темнаго лѣсу, и отъ дребей, и отъ болотъ, на всяку ночь, всѣ до единаго, лошади и коровы, малыя и большія, всегда, нынѣ и присно, во вѣки вѣковъ, Аминь!

Т о ж ъ.

Ходить вкругъ трижды и читать отпускъ, сбирать со всякаго и коня, и кобылъ, и коровъ, посоковъ шéрсти съ головы и съ копытъ овецъ рѣзать (рѣжать) нектя не крести(?), положить муки помолой, все . . . . вмѣсто: шерсть, муку и нокти въ одно мѣсто, отъ колоколовъ сокрести мѣди, ту же положить и испечь въ мякушку. Въ томъ же мѣстѣ отъ церковныхъ колоколовъ сокрести мѣди, въ мякушку спечь, смолоть, въ тую мякушку закатать и воскъ; а рябиновое дерево то вырвать съ коренемъ, около стада носить со отпускомъ . . . . первое какъ посадить, и еще топоръ и ножикъ впереди себя, образъ Егорія и крестъ деревянный изгон(?) деревянный носить въ пазухѣ, около стада, рослелъ (росной) ладанъ, артуст(?) и полушка мѣдная держать при себѣ;

послѣ хожденія рябина расколоть до конца..... около и сквозь стадо пропустить воротами, а надъ воротами поставить (въ) верхъ образъ и крестъ изгонъ(?) по обѣ стороны, и замокъ дугу положить на двѣ стороны. Какъ скотъ пройдетъ рябинку, замокъ замкнуть и снести въ лѣсъ, положить въ муравейникъ къ отпуску, при себѣ держать. А которые кони будутъ . . . . бѣгать и тѣхъ . . . . свести въ . . . . гдѣ самъ живетъ, став (Дальше разобрать трудно).

(Изъ старин. рукописи.)

28. ЗАГОВОРЪ-ОБЕРЕГЪ ПРИ СВАДЬБАХЪ.

..... меня раба Божія имрека во своя святыя руку (?) и всѣхъ тыхъ тридесяти замковъ все мои ключе золотые, снесъ(?) тае мои ключи на вышнѣе во седьмое (небо?) и отдалъ тебѣ, Господи, всемогущему и великому Богу, а ты, Господи, Боже святый, у свои (?) арангела Михаила принявъ вседержительную (вседержительною) крѣпкою десной всѣ тыя мои ключи золоты, и положи ты, Господи, на свой чесный на вышній иже херувимскія неподвижный престолъ подъ свою перину дорогую и. . . . .ти, Господи, самъ на тую свою перину дорогую в семъ часу . . . . . и на тыи мои ключи золотые на все, и не вынять тыхъ моихъ . . . . . . Господи, никому, ... ни ко(л)дунамъ, ни ко(л)дуницамъ, ни вѣдонамъ, ни вѣдоницамъ, ни старцамъ, ни старицамъ, ни черницамъ, ни чернецамъ, ни попамъ, ни попадьямъ, ни бѣльцамъ, ни бѣлицамъ, ни вдовцамъ, ни вдовицамъ, ни каликамъ, ни нищимъ, ни старымъ, ни малымъ, ни чернокровымъ, ни бѣлокровымъ, ни краснокровымъ, никому, ни какому человѣку—новобрачному сему, или второбрачному, княгини имрекъ, и его тысецкому имрекъ, и боярамъ его, и друшкамъ, свахамъ, и брюдгамъ, и конюхамъ, и *лошадямъ*, всему поѣзду и добрымъ гостемъ и гостьямъ званымъ-бранымъ, и всѣмъ домашнимъ стряпчимъ, и поварамъ сидячимъ дома, и в людяхъ, и за столомъ, со всемъ поѣздомъ его, по земли пешь идучись, или на коня едутчись верхомъ, или по водамъ едутчись мимо многіе грады жи . . . . и пустые, большіе и малые погосты и волости и многіе деревни, болшіе и малые, на море и на езерахъ, и на рѣкахъ едутчись в судехъ, мимо многіе островы болшіе и малые, или луды болшіи и малые, и по земли идутчись на мхахъ,

на глаткихъ болотахъ, и лѣсахъ едутчись, мимо многія древа болшіе и малые, и мимо великіе щели и каменія болшіи и малые, мимо едутчись храмины пустые, ловецкія пашенныя станы, на всякомъ мѣсте и вездѣ быть всѣмъ отъ всякихъ нинавистниковъ и сопостатовъ здавымъ (здравымъ) и сохраннымъ, а на тыхъ на всѣхъ моихъ на вострыхъ тынахъ, которы ставлены нынѣ у меня раба божія имрека около сего новобрачнаго князя имрекъ, около всего поѣзду его, и конемъ его и всякому дому его, и всякаго милаго живота его, всехъ добрыхъ гостей его на всякои на вострои тынины желѣзно(й) по го(ло)вы по колдуновой и видуновой, и по колдунихиной, по вдовихиной, а еще на одной моей на болшей на вотой (вострой?) на желѣзной тынины быть головы ко(л)дуновой и виновой (вѣдуновой), ко(л)дунихиной и видунихиной и кудесниковой и кусницыной (кудесницыной), и хто будетъ каковъ злодей мой и супостатъ, портежникъ и ненависникъ, колдунъ или ведунъ или кодесникъ или портежнікъ или..... [1]) ведуниха или кудесница на сего но.........имрекъ, на тысецкаго его имрекъ и н.............жковъ, и на сваху, на брудгу, и на к........ его, и на стряпчихъ и на грепцовъ и.............его и на всякой милой животъ его ....на хадучей, на всякыхъ добрыхъ гост............поѣзду его, начнетъ помышлять ка.. ....человѣкъ портить, старецъ, или черницъ, ил.......или белецъ, или колдунъ, или ведунъ, или кудесн.....богатъ, или нащь, чернокровъ, или краснокровъ, или бѣлокровъ, или старица, или черница, или попадья, или белица, или чернокрова, или краснокрова, или бѣлокрова, или богата, или нища, вочи или по заочи, или за столомъ седутчись, или въ стрету едутчись, или за хоромины, или за угла или стороны, по близку и по далеку, за древа, зат(?) каменя смотрятчись, или мѣшь (межь) людми стоячись, начнеть бранить, или бѣщестить, или портить, и того злого человѣка злодея и сопостата моего на тои вострои и на желѣзной на болшой тынины быть головы, колдуновъ, и видуновъ, и кудесниковой, колдуніхіной и видунихиной и кудесніціной впреть во вѣки вечныи.................злодѣевъ моихъ всякихъ зломы.....

[1]) Всѣ пропуски съ этихъ поръ происходятъ отъ того, что у рукописи оторванъ цѣлый кусокъ.

. . . . .упостатовъ моихъ всякихъ потре . . . . .лдуновъ и ведоновъ и кудесниковъ и. . . . . .дуницъ и кудесницъ и всякихъ лих. . . . . .въ и портежниковъ моихъ злодѣевъ. . . . . .грозныя всея небѣсныя силы воевода. . . . . .Христовъ Михаилъ, ты всѣхъ моихъ су. . . . . .атовъ своимъ востымъ (вострымъ) и огненымъ мечемъ присекаетъ, а конь его прiѣдаетъ (?) всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, Аминь.

(Говорятъ надаглыми (надъ иглами?) и над. . . . . а на тые бѣзушiй (?) плюнуть трижды, и въ замокъ плюнуть трижды, и замнуть.)

ПОВѢСТИ и СКАЗАНІЯ.

ПОВѢСТИ и СКАЗАНІЯ.

1. О НАЧАЛѢ ГРАДА МОСКВЫ И О ВЕЛИКОМЪ КНЯЗѢ ДАНІИЛѢ АЛЕКСАНДРОВИЧѢ.

(Списокъ съ рукоп. Новгородской лѣтописи.)

Въ лѣто 6799-е октября 29, сѣде во Владимірѣ градѣ князь Андрей Александровичъ, третій сынъ Невскаго, а въ Суздалѣ княжилъ тогда братъ его Даніилъ Александровичъ. Почему бы было на Москвѣ царству быти? Были тогда на томъ мѣстѣ на Москвѣ рѣцѣ села праздныя болярина Кучка Стефана Иванова. Быша же у болярина того два сына вельми красны. Увѣдалъ же о нихъ к. Даніилъ Александровичъ Суздальскій Невскаго, нача просити у Кучка болярина того два сына его къ себѣ на дворъ и съ великимъ прещеніемъ глаголаше ему: «Аще не даси мнѣ сыновъ своихъ во дворъ, азъ пойду на тя ратію, и тебе мечемъ побію, а села твоя красная огнемъ выжгу». Болярннъ же Стефанъ Ивановичъ Кучковъ убояся страха Даніила Суздальскаго, отдалъ сыновъ своихъ обоихъ князю Даніилу Суздальскому; князь Даніилъ возлюби я зѣло: единаго пожаловалъ въ стольники, а другаго въ чашники, тако де и княгиня Данилова, Улита, возлюби я. И уязви ю врагъ на тѣхъ юношъ похотію блѣдною [1]), и діавольскимъ навожденіемъ смѣсися съ ними, и начаша мыслити съ княгинею, како бы предати князя Даніила, господина своего, смерти. И возваша его въ поле ѣздити утѣшенія ради звѣрскаго лова,—яко же бысть обычай. И бывшимъ имъ на поли, негда же пріидоша въ нѣкія дебри, начаша они, Кучковича, предавати князя своего Даніила горькой смерти, онъ же убѣжа отъ нихъ на конѣ своемъ въ чащу лѣса и бѣжа отъ

[1]) т.-е. блудною.

нихъ подлѣ рѣки Оки, оставя коня своего. Зліи же убійцы аки лютіи звѣріе напрасно хотяху восхитити его, быша же во ужасѣ велицѣ, искаша его много и не обрѣтоша, токмо обрѣтоша коня его. Князь же Даніилъ добѣжа съ нуждою до перевоза, не имѣя что дати за перевозъ, точію на рукѣ его перстень златъ бѣ, и той дая перевощику. Перевощикъ же рече: «Лихи вы люди и обманчивы таковые, яко переѣхавши чрезъ рѣку и не давши перевозу ничего, отходите», и не позна его, яко князь есть Даніилъ. Онъ же обѣщая ему златый перстень той отдати; перевощикъ же, пріѣхавъ съ другой стороны, и егда близъ бывъ князя, и протеже князю весломъ и рече: «Дай мнѣ перстень, и азъ тя перевезу». Князь же Даніилъ, мнѣвъ яко праведенъ есть человѣкъ, положи ему на весло перстень свой, онъ же, взявъ перстень, и отторжеся отъ брега. Князь Даніилъ побѣже подлѣ рѣки, бояся за собою гонившихъ. Прейде же день той къ вечеру, не имѣя гдѣ нощевати, пусто бо мѣсто въ дебри. И по случаю найде въ той чащи струбецъ малъ стоящъ. Ту бо погребенъ бысть нѣкій мертвый человѣкъ. Князь же влѣзѣ въ струбецъ той и скрыся въ немъ, забывъ страхъ мертвыхъ, и преночи ту нощь. Сынове же Кучковы быша въ печали великой, яко упустиша князя Даніила жива отъ рукъ своихъ ранена. И пріидоша въ раскаяніе и рѣша въ себѣ: «Лучше бы намъ не мыслити на князя своего смертнаго дѣла, яко убѣжа отъ насъ раненъ, въ градъ Владиміръ, къ брату своему Андрею Александровичу, и будетъ намъ отъ нихъ злая казнь различная и лютая. Такожде и княгинѣ Улитѣ быть повѣшеною». Пришедше, сказаша княгинѣ Улитѣ. Она же, наполнена сущи злыя мысли на мужа своего Даніила Александровича, распалившеся сатанинскимъ навожденіемъ злыя похоти, повѣда имъ, окаянная, вся тайны мужа своего, рекши: «Есть мужа моего песъ. И какъ онъ, князь Даніилъ, ѣздитъ противъ враговъ своихъ на бой, на татаръ или на крымскихъ людей, и приказываетъ мнѣ поѣждая: егда де я отъ татаръ убіенъ буду, или инымъ нѣкіемъ случаемъ пріидетъ мнѣ безвѣстная [1]), или на бою въ трупѣ сыскати не возмогутъ, и не познаютъ отъ мно-

[1]) т.-е. смерть.

жества мертвыхъ, пошли на взысканіе мое дворянъ своихъ съ тѣмъ моимъ псомъ и вели имъ пустити его предъ собою проста [1]), а за нимъ ѣхать имъ скоро: и той песъ взыщетъ мя не ложно и тѣло мое лизати будетъ радостно». На утріи же княгиня Улита, давъ имъ того пса, и сказа имъ: «Гдѣ князя Даніила обрящете, тамо его смерти предайте». Оніи же зліи убійцы, злаго тоя злобѣсницы княгини совѣта послушали и, вземше того пса, и побѣжаша на то мѣсто, идѣже хотѣша князя Даніила смерти предати, и съ того мѣста пустиша онаго пса предъ собою; песъ побѣже предъ ними, они же за нимъ скоро ѣхаша. Песъ же бѣжа подлѣ Оки рѣки и набѣже на оный струбецъ, идѣже спаше князь Даніилъ; увѣдавъ же песъ князя Даніила, и нача шеею вертѣти и хвостомъ махати, радуяся. Ищущіе же, узрѣвше пса радующася, вскорѣ скочиша, и скрывше [2]) струбецъ онъ, обрѣтоша ту Даніила Александровича и предаша его смерти. Прободоша его мечи и копіи и главу его отсѣкоша, и паки въ той же струбецъ вкладоша тѣло его и покрыша. Благовѣрный же князь Даніилъ бысть четвертый мученикъ, пріятъ мученическую смерть отъ прелюбодѣевъ жены своея. Борисъ и Глѣбъ и Святославъ убіени быша отъ брата своего окаяннаго Святополка, такожде и сей отъ Кучковичевъ. По убіеніи же его пріѣхаша Кучковичи во градъ Суздаль, и привезоша ризу кровавую князя Даніила, и даша ю княгинѣ Улитѣ, и живяху съ нею въ прелюбодѣяніи беззаконно по прежнему. Не скоро бо пріиде вѣсть во Владиміръ градъ ко князю Андрею Александровичу, что сотворила таковое убійство надъ братомъ его княземъ Даніиломъ Александровичемъ, въ Суздалѣ, жена его Улита. Сыну же его Іоанну Даниловичу, внуку Александрову, оставшемуся малу сущу, иже яръ и лютъ бѣ, отъ рожденія же его храняше нѣкій рабъ вѣрный именемъ Давидъ. По смерти же Даніиловѣ минуша уже два мѣсяца, сжалися той вѣрный слуга, Давидъ, о сынѣ его, князѣ Іоаннѣ Даниловичѣ и взя отай [3]) нощію, всѣде на конь и гна съ нимъ скоро ко граду Владиміру и ко князю Андрею Александровичу, къ дяди его, и сказа ему

[1]) не привязана.
[2]) вскрыша.
[3]) тайно.

вся по ряду, случившаяся во градѣ Суздалѣ, таковое убійство надъ братомъ его Даніиломъ. Князь же Андрей, слышавъ сія, сжалися по братѣ своемъ, яко князь Ярославъ Владиміровичъ по братіи своей Борисѣ и Глѣбѣ, и собра на окаяннаго убійцу воя и, Бога въ помощь призвавъ, отмсти кровь братіи своей Бориса и Глѣба и Святослава и побѣди Святополка: такожде и сей новый Ярославъ, князь Андрей Александровичъ, прослезися горцѣ по братѣ своемъ князѣ Даніилѣ Александровичѣ, и воздѣ руцѣ своя на небо, рѣче со слезами: «Господи, Владыка, Творче и Создателю, отмстивый кровь праведную Бориса и Глѣба на окаянномъ Святополкѣ княземъ Ярославомъ! тако, Владыко Господи, отмсти кровь неповинную, чрезъ мене грѣшнаго, брата моего князя Даніила, надъ блудниками и наложниками скверныя тоя блудницы». Святополкъ бо окаянный братоубійство сотвори: очи его злѣ прострѣшася на злато и сребро и на сласть царствія сего, и на единъ часъ насладися, небеснаго же царствія во вѣки лишися и во днѣ адовѣ мученіе воспрія: тако и сія скверная и несытая блудница княгиня Улита блуднаго скверненія на единъ часъ насладися, не токмо же небеснаго царствія лишися, но и сего свѣта власть отринула, и возлюбиша скверную злую похоть блудную, уготовася діаволу невѣста, во днѣ адовѣ вѣчное мученіе наслѣдова. И собра князь Андрей войска своего, въ градѣ Владимірѣ, пять тысящъ и пойде ко граду Суздалю; услышавъ же оніи убійцы зліи Кучка Стефана дѣти, что идетъ на нихъ князь Андрей Александровичъ Владимірскій съ силою, нападе на нихъ страхъ и трепетъ, и бѣжаша къ отцу своему Стефану Кучку. Князь же Андрей пришедъ съ воинствомъ къ Суздалю. Суздальцы же непротивишася, но покоришася ему, глаголюще: «Мы не быхомъ совѣтницы на смерть государя своего, и не приводихомъ убити брата твоего. Но вѣмы, яко жена его злую смерть умыслила съ любовниками своими Кучковичи, мы же тебѣ пособники на злыхъ тѣхъ измѣнниковъ». Князь же Андрей повелѣ княгиню Улиту поимати, и казнити всякими муками, и предаде ю горькой смерти. Суздальцы же собраша три тысящи войска князю Андрею Александровичу въ помощь, и пойде князь Андрей со всѣмъ воинствомъ на болярина Стефана Кучка; Кучко же не

возможе противитися ему, и взя вся села его красная и самаго Кучка и дѣтей его, и повелѣ ихъ оковати узами крѣпкими. Потомъ же казни съ дѣтьми его всяки различными казньми въ лѣто 6799-е марта въ 17 день [1]).

И тако князь Андрей отмсти кровь своего князя Даніила, побѣдивъ болярина Кучка и злыхъ убійцевъ, и все имѣніе ихъ и богатство разграби, селъ же красныхъ не пожже, а переночи ту нощь. Заутра же возставъ, посмотрѣ по всѣмъ краснымъ селамъ, и вложи ему Богъ въ сердце на томъ мѣстѣ поставити градъ, и воздохну изъ глубины сердца своего, и воздѣ руцѣ свои на небо и рѣче: «Боже Вседержителю, всѣмъ видимымъ и невидимымъ творче и содѣтелю! прослави мѣсто сіе и подаждь помощь желанію сердца моего создати Святыя церкви».

И сѣде князь Андрей въ красныхъ селахъ жительствовати, и посла во градъ Владиміръ и Суздаль сына своего князя Георгія, а племянника своего, братня сына, Іоанна Даниловича къ себѣ взя, и воспита въ добромъ наказаніи. Той же князь Андрей Александровичъ воздвиже церковь деревянну Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія.

Такожде повелѣ градъ основати около тѣхъ красныхъ селъ по Москвѣ рѣкѣ, и именованіе тому граду положи Москва отъ рѣки Москвы. Пособствоваша же ему Суздальцы, Владимірцы и Ростовцы, и такъ устроиша градъ въ лѣто 6799-е мѣсяца іуліа въ 27 день на память святаго мученика Пантелеймона, и оттолѣ нача именоватися градъ Москва.

Поживе же той благовѣрный князь Андрей во градѣ Москвѣ, и устрои Божія церкви, преставися въ лѣто 6813, оставляетъ градъ Москву племяннику своему князю Іоанну Даниловичу, поне же сынъ его князь Георгій Владимірскій преставился прежде смерти отца своего лѣтомъ единымъ. Остася же по немъ наслѣдникъ сынъ его малъ, токмо 4-хъ лѣтъ 2-хъ мѣсяцевъ. Князь же Іоаннъ Даниловичъ доспѣ совершеннаго возраста, взя къ себѣ сродника своего Георгія Георгіевича, и подъ свою область Суздаль пріимъ. При семъ великомъ князѣ Іоаннѣ Да-

---

[1]) Съ хронологіей путаница: Въ первой же строкѣ Сказанія кн. Даніилъ былъ живъ въ октябрѣ этого года.—*Ред.*

ниловичѣ, въ лѣто 6816 марта въ 22 день, пріиде изъ Владиміра града къ Москвѣ Петръ митрополитъ. Благослови князя и нарече его великимъ княземъ Московскимъ и всея Россіи, и пророчествова о градѣ Москвѣ, яко будетъ сей градъ, по Божію благословенію, царствующій, и распространится и умножится силою Животворящія Троицы, и Пресвятыя Богородицы домъ будетъ, церквей Божіихъ и монастырей будетъ множество, и наречется сей градъ вторый Іерусалимъ, многими землями обладаетъ, не токмо же во всей Россіи прославится, но и во всѣхъ земляхъ, отъ нынѣ и до скончанія вѣка. Князь же великій Іоаннъ Даниловичъ вручи Петру митрополиту пасти церковь Божію, престолъ Господа нашего Іисуса Христа, домъ Всесвятыя и Живоначальныя Троицы и Пресвятыя Богородицы, и бысть митрополитъ Московскій и всея Россіи.

(По рукописи, принадлежащей Олонецкой семинаріи.)

СКАЗАНІЕ О НАЧАЛѢ МОСКВЫ.

(Временникъ М. О. И. и Д. 1851 г., к. XL [1]).

Почему было бы на Москвѣ царствомъ быти, (и кто зналъ, что Москвѣ государствомъ слыти)*;* были на *семъ* мѣстѣ по Москвѣ рѣкѣ села *красныя* (хорошаго) болярина Кучка Сте*па*на Ивано*вича*, болярина же того *были* два сына вельми красны. И *свѣда* про нихъ князь Данила Александровичъ Невскаго, (и) нача просити у Кучка болярина дв*у* сы*новъ* его къ себѣ *во* дворъ съ великимъ *преніемъ*, и глагола ему: аще не даси сыновъ своихъ мнѣ во дворъ и азъ на тя *войною пріиду* и тебе мечемъ побью, а села твои красныя огнемъ *по*жгу. И бо*я*ринъ Кучко Сте*па*нъ Ивановичъ убоялся страха князя Даніила Су*ж*дальскаго; и отда*дѣ* сыновъ своихъ обоихъ князю Даніилу Суждальскому. *И князю Даніилу полюбишася оба Кучкова сына;* (и нача ихъ князь Даніилъ любити и жаловати), и пожаловалъ единаго въ стольники, а другого въ чашники*; и полюбишася тѣ два юноша Даниловѣ княгини Улиты* (Юрьевны), и уязви ю врагъ на тѣхъ юношъ *блудною яростію*, (возлюби бо красоту лица ихъ), и діаво*ли*мъ *разженіемъ* смѣсися (любезно), и *умыслиша* (*они*) со княгинею, како бы (имъ) предати князя Даніила смерти, и *начаша звати* князя Даніила въ пол*ѣ* ѣздити, утѣшенія ради (смотрѣти) *звѣрска уловленія заецевъ*.

---

[1]) Перепечатывается съ дозволенія И. Д. Бѣляева, которому приношу еще разъ мою искреннюю благодарность. Все, набранное курсивомъ, разнится отъ Рыбниковскаго пересказа, въ скобкахъ же помѣщено то, чего въ этомъ послѣднемъ не имѣется. (Ор. Миллеръ).

И бысти ему на поли, и егда *поѣхаша* въ дебри, и начаша они Кучковы предавати *его злой* смерти; князь же Даніилъ *ускочивъ* отъ нихъ на конѣ своемъ въ чащу лѣса; и бѣжа отъ нихъ подлѣ Оки рѣки, оставя коня своего. *Они же* зліи *человѣцы* и убіицы, аки *волцы* лютіи напрасно хотяху восхитити его, и (сами) быша во ужасѣ мнозѣ искавше его и не обрѣтоша, но токмо *нашедше* коня его. Князь же добѣжавъ съ нуждою до перевоз*у*, и неимѣя что дати (перевознику) за перевозъ, но токмо бѣ у него на рукѣ перстень злат*ый* и той перстень (дая) перевоз*нику;* перевоз*никъ* же *глаголаше:* лихи (дѣ) вы люди *оманчивы*, *какъ дѣ васъ перевезу* рѣку, и вы не давъ ничего (такъ и) *уходите*, а непознавъ его, *что онъ* князь Даніилъ (Александровичъ); онъ же обѣщал*ся* ему той златый перстень *дати*. Перевоз*никъ* же пріѣхавъ (близъ брега) з другія страны (Оки рѣки), и бывъ *противъ* князя и протяжѣ весл*о* князю и рече: *по*дай перстень (на весло) и азъ тя перевезу; князь же Даніилъ мнѣвъ его *яко правдива человѣка*, (и мня яко не солжетъ), и возложи ему на весло перстень свой (златый). *Перевозникъ* же той взявъ (на веслѣ отъ князя) перстень (къ себѣ) и отторжеся отъ брега. Князь (же) Даніилъ побѣже подлѣ (Оки) рѣки, боясь за собой гонившихъ (людей), и прейде день той къ вечеру, (и) не имѣя глѣ *прикрытися*, пусто бо мѣсто (бѣ) въ дебри, и по *прилучаю* найдѣ той *дебри* струбецъ малъ стоящъ, (подъ нимъ же) погребенъ бысть ту *нѣкоторый* мертвый человѣкъ, князь же *влесъ* въ струбецъ той, *закрыся* въ немъ, забывъ страхъ (отъ) мертвыхъ, и *почи* тое нощь (темную до утрія).

Сынове же (болярина Степана Ивановича) *Кучка* быша (въ сѣтованіи и) въ печали (и въ скорби) велицей, *что* упустиша князя Даніила жива отъ рукъ своихъ ранена; и пріидоша въ раскаяніе и рѣша въ себѣ: лучше бы намъ было и не мыслити надъ княземъ (таковаго) дѣла смертнаго; *понеже* убѣжа отъ васъ раненъ во градъ Владиміръ къ брату своему Андрѣю Александровичу, и будетъ намъ отъ нихъ (принять) злая казнь (и смерть) различная и лютая, такожде княгини Улиты повѣшенной быт*и*.

И (злая) княгиня Улита, (наполни ю діаволъ сердце) злыя мысли на мужа своего князя Даніила Александровича (аки лютую змію), и распалися сотанинымъ навожденіемъ *блудныя* похоти. (Возлюбивъ бо) окаянная (мало добрыхъ наложниковъ Кучковыхъ дѣтей любовниковъ своихъ) и повѣда имъ вся тайны мужа своего, *глаголя*: есть (де) у мужа моего песъ (выжлецъ), и какъ (де) онъ князь Даніилъ ѣздитъ противъ враговъ своихъ *на побоища* на Татаръ или на Крымскихъ людей, и приказываетъ мнѣ *поѣзжая*: егда де я от Татаръ (или Крымскихъ людей) убіенъ буду, или инымъ *какимъ* случаемъ пріидетъ (смерть) мнѣ безвѣстная, или на бою въ труп*ѣхъ* (человѣческихъ) сыскати и *познати мя немощно;* (и ты) пошли на взысканіе дворянъ своихъ с тѣмъ псомъ моимъ, и вели имъ пустити *того пса* передъ собою проста, а *самимъ* ѣхат*и* за *псомъ*; и той песъ взыщетъ мя неложно, и тѣло мое будетъ лизать радостно. И на утріи княгиня Улита давъ того пса *любовникомъ своимъ* и *приказываетъ:* гдѣ князя Даніила обрящете, тамо его смерти предайте. *Они* же зліи убійцы злаго тоя *злоядницы* княгини Улиты *наполнившася* и вземше пса *поѣхаша* на то

мѣсто, *гдѣ* хотеша князя смерти предати; и съ того мѣста пса пустиша *напредъ себя*, (той же) песъ *бѣжа* предъ ними, они же за нимъ скоро ѣхаша. И бѣжавъ песъ *по брегу* Оки рѣки, и набѣжавъ оный струбецъ, *гдѣ хоронился* князь Даніилъ; увѣдавъ песъ князя Даніила, и нача шіею вертети и махати радуяся (ему); (тѣмъ же) *искоміи* (его) *увидѣвши* пса радующася (и хвостомъ машуща); и *скоро* скочивше скрываютъ струбецъ, и обрѣтъ ту князя Даніила Александровича, и (скоро) князя Даніила смерти предаютъ, мечи и копіи прободоша (ребра) ему и главу отсѣкоша его, и паки въ той струбецъ покрыша тѣло его.

Благовѣрный князь Даніилъ бысть четвертый мученнкъ пріятъ мученическую смерть отъ прелюбодѣевъ (и) жены своея.

(Въ первыхъ мученики) Борисъ и Глѣбъ и Святославъ убіены быша от брата своего окоаннаго Святополка (рекомаго Поганополка); *тако и сіи Кучковы дѣти* пріѣхаша во градъ Суждаль и привезоша ризу крoваву князя Даніила и даша ю княгинѣ Улитѣ, и живяху съ нею (в томъ же) прелюбодѣяніи беззаконно(мъ) по прежнему. Не скоро же убо *ходитъ* вѣсть во Владиміръ градъ ко князю Андрѣю Александровичу, что сотворися таковое убійство надъ братомъ княземъ Даніиломъ Александровичемъ.

Сыну же (князю) *Ивану* Даниловичу, внуку Александрову, оставшуся младу сущу, *токмо* яръ и лютъ *бысть*, н *пріяхъ* отъ рожденія его именемъ Давыдъ (Тудермивъ). По смерти же Даніиловѣ *пришедше уже два младенца* (не мѣсяца ли?) и зжалился той вѣрной слуга Давыдъ о сынѣ князя Іоаннѣ Даниловичѣ, и взятъ (его) отай нощію, и *паде* на кони и гнавъ снимъ скоро ко граду Владиміру ко князю Андрѣю Александровичу къ дядѣ его, и сказа вся (слуга той) по ряду, *что сотворися* во градѣ такое (злое) убійство над братомъ (княземъ) Даніиломъ.

Князь же Андрѣй сжалися по братѣ своемъ. Яко (же) князь Ярославъ Владиміровичъ по братіи своей Борисѣ и Глѣбѣ, и собра на окаяннаго (злаго убійцу (своя) *войска*, и Бога (себѣ) въ помощь призва, (ратію) отмстивъ кровь братнюю (праведныхъ) своихъ Бориса и Глѣба и Святослава и побѣди (окаяннаго) Святополка. Тако же и сей новый Ярославъ князь Андрѣй Александровичъ прослезився горцѣ по братѣ своемъ князѣ Даніилѣ (Суждальскомъ), и воздѣвъ руцѣ свои на небо, и рече со слезами: Господи владыко, творче всѣхъ и *содѣтелю*, отмсти кровь праведнаго Бориса м Глѣба князю Ярославу на окаяннаго Святополка, тако Господи Владыко отмсти кровь (сію) неповинную *мнѣ* грѣшному брата моего князя Даніила *сихъ* (злыхъ) блудниковъ и наложниковъ тоя блудницы, (несытыхъ плотскихъ блудныхъ сквернъ кальныхъ похотей бѣсовскихъ). Святополкъ бо окаянный братоубійство сотвори, очи его *зліи прельстишася* (несытіи) сребра и злата (и имѣнія многаго), *власти* (и) царствія *его* (восхотѣ) на единъ часъ насладитися, а небеснаго царствія во вѣки *отпаде* и во днѣ адовѣ (во вѣки) мученіе восріятъ; тако и сія скверная и несытая блудница княгиня Улита блудного скверненія (похоти несытства) на единъ часъ насладися (скверны), и нетокмо небеснаго царствія лишися, но сего свѣта власть (злато и сребро и ризы другія многоцѣнныя) отринувъ, и возлюби скверну

злую блудную похоть, (и) уготовися діаволу невѣста и (окоянному Святополку) во днѣ адовѣ (отъ сатаны законъ воспріятъ) и вѣчное мученіе наслѣдова.

Собра князь Андрѣй во градѣ Владимірѣ войска своего пять тысящь, и пойде *во* градъ Суждаль, *и* слышах*у* (во градѣ Суждальцы и) боярина Сте*па*на (Ивановичя) Кучка дѣти, что идетъ на нихъ *изъ Владиміра града* князь Андрѣй съ войскомъ, и *объятъ ихъ* страхъ и трепетъ, (что напрасно проліяша кровь неповинную; и не возмогоша они стати противъ князя Андрѣя ратовати), и бѣжаша ко отцу своему (боярину) Сте*па*ну (Ивановичу) Кучку. Князь же Андрѣй с воинствомъ пришедъ *въ Суждаль* (градъ), Суждальцы же не противишася ему, глаголюще: мы (бо) не совѣтницы на смерть Государя своего и *не приложихомся* убити брата твоего (князя Даніила); но (мы) вѣмы, яко жена его злую смерть умыслила съ любовниками своими Кучковичи, *и* мы *можемъ* тебѣ (Государю) *пособствовати* на тѣхъ злыхъ измѣнниковъ. Князь же Андрѣй повелѣ княгиню Улиту поимать и казнить всякими муками, и *преда* ю *лютой* смерти; (понеже она злая таковая безстудная дѣла содѣла, и неустрашишася Бога содѣтеля, и вельможъ и великихъ людей не усрамися, и от добрыхъ женъ укоризны и посмѣху не постыдѣся, своево мужа злой смерти предаде, и сама окаянная злую тую смерть пріяла). *И* собра*вши* Суждальцы три тысячи войска князю Андрѣю Александровичу въ помощь, и пойде князь со всѣмъ воинствомъ на боярина Степана (Ивановича) Кучка, и (не бысть у боярина Степана Кучки кругъ красныхъ его селъ ограды каменныя и острога древянаго); *и* не возможе Кучко (бояринъ) *противъ князя Андрѣя боемъ битися*, и (вскорѣ князь Андрѣй всею силою на приступъ) ѣмлетъ села (и слободы) красн*ыя* и самаго Кучка (боярина) *и съ* его *дѣтьми* (в плѣнъ), и повелѣ ихъ оковати *желѣзы* крѣпкими, *и* потомъ казни (боярина Кучка и) з дѣтьми его всякими казньми различными, въ лѣто 6797 Марта въ 17 день [1]).

И князь Андрѣй (Александровичъ) отмсти кровь *брата* своего, побѣд*и* боярина Кучка и злыхъ убійцовъ, (иже убили князя Данила), и все имѣніе ихъ и богатство разграби*въ*, *а* селъ и (слободъ) красныхъ непо*жегъ* я пре*ночи* ту. *Наутріи* же возставъ и посмот*рѣвъ* по всѣмъ краснымъ селамъ и (слободамъ), и вложи Богъ въ сердце *князю Андрѣю* на томъ мѣстѣ градъ поставити; (видѣ бо мѣсто прилично еже граду быти); и вздохну*въ* изъ глубины сердца своего, и воздѣвъ руцѣ на небо, и рече (молитву со слезами): Боже вседержителю, творче всѣмъ и *создателю!* прослави (Господи) мѣсто сіе, и подаждь (Господи) помощь *(хотенія)* желанію мое*му* (устроити градъ, и) воздати святыя церкви.

И (оттолѣ) князь Андрѣй *сѣдеть* въ красныхъ (тѣхъ) селахъ и (слободахъ нача) жительствовати; а во град*ѣ* Суждал*и* и во Владимір*ѣ* *посаждая державствовати* сына своего Георгія, а племянника своего братня сына Іоанна Даниловича къ себѣ взя*въ*, и воспита*въ* его (до возраста) въ добромъ наказаніи.

Той же (благовѣрный) князь Андрѣй Александровичъ воздвиже церковь

[1]) Здѣсь новая путаница въ годѣ.—*Ред.*

древяну Пресвятыя Богородицы (честнаго ея) благовѣщенія, (невелику сущу, и Бога въ помощь себѣ призывая и Пречистую его Богоматерь), такожде повелѣ (и) градъ основати около тѣхъ красныхъ селъ по Москвѣ рѣкѣ, и именованіе граду тому положи Москва, пособствоваша Суждальцы (и) Владимірцы и Ростовцы и (вси окрестніи).

И *тако* (сотвориша) и *со*строиша градъ въ лѣто 6799 Іюля (мѣсяца) въ *17* день, на память Святаго мученика Пантмеймона, и оттолѣ нача именоватися градъ Москва. Поживе же той благовѣрной князь Андрѣй во градѣ Москвѣ, и устрои Божіи церкви (многи, и) преставися въ лѣто 6813, оставляетъ градъ Москву (и приказываетъ державствовати) племяннику своему князю *Ивану* Даниловичу. *Сыну же Андрееву Георгію нарицаемому Юрью (Суздальскому и) Владимірскому, преставльшуся* прежде смерти отца своего (Андрея Московскаго) единымъ лѣтомъ. (Но токмо у него) наслѣдникъ по немъ сынъ его Дмитрій, *еще бо ему младу сущу, яко* четыре лѣта и двою мѣсяцъ [1]).

(Сообщено А. Д. Чертковымъ.)

---

[1]) Сказаніе сіе помѣщено въ одной Новгородской лѣтописи, сохранившейся въ спискѣ конца XVII или начала XVIII вѣка. Редакція „Временника" рѣшилась издать сей памятникъ во 1-хъ потому, чтобы указать источникъ, откуда Каменевичъ Рвовскій почерпнулъ сіе сказаніе, помѣщенное имъ въ извѣстной книгѣ о древностяхъ Россійскаго Государства, хранящейся въ Синодальной библіотекѣ подъ № 529; теперь мы видимъ, что Каменевичъ Рвовскій не былъ сочинителемъ сего сказанія, что оно въ преданіяхъ народныхъ ходило уже давно и даже заносилось въ лѣтописи; и во 2-хъ при всей нелѣпости главнаго содержанія, сказаніе сіе представляетъ много подробностей очень замѣчательныхъ, которыя довольно живо представляютъ бытъ древней сѣверовосточной Руси, и во многомъ объясняютъ разные намеки объ этомъ предметѣ, встрѣчающіеся въ лѣтописяхъ и въ другихъ древнихъ памятникахъ. Этимъ подробностямъ въ отношеніи ко древнему быту мы можемъ довѣрять; ибо преданіе, искажая иногда главное содержаніе, всегда сохраняетъ форму подробностей, старую обстановку событій, оно ими-то преимущественно и дорожитъ; и въ 3-хъ—помѣщеніе сказанія именно въ Новгородской лѣтописи указываетъ нѣкоторымъ образомъ на древнія отношенія Москвы къ Новгороду, откуда можно догадываться, что Москва первоначально была построена въ Новгородской землѣ, что подтверждается и свидѣтельствомъ переписной Новгородской книги 1500 года, по которой видно, что въ Новгородѣ еще въ XV вѣкѣ существовалъ родъ изстаринныхъ Новгородскихъ вотчинниковъ Кучковичей, у которыхъ были деревни въ Келтушскомъ погостѣ, и одна изъ нихъ называлась Кучково. (Переписн. Новг. Кн. стр. 246.)

(*Примѣчаніе Временника.*)

2. ИСТОРІЯ СЛАВНАЯ. СКАЗАНІЕ О АЗОВСКОМЪ ОСАДНОМЪ СИДѢНІИ, КАКЪ ЦАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА СИДѢЛИ ВЪ АЗОВѢ ГОРОДѢ АТАМАНЫ-КАЗАКИ ОТЪ ТУРЕЦКАГО ЦАРЯ БРАГИМА.

А всего казаковъ сидѣло въ Азовѣ пять тысящъ. Тому своему осадному сидѣнію привезли къ Москвѣ грамоту, къ царю и государю и великому князю Михайлѣ Ѳеодоровичу всея Россіи. Прибѣжалъ съ Дону атаманъ Наумъ Васильевичъ съ казаки, а въ грамотахъ пишетъ: числомъ въ лѣто 7140 году *прислалъ* [1]) подъ Азовъ городъ Брагимъ, турскій царь, пашей своихъ изъ турецкой земли, а съ *ними* [2]) войска прислано тридцать тысящъ, кромѣ вымышленниковъ и *водаковъ* изо многихъ нѣмецкихъ земель, опричь нанятыхъ подкопщиковъ для промыслу землянаго. Да съ ними же, пашами, пришелъ въ ходъ крымскій *хамъ* со всею ордою крымскою. Да они-жъ, паши и крымскій *хамъ*, взяли съ собою кафимскихъ мужиковъ, что живутъ на сей сторонѣ синяго моря, многія тысящи, и нѣсть имъ числа, на загребеніе Азова города и чтобъ насъ казаковъ живыхъ землею засыпать. Да съ ними же, пашами, пришло изъ *своей* [3]) орды войско чернижское великое; да съ ними же пашами пришло 30 *(тысящъ)* [4]) пушекъ полковыхъ, а *ломовыхъ:* величиною ядра въ полтора и въ два пуда. Да съ ними же пришло 50 тяфяновъ турецкихъ. А сбирался тотъ Брагимъ, турецкій царь, *равно* четыре года, а на пятый годъ все то войско пришло подъ Азовъ городъ въ раннія обѣдни. И заняли они тѣмъ войскомъ всю степь Азовскую, что съ высотъ Азова города конца ихъ не видать было: и разставили оны палатки и шатры, и всѣ свои знамена распустили: и какъ цвѣты въ полѣ зацвѣли. И учали оны во своихъ таборахъ стрѣлять изо всего снаряду, и стрѣляли день и нощь: и отъ той великой стрѣльбы на городѣ Азовѣ развалилися всѣ крѣпости Азовскія. И на другой день *стали* [5]) изъ утра на первомъ часу, и выступили изъ таборовъ

---

[1]) Въ оригиналѣ *присланъ*.

[2]) *съ нимъ*.

[3]) *свои*.

[4]) тысящъ въ оригиналѣ пропущено.

[5]) т.-е. встали или выстали.

своихъ, и пошли строемъ ко Азову городу. А напередъ войска идутъ 12 головъ янычарскихъ; у всякаго головы по двѣ тысящи янычарей, сирѣчь стрѣльцовъ; а на головахъ на всѣхъ платье златоглавое съ клеймомъ турецкимъ. А за ними идутъ два полковника нѣмецкихъ съ полками солдатскими; а ихъ солдатовъ въ полку по шести тысящь человѣкъ. И захватя отъ *Дону рѣки* [1]) до моря синяго, подобенъ ихъ строй строю солдатскому. А у янычарей у всѣхъ пищали турецкія съ запаленныя фитили, аки свѣщи горятъ. И пришли ко Азову городу подъ самую стѣну, и стали строемъ на *шеринъки* многія несмѣтныя тысящи, и прислали къ намъ, казакамъ, подъ стѣну голову янычарскую на сговоръ. И какъ пришелъ голова подъ стѣну, и сталъ намъ казакамъ говорить гладкою рѣчью:

«О людіе Божіи царя небеснаго, яко никѣмъ въ пустыну въводими, яко орлы парящіе и яко львы свирѣпые, сосѣди наши ближніе, казачество волное и воинство свирѣпое, молодцы избранные! Не полныя ваши гортани, не сытое ваше сердце, не можете удолить свое сердце! Наступили вы, казаки, на десницу великую, на Брагима царя турскаго, и взяли вы, казаки, у него Азовъ городъ, и вынесли вы, казаки, въ Азовѣ, всѣхъ воеводъ и властей, и затворились вы, казаки, тѣмъ Азовомъ городомъ всѣ моря синія. Да вѣдомо вамъ есть казакамъ буди, что отъ сильнаго Московскаго государства къ вамъ выручки не будетъ. Аще вы, казаки, *похощете* [2]) нашему Брагиму царю Турскому, и вы, казаки, напишите повинную, а въ повинной напишите Азовъ городъ,—и Брагимъ турскій царь всѣхъ васъ пожалуетъ и наложитъ на васъ платъе златоглавное съ клеймомъ турецкимъ, и станутъ васъ называть многія орды индейскія святорусскими богатырями. И что вы, казаки, неустрашитеся такихъ *великихъ* [3]) силъ турецкихъ такими малыми людьми рождалися вы, казаки, такова велика подъ Азовъ городъ... А буде вы, казаки, не сдадите добромъ Азова города, и нынеча вы ночью побѣжите вонъ изъ Азова-города на Донъ-рѣку, тамо живы не будете. Хотя бы васъ, казаковъ, сидѣло въ Азовѣ 40.000 [4])

[1]) *отъ Дону рѣки* въ оригиналѣ повторяется.

[2]) Въ оригиналѣ *похоще*.

[3]) Въ ориг. *великъ*.

[4]) Въ ориг. *4000*.

человѣкъ, и тутъ вамъ противъ нашей великой силы стояти... Пришло нашей силы подъ васъ, что и смѣты нѣтъ: сколько на главахъ вашихъ волосовъ, а втрое того силы пришло съ пашами. Вить толь силенъ казимбалскій шахъ и шаховы люди, и тѣ не могутъ отъ нашихъ великихъ силъ стояти и во осадахъ сидѣти. А васъ, казаковъ, всего 5,000, а и тутъ намъ не сдадитеся и великихъ нашихъ силъ не устрашитеся».

Отвѣтъ казаческій изъ Азова города: «Да не боимся мы казаки, вашего Брагима царя Турецкаго и 54 пашей его и великихъ Турецкихъ силъ. Мы, казаки, взяли у васъ Азовъ городъ никакими великими людьми: всего насъ было 5,000 человѣкъ; а взяли мы Азовъ городъ среди бѣлаго дня храбростью и молодечествомъ своимъ. А сидѣли мы, казаки, въ Азовѣ-городѣ малыми людьми для отпытку, каковы турки городовъ имать. И то мы васъ, турокъ, отвѣдываемъ за всегда; а намъ, казакамъ, знакомы ваши турки на полѣ и на морѣ: почасту мы съ вами видаемся. А какъ мы, казаки, взяли Азовъ-городъ, тогда мы накормили вашимъ поганымъ трупамъ волковъ сѣрыхъ, лисицъ красныхъ, борзыхъ орловъ, черныхъ воронъ; а послѣ того они давно не ѣдали вашего поганаго трупа; а нынѣ мы, казаки, конечно, накормимъ ихъ. А вы же, собаки смрадныя, зовете насъ служить вашему царю турскому: какъ намъ оставить пресвѣтлый свѣтъ, и во тьму кромѣшную къ вамъ, собакамъ, итти? *Ради* [1]) мы служить надъ вашими головами своими острыми саблями. Да вы же, собаки, не устрашите, что отъ сильнаго нашего Московскаго царства къ намъ запасовъ небудетъ. То мы сами вѣдаемъ. Николи къ намъ запасы не ходятъ. Кормитъ насъ молодцовъ царь небесный своею милостію и благодатію, что вить мы, казаки, не сѣемъ и не оремъ и въ житницы не сбираемъ; питаемся звѣрьми полскими и рыбами морскими; а злато и сребро-то у васъ, собакъ, за моремъ емлемъ. Что мы, казаки, ни шаха кизилбалскаго, что ихъ людей землею засыпаете... Хотя насъ, казаковъ, сидитъ въ Азовѣ 5000, однакожъ великій Божій промыселъ! Надѣемся и не боимся мы, казаки, ни вашихъ 30,000: дадимъ мы про себя знать и вѣдать

[1]) Въ ориг. *радимъ*.

во всей вашей странѣ бесурманьской. Только пошедъ, скажите пашамъ вашимъ, чего имъ отъ насъ хочется изъ Азова-города? Или они пришли по наши сѣрые сипуны, то станетъ въ великую куплю. А какъ свѣдаютъ наши на Дону молодцы и придутъ на взысканіе головъ нашихъ, тогда не убѣжать вамъ будетъ во свою бусурманскую землю. Подите отъ Азова прочь и скажите пашамъ своимъ, почто оны пришли къ намъ; а мы вамъ добромъ Азова-города не сдадимъ; а вы времени своего не теряйте!»

И какъ голова отъиде отъ Азова прочь, и сказали пашамъ своимъ, что ихъ казаки бранятъ, Азова-города добромъ не сдадутъ, тогда паша войску повелѣ вовсе готовитися на *приступъ* ко Азову-городу. И пошли напередъ войска: 2 полка нѣмецкихъ съ полками солдатскими, и за ними вся орда, и кафимскіе мужики на взятье Азова города. И тутъ пошла у нихъ стрѣльба у всего войска, и отъ той стрѣльбы стала гроза великая, что намъ, казакамъ, нельзя вонъ выйти. И тогда турки пришли подъ стѣну, и стали они по стѣнамъ городскимъ приставливать и обухами прибивать лѣствицы. Тогда поднялся тутъ великій дымъ; и тогда у насъ на томъ приступномъ мѣстѣ 12 пушекъ набиты дробью; и убили мы у нихъ 12 головъ янычерскихъ и двухъ полковниковъ нѣмецкихъ съ полками солдатскими. И вышли мы, казаки, на высоту, и взяли у нихъ знамя большое съ клеймомъ турецкимъ, да взяли у нихъ пашу перваго. А на томъ мѣстѣ день бились до вечера; а на первомъ нощномъ часу турки пошли въ таборы свои; а мы всю ночь смѣчали, многоль войска побито: и побито у нихъ 9000 человѣкъ, окромѣ кафимскихъ мужиковъ, а тѣмъ и смѣты нѣтъ. А изъ утра прислали турки подъ Азовъ-городъ толмачей своихъ. Толмачи почали просить мертвыхъ тѣлесъ; а за всякое тѣло давали по золотому, а за начальныхъ давали по 12-ти, а за пашу давали что онъ потянетъ. И мы, казаки, о томъ отказали, что мы мертвыхъ тѣлъ никого не продаемъ: «возьмите вы ихъ даромъ, а впредь мертвыхъ тѣлъ купить не приходите. Это вамъ изъ Азова-города игрушка первая: только мы, молодцы, ружье свое прочистили. Не дорого намъ злато ваше, дорога намъ честь и слава молодеческая. Дадимъ мы про себя знать и вѣдать во всей

вашей странѣ басурманской! Турки же слова-то слышатъ, что имъ приступомъ Азова не взять;—и учали всѣмъ войскомъ своимъ гору рыть, и *ворыли* [1]) гору многимъ выше Азова-города, и хотятъ тою горою засыпать Азовъ-городъ и насъ, казаковъ, горькою смертію излучать.—И видимъ мы, казаки, промежь собою: «хорошо намъ, казакамъ, всѣмъ умирать въ полѣ, а не въ ямахъ. Помолимся мы, казаки, всемилостивому Спасу да Іоанну Предтечу и Николы чудотворцу!» И пошли изъ Азова-города вонъ и глагола другъ другу: «Умирать ли намъ или не умирать на полѣ?» И какъ мы взошли на ту высоку гору, и увидѣли насъ турки, что мы на нихъ идемъ, и закричали мы, казаки, единогласно: «Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!» И какъ турки то слово услышали изо устъ нашихъ, тогда побѣжали отъ той горы; а мы тутъ побили у нихъ многія тысящи, да взяли у нихъ 40 бочекъ пороху да 60 знаменъ походныхъ, и подкоповъ разрыли нѣсколько, и въ той горѣ одинъ подкопъ зажгли: и бросило ту гору на ихъ таборы; а мы возвратились въ Азовъ-городъ. И видимъ мы, казаки, что стоитъ надъ нами, казаками, милость Божія. И видятъ турки и вымышленники, что не взять Азова-города, и стали думать, и придумали *(совѣтъ)*, что имъ другую гору рыть. И когда стали рыть всѣмъ войскомъ своимъ, и въ 3 дня *ворыли* [2]) многимъ *выше* Азова-города; и поставили оны на той горы весь свой турецкій снарядъ и все свое войско, и учали стрѣлять по городу изъ всего снаряду, и стрѣляли 20 дней *безъотводно*. И разбили всю стѣну Азовскую до земли, только осталась церковь Іоанна Предтечи и Николы Чудотворца. А мы въ то время подѣлали покои земляные, подкопы въ полѣ отводны. А послѣ стрѣльбы они, турки, удумали, что намъ покою какъ во дни, такъ и въ нощи, покоя не дать; и учали оны приступать безотступно, и хотятъ насъ прямымъ боемъ взяти: днемъ приступаетъ 10,000, а въ нощи приступаетъ другое 10,000. Уже они приступъ чинятъ 14 дней толико же нощей, и бой чинятъ съ перемѣною; а мы стали быть люди одинакіе,

---

[1]) Рыть, значитъ на олонецкомъ подрѣчіи бросать; *ворыть гору*—накидать, насыпать гору.

[2]) Въ оригин. ошибочно *вырили*.

и дружина наша малая. И видимъ мы, казаки, смерть подъ собою горькую, что ста ихъ войско нечестивое. И собралися мы, бѣдные, къ Предтечеву и Николину образу, и стали мы умильно плакати: «Свѣтъ, государь Іоаннъ Предтеча и Никола Чудотворецъ! Чѣмъ мы васъ прогнѣвали? Вы намъ велѣли брать Азовъ-городъ, и мы по вашимъ словамъ и велѣніямъ разорили гнѣздо змѣиное, искоренили христіанскихъ душегубцевъ; а вы насъ выдаете роду невѣрному, басурманамъ проклятыимъ и смраднымъ *гемановъ*[1]). Стоимъ мы, бѣдные, за вѣру христіанскую». И стали прощаться: «Простите насъ, казаковъ, государь царь, великій князь Михайла Өедоровичъ, всея Россіи самодержецъ, и простите насъ патріархи вселенскіе, простите насъ всѣ православные христіане! Простите насъ моря синія и поля чистые, что мы, бѣдные, умираемъ въ пустыняхъ: уже у насъ не служатъ скорыя наши ноги, и отъ пороху не можемъ слова молвить». А до того несли мы постъ великъ и чистоту телѣсную. И турки у насъ спрашивали почасту: «Что у васъ выѣзжаютъ два юноша младые и сѣкутъ нашихъ турокъ на полы?» И мы имъ сказали, что то-де наши воеводы. А на первомъ приступѣ многіе изъ насъ искусные люди видѣли: у Предтечева образа слезы испущали. И мы то вѣдаемъ, что стоитъ милость Божія надъ нами. И послѣ искушенія мы, казаки, подняли честныя иконы на руки свои и пошли на прямой бой и на *поле*[2]) умирать. И какъ вышли изъ Азова-города на турокъ, и турки побѣжали отъ горы. А мы на томъ бою побили 7000 человѣкъ, а пушки и весь снарядъ загвоздили и покинули на той же горы, и воротились мы опять въ Азовъ-городъ. И видимъ мы, что стоитъ милость Божія надъ нами. И послѣ того приступу три дни къ намъ турки ко Азову не приходили; а мы въ то время отъ великаго труда отдохнули; а на четвертый день прислали турки толмачей своихъ. Толмачи-жъ пришедъ кликали насъ на сговоръ; а мы не можемъ и рѣчи говорить: головы наши не служатъ. Толмачи-жъ стали кидать на стрѣлахъ къ намъ ерлыки; а въ тѣхъ письмахъ пишутъ, чтобъ мы,

[1]) т.-е. демонамъ.
[2]) Въ оригин. *поля*.

казаки, отдали имъ, туркамъ, мѣсто Азовское и взяли-бъ на всякаго молодца по 300 златницъ; а насъ со всѣмъ животомъ отпущаютъ на тихій Донъ. И мы, казаки, ихъ въ томъ отказали. «Не дорого намъ ваше злато, дорога слава молодецкая. Дадимъ мы, казаки, про себя знать и вѣдать во всей вашей странѣ басурманской. Не на то мы въ Азовѣ сѣли, чтобъ вамъ, собакамъ, мѣсто Азовское опять выдать. Потомъ къ намъ не приходите на сговоръ: вѣдаемъ мы, что вамъ, собакамъ, всѣмъ отъ нашихъ рукъ побитымъ быть». Тогда толмачи прочь пошли. И послѣ того, спустя съ день времени, видимъ мы, казаки, по валу два мужа ходящихъ въ бѣлыхъ ризахъ, сѣдинами украшены, а съ ними жена въ бѣлыхъ ризахъ; а мы мнимъ быть Іоанну Предтечу и Николы Чудотворцу и пречистой Богородицы. А говорятъ они намъ, что *де* [1]) турки побѣжали и крымскій ханъ, и насъ, *казаковъ* за ними [2]) посылали. И мы кинулись на ихъ таборы: турки бѣгутъ, бѣгутъ многими дорогами. И мы ихъ поймали и стали ихъ пытать и спрашивать: «Отчего ваши турки бѣгаютъ многимъ путемъ?» И они намъ сказали: «Что де отъ сильнаго вашего Московскаго царства выставала грозная туча; и изъ той тучи выѣзжали 2 младые юноша и сѣкли нашихъ турокъ на полы». А потомъ мы, казаки, подняли мѣстныя иконы Іоанна Предтечи и Николы Чудотворца, и сами пошли на свой тихій Донъ, Азовское мѣсто оставили. А на Дону построили мы монастырь во имя Іоанна Предтечи да Николая Чудотворца. И въ той обители поставили мы атамана игуменомъ, и въ той же обители *скончалъ* [3]) жизнь свою. А потомъ намъ, казакамъ, память вѣчная, а туркамъ укоризна вѣчная.

(Изъ стар. рукописи, въ которой есть и лѣтописные отрывки.)

---

[1]) Въ ориг. *где*.
[2]) Въ ориг. казакамъ за нами.
[3]) Въ ориг. *скончали*.

3. ГИСТОРІЯ О АЗОВСКОМЪ ВЗЯТІИ И О ОСАДНОМЪ СѢДЕНІИ ОТЪ ТУРСКАГО ЦАРЯ АБРАГИМА ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ АТАМАНА НАУМА ВАСИЛЬЕВИЧА И ЕСАУЛА ИВАНА ЗЫБИНА СЪ ТОВАРИЩАМИ 1635 ГОДА.

Въ лѣто благочестиваго государя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи самодержца, собравшеся военное, великое количество, разныхъ сторонъ и городовъ, 500 человѣкъ, на тихомъ Дону, атаманъ у нихъ былъ родомъ Нижняго Ново-города, что на Волгѣ рѣкѣ. И въ нѣкое время Азовскій паша, по нашему воевода, изъ турецкихъ бояръ, отдаде въ замужество дочь свою за крымскаго хана, и нагрузивъ 4 бусы живота, и дочь свою съ симъ животомъ отпустилъ *вдонъ* по Дону въ городъ Крымъ къ хану... въ провожатые съ ней послалъ 700 человѣкъ. Въ то время услышали на Дону казаки, атаманъ съ товарищами, нача мыслити, какъ бы невѣсту крымскаго хана вполонъ взять и живота нажить. Сдѣлали струги легкія, есаулскія, собрались во единой кругъ и начали молитися святымъ образамъ Іоанну Предтечу и Николаю Чудотворцу и просить о совершеніи дѣла своего. И по молитвѣ собрашася казаковъ 400 человѣкъ пошли въ путь; а оставили на Дону 100 человѣкъ, да чернаго попа Серапіона, который къ нимъ пришелъ изъ Астрахани отъ архіепископа Макарія. Струги своя на себя взлегоша, шли до моря недѣлю и два дня, и пришедъ сташа въ камышникѣ тайно, и стояша пять дней, и не сташа у нихъ пищи, и отпусти атаманъ казакъ 10 человѣкъ въ степь, убить какихъ нибудь звѣрей на съѣденіе. Тогда казаки въ степи нашли двухъ татаръ, а кони у нихъ привязаны. Они взяша и приведоша ко атаману. Тогда атаманъ спросилъ татаръ: «Куда идете и откуда?» татары сказали: — «Идемъ отъ города Азова, для звѣринаго промыслу».—«А гдѣ же плывутъ паши вашего бусы?». Они рекоша: — «Заутра будутъ здѣсь.—И паки вопроси: «Много ли живота на бусахъ?» Отвѣща ему:—«Живота многое множество и провожатыхъ 700 человѣкъ». И повелѣ атаманъ съ татаръ главы срубить. Въ 3-й день изготовиша казаки своя легкія суда и сами вооружилися, ожидали бусовъ. И въ половину дня плывутъ бусы. Они же сѣдше въ легкія суда свои, и

плыша на нихъ прямо и вскочиша на бусы, татаръ всѣхъ порубиша, 700 человѣкъ, и, приставиша бусы къ берегу, выгрузили они животъ. И запретилъ атаманъ всѣмъ казакамъ, чтобы съ пашевою дочерью никто не сдѣлалъ безчестія и насилія, чаяше отъ паши турецкаго выкупу дочери скоро быть. И посла двухъ казаковъ на Донъ пригнать 300 коней. Казаки на Донъ пріѣхали, объявили, что помощію крестителя Господня и Предтечи Іоанна и Николая Чудотворца, поручилъ Богъ взять 4 буса съ дочерью паши, нѣсколько дѣвицъ и живота. Услыша казаки, прославиша Бога и угодниковъ Его. И скоро *скоими* (?) пріѣхаша животы, дѣвицъ и дочь на Донъ приведоша, и на Дону весь животъ разделиша.

Услыша о томъ Азовскій паша, что дочь его съ 25 дѣвицами, 4 буса и животъ, казаками взятъ, послаша на выкупъ злата, сребра, жемчуга, на 10,000 рублей. Казаки на выкупъ отдали и послали въ Астрахань весъ турецкой животъ смѣнять на русскій товаръ, и привезоша оттуда на 30,000. И казаки отъ той татарской свадьбы обогатѣли и написали два образа (великія) во имя Іоанна Предтечи и Николая Чудотворца, и поставиша въ часовнѣ, и собралися во единый кругъ, и нача совѣтовать, какъ бы имъ Азовъ градъ взять: «Атаманъ Наумъ Васильевичъ и есаулъ Иванъ Ѳедоровичъ! Сдѣлаемъ 130 телѣгъ, положимъ товаровъ по малу числу, а въ 30 телѣгъ посадимъ казаки по 4 человѣка съ ружьями и съ русскимъ товаромъ». И похвалиша совѣтъ казаки, и рекоша: «Все да будетъ тако».

И сдѣлаша 30 телѣгъ и положили по 4 человѣка казаковъ и по малу русскихъ товаровъ, и рекоша вси: «Помощію Божіею и молитвами Іоанна Предтечи и Николая Чудотворца». И рекоша: «Или возмемъ Азовъ городъ, или въ немъ останемся». И начаша молитвовати, а потомъ взяша честныя иконы и шли до камышника и, не доходя за день до Азова, становились и зачали думать. И печалится атаманъ, видя ихъ печальныхъ, и рече: «Не думайте: заутра намъ Богъ поможетъ взять Азовъ городъ». И повелѣ лечь въ телѣги по 4 казака, со оружіемъ: «И какъ будетъ время, будьте готовы». Увезоша ихъ съ товарами всякими, приставилъ къ телѣгѣ по человѣку, а 300 человѣкъ убралъ въ нѣмецкое купецкое платье.—И написалъ листъ

къ Азовскому пашѣ. Въ листе пишетъ: «Изъ Астраханскаго царства отпущены товары съ торговыми людьми въ турецкую землю, въ городъ Азовъ»; и казаки другими именами названы; о товарѣ нѣсколько тысячь выпись объявили; таможенный отпускъ за печатью атаманъ руку приложилъ; и противо того точную копію написалъ. И въ самую полночь пошли со всѣмъ обозомъ къ Азову, и стрѣтили ихъ 6 человѣкъ татаръ, спросили: «куда ѣдете, откуда и съ чемъ?» Они сказали: — «Изъ Астрахани, купцы съ товарами, ѣдемъ въ Азовъ-городъ». — И повелѣ атаманъ всему обозу остановиться и даша тѣмъ людямъ по 3 бѣлки. Тогда оные взяша бѣлки, поѣхали въ Азовъ, объявиша Пашѣ, что ѣхавшимъ намъ на ловлю, встретился великой обозъ русскихъ людей, до 100 или болѣе возовъ, называются изъ Астраханскаго царства торговые люди, а товары у нихъ русскіе, и на нашу руку есть; а сказываютъ въ Азовъ везутъ. Паша, слыша отъ своихъ татаръ про торговыхъ людей, послалъ 8 человѣкъ осмотрѣть товаръ, и татара, пріѣхавшимъ казакамъ, велѣли стать къ городовой стѣнкѣ, и вопросиша: «Какіе люди и откуду?» Казаки сказа, что люди торговые изъ Астрахани. Потомъ спросиша: «Есть ли у васъ письмо отъ вашего воеводы, и какой у васъ товаръ продать?» Тогда атаманъ велѣлъ развязать 10 возовъ, открыша товаръ: котлы, порохъ, свинецъ, укладъ, холстъ, сукна добрыя, соболи, лисицы, бѣлки. Видѣша турки и татара, и вопросиша: «Во всѣхъ ли возахъ такой товаръ?» Атаманъ рече: — «Въ двухъ возахъ есть такой товаръ: пашѣ вашему и коменданту подарки; развязать же ихъ теперь нельзя, а заутро сами принесемъ.— И подариша смотрителямъ по лисицѣ, а турокъ по 6 паръ бѣлокъ. Тогда они все поведа подробно пашѣ, и вопроси паша: «Есть ли у нихъ листъ отъ тамошняго воеводы, и по какой цѣнѣ такіе товары продаются?» Турки отвѣща: — «Заутро сами вашему величеству принесутъ и драгіе для васъ подарки въ возахъ: намъ не развязываютъ». — Паша, слыша, что у нихъ есть драгіе подарки, и скоро торговыхъ людей велѣлъ въ городъ пустить. Турки и татаре показаша пашѣ, что торговые люди подарили имъ по одной лисицѣ. Паша, видя подарки цѣною по 5 рублевъ, и мысля: «А меня де подарятъ завтра драгими подарками». Казаки на за-

хожденіи солнца въѣхаша въ Азовъ-градъ, и заставляша ихъ турки носити товары въ лавки. Казаки рекоша: «Просимъ до утрія: товары осмотримъ, припишемъ, иной просушимъ: тогда въ лавку сносимъ». И начаша варити яству, и пріидоша отъ паши, и рекоша: «Поидите, хозяева, къ нашему пашѣ, съ писменнымъ видомъ». Атаманъ съ лутшими 4 человѣками, пришедъ къ пашѣ, поклонися и даша листъ. Паша принялъ, распечаталъ, прочелъ и спросилъ: «Есть ли тамошняя выпись?» Атаманъ выпись показалъ, сколько товару, на сколько тысячь. Посмотря выпись, отдалъ торговымъ людямъ, а листъ къ себѣ взялъ. Тогда атаманъ вынялъ изъ мѣшка три сороки соболей, подарилъ пашу. Паша принялъ и честь имъ отдалъ, отпустилъ ихъ до утра. И какъ вышелъ атаманъ съ товарищи и рече слугѣ пашеву: «Заутро принесу къ нему драгіе подарки: чтобъ у возовъ нашихъ караула не было, понеже мы опасныхъ людей сего града не боимся». Слуга же о семъ возвѣсти пашѣ. Тогда паша повелѣлъ у торговыхъ людей караула стояти. Казаки же, сваря яствы и нача ясти, и по съѣденіи затворили врата на запоръ,—и мало казаки приумолкнули, потомъ велѣлъ атаманъ развязывать, и выпустили изъ телегъ 400 человѣкъ. И начали ясти, и по яденіи созва атаманъ во единой кругъ, и рече имъ: «Какъ изъ гостинаго двора выйдите и нарозно разыдетесь, и ни которая часть назадъ не отступать и не выдавать». А самъ атаманъ пошелъ къ пашѣ ко двору и другія мѣста, и у возовъ оставили чернаго попа, Серапіона, да съ нимъ 10 человѣкъ казаковъ, дабы молились Богу и угодникамъ Его Іоанну Предтечу и Николаю Чудотворцу. И какъ пошли съ гостиннаго двора и закричали громкимъ гласомъ, и почали на караулахъ рубить турокъ и татаръ, и раставили къ вратамъ свои караулы, а атаманъ у паши главу своею рукою ссѣкъ. А какъ услышали турки и татара голосъ русскихъ людей, вышедше изъ дворовъ своихъ безоружны, а иные же съ ружьями,— казаки же рубятъ и колютъ копьями, аки овецъ, и разыдошася по всему Азову и рубили съ полуночи и до бѣла свѣту. И видя турки-татара, что ихъ много убито, прятались, гдѣ кто могъ, но и тутъ сыскивали и побивали, а женщинъ молодыхъ и дѣвокъ въ полонъ брали. И повелѣ атаманъ трупы мертвыя въ

море метать; а плѣнныхъ женъ, дѣвокъ и малыхъ робятъ, собрано числомъ 15000; и жита собрали со всѣхъ домовъ и наклаша великіе груды. И по дѣлежу досталось на казака по 2 тысящи рублевъ и по три человѣка, по 4 коня. И взявъ съ собою святыя иконы, и несоша по средѣ града со псалмопеніемъ, и украсиша ихъ сребромъ и златомъ, и обложили церковь во имя святыхъ Іоанна Предтечи и Николая Чудотворца. Атаманъ раздаде казакамъ домы и начаша жити и Бога молити, и создаша церковь деревянную. И послали казаки отъ воинства трехъ человѣкъ въ Астрахань, къ архіерею Макарію съ писаніемъ, чтобы далъ имъ архимандрита, попа, діякона бѣлаго на освященіе Божьей церкви. Архимандритъ даде имъ грамоту, діякона, попа, освятивъ церковь. И многіе казаки на турчанкахъ поженились и въ крещенную вѣру привели. И прославися о семъ въ русскихъ городахъ. Многіе люди приходили къ нимъ, и собралося къ казакамъ въ Азовъ 15,000 человѣкъ.

И прослыша о томъ царь турецкій Абрагимъ, что Донскіе казаки Азовъ взяли; (собра?) свои великія паши и старшины, полковники, повѣда имъ, что Азовъ взяли Донскіе казаки и людей въ немъ побили. И нача Абрагимъ думу думати, какъ бы Азовъ взять, а казаковъ вырубить всѣхъ. И рекоша ему паши царю Абрагиму, чтобъ казаковъ вырубить, дабы они тебѣ, царю, не смѣялися. Въ лѣто 1140 [1]), царь Абрагимъ турецкой посовѣтоваша со своими пашами, повелѣлъ отъ себя указъ послать, во все области, въ 12 земель, къ королямъ и пашамъ, сбирать силу скоро. Паша же разослалъ указы, чтобы всякъ съ собою со своею силою шелъ къ царю Абрагиму, понеже хочетъ самъ царь итьти на взятіе града Азова. Паши же и короли собирали силу ровно въ 4 года, и собралося силы въ Царь-градъ къ царю Абрагиму безчисленное множество, а именно: съ турецкимъ царемъ Абрагимомъ разныхъ земель, первые — турки, вторые — нѣмцы, третьи — черкасы, четвертые — серпы, пятые — арапы, шестые — мошаны, седьмые — буданы, осмые—бошняки, девятые—арнауты, десятые—полохи (волохи?),

---

[1]) Надо разумѣть 7140 годъ, т.-е. 1632 отъ Р. Х.—*Ред.*

11-е — мулчаны, 12 — татара. И повеле царь Абрагимъ войску своему выдать денежное жалованье, а потомъ учреждати полки. И пошелъ царь Абрагимъ изъ Царя-града со своею силою на пять городовъ, а впереди шли великія четыре паша и несли знамя. На одномъ написана персона царя Абрагима турецкаго по атласу бѣлому, златомъ и сребромъ вышито. И за тѣми паши шла конница многая, и князья, и бояре, числомъ 5000, въ разномъ одѣяніи украшены златомъ и сребромъ, украшена въ бархатѣ и атласѣ. А за тѣмъ войскомъ шли старшіе 100 человѣкъ. У всякаго паши вполи было по 900 человѣкъ; а за ими шелъ крымскій царь, старшій, со своей силой, за имъ идутъ 20 пашей; у всякаго паши по 1000 человѣкъ. За ними идутъ 50 полковниковъ, у всякаго полковника по 2000 человѣкъ. За нимъ (ними?) идутъ 20 пашей, у всякаго паши по 9 головъ, у всякой головы по 12000 человѣкъ; да пѣхоты турецкой 500 полковниковъ, у всякаго паши въ полку по 2000 человѣкъ. А за ними идетъ пѣхота арапской земли 200 полковниковъ, у всякаго въ полку по 2000 человѣкъ; а за ними шло горскихъ черкасовъ 4000 человѣкъ; а за ними идутъ два полка немѣцкія земли, а въ нихъ 60000 человѣкъ со всякимъ огненнымъ снарядомъ. И не дошедъ царь Абрагимъ, пятаго года за день августа 3 дня, въ обѣдѣ, и сталъ близь рѣки Сепны и послалъ скорыхъ гонцовъ къ Азову граду; и гонцы пріѣхали къ Азову, и стали въ полуденную сторону Азова. И какъ казаки гонцовъ увидѣли съ наугольныхъ башенъ и хотѣли по нихъ палить изъ пушекъ; но одинъ казакъ не велѣлъ палить и сказалъ атаману, что живутъ въ полѣ не знаемые люди. Атаманъ посла 30 человѣкъ осмотрѣть, какіе люди въ степи ѣздятъ. Татаре же объявили, что ѣдемъ мы къ вамъ: царь турецкій Абрагимъ съ силою смѣты нѣту велѣлъ вамъ объявить, вытьти въ встрѣчу: винность ему принести. И грамоту казакамъ даша. Казаки же сказаша:— «Винности ему не принесемъ, Азовъ не отдадимъ»—и 7 человѣкъ убиша, и 3-хъ живыхъ пустили. И пришедъ къ царю Абрагиму, сказаша вся бывшая съ ними. Возъярися царь, повелѣ въ подъемные бубны бить, и самъ пойде подъ Азовъ со всею силою августа въ 6 день. Не дошедъ Азова за три версты въ полуденную сторону, и заняли тамъ своимъ войскомъ всѣ Азовскія поля

и однемъ часомъ стали люди многи. И отъ силы турецкія, отъ рысканія конскаго, земля подъ Азовомъ подогнулась, а изъ Дону рѣки вода на берегахъ оказалась. Турки поставили полатки многія, и казаки посмотрятъ съ высоты града: но только конца войска не видать. Задняя сила собиралась въ 2 дни. Въ 3-й день Азовскую степь все палатками, а не цвѣтами украсили. Уредивъ полки, конница выступила, а потоля и пѣхота распустила знамена, нача въ литавры бить, во всѣхъ концахъ, и учали со всего снаряду по Азову бить. И отъ стрѣлянія на Азовѣ башенные верхи попадали, и крѣпости башенныя порушились. Подобно быть тогда грозы небесной, молнія и страшный громъ съ небеси, и отъ стрѣльбы ихъ непрестанно стоялъ огонь и дымъ; и бысть тма пregустая, наступило дивно и несказано ихъ бусурманскій приходъ былъ видѣти и уму человѣческому непостижимо. И становилися отъ Азова за полверсты, и ударили въ бубны и въ трубы, и пошли приступомъ къ Ачакову. Казаки, видѣвъ, вооружилися и стали думу думать, и утвердились Азова не отдавать и не сдаваться на ласковыя турецкія слова. Спустя два дни, пошли турки на приступъ и на передъ два полка нѣмецкіе; за ними шло 12000 въ панцыряхъ и въ кончедалахъ, препоясаны поясмы златыми, въ рукахъ турецкія пищали; за ними 20 человѣкъ янычаръ, у всякой головы въ полку по 12000 человѣкъ. Тогда казаки смотря: отъ Дону и синяго моря войской и солдатской строй стоитъ; потомъ шла сила крымскаго царя, 12 пашей, у всякаго въ полку по 1000; за ними 500 полковниковъ, у всякаго полковника по 2000; за ними шла турецкая сила 50 полковниковъ, у всякаго въ полку по 1000 человѣкъ, да полевыхъ 5000 человѣкъ, пушекъ 13000; за нею идетъ арапскоі земли 20 полковниковъ, у всякаго въ полку по 3000 человѣкъ, да горскихъ черкасовъ 50000... всей (все) силы турецкія. И обступили Азовъ на обѣ стороны. И того-жъ дня на вечерѣ, какъ пришли турки, и прислали подъ городъ двухъ человѣкъ янычаръ съ словомъ отъ царя турецкаго Абрагима: «Казаки вы добрые и храбрые молодцы! Ваша дружина, сосѣди наши ближніе, казачество волное, войско свирепое, молодешь избранная, людіе Божіе, Царя небеснаго! Не кемъ въ пустыни видѣмые, яко орлы порящіе, безъ страху по воздуху летаете, и яко львы свирепые въ пустыняхъ рыс-

каемые, непостоянные нравы, пустынные жители, разбойники нещадные, несытыя ваши очи, неполныя ваши чрева! Кому приносите вы обиду такую, что на великую десницу, на царя турецкаго, вы богатыри русскіе нарицаетесь. Государь нынѣ васъ можетъ избавить отъ руки сильныя: прогневали вы его весма Салтанское величество, убили вы въ Азовѣ любимаго пашу его и взяли славный Азовъ: тѣмъ вы положили на себя имя звѣриное, прогневали вы его величество, разлучили его съ корабельнымъ пристанищемъ, не дасте проходъ кораблямъ торговымъ. Ожидайте вы царя турецкаго: въ ночь сію выходите и золото несите съ тобою, и мы ни чѣмъ васъ не тронемъ. А естьли вы сейчасъ вонъ не выйдите, то сможемъ васъ живыхъ видѣти, и кто васъ, злодѣевъ, можетъ укрыть отъ руки его: нѣтъ ему равна, никотораго возраста, только повиненъ единому Богу небесному, и единъ только стражъ гроба Божія, понеже повелѣлъ ему Богъ, отъ всѣхъ царей, великимъ государемъ, царемъ восточнымъ быть. И турки никогда не боятся вашихъ казаковъ, воровъ и разбойниковъ, а кровь ваша ему не дорога. И прислалъ къ вамъ султанъ, чтобы вы добромъ, безъ кровопролитія, помирилися. Сдайте намъ Азовъ-градъ и напишите повинную: царь нашъ проститъ васъ. А ежели вы города не сдадите и повинности не принесете, чрезъ цареву милость, то мы васъ, воровъ и разбойниковъ, поимаемъ, аки птицу, въ руки своя, и не будетъ вамъ выручки отъ царя Московскаго. А ежели хотите служить султанскому величеству, принесите главы повинныя,—тогда отпуститъ царь глупость вашу, и пожалуетъ васъ честью великою и обогатитъ богатства множествомъ, учинивъ васъ людьми честными, надѣнетъ платье златотканное, клеймы богатырскіе, и называть васъ станутъ: съ Дону славнаго, тихаго, казаки-богатыри, отъ востоку и до западу, за-то, что вы неустрашились и дождались къ себѣ, подъ городъ Азовъ, турецкаго царя сильнаго. И лутше бы вамъ Азовъ сдать, и его не трудить». Казаки, слышавъ, ни мало неустрашились, отвѣщали турецкимъ головамъ:—«Добрыя ваши рѣчи, да намъ неугодны. Азова мы вамъ не отдадимъ, повинной не пишемъ и силы царя вашего не боимся. Мы живемъ подъ высокою десницею государя, царя и великаго князя Михаилы Өеодоровича

всея Россіи, и готовы мы служить надъ вашими головами своими саблями вострыми. Гдѣ вашъ царь, Абрагимъ, умъ дѣвалъ? И вѣдомо вамъ, что съ насъ кофтаны даромъ ни кто не снималъ. А царь Абрагимъ, пришедъ съ наемными турецкими и нѣмецкими людьми, мы люди Божіе надѣемся на всевышняго Бога и на Матерь его пресвятую Богородицу и святыхъ угодниковъ Его, на всю братію товарищевъ Дону тихова. А царь вашъ, бѣшеная собака, сказывается Богомъ вышнимъ въ титлахъ: онъ, басурманъ, на Бога обнадежился». Слышавъ янычарскія головы отъ казаковъ досадныя слова, пересташа говорить и пошли во свои полатки и сказаша царю Абрагиму слышанное. Царь же, слышавъ слова досадныя, скричалъ громкимъ голосомъ: «О воры, Донскіе казаки, хвалитесь, мое такое величество и великое воинство саблями вырубить». Послалъ всѣ полки свои, чтобы крѣпко приступили и сего бы дня Азовъ взяли, а казаковъ бы до единаго вырубили. И въ 6 часовъ дни итти на приступъ къ Азову, и принесли подъ городъ лѣстницы, кирки, лопаты, великіе щиты. Потомъ турецкая орда нача перво палить изъ ломовыхъ пушекъ и стрѣлять изъ всего снаряду: казаки, отъ того дыму, не видятъ, по которымъ полкамъ палить. И поставиша лѣстницы на стѣны и стали кирками и лопатами разорять стѣну градскую, тогда турки на стѣны многія поскакаша. Казаки, видя турокъ много, единогласно скричали, начали рубить турокъ, и бросать живыхъ со стѣнъ, и лѣстницы ломать, изо всего снаряда палить: и отъ того ихъ стрѣлянія полки мало отступили, казакамъ отраднѣе стало. Въ одномъ мѣстѣ, подъ стѣною, турки кирками и обухами стѣну ломаютъ, но казакамъ учинить съ ними нечего. Тогда сдѣлали оцепъ и тѣмъ хватали изъ подъ стѣны турокъ, и нахваташа 250 человѣкъ. Тогда турки изъ подъ стѣнъ въ полки свои ушли и объявили царю Абрагиму: и повелѣ царь приступить на крѣпко. И въ 5 часовъ дни начали турки изъ пушекъ, изо всего снаряду по городу стрѣлять и лѣстницы постановлять, и разбили Никольскую башню до половины, и на ту башню взошли турки и начали побивать казаковъ; и казаки, сразившися крѣпко съ турки, съ башни ихъ побили, знамя взяли и билися до вечера. На закатѣ солнца пошли турки въ

таборы, а казаки сосчитали турковъ убитыхъ 2300 человѣкъ и тѣхъ ихъ въ домъ (Донъ?) пометали, а въ ночь изготовили 64 ломовыя пушки и снарядили со снопомъ стрѣлъ, ломаными жеребьями и ядрами, полевыхъ пушекъ 70, изрядно зарядили и поставили по всемъ стѣнамъ Азовскимъ. И поимали татара 6 человѣкъ казаковъ, приведоша предъ царя. Царь испыта ихъ, рече: «Скажите, гдѣ сей нощи были?» Они отвѣща.—«Для промысла рыбной ловли».—И повелѣ ихъ испытать, не людей ли ихъ пришли осматривать. И биша ихъ довольно, тогда повѣдаша царю, что 5000 коней, находящихся на островѣ, отсюда 30 верстъ. Тогда, по повелѣнію царя, пригнаша кони къ царю, а казаковъ повелѣ царь казнить; но паши упросиша, чтобы казаковъ отдали на размѣну турокъ. Тогда царь повелѣ въ трубы играть и въ бубны бить, и, разрядивъ полки свои по чину, и напередъ послали казаковъ 6 человѣкъ, да 20 турокъ, да размѣнять на турки казаковъ. И казаки со стѣны рекоша туркамъ: «Отдайте нашихъ, а мы отдадимъ вашихъ турокъ, и положите ружья ваша». Тогда турки ружья пометали, а казаки вышли, своихъ взяли и турокъ увезли въ Азовъ и врата затворили. Турки увидѣша, что ихъ обманули, и начали приступать крѣпко и палиша изъ всего орудія непрестанно, а казаки изъ Азова стрѣляютъ и не могутъ за щитами доставать ихъ: турки одолеваху казаковъ. Тогда атаманъ повелѣ женамъ и дѣтямъ варъ варити въ большихъ котлахъ съ каломъ лошадинымъ и коровьимъ, и тѣмъ варомъ турокъ варить. И почали изъ ломовыхъ пушекъ палить, и видѣша турецкія паши и старшины, что сильныхъ много побили, отошли мало отъ града; потомъ приступиша къ стѣнамъ и бишася во весь день съ казаки, а въ 23 часу пошли турки въ таборы своя. И отъ тѣхъ приступовъ градская стѣна разбита во многихъ мѣстахъ, и у казаковъ пороху мало стало. И начали казаки полоненыхъ турокъ спрашивать, какъ хотятъ турки Азовъ взять и много ли силы было въ первый разъ. Тогда турки рекоша: въ первый день подвели подъ наугольную башню три подкопа и поставили по 2 бочки съ порохомъ и со свѣщами. Тогда казаки разрыша стѣну и выкопаша 6 бочекъ, увидиша, что свѣчи догараютъ. Тогда казаки бочки въ Азовъ вкатили, свѣчи пога-

сили, и пустили подъ башню водяной подводъ и потопили турецкіе лагери и шатры. Видя турки, что вода подступила, не знаютъ откуда; разсвѣтающу дню увидя, что изъ подъ наугольной башни. И не было приступу 3 дни, для того, что вода разлилася и ее засыпали землею и равняли мѣсто. Въ четвертую ночь собралось 20 казаковъ и нача прошаться у атамана, чтобы отпустилъ ихъ въ турецкое войско, для кражи оружія и знаменъ. Атаманъ запрещая и унимая ихъ, но не могъ удержать. Въ нощи же той поидоша изъ града, отъ Дону, комышникомъ и внидоша въ турецкое войско и видѣша турокъ спящихъ, и проидоша въ трехъ мѣстахъ стражей; и нача татара окликать,—казаки отвѣща по турецки; и пріидоша къ четвертой стражѣ и близь турецкаго царя Абрагима, видѣша на караулѣ одного не спяща, и нача турки окликать казаковъ, а они назвались турецкими людьми и захватили платкомъ часовому тому гортань, обвѣртеша въ коверъ и бросили на сторону. Паши же отъ царя слышаху, велѣли бить тревогу и въ трубы трубить, и раздѣлили войско и пошли на приступъ къ Азову, и начали съ мудростію приступати, и выкопали близь Азова шанцы и непрестанно бились трои сутки. И было отъ турокъ въ тѣ дни 36 приступовъ, и разбили азовскую стѣну до половины, а силы у турокъ пало въ тѣ приступы 4000. На четвертый день турки отступили и пошли. И видя царь Абрагимъ, что Азова не взяли, и велми печаленъ, и отъ того царь не могъ стоять въ шатрахъ своихъ, дабы того не учинили, что и крымскому царю. И въ полночь царь Абрагимъ вышелъ изъ шатра и дѣлилъ всякому человѣку по три снопа травы камышнику, велѣлъ связывать и обнести вокругъ Азова и зажечь. И загорешася велми жарко, и отъ того жара нападе на казаковъ страхъ и трепетъ, и бысть отъ того пламя жаръ великъ, и новопостроенная въ Азовѣ церковь сгорѣла. А турки изъ пушекъ начаша стрѣлять, и бысть день, аки нощь; казаки же за церковь Божію возъярилися и вышли къ морю въ собраніи 300 человѣкъ, съ ружьемъ, копьи и саблями, пустилися все водою, и начали турокъ сѣчь и колоть; турки же видѣша, а не знаютъ, откуда тѣ люди, яко изъ огня выскочили, и побѣжали въ таборы свои; казаки же много ихъ побиша, а иныхъ

въ полонъ взяша, да отняли 30 бочекъ съ порохомъ, 20 пушекъ и 40 знаменъ, въ полонъ взяша пашей—129, старшихъ—190, янычаръ—90 и самаго пашу, при немъ знамя персоны царя Абрагима турецкаго. И пріидоша съ полоненными въ Азовъ, а турки въ свои таборы; и начли силы побитой 58000, и написаша имена казаки полоненныхъ всѣхъ, и стрѣлиша въ таборы турецкіе. Турки, вземь стрѣлу, принесли къ царю Абрагиму, и прочелъ царь: видя имена своихъ пашей старшихъ, прослезился, и на выкупъ послаша царь съ пашами злата довольное число. И пришли паши къ Азову и начали говорить казакамъ: «Тихова Дону казаки, люди вольные! Милость вамъ и здравіе прислалъ нашъ царь Абрагимъ. Отдайте нашихъ людей, сколько есть, и берите казны за нихъ сколько надобно». Тогда казаки уговорилися за каждаго янычара взять по 60 златыхъ, за пашу по 100, за старшихъ по 300, а за начальнаго пашу, сколько онъ на вѣсъ потянетъ, столько и червонныхъ взяша; а ихъ людей всѣхъ отдали и почали надъ турками смѣятись, сказаша: «Подите, турки, царю своему скажите, что у насъ, у казаковъ, первая потѣха съ нимъ только: лишь мы ружья прочистили. А сколько вамъ подъ Азовомъ не стоять, а Азова города не взять». Паши же, пришедъ къ царю Абрагиму, возвѣщаша глаголы ихъ подробну. Тогда царь Абрагимъ зѣло озлился отъ множества потерянія своей силы и повелѣлъ къ себѣ всѣмъ пашамъ на совѣтъ быть. И рече царь: «Како, что сотворимъ симъ ворамъ, донскимъ собакамъ? Азъ бо и самъ царь здѣсь, не могу ни чего сотворить имъ: повѣдайте?» Паши же ничего ему отвѣщаху; но единъ, отъ крымскаго царя, рече: «Послушай, царю Абрагиме, моихъ словесъ: повели всему воинству подъ городомъ валъ великій земляной вести, съ гору великую, и тою землею Азовъ засыпати». Царь же Абрагимъ похвалиша совѣтъ его и подариша его драгими подарками. По утру же, разсвѣтающу дню, августа 11 дня, начали въ полкахъ въ бубны быть, и въ трубы трубить; и тогда турки, не дошедъ Азова, начали землю въ одно мѣсто носить и наносиша выше Азова. Атаманъ же, видѣвъ сіе дѣло, повелѣлъ изъ подъ стѣнъ Азова поставить съ порохомъ бочки и свѣщи пріуготовить; а сами, видя скорую смерть свою, начали

молиться образамъ святымъ, дабы Господь Богъ избавилъ отъ скорой смерти: и въ 1 часу ночи взорвало три подкопа, и насыпанную гору подняло на турецкое воинство. То увидѣша казаки изъ Азова и начали турокъ многихъ въ полонъ брать; и побѣжала турецкая конница, не могли казаки противъ турокъ стоять, понеже конница въ доспѣхахъ крѣпкихъ; и ухватили у казаковъ три человѣка и Есаула Зыбина, увезли въ свои таборы; казаки же гналися за ними и не могли отбить, пришедъ въ Азовъ въ полонъ привезли 500 человѣкъ. Атаманъ и казаки, всѣ сожалѣя объ есаулѣ, и рекоша: «Что уже дѣлать». И когда есаула привели къ царю Абрагиму, скочилъ онъ съ мѣста и ударилъ его скипетромъ и глаголаша старшимъ своимъ: «Не волкъ ли сѣрой полевой и не атаманъ ли собачій Донской». Паши же рекоша, кои были въ плену:—«Сей есть есаулъ».—Тогда царь рече: «Почто вы, воры, наступиша на десницу мою великую,—взяли вы Азовъ градъ и побили въ немъ всю силу мою, и добрыхъ головъ погубиша, и хощите противу меня устоять, и много пакости въ полкахъ моихъ учинили въ ночное время, убили крымскаго царя, Старчея$_1$ и еще же мнѣ посмѣялися?» Есаулъ Иванъ Зыбинъ, видя отъ царя смерть предъ собою и рече:—«Великій царь! многая головы нами побиты, и хотя бы и ты самъ попался, то изрубя твое тѣло по частямъ, разбросали бы по чистому полю».—Царь же на сіе разъярися и повелѣ привязати къ хвосту коня свирѣпаго и гоняти почисту полю. И разбиша тѣло его на части, и привезоша татаринъ къ Азову и вскричалъ: «Возмите казака своего, Ивана Зыбина, есаула своего!» Казаки же взяше тѣло есаулово, отдали женѣ его; коня же того убили, а татаринъ убѣжа въ свои таборы. Жена же есаулова, обмывъ мужа своего, горко плакала съ сыномъ своимъ, упоминая: «Другъ мой родимый! почто оставилъ меня, сироту, съ двумя дѣтищами? Кто насъ будетъ поить-кормить? И если бы ведала смерть твою, и я бы въ замужество не обязалася и не крестилася, и такой бы мнѣ печали не было». Ко утру же турки сосчитали побитой своей (подразум. силы): начли 8000. Августа въ 15 день послалъ царь къ Азову пашей старшихъ своихъ, и съ ними листъ далъ, кой отстрѣлилп въ городъ. Казаки же нача листъ читать, и пишетъ: «Войску Дона

тихова, Азовскимъ казакамъ, миръ и здравіе! Вѣдомо буди, хочетъ турецкій царь со своею силою во свое царство отъитти: и вы напишите мировую и пришлите къ царю Абрагиму, а полонъ между нами размѣняемъ; и что вы побили силы многія тысячи, въ томъ мы васъ прощаемъ, и учнемъ жить въ тишинѣ, въ совѣтѣ, и будите сосѣди наши ближніе». Казаки рекоша: «Дайте намъ до утра подумати: пришлемъ мы вамъ мировую со своими людьми».—По утру же казаки посовѣтоваша, и повелѣ атаманъ полоненныхъ всѣхъ побити, тѣло ихъ пометаша въ море. И пришедъ отъ царя паши, и начали просить отъ казаковъ мировыя письма, тогда казаки сказаша: «Вы хотите насъ, какъ воробьевъ, на мякинѣ проманута, Азовъ обманомъ взять. Скажите царю своему, что мировыхъ писемъ не пишемъ, да и миру у насъ не будетъ, и плѣнныхъ на размѣнъ не отдадимъ, и есть у насъ про ваше войско приготовлено 400 пушекъ: тотъ у насъ будетъ миръ». И такъ турецкіе паши поидоша со стыдомъ въ таборы свои и сказаша царю Абрагиму. Царь созва всѣхъ пашей начальниковъ и нача поить всякими винами всѣхъ и войско и глагола, чтобы въ сію ночь Азовъ городъ взяли; паши же обѣщаяся взять головами своими Азовъ. И какъ всѣ напились до-пьяна и заспаша крѣпко, тогда бывшіе у нихъ въ плѣну казаки, развязавшися, вышли изъ таборовъ турецкихъ, прибѣжали въ Азовъ и кричали, что мы, казаки, ушли изъ таборовъ; казаки же, услыша ихъ, скоро впустили въ городъ; они же сказа атаману и всѣмъ казакамъ, что въ сію ночь хотятъ пристать тихо со всѣмъ войскомъ, и хвалятся Азовъ взять, а насъ всѣхъ вырубить. Атаманъ же и казаки слышаху, повелѣ всѣмъ казакамъ съ ружьями по стѣнамъ стояти. Егда же бысть полночь, царь Абрагимъ повелѣ всему войску итти подъ Азовъ; егда же собралися турки и пріидоша царю, повѣдаша, что полоненныя нощію уидоша, турки же реша: Мы, великій царю, по твоему благодарствію, вчера быхомъ пьяны и невѣдаемъ, како казаки ушли, а скупа отъ нихъ невзяли; царь же прогнѣвася, велѣлъ стражей смертію казнить и войску на приступъ итти подъ Азовъ, и турки поидоша тихо. Казаки стерегоша турокъ; едва усмотрѣли идущихъ ко граду, и начали палить изъ пушекъ. Турки же крѣпко устремилися и хотятъ

Азовъ взять; и поставили къ стѣнамъ лѣстницы, по которымъ турки многіе на стѣну взошли. Увидѣли казаки турокъ на стѣнахъ града со знаменами и казаковъ со стѣнъ сбиваютъ; тогда казаки вскричали и начали турокъ побивати. И Господь Богъ помогая имъ, и на стѣнахъ градскихъ многое число побили молитвами Чудотворца, и день и ночь бишася. И бысть въ тѣ сутки отъ турокъ 43 приступа, и не могли Азова взять, и поидоша въ таборы своя и сосчитали силы убитыхъ 90,000, и слышавъ то царь, и бысть въ не умѣ, и созва пашей всѣхъ и рече имъ: «Заутра повелѣваю сдѣлать выше Азова земляную гору и на ней поставить весь пушечный снарядъ. И сдѣлаша оную гору и поставиша на ней весь пушечный снарядъ. Тогда турки начали палить съ того землянаго валу въ городъ изъ пушекъ безпрестанно,—и производиша пальбу 6 дней и 6 нощей, и стѣны азовской до половины разрушили. Казаки, видѣвъ отъ турокъ сильное нападеніе, и начали дѣлать для защиты земляные шанцы и скрылись въ нихъ съ женами и дѣтьми. Турки же въ городъ стрѣляютъ поперемѣнно, одни днемъ, а другіе нощію. Видитъ казачество, что смерть приходитъ, понеже всѣ казаки притомилися, а другіе ранены, и начали Господу Богу молитися, и обѣщалися, глаголюще: «Аще насъ Господь Богъ избавитъ отъ сей смерти, то мы въ Азовѣ жить не будемъ, и выидемъ на тихой Донъ Ивановичъ, и поставимъ монастырь во имя Іоанна Предтечи и Николая Чудотворца». Мало минуло время, начали турки кричать: «О казачество вольное! Кто у васъ выходитъ единъ, власы у него долгіе, а другой сѣдъ, гонятъ нашу силу турецкую?» Казаки же отвѣщаша: «То наши воеводы и начальники, заступники, гонятъ васъ проклятыхъ». Казаки же видѣша себѣ помощь Божію, наипаче крѣпко бишася, и велми утрудишася, покинувъ ружья на сырую землю, и сами начали прощатися. Видѣша жены казацкія, что казаки, пометавъ ружья, прощаются, восплакаше, бьющеся о землю, рвуще платіе свое, и бысть въ шанцахъ плачъ и вопль великій. Казаки, видя женъ своихъ плачущихъ и смотряще на дѣтей своихъ, заплакаша отъ горести сердца, нача прощатися: «Прости намъ, православный царь Михайла Ѳедоровичъ всея Россіи, простите митрополиты и архіепископы, архимандриты и игумены и всѣ

православные христіаны! Уже намъ по морю синему во легкихъ своихъ стружкахъ не ѣздить, въ зеленыхъ дубровахъ не гулять!» Для той казацкой печали того же дня воста отъ сѣверной страны туча, а изъ той тучи вышла дѣва Пречистая Богородица и съ ней множество прекрасныхъ юношей; и пришедъ дѣва прогна турокъ съ той ихъ горы; турки же видѣша, что гонимы быша изъ горы, другъ друга гнаша, и нападе на нихъ страхъ и трепетъ, и ослѣпи очи ихъ, и между собою начали сѣчися. И пришедъ пречистая Дѣва Богородица къ шатру злочестиваго царя Абрагима, и рече: «Почто, злочестивый царь, людей Божіихъ томиши? Да изыдеши отселѣ, дондеже смерть не умертвитъ всей странѣ». Видя царь турецкій пречистую Дѣву съ небесными силами, со всѣми ангелы и мученики, вострепета, слыша гласъ онъ, и отъ того часа Дѣва невидима бысть. Тогда царь турецкій Абрагимъ очувствовался, яко отъ сна возбудился, и сядѣ на свой конь и погна съ малыми людьми со всею темною областію въ турецкую землю.—И все его войско смятеся великимъ страхомъ и ужасомъ, и весь свой екипажъ турецкой оставили: и оружіе, и пушечный снарядъ, и побѣжа царь со стыдомъ. Казаки же ничего сего не знаютъ, что пречистая Дѣва Богородица мати Христа Бога нашего, сошедъ съ небеси, съ нею же ангельское воинство, и великій Іоаннъ Предтеча и угодникъ Христовъ Николай Чудотворецъ предсташа намъ, рабамъ грѣшнымъ, донскимъ казакамъ, побѣдиша, прогнаша турецкаго царя Абрагима и окаянную турецкую силу; и ожидая, сидючи казаки въ земляныхъ шанцахъ, страшнаго турецкаго приступу и скорой себѣ смерти, и начали въ разумъ входить и вышедъ изъ шанцевъ въ новопостроенную гору, и осмотрѣли турокъ, и не единаго не видя, и собрашася вкругъ, поидоша на гору, и видѣша казаки, силою Господнею и помощію угодниковъ, Іоанна Предтечи и Николая Чудотворца прогнаны быша турки, снидоша съ горы, пошедъ по степямъ, и видя Азовская степь трупами мертвыхъ тѣлъ наполнена, шатры, пушки и екипажъ весь, и множество коней въ камышникѣ хождаше, тогда весь богажъ и 500 пушекъ и довольно пороху въ Азовъ переправиша, начали молебствовать, потомъ весь турецкій животъ дѣлить. Живота досталось на каждаго человѣка

по 25 коней, златыми по 2000, жемчугу, атласу, бархату, шелку, поравну всѣмъ. И стали казаки совѣтовать, и вспомянули прежде свое обѣщаніе, чтобы не жить въ Азовѣ градѣ и ѣхать на тихій Донъ Ивановичъ, и построить тамъ монастырь, и взяша съ собою 800 полковыхъ пушекъ, идоша казаки 500 человѣкъ, кромѣ женъ и дѣтей, изъ Азова града, въ 12-й день октября. И созизда казаки, по обѣщанію своему, монастырь честной, во имя Крестителя Господня и Предтечи Іоанна, и угодника Христова Николая Чудотворца, и въ томъ монастырѣ построиша двѣ церкви деревянныя, и чернаго попа, ермонаха Серапіона, поставиша игуменомъ въ этомъ монастырѣ, по своему обѣщанію, пошли 20 казаковъ въ монашескій чинъ. И бысть тамо, на Дону, православная, донская обитель, и начаша казаки обитель распространять и надѣлять хлѣбомъ и солью. Потомъ атаманъ Наумъ Васильевичь, волное казачество, на тихомъ Дону лѣтъ живота своего 67 годъ съ миромъ ко Господу отдаде душу, и положиша казаки тѣло его во гробѣ честно, въ ново-созданномъ монастырѣ и оставиша пожитки ... уша поминовенія, въ томъ монастырѣ по душѣ его. О томъ Всемогущему Богу слава и держава, честь и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

Донскому казачеству, за храбрость молодецкую, похвала во вѣки.

(Со старинной рукописи.)

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ РУКОПИСИ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ

(Древлехран. Погодина, № 1631)

подъ заглавіемъ: „Исторія объ Азовскомъ взятіе и осадномъ сиденіе отъ Турскаго царя Брагима . . . . . 1635 г. [1]).

При дословномъ сходствѣ заглавія, повѣсть эта и по содержанію близко подходитъ къ болѣе пространной изъ двухъ, печатаемыхъ въ издаваемой теперь части нашего сборника; но она еще пространнѣе, и даже гораздо пространнѣе Рыбниковскаго пространнаго извода. Помѣтка въ концѣ рукописи указываетъ и на мѣстность, по крайней мѣрѣ не весьма далекую отъ той, гдѣ

[1]) Цифра поправлена черными чернилами поверхъ блѣдныхъ, какими писана рукопись; было же 1735. У цифры 5 тѣми же чернилами въ скобкахъ поставленъ вопросительный знакъ; и дѣйствительно, взятіе, какъ извѣстно, относится къ 1637 г., осажденіе же его Турками происходило въ 1644 году. (См. Истор. Соловьева, IX, 293, 296.)

составлялся сборникъ г. Рыбникова. Мѣстность эта—также *сѣверная:* „переписывалъ сію тетрадь Кольскій мещанинъ Василей Лоушкинъ 1825 года мѣсяца Марта числа 12"; а нѣсколько ниже: „Сентября 24 числа" (вѣроятно окончена).

Совершенно въ другомъ родѣ повѣсть объ Азовскихъ происшествіяхъ, находящаяся въ той же Публичной Библіотекѣ въ концѣ большаго сборника XVII столѣтія, значащагося въ описаніи рукописей Толстого подъ № 198 отдѣла I-го. Въ ней не замѣтно или почти не замѣтно народной стихіи, и въ этомъ отношеніи она близко подходитъ къ статьѣ „о градѣ Азовѣ, како взятъ", напечатанной въ лѣтописи о многихъ мятежахъ (изд. II, М. 1788, на стр. 346—353). Этою послѣднею, повидимому, пользовался Н. А. Полевой въ статьѣ своей: „взятіе Азова 1637 г.", помѣщенной въ „Московскомъ Телеграфѣ" 1827 г. (ч. XIII и XIV). Полевой, печатая только *отрывокъ*, источниковъ не указалъ—(см. примѣчаніе въ началѣ статьи): но по содержанію его разсказа видно, что въ числѣ этихъ источниковъ должны были быть и народно-поэтическіе.—Въ повѣствованіи—собственно *о взятіи* Азова—слѣдовалъ статьѣ Полевого и *Броневскій* въ своей „Исторіи Донскаго войска" (СПб. 1834 г., ч. I, стр. 117 и слѣд.). „Кромѣ книжки подъ заглавіемъ: „Древнія сказанія объ Азовѣ", говоритъ Броневскій, „гдѣ весьма кратко упомянуто о завоеваніи Азова, не отыскавъ на Дону иныхъ документовъ, относящихся къ столь знаменитому происшествію, описаніе г. Полеваго предпочелъ", и т. д. Что же касается *осаднаго сидѣнія отъ Турокъ*, то тутъ Броневскій прямо указываетъ вотъ на какой источникъ: „взято изъ рукописи за № 358, хранящейся въ библіотекѣ графа Ѳ. А. Толстагѳ: „Сказаніе объ Азовскомъ Сидѣніи".—(См. примѣч. на стр. 129). Нѣсколько же ниже (въ другомъ примѣчаніи) у Броневскаго говорится: „по многимъ, несогласнымъ между собою извѣстіямъ, Турки осаждали Азовъ съ 200, съ 240, и даже съ 300 тысячъ воиновъ, и болѣе . . . казаковъ же иные полагаютъ 1400 человѣкъ и 800 женъ". (Какія это такія *многія* извѣстія, авторъ въ точности не указываетъ). „Держась во всемъ, кромѣ похожаго на ложь, рукописнаго сказанія о сидѣніи въ Азовѣ, я перемѣнилъ число", и т. д. Изъ послѣднихъ словъ замѣтно, что Броневскій чувствовалъ громадную преувеличенность въ цифрахъ и иную разную ложь, что заставляетъ предполагать и въ упоминаемой имъ Толстовской рукописи болѣе „бояновыхъ замысловъ", чѣмъ „былинъ сего времени".—Къ крайнему сожалѣнію моему, я никакъ не могъ добраться до упомянутой Толстовской рукописи. Оказалось, что еще въ 1835 г. она была передана изъ Имп. Публич. Библіотеки въ Археографич. Комиссію; но, при всѣхъ поискахъ въ этой послѣдней, ея тамъ не оказалось. Насколько можно судить по передачѣ „сидѣнія" у Броневскаго, можно догадываться, что упомянутая рукопись подходитъ во многомъ къ краткому Рыбниковскому изводу.

Кромѣ приведенныхъ уже повѣстей объ Азовѣ, въ Москвѣ, въ Румянцевскомъ Музеумѣ, должна быть одна, значащаяся въ описаніи Востокова подъ № 378, л. 313. Не имѣлъ ли ея въ виду проф. С. М. Соловьевъ въ своемъ описаніи Азовскихъ событій въ IX т. Русской Исторіи?—при чемъ онъ, къ

сожалѣнію, не указываетъ источниковъ. Такое указаніе было бы тѣмъ болѣе важно, что между сказаніями объ Азовѣ, какъ видно изъ предыдущаго, оказываются и не вполнѣ *историческія*. Г. Соловьевъ, повидимому, признаетъ громадную цифру Турокъ: „Ибрагимъ I“, говоритъ онъ, „двинулъ подъ Азовъ 240000 войска . . . казаковъ въ городѣ было 5,367 мужчинъ и 800 женщинъ, которыхъ надобно считать, ибо и онѣ усердно помогали мужьямъ своимъ при защитѣ города; по другимъ извѣстіямъ осажденныхъ было 14000 мужчинъ и 800 женщинъ“ (стр. 296). Позволю себѣ обратить вниманіе на это неизмѣнное число 800 при измѣняющемся (смотря по источнику) числѣ мужчинъ, главнымъ же образомъ на несоразмѣрность въ этомъ числѣ 800 женъ при—хотя бы и только—5,367 мужьяхъ. Трудно послѣ этого предположить, чтобы это были дѣйствительно *жены казацкія*, выписанныя въ Азовъ съ Дону: если уже переселять ихъ оттуда, то почему же въ такомъ несоразмѣрно-ограниченномъ количествѣ? Невольно навязывается вопросъ, не попали ли эти 800 женъ въ историческіе труды и Броневскаго и Соловьева (у Полеваго число не приводится, но присутствіе женъ и помощь съ ихъ стороны мужьямъ у него налицо),— не попали ли онѣ сюда изъ источниковъ, не столько историческихъ, сколько *эпическихъ* [1])?

Погодинская рукопись, согласно съ пространнымъ Рыбниковскимъ пересказомъ, объясняетъ этихъ казацкихъ женъ такимъ образомъ: „многіе казаки (по взятіи Азова) на Турчанкахъ и поженились, вкрещеную вѣру приведоша“. Точно такъ же и въ концѣ статьи :„Взятіе Азова Донцами въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича“, напечатанной въ III кн. Чтеній Моск. Общ. Истор. и Др. за 1864 г. и во многомъ сходной съ начальною частью пространной Рыбниковской „Гисторіи“. (Къ сожалѣнію, въ „Чтеніяхъ“ не сказано, изъ какой рукописи взята эта статья; языкъ ея—весьма новый).

Обращеніе въ христіанство плѣнницъ и женитьба на нихъ—это эпическая черта, свойственная и западно-европейскимъ средневѣковымъ поэмамъ. Подъ этимъ же *замысломъ* поэтическимъ можетъ скрываться въ нашей *исторіи* та *быль*, что казаки оставили извѣстное число плѣнницъ въ живыхъ—съ извѣстнаго рода цѣлію...—При отношеніяхъ къ нимъ — далеко не *семейныхъ* — объяснилась бы и несоразмѣрность въ числѣ, едва ли объяснимая въ томъ случаѣ, ежели принимать переселеніе съ Дону казацкихъ *женъ*. При отношеньяхъ же къ женщинамъ, мною предполагаемымъ, помощь съ ихъ стороны казакамъ можетъ быть только вынужденною, плачъ же ихъ по *мужьямъ*-казакамъ—уже чисто эпическій *замыселъ*.

При сличеніи съ Погодинскою рукописью оказывается, что въ нашемъ пространномъ изводѣ есть важный пропускъ, на который намекается словами: „и видя царь Абрагимъ, что Азова не взяли (т.-е. Турки), и велми печаленъ, и отъ того царь не могъ стоять въ шатрахъ своихъ, дабы *того не учинили,*

---

[1]) Нѣтъ ли также эпическаго преувеличенія и въ томъ, что казаки, при взятіи Азова, истребили *всѣхъ* жителей, кромѣ Грековъ? (См. въ Истор. Соловьева стр. 294, внизу.)

что и Крымскому царю".—Что же такое учинилось съ этимъ послѣднимъ,—это объясняется, и весьма обстоятельно, въ Погодинской рукописи [1]). Послѣ словъ „захватиша гортань часовому... и бросиша на сторону",—въ Погодинской рукописи слѣдуетъ:

„И взяша казаки 6 знаменъ 75 болшею (?) стурецкимъ клеймомъ, отпахнувше полы у шатра и видеша 4 боярина спяща, а среди шатра столъ, а на столе свечи горятъ и сосуды златыя и сребренныя, и платье драгое висяще; казаки, забравъ сосуды и платье драгое, поидоша отъ шатровъ прочь, и идучи сняша знамена съ древковъ, дабы Турки не знали, и завидя Турки начаша ихъ окликать, они же сказаша, что отъ царя Брагима идемъ Крымскому царю сподарками, и караулщики чаяше что кпаши идутъ отъ царя Брагима спадарками, вслѣдъ намъ крычаху: почто идите не темъ путемъ къ царю Старчію? И егда казаки увидеша шатры царя Старчія, караулщики же окликаша насъ и мы сказали, что идемъ отъ царя Брагима кцарю Старчію, и дошли до шатровъ царя Старчія и увидеша два стража стояща и насъ окликаша, и видятъ у насъ врукахъ сосуды и драгое платье отъ царя Брагима, и захватиша у двухъ Татаръ платами гортани и чтобы не крычали, и заклаша ножемъ, и отвориша шатровъ полы и видеша на столе свечи горятъ а на одре царя Старчия спяща а привозглави его мечь висящъ, и похватиша мечь и отсекоша главу царю Старчію, и завертели главу водежду и взяли собою, и завертели вдрагое вцарьское платье, и поидоша исполковъ вонъ, и начаша на караулахъ окликать, и мы сказаху: идемъ отъ Старчія царя дозорщики, чтобы караулы крепки были. И вышли извойска вонъ, пошли камышниками и пришли ко граду за два часа и начаша со стенъ окликати. Они же реша: идемъ казачество волное есаулъ Иванъ Зыбинъ съ товарищи; и пришли ко вратамъ, казаки же прослышавъ отверзоша врата, они же пришедъ катаману Науму Васильеву, положиша предъ него сосуды и платье драгоцѣнное и развертеша главу отсеченную, атаманъ и вси казаки подивишася и рече: како нощью обходиша Турецкую силу... Поднесоша атаману три сосуда златыя и 2 сребреныя, онъ же у нихъ не взяше, и рече: не добро ми у васъ взяти сосуды, понеже вы головами своими вы браша (?), не вы бо ходиша, но рокъ васъноситъ (?), но яко Господь нашъ и пречистая Богородица и т. д. васъ защитили... И слышать, ажно въ табарахъ Турецкихъ удариша въ набаты и вбубны, и созва царь Брагимъ пашей и таншей и рече къ нимъ, что нощію у шатровъ его учинилося... и тотчасъ придоша Крымскаго царя паши со слезами: „царю Брагиме, всію нощъ пришли мы къ царю своему на поклонъ и видеша царя Старчія мертва и глава его отсечена, а кто сіе дело сотворилъ, того мы не знаемъ"...

Далѣе въ Погодинской рукописи напоминаетъ уже краткій Рыбниковскій изводъ слѣдующее предложеніе Турокъ и благородный отвѣтъ казаковъ:

---

[1]) Впрочемъ и въ пространномъ Рыбниковскомъ изводѣ имѣется болѣе ясный намекъ, но все-таки только *намекъ*: „и много пакости въ полкахъ моихъ учинили въ ночное время, *убили Крымскаго царя Старчея*" (слова Абрагима).

... „выдайте вы намъ пашей и таишей и янычанъ, сребро и злато себѣ берите, а ихъ живыхъ отдайте, а буде и за мертвыя тѣла похощете злата и сребра, дайте вы намъ тела собрать; казаки же реша кпашамъ: за живыхъ мы сребро возмемъ, *а за мертвыхъ не возмемъ; не честь не хвала молодецкая, что мертвыми торговать...* [1]).

Вотъ существеннѣйшія, дополнительныя къ Рыбниковскому пространному изводу, мѣста Погодинской рукописи. Сверхъ того въ ней есть отдѣльныя своеобразныя черты, то въ выраженіяхъ, то въ самыхъ подробностяхъ. Такъ, напримѣръ, при разсказѣ о полоненіи дочери паши Азовскаго:

... „дочь пашеву привезоша и *животъ весь раздуваниша*"... (вспомн. выраженье: дуванъ дуванили—въ былинахъ о татарскомъ полонѣ).

А вотъ варьянтъ къ стр. 261—2 нашей книги:

„Сказали атаману, что де ждутъ вполе незнаемыя люди, атаманъ же скоро выслалъ 30 человѣкъ да проведаютъ, какіе люди въ степи явились, казаки же выславъ въ поле, едущимъ же имъ и начаша луки натягиватъ, Татаре же побегоша, а сами закрычали, чтобъ не стреляли по нихъ, казаки же положиша въ налучники луки.... все шатры и палатки разставили, бѣлыми и красивыми цвѣтами всю азовскую степь украсили.... и распустили знамена свои аки цвѣтъ травной и поле зацвело, и начаша вполитавры бити и втрубы трубити во всѣхъ полкахъ, и отъ того ихъ игранія земля стоняше, и учали изо всего снаряду по Азову граду бити и отъ того ихъ стрѣлянія на Азовѣ городѣ з башенъ верхи попадали.... и мы, видя то, вооружилися, и послѣ той стрелбы пошли Турки к Азову на приступъ.... и мы вто время приужаснулися и стали крепкую думу думать.... и мы посмотрѣли—отъ Дону реки до моря тихаго синяго ихъ войско, что солдацкой строй, какъ маковъ цвѣтъ зацвелъ".—

Вотъ своеобразные обороты въ Турецкихъ угрозахъ:

„... буде не здадите, все сейчасъ живы не будите, хотя васъ 100000 сидитъ въ Азове, а нашей силы пришло и смету нѣтъ;—сколко на вашихъ головахъ волосъ, столко у васъ силы.... а какъ Азовъ возмемъ, то ваши головы саблями срубимъ и по чистому полю размечемъ, за то, что вы гордо наступили на десницу великую Брагима царя Турецкаго...."

А вотъ и особенности отвѣта казацкаго:

...„вы насъ призываете отъ пресветлыя державы православныя вѣры во тму кромешную къ царю Брагиму, и хвалите, что царь вашъ насъ пожалуетъ златомъ и сребромъ; то *не честь и не хвала молодецкая*, что вамъ покоритца, злато и сребро, и златое платье намъ не надобно... за насъ церковь святая молить будетъ, и буде васъ намъ казакамъ Богъ поручитъ и мы головы вашы срубимъ и на копья стычемъ и по чистому полю размечемъ и темъ вашимъ поганымъ трупіемъ накормимъ волковъ серыхъ, врановъ черныхъ, орловъ сизыхъ, понеже еще они зголоду помираютъ... [2]). Царь же, слышавъ отъ каза-

[1]) Это не только по языку, но и по духу напоминаетъ былины.

[2]) Съ этимъ мѣстомъ можно сравнить соотвѣтственное въ краткомъ Рыбниковскомъ изводѣ, на стр. 263—4.

ковъ, не могъ отъ ярости на месте усидеть, вскрыча громкимъ голосомъ: ой еси вы воры Донскіе казаки“...

Этихъ обращиковъ будетъ достаточно. Приношу мою искреннюю благодарность А. О. Бычкову за предоставленіе мнѣ права пользоваться Погодинскою рукописью, а равно и за другія его обязательныя указанія. Также благодарю за указанія различнаго рода К. Н. Бестужева-Рюмина, Л. Н. Майкова и А. А. Котляревскаго. (Ор. Миллеръ).

---

4. О СОЛНЦѢ.

вѣдомо буди, како сотворено, повелѣніемъ Божіимъ.

(Изъ книги Гранографъ).

Величество солнца больше л҃ поприщъ, видимо же мало есть, понеже отъ земли отстоитъ высоко. Одежда и вѣнецъ царскій на немъ, и Ангеловъ Господнихъ ѕ҃і тысящъ, по вся дни хождаху съ нимъ. И егда зайдетъ солнце на западъ, тогда ангелы Господни совлекаютъ съ него одежду тою и вѣнецъ царскій на престолѣ Господни, а у солнца остенутся по три ангела и снабдѣваютъ солнце. И далъ Богъ у҃ нагеловъ облачати солнце въ царскую одежду и вѣнецъ, и егда пойдетъ солнце отъ востока къ западу, тогда огненныя птицы нарицаемыя финиксы и ксалавъ, летаютъ передъ солнцемъ и омакаютъ крылія свои въ водѣ окѣянстей, и кропятъ ими солнце, да не попалитъ лучами своими. Отъ огня солнечьнаго и тѣмъ птицамъ періе обгораетъ, и бываютъ голи, яко оскорплени и паки куплются въ окѣанѣ, и обновляются. Того ради и петель пророкъ нарицается, имѣетъ подъ крылама своима перо бѣло инехъ птицъ. И егда солнце на западъ, тогда у петеля посвербитъ перо, когда же двигнутъ ангели Господни одежду и вѣнецъ отъ престола Господня, тогда пробуждается петель, поднимаетъ гласъ свой и плещетъ крылама своима а҃, проповѣдуетъ мирови воскресеніе и ангелъ правдѣ, в҃. подай светодавче Христе и посли свѣтъ твой всему міру. г҃. Христосъ животъ есть и вся совѣршаетъ, и такъ петель пѣснитъ до свѣта, творца своего величаетъ, праведнымъ радость возвѣщаетъ. Аминь.

---

5. ПОВѢСТЬ О ЦАРѢ, ЦАРИЦѢ, ОКЛЕВЕТАННОЙ МАЧЕХОЮ, И ДВУХЪ СЫНОВЬЯХЪ ЕЯ.

Въ этой рукописи начальнаго листа нѣтъ. Въ другой—того же содержанія—начинается такъ: «Бысть въ Палестинскихъ «странахъ, въ нѣкоемъ градѣ, великій царь, благочестивъ и «славенъ зѣло, имѣяше же у себѣ матерь; послѣ же той царь «сосла жену благочестиву и славну..... Мать царя....»

...не любяше ея, и мысляше всегда, во умѣ своемъ, навести на ню пакость и печешеся о томъ. По времени же нѣкоемъ благочестивая та родила чадъ своихъ: два сына близнеца. Царь же зѣло радостенъ бысть, ради рожденія чадъ своихъ, и воставъ иде въ церковь Божію съ вельможи своими, и нача молебная пѣнія свершати Господеви о благополучіи своемъ и о здравіи чадъ своихъ, и моляше Бога, а благодаряше Его радостно; мати же царева обрѣте тогда подобно время злобѣ своей, и наученіемъ вражіимъ нача смышляти, да наведетъ на царицу пагубу. Призва къ себѣ отъ царевы полаты мужа нѣкоего добродродна тѣломъ, и рече ему съ ласканіемъ: «Сотвори нынѣ повелѣнное мною, и азъ ти воздамъ честь велію, и сподоблю тя велика сана: только сохрани мною заповѣданная крѣпце». Онъ же рече: «Что есть, госпоже царице, хотѣніе твое?» Она же рече ему: «Иди нынѣ въ полату къ царицы, идѣже почиваетъ, и возляги съ нею на одрѣ». Онъ же рече: «Не могу сего не токмо сотворити, ни помыслити на таковое злое: аще царь увѣсть, что будетъ? Всяко убіетъ мя». Она же рече: «Не бойся, токмо послушай! Азъ тя избавлю отъ руки царевы, и не сотворитъ ти ничтоже зла: вѣси бо яко мощно ми есть. Послушай, сотвори волю мою: не вѣси, чимъ тя прославлю и почту». Онъ же велми отрицашеся, не хотя сотворити такова зла дѣла. Она же, злая ехидна, вельми нудяше мужа того, и прещаше ему смертію, аще не сотворитъ тако, и многими муками стращаше ему. Онъ же много отрицашеся и убояся, не можаше прещенія преслушати. Давъ ей слово таково сотворити. Она же возставъ скоро и веде его въ палату къ царицы, пред-

стоящимъ же дѣвамъ повелѣ отступити, и заповѣда имъ, да ничто же глаголютъ о приходѣ ея, прещаше имъ муками и смертію. И откры завѣсу, идѣже царица опочиваше по рожденіи младенцевъ: спяше бо крѣпце отъ истомленія и напоенія, и не чаяше прихода ихъ. Мати царева повелѣ ему возлещи къ царицѣ на одръ безъ гащѣ. Онъ же, послушавъ злыя тоя, и завистливыя, и лукавыя зміи матере царевы, по повелѣнію ея возлеже къ царицы на одръ безъ гащъ; а царицы же о семъ не вѣдущи ничтоже, и не разумѣ злохитрства свекры своея крѣпкаго ради сна; лукавая же ехидна и злокозненная змія, мати царева, въ то время изыде отъ царицы изъ палаты, и скоро иде въ церковь не по обычаю, яко же достоитъ. И пришедъ въ церковь не обычно, возгласи сыну своему царю: «Что тако радуешися и веселишися о рожденіи чадъ своихъ, и молебная благодарственно совершаеши; а не вѣси того, что твоя лукавая и льстивая прелюбодѣица царица нынѣ творитъ: возлежитъ на одрѣ съ рабомъ твоимъ и прелюбодѣйствуетъ, якоже обыче преже. И тыя младенцы рожденныя не твоего зачатія есть, но отъ онаго мужа любимца ея, иже нынѣ съ нею веселится, и подобаетъ бо ся ему; а она льститъ тебѣ по вся дни своими словесы и ласканьми. Ты же убо, яко простоумецъ, мниши ю вѣрну быти и любезну, мене же, матерь свою, презираеши и неемлеши вѣры рождьшей тя. Аще хощеши правду ея и мои глаголы истинно увѣдати, иди скоро въ ложницу и виждь лукавое твоея жены злое дѣйство, како тебѣ ругается и державѣ твоей: на лице льститъ и ласкаетъ, аки вѣрна, показуется тиха, благовѣрна, а по злодѣянію своему не токмо быти съ тобою во царствіи твоемъ, но ни жити достойна». Царь же, слышавъ сія глаголы отъ матери своея, ужасенъ бывъ и во измѣненіи, не дождався конца молебнаго пѣнія, скоро пойде изъ церкви съ ближними своими къ царицѣ своей въ палату, и пришедъ внезапу, и видѣ у нея раба своего ближняго, лежаща на одрѣ безъ гащъ. Наполнися ярости и ударивъ его мечомъ въ сердце и прободе; рабъ же той вельми взревѣвъ и умре. Царице же *всего сего* (?) соннѣй сущи, ничтоже невѣдущи, въскочи во ужасѣ велицѣ и трепетѣ, аще бо можно, дабы въ землю скрылась, да не мощно. Царицу свою повелѣ воврещи

въ темницу и съ чады ея, ничтоже ей о томъ вѣдущу, и много время пребысть въ темнице, блюдома и съ чады твердыми стражы по повелѣнію цареву, и питаема нужною пищею. Царь же отъ полаты изыде во мнозѣ печалѣ и страсѣ, бывъ въ недоумѣніи срама ради, и размышляя въ себѣ: «Что есть се, и како горькое сіе измѣненіе сотворися?» и много сѣтуя о томъ. По лѣтѣ нѣкоемъ призвавъ къ себѣ въ палату бояръ своихъ, и рече имъ: «Что подобаетъ царицѣ сотворити?» Нѣціи же отъ нихъ не мнѣша быти такову царицу, но несмѣяху глаголати; рекоша къ царю: «Сердце твое въ руку Божію есть: яко же бо той изволилъ, тако и будетъ». И по прехожденіи времени, повелѣ царь той изыти внѣ града на нѣкое пространное поле и престолъ царскій устроити тамо, и степени, и сѣдалища властемъ и вельможамъ, и всему сигклиту, и купцемъ, и всѣмъ жителямъ города того; и самъ изыде вооруженъ, и седѣ на престолѣ своемъ, и повелѣ молчанію быти. Возгласи и рече властямъ, и вельможамъ, и всѣмъ собравшимся ту: «Судите мя съ царицею моею, понеже велико зло сотвори, и рцыте ми, что подобаетъ сотворити противу зла ея?» Власти же, и бояре, и вси предстоящіи единогласно рекоша: «Божія воля да будетъ, о царю, и твоя, якоже вѣси и хощеши: мы како можемъ судити господей своихъ». Повѣлѣ же царь ту въскрай народа уготовати огнь велій, и сотвориша скоро и велій зело. Повелѣ же привести и царицу изъ темницы, и съ чады. Посланніи же скоро шедше втемницу, и обрѣтоша царицу ницъ лежащу предъ образомъ Господнимъ и Богородицы молящуся со слезами, истомленну сущу отъ поста и печали; младенцы же близъ нея бяху. Вземше ю, ведоша къ царю, а чады ея несуще. Царица же ведома плакаше горько, глаголаше: «Создателю мой Господи! Ты вѣси яже суть о мнѣ: вѣси яко ничто же согрѣшихъ, о немъ же осуждена есмь. Помилуй мя, Создателю мой, щедротъ ради твоихъ и сихъ ради младенцовъ незлобивыхъ! Вѣси, яко царствіе суть сынове, а не прелюбодейчица. Не вѣмъ бо откуда есть напасть сія на ны, и любимаго ми государя души поврежденной, лютыя ради клеветы сея». И паки глаголаше царица: «О всемилостивая Владычице Мати Бога всѣхъ и нескверная дѣвице! Ты вѣси, госпоже моя, яко не осквернихъ

дѣвства моего, ни брака царскаго обезчестихъ, нынѣ же, что прилучися, не вѣмъ. И пріиде ми конечное поругательное осужденіе, за высокоуміе ли, или кое ино погрѣшеніе мое; а яже глаголютъ, не повинна есмь, ты вѣси, Владычице всѣхъ. Помилуй мя въ часъ сей и младенцевъ сихъ сиротъ, ни откуда имѣющи: аще ты не помилуеши, не имамъ кому помолитися». Егда приведоша ю близь царя, пріемши младенцы своя на обою руку, поверже предъ ногами царю. Младенцы же оны, осязающе руками младенческими за нозѣ царя отца своего играюще, понеже второе лѣто бяше по рожденіи ихъ. Паде же и царица на нозѣ царю, горько вопіющи со слезами, глаголаше: «Помилуй мя, владыко мой, царю праведный, погибшую нынѣ душею и тѣломъ, а невѣдущу о сихъ, ничтоже сотворшу, яже есть глаголемое о мнѣ, и како пріиде на мя напасть смертная и поругательная. Вижду, яко предлежитъ ми нынѣ повелѣнный тобою огнь, и въ честную руку твою мечь, мнѣ же, бѣдной, укоризненная смерть. Ей, благій царю мой господи! свидѣтели ми небо и земля, паче же создатель нашь Богъ. Ими ми вѣру, яко таковаго зла не сотворихъ, ни помыслихъ во умѣ моемъ во вся дни живота моего. Вся благая тщахся предъ тобою творити, и сотворихъ посилѣ моей повиновеніе, и совѣтъ имѣхъ, яко же ты вѣси, яко же подобаетъ женамъ благочестивымъ. Помилуй мя, благій царю господи мой, и не погуби мене ныне смиренныя, погибаемыя напрасно, мать утомленную гладомъ и жаждею истаявшую, и отъ печали сокрушенную, не имущую, гдѣ главы подклонити, и у кого милости попросити, развѣ создателя всѣхъ Бога: во того бо руку твое сердце, владыко мой, пречестнѣйшій мой господине! Ей, воистину живаго на небесѣхъ Бога, свѣдущаго всѣхъ тайная сердца, яко несотворихъ любодѣйства, ниже помыслихъ на державу твою. Къ тому не имамъ, что глаголати, токмо помилуй мя, и даруй ми животъ: аще ли не невозможно, поне младенцевъ сихъ незлобивыхъ чадъ своихъ, помилуй и не погуби ихъ со мною. Вѣрую бо, яко по времени извѣститъ ти Богъ, яко твое есть царское сѣмя законное въ нихъ, и мое, бѣдницы, законное рожденіе, а не прелюбодѣйчища. Всяко извѣститъ ти Свѣдый вся, да не будетъ сокрушеніе сердцу твоему ихъ ради... Остави ихъ жити: не повин-

ни бо суть младенцы». Царь же, слышавъ отъ нея глаголы тыя, и видя горькія слезы ея и младенцевъ предъ ногама ползающихъ и охапающихъ руками нозѣ его, и помянувъ царицыну вѣру къ Богу и къ нему, и добродѣтель къ человѣкамъ, и добронравіе, воздержаніе и молитву, и къ нему благій совѣтъ; умилися, испусти слезы. Слышавъ же нѣкоихъ отъ бояръ, глаголющихъ между собою тако: «Яко младенцы тыя подобны суть царю, отцу своему. Воистинну клевета и неповинная бѣда царицы есть». Вельможи же и власти горько плачущеся царицы ради, глаголати же несмѣяху на лице, матери его ради. И помолчавъ много, рече царь ко всѣмъ предстоящимъ ту великимъ гласомъ со слезами: «Рцыте ми нынѣ, что сотворю странницы сей царицы моей, яко злѣ поругася царствію моему? Видѣхъ бо очима моима зло сіе. Имѣхъ бо ю благочестиву и добродѣтельну, а обрѣтеся, его же не чаяхъ. Како имѣти ю хощу предъ очима моима, а самъ видѣхъ такое зло». Предстоящіи же, царскій сигклитъ, и власти, и вельможи и вси боляре малъ часъ умолкша, захлипающеся въ слезахъ, и паки съ моленіемъ рекоша къ царю, падше преклонишася ницъ предъ ногама его: «Мы, владыко, не смѣемъ много глаголати, токмо послушай насъ, благій царю! Отдаждь ей Богу судити, иже вину и правду ея повѣдаетъ. Мы вины ея не можемъ помыслити; а что прилучися, всевидящее око исправитъ. Послушай насъ, благій царю, отпусти ю и съ чады малыми младенцы, даруй имъ животъ, якоже ты изволиши, не повели умертвити царицы нашея и чадъ своихъ, отпусти ихъ, яко же ты волиши. Понеже единъ Богъ вѣсть всѣхъ человѣкъ тайная сердца, ожидая обращенія всѣхъ: аще ли согрѣшила царица, то да ся покаетъ, аще ли ни, да прославитъ ю Создатель всея твари, всещедрый Господь Богъ, и Пресвятая Богородица призритъ на младенцевъ сихъ, и еже хощетъ, сотворитъ съ ними смерть или животъ; токмо молимъ тя, не ослези насъ, всего царства твоего жителей, горькимъ симъ осужденіемъ, ангели и ты порадуешися въ преидущее время, и просвѣтитъ Господь Богъ и извѣститъ, яже суть о нихъ». Царь же въ размышленіи бывъ и плачася, и видя горькій плачь въ народѣ, и видѣ царицу свою плачущуся, и отъ печали, и отъ истомленія скоп-

чевающуюся предъ ногама его, прежде осужденія смертнаго, и младенцовъ ползающихъ, ово къ матери подвизающихъ востати, ово къ нему радостнѣ немотующа языкомъ младенческимъ, зря на нихъ умилися, и повелѣ царицы дати мало брашно, и проводити ю и со младенцами ея въ пусто мѣсто, идеже никто же отъ живущихъ человѣкъ проходитъ, тамо оставити ихъ повелѣ. Глаголя: «Еже восхощетъ Богъ о нихъ, то и сотворитъ». И тако печаленъ отъиде въ полаты своя. Мати же его, радующися и веселящися, яко улучи желаніе свое, и исполни волю свою. И тако проводиша мужіе царицу въ пустыню, и со младенцы ея, и обрѣтоша мѣсто, имущее древеса плодовита многа, и оставиша ихъ тамо; она же препочинувъ многи дни на мѣстѣ томъ, питающися отъ плодовъ земныхъ, моляще Господа и пречистую Богородицу, и всѣхъ святыхъ, и плачущися, и рыдающи горько о разлученіи царства, и поруганіи своемъ, благодаряше Бога и радовашеся, яко оставлена жити съ чады своими. И по нѣкоемъ времени пойде съ мѣста того съ чады своими, и иде не мало дней путемъ своимъ, и обрѣте, при потоце, мѣсто сѣнно, и красно , и плодовито, и нача ту жити. И пребывающу ей, и питающуся съ чады своими, и нѣкогда возляже опочинути, и пріиде нѣкій звѣрь, зовомый львица, и восхити у нея единаго младенца и бѣжа; царица, возбнувъ, зря несома сына своего львицею, отъ страха оцепенѣ. И внезапу нападоша на львицу ту птицы велицыи, хотяху у нея отняти младенца, и тако много брашася съ нею, и прогнаша ю во островъ нѣкій; и тамо уйде въ пещеру, и пребываше ту, и не изъяде младенца, испиташе ею, яко же обычай ей бѣ. Царица же она, взя младенца другаго на руку свою, и вельми востенавъ горько со слезами въ жалости сердца глагола: «Боже создателю мой! Паки оставилъ мя еси лютѣ мучиму быти отлученіемъ чада моего, и горькою смертію его уязвихся паки». И пойде во слѣдъ звѣря того, правя путь его многое время, и обрѣте во острови изъ пещеры исходящу львицу и съ чадомъ ея, и питающу младенца, и играющу съ нимъ, и тѣшащу его; и порадовася царица, яко живъ есть сынъ ея, благодаривъ о томъ и моляше Бога, и пребысть во островѣ томъ время не мало, зря на чадо свое и на львицу, приближитися же не смѣя.

по изъ дали зря. И по многомъ времени отъиде царица отъ мѣста того и съ чадомъ своимъ, а унесенное львицею возложи Богови во умѣ своемъ, и моляшеся о снабдѣніи его. И тако многое время скитаяся по пустыни, и взыде на гору высоку, и узрѣ градъ велій и возрадовася вельми, славя и благодарствивъ Бога зело, и пойде со тщаніемъ на сторону ту, идѣже градъ, и пріиде близь него и обрѣте человѣка, идуща по пути, и вопроси его о жительствѣ града того, и во градѣ живутъ ли благочестивіи христіане, а градъ той державы онаго царя мужа ея: уразумѣ бо она о глаголѣ человѣка того, недалечѣ есть отъ царствующаго града. И повѣда она себѣ заблудившуюся и съ чадомъ своимъ, въ пустыни скитащуся болѣ двою лѣту, и моляше человѣка онаго со слезами, дабы повелѣлъ въ дому его поне мало время пребыти. Мужъ же той старъ бяше, и благочестивъ, и богобоязнивъ, и милостивъ, и искусенъ въ вещехъ, видѣ жену доброродну и въ рѣчехъ разумну и искусну въ бесѣдехъ, и одѣяніе ея, аще и ветху и раздранно, но честно бяше, и разумѣ ею быти не просту жену, и чадо ея, младенца, не проста разумѣ быти. Онъ же пріятъ ю съ радостію, и покояше ю и чадо ея, и велію честь воздая имъ; она же пребываше въ дому его 15 лѣтъ, и изучи сына сына своего божественному писанію, и всякому доброму навыканію и искуству: бяше бо и хитра сама божественнымъ книгамъ, и всякому доброму навыкновенію. Отрокъ же бяше, сынъ ея, добророденъ тѣломъ, и прекрасенъ зело, и разумиченъ, и дарова ему Богъ силу велію. Мати же о немъ радовашеся и благодаряше Бога, храня тайну въ сердцѣ своемъ.

Благочестивый же мужъ той, у него же пребываше царица, видя ю постящуся и молящуся часто, о всякомъ блазѣ прилежащу, и сына своего тому учащу, и никогда же слыша отъ нея пустошныя глаголы, почиташе же и храняше ю, яко матерь, а отрока любяше, яко сына; и сперва бо той мужъ бяше воинъ храбръ зѣло, и силенъ, и искусенъ въ ратѣхъ. Имяше же въ дому своемъ щитъ, и колчубъ, и шеломъ, и палицу, и копіе, и вся оружія воиньская. Сынъ же тоя царицы ходяше въ храмину ту часто и тѣ доспѣхи на ся возлагая многащи, и ношаше храбрующи; раби же того господина видѣша тако

творяша, смѣющеся, и по времени нѣцыи отъ нихъ сказаша вся господину своему: онъ же слышавъ, возбрани имъ пакостити ему, и нѣкогда самъ смотря отай храброванія его, и уразумѣ, яко воинъ хощетъ быти велій, и паче его, и сильнѣе; и благодари Бога о томъ, яко наслѣдникъ хощетъ быти храбрѣе его и сильнѣе, не позавидѣ, но паче чтяше и радовашеся. По времени же нѣкоемъ, идеже царствуя царицы оныя мужъ, а отрока ея отецъ, и пріиде на градъ той и на царство его царь нѣкій славенъ и силенъ, имѣя рать съ собою велику зѣло, и многи храбры воини и сильни. И стояше подъ градомъ тѣмъ многое время, и прося изъ града храбра мужа, дабы выѣхалъ и брался съ ними; аще ли ни, то царство предали ему, чая не обрѣтися въ градѣ у нихъ воинъ сильныхъ, противу его храбрыхъ сильниковъ, и прещаше имъ по вся дни люто; живущіи же людіе во градѣ и самъ царь вельми ужасошася о томъ и убояшася прещенія царя противнаго, не чаяху у себѣ сильныхъ воинъ противъ супостатъ. Сынъ же оныя царицы, слыша таковая, и вѣдая яко отецъ его царствуетъ во градѣ томъ, нача молити матерь свою, дабы его отпустила съ молитвою и благословила ѣхати ко граду тому, на освобожденіе граду и царству и на отмщеніе супостатъ онѣхъ. Мати же его моляше и возбраняше ему отъ таковаго начинанія, и глаголаше, дабы отложивъ мысль ту, еже разлучитися отъ нея, «како, рече, хощеши, возлюбленное мое чадо, на каковое великое дѣло дерзнути, его же ради мнози сильницы отбѣгаютъ страха ради ратнаго, понеже тамо и неповинныхъ восхищаетъ смерть, отъ отцей и матерей отлучаетъ и рыдаетъ (?) и плачь велій наводитъ. А ты мене, чадо мое драгое, како хощеши оставити? Не вѣси ли, что пострадахъ, и отъ чего во что пріидохъ, и разлучихся царства и отца твоего, пречестнаго и любимаго ми, и брата твоего сына моего въ сокрушеніи и болѣзни воспитаннаго, такожде отъ мене злѣ отъята, яко и ты мало распамятствуеши о немъ: увы мнѣ, увы мнѣ! нынѣ хощеши мене при старости сиру и убогу оставити безъ утѣшенія». Отрокъ же онъ, слыша отъ матери таковая, съ плачемъ паде на нозѣ ея, моляшеся: «Аще Богъ мене молитвъ ради твоихъ святыхъ спасетъ, вѣруй, паки возвращуся, мати моя, и имамъ тя утѣшити; не въ руку ли божію

здѣ и тамо есмь азъ, не можетъ ли тебе ради и тамо мя спасти? Токмо благослови мя и молитвуй о мнѣ». Мужь же той, у него же пребываста, видя отрока у матери, молящася о отпущеніи, и матерь, плачущуся о разлученіи, нача ю молити и ұтглаголовати утѣшительными словесы и со слезами, и не вѣдящу тайны ихъ. Глаголя: «Госпоже благородная и благочестивая! уразумѣхъ бо азъ, яко не проста рода еси ты, но благородна и благочестива, и не проста мужа жена, и что приключися тебѣ и чаду твоему, Богъ вѣсть, мнѣ яко не истинну рекла еси, но ни что же ми о семъ. Токмо молю тя, послушай моленія сына твоего, и отпусти его съ миромъ и съ молитвою: вѣруй—святый тя Богъ въ пустыни толика лѣта отъ звѣрей, и отъ гадовъ, и отъ птицъ, и отъ всякія напасти свободивый, и воспита младенца твоего, и приведый васъ на мѣсто сіе, не можетъ ли спасти и тамо въ рати суща, и паки возвратити его къ тебѣ и утѣшити тя; а негли имъ свободитъ царство наше, и проженетъ супостатныхъ, и прославитъ имя свое святое на немъ, паче же и тебе прославитъ и утѣшитъ». Она же, слышавши таковая, отпусти его съ миромъ и съ молитвою и слезами, сама же остася, прилѣжа посту, паче же молитвѣ. Отрокъ же онъ паде на нозѣ господину своему о упокоеніи матери его. Мужъ же той обѣщася предъ Богомъ вся исполнити прошеніе его и даде ему всю храбрость ополченія своя и воиньскій конь, и тако молитвовавъ обще съ матерію его, отпустиста со слезами,—и тако поѣхавъ ко граду тому.

Въ тоже время корабленницы нѣцыи идоху по морю и пристаста ко брегу ко острову оному, идѣже львица пребываетъ, иже унесе сына царева. И исшедше изъ корабля на островъ той, и хождаху по нему плодовъ ради земныхъ, и видѣху слѣдъ звѣринскъ и человѣческъ. И идоша путемъ тѣмъ, и узрѣша пещеру, и проникше, видяще львицу лежащу, въскрай ея млада юношу добронродна лежаща, и удивишася зѣло, и вельми ужасошася, бѣжаща въ корабль и прочимъ видѣнная повѣдаша. Сущіи же въ корабли, слышавше таковая, удивишася, хотяще истѣе увѣдати, собравшеся вземше оружіе, поидоша на островъ той видѣти бывшее; и пришедше близь вертепа того, и приникше, и видѣша львицу лежащу, и въскрай ея юношу доброродна лежаща нага. Львица же зряше

на нихъ тихимъ взоромъ, и обращающа юношу зрѣти на нихъ, яко наказуя. Корабленницы же удивишася, мысляху: «Что се хощетъ быти, и како безъ испытанія хощемъ отъити о дивнѣй сей вещи?». И веземше брашно добро и метнуша ко львицы; воставше же юноша и львица и веземше брашно, ядоша взирающе на корабленниковъ; они же метнуша ризу добру, львица же веземъ одѣя отрока; они же метнуша и опоясаніе, отрокъ же препоясався, и близъ львицы сѣдъ. Львица же ставши и пойде изъ пещеры тоя осклабляющися и веселящися, зря на корабленниковъ, образомъ же яко любезнуя; они же ужасошася, отступаша отъ пещеры. Изыде же и юноша въ слѣдъ львицы, и поклоняшеся имъ. Они же приглашающе его къ себѣ, махающе руками, показующе брашно въ сосудѣхъ. Онъ же приступи къ нимъ близъ. Они же поемше юношу того и ведоша на корабль свой; онъ же не противися имъ, идяше. Львица же въ слѣдъ ихъ идяше. Корабленницы же дску восходную веземше въ корабль, дабы оставити львицу на брезѣ; она же бредущи и вскочи на корабль скоро, корабленницы же ужасошася, бѣжаша во единъ край корабля. Львица же пришедши ко отроку своему и видѣ предъ нимъ брашно добро, и нача ясти со отрокомъ тѣмъ, и насытився преклоняше главу свою, ласкася тихимъ взоромъ къ корабленъникомъ тѣмъ, придружашеся, аки молвити хотяше. Отрокъ же той кланяшеся имъ, львица же ляже ту на корабли; отрокъ же иде къ корабленникомъ тѣмъ и веземъ единаго за руку, не умѣяше глаголати, но немотуя, веде его ко львице, той же з боязнію иде по немъ; отрокъ же повелѣ рукою гладити львицу, она же ласкающися придружающися къ нимъ; корабленъницы же удивишася зѣло и тако единъ по единому придружишася ко львице и ко отроку и быша безъ бѣды. И поидоша въ путь свой брегуще отрока и львицу и тѣшаще ихъ. Отрокъ же мало по малу навыкая языку ихъ, и наукамъ и искуству, и самъ глаголати начиная. И Божіимъ изволеніемъ пріидоша ко граду тому, идѣже юноши того отецъ царствуетъ, и присташа ко брегу, и идоша во градъ ко царю съ дары своими. Царь же пріятъ отъ нихъ дары и почти ихъ, печаленъ бо бяше нашедшія ради рати на царство его. Корабленницы же повѣдаша цареви, какъ на пути обрѣтоша львицу во островѣ, и съ

нею юношу добродна, и прекрасна зѣло, и разумична, и имѣютъ ихъ на корабли своемъ. Слышавъ же царь таковая, удивися и повелѣ львицу и юношу привести предъ ся. Корабленницы же шедше приведоша ихъ къ царю. Видѣвъ же царь львицы тоя кротость и взираніе ласкательное, и юноши того доброродство, и красоту и искусъство, яко многихъ превзыде человѣкъ возрастомъ и добротою, удивися, и почте корабленниковъ, и повелѣ львицу въ нѣкоемъ мѣстѣ хранити и питати доброю пищею. Юноши же тому вда одѣяніе честно, и устрои его пребывати близъ себѣ. Повелѣ же ко львицы приходити часто, да не унываетъ. Юноша же той веселяшеся, навыкая языку и искусству. По времени же нѣцыи видѣша юноши того храбрство, яко воинская тяжкая оружіе пыташе и крѣпкія доспѣхи на ся возлагаше и храбро хождаше, обрѣтеся паче всѣхъ во градѣ храбрыхъ и сильныхъ, изшелъ бы на брань противу ратныхъ, и повѣдаша цареви. Царь же, слышавъ таковая, возрадовася, призва его къ себѣ и рече ему: «О юноше! Аще даде ти Богъ храбрость и силу на ополченіе къ ратнымъ, послушай мене, яко отца, и буди ми сынъ, бездѣтну сущу царю: изыди изъ града на отмщеніе ратныхъ и способствуй намъ, аще Богъ подастъ ти помощь, и возвратишися побѣдивъ—здравъ, азъ ти велію честь учиню. Аще будеши разуменъ и искусенъ въ царскихъ вещехъ, устрою тя въ чину, яко сына». Юноша же поклонися царю глаголя: «Богъ да поможетъ ми молитвъ ради твоихъ. Отпусти мя противу супостатъ и даждь ми оружія воиньская вся». Царь же возрадовася и повелѣ ему устроити, яко же хощетъ, и конь, яко же ему угоденъ. И помолився Богу и поклонився царю, изыде противу ратныхъ. А львица она, услыша отрока того пошествіе из града, растерза замки и двери, и изыде изъ храмины, идѣже хранима бѣ. Егда же отрокъ приближися къ супостатомъ и нача сѣщи ихъ безъ жалости, а львица также съ нимъ въ купѣ ратныхъ угрызая и растерзая ихъ ногты своими страшно. Съ другія же страны тѣхъ ратныхъ полковъ, Божіимъ изволеніемъ онъ царицынъ сынъ, иже съ матерію во градѣ воспитанный, въ то время пріѣхавъ и нача сѣщи и побивати противныхъ безъ удержанія, а не вѣдая того, яко братъ его сѣчетъ отъ града,

и тако смятошася полцы, и сильніи ихъ ни во что же быша, а прочіи устрашишася, видѣша львицу храбрующу, а воини побивающу безъ удержанія, и бѣжати отъ нихъ не могоша. Они же два храбрыя воины юноши невѣдуще другъ друга съѣхашася, и увѣдаша яко за едино храбруютъ, поклонишася другъ другу глаголюще: «Богъ да поможетъ ти, брате, за молитвъ святыхъ своихъ». И тако побѣдивше вся воины противныя и храбрыя ни во что же вмѣниша; и видѣша рать побіену, и поехаша во градъ къ царю заедино, и ко граду ѣдучи другъ друга братомъ назваша и во единодушіе согласишася. Львица же во слѣдъ ихъ идяше тихо и кротко радующися. Юноша же той, иже царицынъ сынъ, вопроси другаго о львицѣ. Онъ же глагола: «Яко мати ми есть». Царицынъ же сынъ удивися, и внимаше умомъ своимъ: «Не братъ ли ми есть сей, унесенный львицею». Внимая и храня мысль въ сердцы своемъ. Егда же слыша царь и вси людіи градстіи пришествіе ихъ и увѣдаша о побѣдѣ на супостаты, царь же повелѣ вельможамъ своимъ срѣсти ихъ внѣ града, и почтить ихъ паче прочихъ. Самъ же срѣте во градѣ; юноши же, слѣзше с коней, поклонишася цареви; царь же со слезами облобыза ихъ и возблагодаривъ ихъ радовашеся. И иде въ церковь, юноши жь держаще единъ подъ десную, а другой подъ шуицу, идоша въ церковь божію и сотвориша молебное пѣніе Господу Богу и пречистѣй Богородицы и всѣмъ святымъ, и воздаша благодарственная; сотвори же царь милостыню нищимъ и посѣщеніе темничнымъ. И вси людіе царства того возвеселишася, воздаша хвалу Богу. Львица же она въ то время пребываше въ привратѣ церковнѣмъ. Царь же повелѣ ввести въ перьвую храмину и воспитати ю доброю пищею и покоемъ; она же радующися идяше ласкающеся к нимъ. Сотвори же царь юношамъ тѣмъ и боляромъ, и властемъ, и вельможамъ радостныя тоя побѣды пиръ великъ и торжество.

Юноша же, иже звѣринескъ сынъ именовашеся, почиташе брата своего царицына сына, яко старѣйшаго, понеже бо бяше искусенъ божественному писанію и речевитъ зѣло, и всякому навыкновенію хитръ и той на отвѣтѣ и на вопросѣ пребываше. Пребывающимъ же имъ во единой храминѣ на упокоеніи обоимъ. И тако многи дни торжество бяше и веселіе въ полатѣ царевѣ

зъ боляры и вельможи, и многими дарми даровъ юношь тѣхъ почтивъ первыми мѣстами въ сѣданіи и въ хожденіи и любляше ихъ вельми, яко чадъ своихъ, и моляше Бога, дабы и они любили его, яко отца своего. Видяху бо подоболична юношы тыя, яко братія, людіе же зряху на царя и на отроковъ тѣхъ, удивляющеся, яко подобятся царю виды своими, и разгарахуся у народовъ сердца къ любленію отроковъ тѣхъ. По времени же нѣкоемъ въ торжествѣ на пированіи разблажися сердце царево и вопроси отроковъ тѣхъ, коего граду бяху и какова отечества? Юноша же той, иже отъ царицы оноя испросися ратоватися съ супостаты, воставъ рече: «Ахъ, благій царю, не вѣмъ, каковъ бѣ отецъ мой, но слышалъ у госпожи моея матере, яко бѣ она царица нѣкоего царя благочестива и славна, живша со отцемъ моимъ, мужемъ своимъ, въ законѣ Божіи въ совершеннѣй любви, и храняста оба союзъ, яко же подобаетъ мужемъ и женамъ благочестивымъ безъ порока. Бяше бо мати моя милостива и благочестива зѣло, и любима бяше отцемъ моимъ царемъ благочестивымъ онѣмъ и почитаема подначальствующими властьми, и князи, и вельможи, и всѣми народы добродѣтельнаго ради ея нрава. Имяше же царь той отецъ мой у себе матерь горду и неблагородну, завистливу и ненавистну; и тая убо бяше отъ вельможъ и отъ народа презираема за злонравіе ея; бяше бо и властолюбица, завиствуя бо на матерь мою, яко почитаема паче ея отъ народа бысть и имя ея обношашеся во всѣхъ устѣхъ паче ея, матере царевы. И искаша времени да сотворитъ пакость матери моей; и возмерзи ея сыну своему, а моему царю, и народу, и во многое время не возможе обрѣсти вины, всяко злохитръствующи. Егда же Божіимъ изволеніемъ отецъ и мати моя зачаста насъ законно и по времени роди мати наю, мене и другаго близнеца сына царю, и отецъ нашъ ради рожденія радостенъ бысть, иде въ церковь божію молебная пѣнія совершити. Въ той часъ мати наша по рожденіи наю въ полатѣ почиваше, отъ истомленія и отъ напоенія спяше крѣпко. Мати же царева окаянная баба наю навожденіемъ вражіимъ отъ зависти умысли, и призва отъ царевы полаты мужа добродна тѣломъ а проста нравомъ, часто предстояща цареви, и глагола ему ласковыми словесы злокозньствуя, ово дары обѣ-

щавая, ово смертію претя, и обѣщавая ему сановство велико, принуди его возлещи къ матери моей на одръ безъ гащъ; а сама въ той часъ сказа пришедши къ сыну своему, отцу царю нашему, въ церковь и рече ему: «Что ты, царю, радостная твориши торжества рожденія ради чадъ своихъ, а не вѣси того, что льстивая жена твоя нынѣ творитъ, въ полатѣ съ предстоящимъ тебѣ мужемъ онѣмъ прелюбодѣйствуетъ. И та рожденная чада не отъ твоего сѣмени есть, но отъ инаго мужа прелюбодѣица, иже нынѣ на одрѣ возлежитъ съ нею. Аще ли не имаши вѣры, иди и виждь!» Отецъ же мой царь, слышавъ таковая, оставивъ молебная пѣнія, и скоро иде въ полату матери моей, и видѣ у нея на одрѣ лежаща служащаго ему, еземъ мечь пронзе его. Мужъ же той вскрича и умре. Мати же моя о сихъ ничто же вѣдѣ, возбнувъ отъ крика того ужасеся, не мога что молвити. Отецъ же нашь царь повелѣ ю и съ нами, чады своими, въ темницу всадити, опечалися вельми, не мня ю такову быти, якову же обрѣте; вѣдый же добродѣтельная нрава ея, вѣдая и жестоту матере своея, въскорѣ не умертви матере нашея ни наю; но повелѣ ю в темницы хранити и питати и по мнозѣ времени хотя ю сожещи и съ нами, чады своими, и совѣтомъ царскаго сигклита, и пріятель ближнихъ, и моленіемъ властинымъ, не умори наю ни сожже, и повелѣ отвести въ пусто матерь мою и наю и сотвориша тако. Мати же наю, увѣдавъ о бѣдѣ своей въ темницы сѣдя, и возложи надежду на Господа Бога и на Пречистую Богородицу, моляся, и благодарнѣ терпяше, пребываше въ пустыни плачущи, и питающи насъ отъ плодовъ земныхъ и отъ сосецъ своихъ, и доиде до нѣкоего потока и мѣста добро-плодовита, и пребывая ту не мало время. И нѣкогда возляже опочинути, и въ то время пріиде на насъ звѣрь лютъ—львица и восхити у нея младенца брата моего и унесе. Мати же моя по слѣду тому звѣрину идяше, плакашеся вельми, и постиже во островѣ томъ львицу въ приморіи и видѣ сына своего, у нея брегома и питаема, зря на него плакашеся, приближитися же не смѣя, и отиде скитающися по пустыни, возложивъ печаль свою на Бога, и многи дни гладомъ томима и жаждою и зноемъ опаляема, нося же мене съ собою единаго. И доспѣхомъ нѣкоего града, изъ него же

азъ нынѣ пріидохъ, слышихъ рать сію, нашедшую на градъ сей. Мати же моя егда пріиде со мною ко граду тому, обита у нѣкоего мужа благочестива, и нищелюбива, и престарѣла зѣло, и до сего времене, иже мене снабди бранными оружіи». Царь же слышавъ таковая отъ юноши, разумѣ яко быти ему сынови его, смятеся утробою, обліяся, слезами, и помолчавъ вопроси другаго юношу рече: «А ты храбрый юноше, откуду еси и какова града и отечества?» Онъ же воставъ рече: «Азъ, царю, не могу довольно глаголати, понеже не навыкновенъ есмь языка совершенно вашего, и не вѣмъ, коего града есмь, или отечества; но мало распамятствую, яко по пустыни ходихъ съ женою нѣкоею и отрочищемъ другимъ и мнѣхъ, яко мати ми бысть и братъ; но мало памятствую, паче же нынѣ отъ словесъ сего юноши вразумляюся; унесе бо мя львица у матери моей, и внесе въ пещеру свою, азъ же отъ страха изумихся; и, егда отдохнувъ мало, востахъ хотѣхъ бѣжати отъ нея, она же охапивъ мя гладяше, ласкаяся взирающе ко мнѣ любезно, объемлющи лизаше и не врежаше мя. Азъ же видѣхъ, яко не вредитъ мя, но паче утѣшаетъ и питаетъ мя, и многащи по острову оному хождахъ, она въ слѣдъ мене хождаше, и никому не даяше мя вредити, въ нощи же ону идохове и почихомъ ту. Львица же она питаше мя отъ сосцу своею, приношаше же ми и плоды земныя, могущія укрѣпляти, и тако жихъ с нею въ пещерѣ до дне того, егда корабленницы они пріидоша и поемше насъ, и представиша мя предъ тобою, пречестнѣйшій царю, а иного о себѣ ничто же вѣмъ». Царь же, слышавъ отъ юноши таковая, смущашеся сердцемъ; князи же и людіе слышаху таковая распыхахуся сердцы въ любовь къ нимъ, и зряху бо ихъ, подоболичны бо отцу своему царю, и глаголаху молкомъ другъ другу: «Что се хощетъ быти?» И паки царь вопроси перваго юношу, рече: Да гдѣ же нынѣ обитаетъ мати твоя? Онъ же рече: «Царю! рекохъ ти, яко во ономъ градѣ у онаго христолюбца благочестиваго мужа; и вѣмы яко нынѣ ожидаетъ мя по вся часы слезно, понеже скоро обѣщахся къ ней возвратитися. А еще о царѣ своемъ, отцѣ нашемъ, и о царствіи, и о сродницехъ, и о отечествѣ всегда болѣзнуетъ слезящи, и о дѣтищи своемъ плакаше, но о мнѣ веселящися во вся дни, и отъ тыя печали и

скорби утѣшеніе пріимаше мене ради и онаго благочестиваго мужа утѣшительныхъ словесъ. Азъ же согрѣшихъ нынѣ, умедлихъ во упокоеніи своемъ при державѣ твоей, наведохъ на ню такову скорбь, яко по вся дни слезящи умирати ей, не токмо первыхъ ради бѣдъ, но моего ради отшествія, и не вѣмъ жива ли есть нынѣ, или ни отъ таковыя болѣзни и надсады». Самъ же глаголя плачася о матери своей. Царь же, слышавъ отъ обою юношу таковая, воставъ возопи гласомъ великимъ: «О возлюбленніи мои князи и боляре, и вельможи и весь сигклитъ царскій и вси православныя христіяне, днесь радость моя исполнися». И рече къ юношамъ: «Вы есте благороднія юноши. Воистину есте моя чада возлюбленная законная, и отъ сѣмени моего рожденная, и отъ матери вашей благочестивой и добродѣтельной царицы моей возлюбленной и избранной, а отлучена со благочестивою матерію вашею ненависти ради вражія, завистію бѣсовскою». И падъ на выя ихъ плакася коемуждо довольно, плакашася же князи и боляре и вельможи и народъ радостнымъ плачемъ и возглашаху побѣдная Богови: промчежеся же слово то того часа во весь градъ, и слышаху по торжищамъ и улицамъ велика гласованія радостная. Глагола же царь: «Азъ васъ ради, чада моя, и матере ради вашея и до сего часа скорбя сердцемъ печаловахъ въ царствіи живя и многа благая предъ собою зря, богатство безчисленное и главы велики и всѣхъ предстоящихъ съ трепетомъ поклоняющихся, никогда же совершенно возвеселихся, и утроба моя вельми болѣзнуя матере ради вашея и васъ и до сего часа, и иныя себѣ царицы супружницы не пояхъ того ради, но надѣяся на всещедраго Бога милость, и упованіе на него возлагахъ. Имите ми вѣру, Богъ свидѣтель, не осквернихъ себе во дни своя блудомъ, и нынѣ, чада моя возлюбленная, васъ ради возвеселихся душею и сердцемъ». Они же храбрые юноши, слышавше таковая, падше поклонишася царю отцу своему, со слезами и радостію великою облобызающе нозѣ его, и славяху Бога благодарствующе, яко сподоби ихъ видѣти отца своего во царствіи и славѣ велицей, и въ томъ часѣ бысть у царя того во всемъ царствіи томъ радость велика и торжество о обрѣтеніи чадъ своихъ, паче же храбрыхъ и мудрыхъ и о одолѣніи супостатъ. И тогда убо це-

лова царь чадъ своихъ во уста и во главы и пойде съ ними въ церковь Божію, вслѣдствующи князи, и боляре, и весь сигклитъ, и народи, и сотвориша молебное благодарственное пѣніе, и учинишася во градѣ томъ звоны велицы и ликованія страшна и велика зѣло. И повелѣ царь вскорѣ написать грамоту, и преписа своею рукою къ царицы своей умильно, и посла сына своего иже ею воспитаннаго, и даде ему князей и боляръ и сигклитъ со многою силою и богатствомъ. И тако въ скорѣ поидоша со тщаніемъ; слышано же бысть матери царевы сія, якоже обличися злоба ея, и паче прославися невѣстка ея царица, и противъ ею бысть промыслу ея, и срама ради и зависти не возможе стерпѣти, испивъ зелія лютаго и умре. Царь же проводивъ погребе ея по чину, яко же подобаетъ. Храбрый же царевичь, юноша, и съ полкомъ своимъ дойде града, идѣ же мати его пребываетъ, вда ей грамоту цареву отца своего и поклонися ей до земли, положи предъ нею дары велики; она же паде на выю его, плакашеся, едва отъ радости не умре. Сказа же ей, яко и вторый сынъ ея, иже восхищенъ бысть звѣремъ, лютою львицею, нынѣ живъ обрѣтеся въ царствіи своемъ нынѣ у царя, и о побѣдѣ также сказа; она же прочте грамоту цареву, и видѣ сына своего, и слыша о другомъ, отдохнувъ наполнися радости великія, и воздаде благодареніе всесильному Богу, поклонися душею и сердцемъ благодарствивъ.

Скоро воста съ сыномъ своимъ идяше къ царствію съ полцы своими съ великою радостію, благодарствивъ же и одаривъ онаго мужа, у него же пребываше въ дому. Егда же услышану бысть, яко царица близь есть царства своего, тогда изыде сынъ ея царевичь, иже звѣринескъ нарицашеся, со священнымъ соборомъ, со кресты и со иконы и съ пѣніемъ—въслѣдствующи князи, и боляре, и вельможи, и вси людіе града того, съ женами и съ дѣтьми срѣтоша ю внѣ града того, съ велiею честію и звоны великими, и поведоша ю сынове ея въ церьковь Божію. Пріиде же и царь въ церковь прежде пришествія ея, и срѣте ю въ церковныхъ дверехъ, пріемъ ю за десную руку, и веде ю въ церковь Божію. Царь же и царица не могущи стояти отъ жалости великія на ногахъ своихъ, но подъдержими бяху чады своими и боляры, и тако сотворивше молебное пѣніе и

благодарственное торжество: цѣлова ю во уста и поидоста въ полату. Поклонившеся царица цареви, едва проглагола: «Радуйся царю, и вовѣки живи!» царь же подхвативъ ю облобыза глаголя: «прости ми, любимица моя благочестивая, по бѣсовской зависти въ невѣдѣніи согрѣшившаго и оскорбившаго тя неповинну сущу». И сотвориша тогда празднество веліе, и испроси царица у царя, еже отпустити осужденныя на смерть, и темничнымъ разрѣшеніе, и отдати долги должникомъ, и сотворися тако. И бысть въ царствіи томъ радость велія зѣло о обрѣтеніи царицы и чадъ ея. Царь же нача жити въ царствіи своемъ съ царицею и съ чады своими въ радости велицей. Паче же благочестіемъ и добродѣтелію сіяя. Слышано же бысть и по окрестнымъ странамъ слава и храбрость дѣтей его. Мнози и данницы сотвориша. Они же пребывающе благочестивно
и благодарствующе и славяще собравшаго ихъ
въ купѣ Создателя своего, въсещедраго
Бога въ Троицы славимаго
Отца и Сына и Свята-
го Духа во вѣки
Аминь.

(Изъ рукописи, найденной въ Каргополѣ; написана въ 1844 г. Подписано: *Пилагъ Лемчый Ѣзирошъ Зипсяпедъ*, т.-е. въ переводѣ съ тарабарской грамоты: Писалъ Сергѣй Ефимовъ Финлянецъ.)

---

6. ИЗЪ РУКОПИСНАГО СБОРНИКА.

I. Былъ нѣкто остроумный человѣкъ и говорилъ: «Не съ кимъ мнѣ побесѣдовать», и пошелъ ко старцу. Оный старецъ отозвался бесѣдовати, а указалъ ему дорожку итти къ другому старцу. И пришелъ къ дверямъ, и сотворилъ молитву, а старецъ отдалъ ему аминь и спросилъ:—Что и зачѣмъ ходишь?—Онъ ему сказалъ: «Ищу человѣка, съ кимъ бы о писаніи поговорить».—Приди чрезъ недѣлю.—Онъ пришелъ, и старецъ сказалъ: Помѣшкай недѣлю, тогда приходи.—И пришелъ чрезъ

недѣлю, и сказалъ ему старецъ: — Поди къ морю и гляди на море.—И пошелъ къ морю и два часа стоялъ. И сдѣлался подъ небомъ шумъ и громъ, летитъ вороновъ страшная туча, черезъ часъ летитъ вторая туча ниже, таки же вороны, и черезъ часъ летитъ и третія туча, летитъ вороновъ, о самую землю. И зглянулъ на море: бѣжитъ человѣкъ по морю, а за нимъ бѣжитъ звѣрь; человѣкъ убѣжать не можетъ, а звѣрь настичи не можетъ. Прилетѣла птичка синка, испила воды изъ моря три раза...

II. Единъ человѣкъ всю свою жизнь жилъ у сосѣдей въ обидѣ, и приходитъ къ нему старецъ, и онъ тому старцу жалуется о обидѣ. И оный старецъ позвалъ его съ собой итти, и пошли въ церковь. И у церкви стоитъ человѣкъ, весь гноемъ отекъ. И мы сказали ему: «Благополучный вамъ день!» Онъ же сказалъ: «Завсегда благополученъ.» И подумали мы, что онъ глупъ. И пришли къ нему второй разъ и сказали: «Здравія вамъ желаемъ!» Онъ сказалъ: «Завсегда здоровъ.» И третій разъ пришли и сказали ему: «Будь здоровъ!» Онъ сказалъ: «Никогда не бывалъ нездоровъ, завсегда здоровъ.» «Еще ты Бога хвалишь: еслибы тебя Богъ бросилъ бы во адъ, сталъ бы его хвалить?» Онъ сказалъ: «Я тремя ремнями привязался за Бога: если меня броситъ во адъ, тамъ и самъ со мною будетъ.» И спросили мы у него: «Какіе три ремня?» Онъ сказалъ: «Первый ремень — вѣра, другой — надежда, третій — любовь.» Тогда разсудилъ оный человѣкъ: «Въ какой болѣзни, а Бога хвалитъ! А я малыхъ обидъ не могу терпѣть!»

III. БОЙ. [1]

Нѣкто Діонисъ
Написалъ листъ,
Поетъ—не знаетъ,
А кто прочтетъ—не разумѣетъ.
Римъ въ себѣ Козла имѣетъ:
Стоитъ Козелъ сухъ,

[1]) Объ этомъ стихотвореніи см. ниже, стр. 314. *Ред.*

Связалъ его царевъ внукъ.
Не вѣмъ откуду
Пріиде къ нему діяволъ другъ,
Сатанинъ внукъ,
Пусти Козла къ Овцамъ въ лугъ,
И обыде Козелъ ниву вкругъ,
Наѣлся травы въ тукъ.
Тогда сяде на его діяволъ другъ,
Взя въ десную руку тугой Лукъ:
Цѣль его метка,
И тетива его крѣпка,
И стрѣла его остра,
И одежда на немъ пестра,
Въ лѣвой руки треста.
Нача Козла погоняти,
Козломъ Овна побивати,
Въ лугу Овецъ поимати,
Волну и млеко собирати,
Тѣмъ себѣ сытъ пребывати.
И нача свой Лукъ напрягати,
На четыре вѣтра стрѣляти,
Множество звѣздъ побивати,
Тмою свѣтъ покрывати,
Солнце и луну повреждати.
И умысли паки второе
Въ Римѣ папою быти,
Пьяному богу служити,
И на вѣрныхъ печать наложити.
Не могли жь сего сотворити,—
Великаго Агнца убити,
Отъ котораго самому связану быти.
Кто можетъ рѣчь сію разсудити,
И у діявола внука убити,
И отъ прелести міръ свободити?

ЕМЕЛЬЯНЪ ПУГАЧЕВЪ.

(Черниговской губерніи.)

Емельянъ Пугачевъ природою съ Дона,
Въ Рассеи какъ дома;
Пришелъ онъ въ Рассею съ малой дружиной,
А сдѣлалъ ее со великой кручиной...

(Списано въ 1859 г., съ подписи подъ стариннымъ изображеніемъ Пугачева.)

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПИСЕМЪ П. Н. РЫБНИКОВА ПО ПОВОДУ ИЗДАНІЯ ЕГО СБОРНИКА[1]).

1.

КЪ К. С. АКСАКОВУ.

Лѣтомъ 1860 года.

Пользуюсь удобнымъ случаемъ, чтобы сказать вамъ нѣсколько словъ, Константинъ Сергѣевичъ. Не жалуюсь на Ваше молчаніе, потому что еще не знаю, здоровы ли Вы и доходны ли до Васъ мои письма...

Древніе языческіе боги раздвоились и разтроились, атрибуты ихъ стали самостоятельными существами, дѣтьми и внуками боговъ. Еще въ язычествѣ началась локализація миѳовъ, и они были пріурочиваемы къ разнымъ мѣстностямъ, историческимъ событіямъ и лицамъ. Со введеніемъ христіанства локализація эта стала еще сильнѣе и предметы древняго обожанія частію превратились въ богатырей, частію въ домовыхъ и волшебныхъ, пали до значенія злыхъ духовъ, или слились съ новыми святыми. Такое видоизмѣненіе миѳической основы легко прослѣдить въ германской миѳологіи, при богатствѣ собраннаго тамъ матеріала. У насъ это гораздо труднѣе. Кто повѣритъ, что эпическая наша поэзія сохранила еще отзвуки язычества, а между тѣмъ наши былины не были обработываемы поэтами

[1]) Мы печатаемъ это извлеченіе для того, что въ письмахъ встрѣчаются нѣкоторыя любопытныя частности и обстоятельства, сопровождавшія и собираніе и самое изданіе пѣсенъ.— *Безс.*

изъ образованнаго сословія, а потому сохранили слѣды вѣковѣчной (по выраженію народа) старины.

Точку отправленія миѳологіи у всѣхъ Аріевъ надобно искать въ представленіяхъ о явленіяхъ природы. А между этими явленіями для первобытнаго человѣка всего поразительнѣе и грознѣе явленія небесныя и особенно воздушныя. Оттого атмосферическіе феномены, особенно буря, громъ, молнія, вихрь играютъ первую роль въ этомъ воображаемомъ мірѣ, который по словамъ Тютчева и до сихъ поръ еще носится у человѣка надъ дѣйствительнымъ міромъ. Этотъ воображаемый міръ впрочемъ только сколокъ съ того, что дѣлается на землѣ. Молнія извивается по небу какъ змѣя,—и передъ нами рядъ боговъ-змѣй; буря рвется впередъ какъ бѣшеная лошадь,—и вотъ являются боги-кони; громъ порождаетъ боговъ-быковъ; облака, увлекаемыя вѣтромъ, боговъ-птицъ, и т. д. Эти боги облагородились впослѣдствіи, но у кого остался рогъ, у кого копыто, у кого крыло, отмѣтины происхожденія. Они не равнодушны другъ къ другу, а борятся или состоятъ въ дружбѣ. Параллель между богами Аріевъ индійскихъ и Аріевъ германскихъ уже сдѣлана и Куномъ, и Шварцомъ. У насъ культъ огня сохранился въ заклинаніяхъ, а нѣсколько общихъ индо-европейскихъ миѳовъ въ былинахъ.

Нечего смущаться тѣмъ, что каждый разсказъ пріуроченъ ко времени князя Владиміра и къ Кіеву и что слышны историческія имена Татаръ, Литвы. Это хоть и не внѣшность, а только форма. Я самъ былъ бы радъ принять Вольгу вполнѣ за князя Олега [1]); но кромѣ Вѣщаго Олега есть прототипъ — вѣщій Волохъ, Волхъ Новгородскій: онъ рождается отъ богини и змѣя, и впослѣдствіи мститъ змѣю — насильнику матери. Змѣй Горынычъ, Тугаринъ Змѣевичъ, Идолище Поганое стали олицетвореніемъ кочевниковъ: но они прежде соотвѣтствовали Вритрѣ и Агни, а постоянные соперники ихъ Добрыня и Илья—богамъ освободителямъ облаковъ. Отсюда извѣстный разсказъ о дѣвушкѣ-облакѣ, похищаемой дракономъ и освобождаемой богатыремъ: у насъ Змѣище, Запава и Добрыня. У Скан-

[1]) См. былины о Вольгѣ въ 1-й части.— *Б.*

динавовъ Торъ борется съ Мидгардомъ: у насъ уцѣлѣла змѣя подземельная, которая плаваетъ ко гробамъ, а постояннымъ соперникомъ ея воинственный Михайло Потыкъ. Борьба дракона и богатыря за дѣвушку-облако отлилась и въ формѣ духовнаго стиха о Георгіѣ и Змѣѣ печерской: богъ добра на время уступаетъ богу зла у Аріевъ, тепло холоду, Егорія мучитъ Кудріянище; но за то Егорій одолѣваетъ его подъ конецъ. И Михайло Потыкъ попадаетъ въ неволю къ Өедору Иванову.

Останавливаюсь на полурѣчи, надобно нести письмо. Прощайте, дорогой Константинъ Сергѣевичъ; нѣкоторыя подробности обо мнѣ Вамъ передадутъ, и Вамъ станетъ понятно...

2.

КЪ ДМ. А. ХОМЯКОВУ.

Осенью того же года [1]).

Уже язычники съ сакраментальными формулами соединяли различное значеніе. «Sit tibi terra levis» для философа звучало иначе, чѣмъ для суевѣрнаго крестьянина. Прочитайте, Дм. А., послѣднюю главу Агриколы Тацита (кажется, она начинается такъ: «si quis piorum manibus locus»): въ ней Вы найдете утѣшеніе для себя и помиритесь съ словами: «placide quiescas».

И для нашего времени «миръ твоему праху» можетъ означать напр. окончаніе борьбы. Но я, расходясь съ А. С. въ убѣжденіяхъ, сходился съ нимъ въ вѣротерпимости и видѣлъ въ немъ благороднаго представителя одного изъ извѣстныхъ міросозерцаній, на которыя люди раздѣлены по необходимости, а потому мнѣ не нужна эта формула.

Я иначе поминаю Вашего отца. По просьбѣ Ю. Ө. С., [2]) я записываю смыслъ его бесѣдъ со мною. Такимъ образомъ личность А. С. постоянно присутствуетъ въ моей мысли, еще вліяетъ на нее, и я невольно повторяю слова Тацита: Quicquid

---

[1]) Въ отвѣтъ на извѣстіе о смерти А. С. Хомякова и предложеніе, по мысли покойнаго, о печатаніи Сборника.—*Б.*

[2]) Очевидно, Ю. Ө. Самарина.—*Ред.*

ex A. S. amavimus, quicquid mirati sumus, manet mansurumque est in animis hominum, in aeternitate temporum, fama rerum.

Отъ всей души благодарю за Ваше намѣреніе напечатать мой Сборникъ...

Мнѣ хотѣлось бы написать обстоятельную статью о былинахъ; но здѣсь я лишенъ всѣхъ пособій; у менянѣтъ ни Гримма, ни Лахманна, ни Кирши Данилова; новыхъ сочиненій по этой части я не знаю. Между тѣмъ въ статьѣ своей мнѣ слѣдовало бы показать: сущность народной эпической поэзіи, постепенный переходъ изъ короткихъ эпическихъ стиховъ съ одной стороны въ былины, и образованіе поэмъ при участіи личности поэта, съ другой стороны переходъ былины въ побывальщину, сказку и лирическую пѣсню. Обще-Арійское значеніе миѳовъ, сохранившихся въ нашихъ былинахъ.—Теперь я принужденъ ограничиться разсказомъ о томъ, какъ передаются и сохраняются былины, и замѣчаніями о значеніи личности въ передачѣ былины.

Напишите мнѣ пожалуйста, Д. А., получили ли Вы все, что я посылалъ. А посылалъ я: Черниговскія пѣсни, Пермскія пѣсни, Олонецкія пѣсни, Бесѣды Петрозаводскаго и Повѣнецкаго уѣзда, Обрядъ свадебъ, Побывальщины, Заплачки, Заговоры, Сборникъ Стиховъ (12 нум.) и 44 Былины Петрозаводскаго уѣзда. Изъ этихъ послѣднихъ, 6 первыхъ съ 1 до 6 были напечатаны въ Олонецкихъ Вѣдом. прошлаго года... У меня есть тѣ же 6 стихотвореній изъ другого сборника, записаннаго со словъ Бутылки, крестьянина Пудожгорскаго погоста: но эти 6 былинъ можно просто оставить въ сторонѣ: я Вамъ пришлю другіе варіанты ихъ же, и кромѣ того переписываю для Васъ 36 былинъ Каргопольскаго и Пудожскаго уѣзда. Всѣ №№ былинъ, начиная съ 7 до 80 включительно, *записаны мною лично*. Кромѣ того у меня есть еще нѣсколько лирическихъ стихотвореній, заговоровъ, стиховъ и проч. Только напишите пожалуйста, что уже у Васъ есть, не потерялось ли чего нибудь?

А вотъ между тѣмъ перечень всѣхъ былинъ [1]....

[1]) Слѣдуетъ перечень былинъ, которыя всѣ почти вошли въ I-ю часть.—*Б.*

3.

КЪ П. А. БЕЗСОНОВУ.

Вслѣдъ за предыдущимъ.

Позвольте еще разъ поблагодарить Васъ за то участіе, которое Вы приняли въ изданіи моего Сборника... №№ 35, 36, 37, 38, 39 и 40 были мною вмѣстѣ съ письмомъ, гдѣ я высказывалъ свой личный взглядъ на Русскую эпическую народную поэзію, отданы г. В., [1]) для передачи Вашимъ друзьямъ. Жаль, если эта посылка затерялась, а въ ней была любопытная былина сатирическаго содержанія «Каково птицамъ жить на Руси» и другая, не менѣе замѣчательная, о Саламанѣ. Черновыя бумаги я забросилъ, но во всякомъ случаѣ постараюсь отыскать и переписать ихъ [2]). Остальные №№ съ 45 по 80 Вы получите въ началѣ декабря. Четыре побывальщины и стихъ о Іоасафѣ записаны *мною* и составляютъ часть сборника. Первая тетрадка стиховъ о Егоріѣ Храбромъ, о Борисѣ и Глѣбѣ, о Книгѣ Голубиной была послана къ Вамъ еще зимою. Но я съ будущей почтою вышлю ее Вамъ вторично потому, что варіантъ о Книгѣ Голубиной очень хорошъ.

Позвольте попросить Васъ присоединить мои тетрадки стиховъ къ Вашему сборнику [3])...

4.

ЕМУ ЖЕ.

14 декабря 1860 г.

Прежде всего посылаю Вамъ реестръ былинъ, записанныхъ мною лично [4])...

Былины, напечатанныя въ Олонецкихъ Вѣдомостяхъ прошлаго года: 1) о Добрынѣ, 2) о Добрынѣ, 3) о трехъ богатыряхъ, 4) о Дюкѣ и 5) о Настасьѣ... Вмѣсто ихъ вышлю Вамъ

[1]) Изъ имѣвшихся у насъ бумагъ видно, что разумѣется г. Вессель. *Ред.*

[2]) Эта посылка позднѣе нашлась и поступила во II-ю часть.—*Б.*

[3]) „Калѣки Перехожіе".—*Б.*

[4]) Означенное въ реестрѣ почти все вошло въ I-ю часть.—*Б.*

на будущей недѣлѣ варіанты, записанные со словъ Бутылки, Пудожгорскаго погоста. А вмѣсто № 5 высылаю былину о Дюкѣ и Шаркѣ, записанную г. Шкалинымъ въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ, гдѣ я еще не былъ. Г. Шкалинъ уступилъ ее для моего сборника, какъ усмотрите изъ прилагаемаго письма его ко мнѣ.

Не всегда я выставлялъ имя крестьянина, отъ котораго записывалъ: да иногда забывалъ это сдѣлать, а иногда опасался спросить крестьянина, чтобы онъ не переставалъ пѣть.—Шальскія былины напр. записаны отъ лодочника, который везъ меня къ Пудожу. № 46—57 записаны отъ Никифора Прохорова [1]).

№№, подчеркнутые въ реестрѣ, еще не высланы въ Москву; вмѣстѣ съ этимъ получите №№ 65—75. Остальные, т.-е. 76—81 вышлю на дняхъ: дѣла у меня много, а писать вечеромъ не могу, утромъ хожу въ канцелярію: вотъ и причина замедленія. Посылаю сверхъ этого черновой экземпляръ Голубиной Книги для Вашего сборника: кажется, варіантъ этотъ очень хорошъ? Если не разберете его, отошлите назадъ, я въ свободное время перепишу его. Кромѣ того для Васъ, быть можетъ, пригодятся два другіе Стиха: послѣдній-то содержитъ любопытныя подробности о мѣстныхъ занятіяхъ. Да напишите, П. А., не нуженъ ли Вамъ стихъ о Алексѣѣ Божіемъ человѣкѣ?

---

[1]) Въ дополненіе къ этому мѣсту приводимъ выписку изъ „Замѣтки" О. Миллера къ IV тому, гдѣ проводится параллель между Рыбниковымъ и такими крупными собирателями, какъ бр. Гриммы и В. Караджичъ, относительно точнаго обозначенія именъ пѣвцовъ. Въ словахъ Миллера слышны отголоски упорныхъ сомнѣній въ подлинности Рыбниковскихъ былинъ; начало этимъ сомнѣніямъ было положено Срезневскимъ, который до знакомства съ „Замѣткой" собирателя не рѣшался даже писать отзыва о Сборникѣ, представленномъ на Демидовскую премію; „Замѣтка" уничтожила подозрѣнія Срезневскаго, но слѣды ихъ, очевидно, оставались въ ученыхъ кругахъ до 1867 г., такъ какъ О. Миллеръ, выпуская IV томъ, счелъ нужнымъ еще разъ говорить о „добросовѣстности" Рыбникова. Вотъ его слова:

„Было бы въ высшей степени страннымъ не признавать, что точное обозначеніе самыхъ именъ сказителей, *впервые строго введенное у насъ г. Рыбниковымъ*, служитъ одною изъ лучшихъ порукъ за его добросовѣстность. Не говоря уже о „Кршѣ Даниловѣ",—и Академія въ изданныхъ ею когда-то былинахъ удовлетворилась почти однимъ обозначеніемъ мѣстности и *отъ кого доставлено*. Въ сборникѣ П. В. Кирѣевскаго также почти не встрѣчаемъ именъ сказителей; лишь изрѣдка помѣчено у него: *отъ старухи, Ѳекла*, и т. п. Но не только у насъ, и въ ино-Славянскихъ и Западно-Европейскихъ сборникахъ

Не поставить ли Соловья Будиміровича прежде Ильи Муромца? Вѣдь Соловей пріѣзжаетъ по морю на кораблѣ за Забавою и уѣзжаетъ опять тѣмъ же путемъ, а это на миѳическомъ языкѣ значитъ: богатырь или богъ съ того свѣта пріѣзжаетъ за богинею. Да и Добрыня съ Потыкомъ не моложе Ильи. Добрыня, спеціальный противникъ Змѣища Горынчища и Тугарина Змѣевича—ни что иное, какъ Индра, поражающій драконовъ, отсюда объясняется и похищеніе Забавы змѣемъ.—Михайло Потыкъ—убиваетъ змѣю подземельную.

Замѣтьте еще связь между Вольгою и змѣемъ. Вольга родится отъ змѣя и цѣлію своей жизни поставляетъ отмстить змѣю за мать. Олегъ умираетъ отъ змѣя. Волховъ, сынъ Словена, превращается въ змѣя и *садится въ бога.* Мѣсто погребенія Волхова *Перынь*, самъ онъ выдаетъ себя за *Перуна* и погибаетъ отъ бѣсовъ, т.-е. тоже отъ змѣя. Быть можетъ, Волховъ или Вольга — одна изъ ипостасей Перуна. Позднѣйшее преданіе пріурочило его свойства къ Вѣщему Олегу, а народная поэзія сохранила о немъ память, какъ о богатырѣ Вольгѣ.

по народной словесности нѣтъ такого точнаго обозначенія—самыхъ именъ сказителей. У Вука Караджича, правду сказать, даже не всегда обозначена мѣстность; даже помѣщая рядомъ два пересказа, онъ просто надписываетъ надъ вторымъ: опет то, мало друкчије", или „опет Свети Сава", и т. п. У Гриммовъ въ примѣчаніяхъ къ сказкамъ есть обозначеніе мѣстностей, но и только, или почти только: иной разъ помѣчено von einer alten frau, и т. п. Съ другой стороны, помѣщенія *цѣлаго ряда* пересказовъ одного и того же, какъ у г. Рыбникова, не видимъ мы ни у Гриммовъ; ни у Караджича. А кому не извѣстно, что Гриммы позволяли себѣ даже сводить въ одно по два пересказа?—И они и Вукъ, полагаясь на свое *чутье*, выбирали изъ пересказовъ тѣ, что представлялись имъ подлиннѣйшими, лучшими. Они поступали въ этомъ случаѣ какъ врачи-знаменитости, сразу позволяющіе себѣ опредѣлять состояніе приходящаго къ нимъ субъекта. Но кто поручится въ томъ, что и они, подобно этимъ врачамъ, при всей несомнѣнной своей даровитости, полагаясь иной разъ и слишкомъ рѣшительно на свое чутье, не дѣлали также, и промаховъ?—Нашъ отечественный собиратель, не задаваясь *пріемами генія*, представляетъ во всякомъ случаѣ примѣръ того, что, при добросовѣстномъ взглядѣ можетъ быть названо только - величайшею добросовѣстностью въ отношеніи къ наукѣ.—Г. Рыбниковымъ сообщены, въ большей части случаевъ даже самыя имена пѣвцовъ; въ замѣткѣ же къ III ч. пояснено, гдѣ и какъ онъ съ ними сошелся. Кто хочетъ повѣрить *своими ушами*,—поѣзжай, отыщи, и послушай".

Ред.

5.

ЕМУ ЖЕ.

Января 18, 1861 г.

Простите, дорогой П. А., что я такъ поздно отвѣчаю на Ваше письмо отъ 23 декабря. Но я недавно воротился изъ командировки, изъ уѣзда, потомъ была у насъ въ канцеляріи ревизія, и я теперь только урываю минуту.

Посылаю Вамъ при этомъ 2 стиха объ Алексіѣ, записанные мною. Первый варіантъ записанъ мною вновь на Шунгской ярмаркѣ, потому что черновая тетрадка моя куда-то затерялась. Тутъ же прилагаю 2 стиха, переданные мнѣ Повѣнецкимъ чиновникомъ.

Но сверхъ того посылаю Вамъ цѣлый сборникъ Стиховъ, записанныхъ семинаристомъ Миролюбовымъ [1]) въ Петрозаводскомъ уѣздѣ (какъ видите, мой примѣръ сталъ находить подражателей). Въ концѣ тетради есть 2 пѣсни, крторыя я пріобрѣлъ для своего сборника. Первая *о Горѣ:* ее можно помѣстить за тою, которую я самъ записалъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ. Вторая пѣсня *объ Огородниковой женѣ и Садовниковой* есть явно паденіе былины о Хотенѣ и любопытна, какъ моментъ перехода народнаго эпоса въ пѣсню. Былина о Васильѣ, напечатанная когда-то въ Олон. Вѣдомостяхъ, есть не что иное, какъ дурно записанный отрывокъ старины о Васильѣ Игнатьевичѣ (№ 45 моего сборника). Прилагаю кстати варіанты № 45, записанные мною на Шунгѣ отъ слѣпого Ивана, дер. Мелентьевской, Купецкой волости, Пудожскаго уѣзда... [2]).

Во время своей поѣздки я успѣлъ соблюсти для себя одинъ день и записалъ вновь 5 былинъ, изъ нихъ четыре со словъ Козьмы Иванова Романова изъ Сѣнной Губы, одного изъ первыхъ сказателей въ Олонецкой губерніи. Эти былины вмѣстѣ со старыми недоимками и превосходною стариною о Ставрѣ, присланною мнѣ въ подарокъ изъ Кижской волости [3]), пошлю

[1]) Этотъ почтенный дѣятель доселѣ трудится съ большою ревностью, собирая народные памятники.—*Б.*

[2]) Приведенное здѣсь разнорѣчіе вошло во II-ю часть Сборника.—*Б.*

[3]) Она вошла въ II-ю часть.—*Б.*

Вамъ въ субботу. Теперь только воротился изъ новой поѣздки по губерніи... Усталъ, измученъ и теперь только, 12 февраля, могу кончить письмо, начатое въ январѣ. Простите, дорогой П. А., за невольную медленность: я самъ переписываю записанное, а тутъ не было свободной минуточки. Въ субботу пошлю Вамъ небольшой сборникъ бѣлорусскихъ Стиховъ, записанныхъ въ Архангельской губерніи.

6.

ЕМУ ЖЕ.

4 марта.

Долгонько же идутъ наши письма... Ваше я получилъ 4 марта и сегодня же отвѣчаю. Послѣ письма я послалъ Вамъ былины и сегодня посылаю послѣднія.—Двѣ былины о Чурилѣ (Гусино-Пленковичѣ), полученныя отъ г. Шкалина, ... предлагаю отнести къ разряду Побывальщинъ, т.-е. такихъ былинъ, у которыхъ стихъ разрушенъ. В. не присылаетъ никакого отвѣта, поэтому я принялся отыскивать разбросанныя и полуистершіяся черновыя тетрадки и списалъ вновь, какъ могъ.

Вотъ реестръ былинъ предпослѣдней посылки:

1. Варіантъ о Васильѣ Игнатьевичѣ (въ письмѣ).
2. о Хотенѣ.
3. о покражѣ 40000 въ монастырѣ Румянцовомъ.
4. о 2-хъ королевичахъ Литовскихъ.
5. о 40 каликахъ.—Четыре эти былины записаны мною въ январѣ 61 г. въ Кижахъ.
6. о Ставрѣ (получена отъ кижскаго волостного писаря Лысанова).

Послѣдняя посылка состоитъ изъ былинъ:

7. о Дюкѣ Степановичѣ
8. о Чурилѣ
9. отрывокъ о Добрынѣ

} со словъ Латышова.

10. о Чурилѣ—записано въ Полуборскомъ погостѣ Каргопольскаго уѣзда.
11. о Кастрюкѣ—тоже.
12. о Добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой (въ январѣ 61 г. записано въ Кижахъ).

13. о Дюкѣ Степановичѣ отъ Бутылки.

14. Побывальщина о Дворянинѣ безсчастномъ молодцѣ.

Дубликаты тѣхъ, которыя были у В. [1]):

36. Каково птицамъ жить на Руси.

37. о Ставрѣ.

38. о Добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой.

39. о Иванѣ Годиновичѣ (о Васильѣ Буслаеичѣ и Концѣ Трипетовичѣ).

40. о царѣ Саламанѣ.

41. о Кастрюкѣ...

А между тѣмъ посылаю вамъ вмѣстѣ съ былинами небольшой сборникъ бѣлорусскихъ Стиховъ (собственно говоря, стиховъ, записанныхъ въ Архангельской губерніи отъ бѣлорусса-калики) и отдаю для Васъ списывать Стихи съ рукописнаго стариннаго сборника.

Имѣю въ виду пріобрѣсти сборникъ былинъ, записанный еще въ прошломъ столѣтіи въ Вологодской губерніи, но пока идетъ переписка, а потому не хочу ничего говорить невѣрнаго.

Теперь я много работаю для канцеляріи, да на первой недѣлѣ или на второй предстоитъ командировка, потому не надѣюсь кончить во́-время статьи своей [2]); впрочемъ, сдѣлаю все, что могу.

Съ одной изъ будущихъ почтъ пришлю вамъ описаніе олонецкихъ свадебъ, заговоры, отпуски и проч. Распорядитесь, какъ знаете.

7.

ЕМУ ЖЕ.

11 апрѣля.

. . . .

Перечитывая послѣднюю страницу вашего письма [3]), чувствовалъ сильную тоску. Вы въ Москвѣ полагаете, что я по крайней мѣрѣ здѣсь свободенъ и разгуливаю, гдѣ и какъ хочу. Между тѣмъ до послѣдняго времени всякое мое путешествіе

[1]) Позднѣе нашелся подлинникъ.—*Б.*

[2]) Объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ собираніе, о самихъ пѣвцахъ и т. п.—*Б.*

[3]) Въ которомъ говорилось о необходимости записать отъ пѣвцовъ все, что они знаютъ изъ творчества, подробности о нихъ самихъ и т. п.—*Б.*

было соединено съ большими препятствіями, а три первыхъ и даже отчасти пятое оставили за собою непріятности... Въ первыя два путешествія выдались у меня пять свободныхъ дней въ это время я записалъ бытовыя пѣсни, заплачки, свадебныя пѣсни и духовные Стихи, собралъ разные рукописные матеріалы.—Въ третью поѣздку въ два съ небольшимъ мѣсяца записалъ болѣе осьмидесяти былинъ, а долженъ былъ между тѣмъ возиться въ сельскихъ, волостныхъ правленіяхъ, со становыми и исправниками. И, наконецъ, въ четвертую поѣздку въ одинъ день записалъ послѣднія былины. Отъ Козьмы Романова записано все, что онъ знаетъ и помнитъ, отъ Рябинина тоже. Въ Шалахъ, Колодозерѣ и другихъ мѣстахъ не могъ оставаться долѣе, чѣмъ оставался, и записывалъ денно и ночно. Возьмите въ соображеніе, что здѣсь любителей бывало много, и начальниковъ горныхъ заводовъ, и губернаторовъ: всѣ они собирали, а что явилось въ свѣтъ? Одна старина въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ. Нужна была вся тяжелая моя школа, горячая любовь къ народу и отвѣтное расположеніе съ его стороны, чтобы въ короткій срокъ, узнавая чутьемъ мѣстность и людей, собрать такія рѣдкости. Я самъ пѣлъ и разсказывалъ крестьянамъ, что зналъ. Бѣдный Рябининъ, не встрѣчавшій уваженія (не къ себѣ: онъ слишкомъ нравственная и серьезная личность) къ своимъ любимымъ былинамъ, послѣ разговоровъ со мною ободрился и самъ сталъ цѣнить поэтическіе обломки, сохранившіеся въ его памяти: для меня онъ нарушилъ Петровскій постъ, въ который ѣлъ только хлѣбъ и коренья, чтобы разсказывать «мірскія вещи». Въ Каргополѣ въ ту же поѣздку я собралъ бы многое, да меня *воротили*... Вновь у меня заготовлено много былинъ, которыя записаны большею частью въ Петрозаводскомъ уѣздѣ: какъ перепишу, отошлю къ вамъ. Къ В. писалъ еще разъ, но отвѣта не получалъ.

8.

ЕМУ ЖЕ.

22 апрѣля.

...Посылаю вамъ *перечень* опечатокъ, пропусковъ и проч. [1]). Я провѣрилъ все печатное по своимъ рукописнымъ тетрадкамъ,

---

[1]) Въ I-й части: онъ помѣщенъ при II й.— *Б.*

отмѣтилъ иныя разнорѣчія, а также и добавки, которыя сдѣлалъ Козьма Романовъ у меня на квартирѣ.—Статью вашу читалъ съ наслажденіемъ и хотя не могу отказаться отъ миѳологическаго значенія богатырей, но я и самъ больше обращалъ вниманія на то, что они значили для народа въ эпоху историческую. Лучшее доказательство найдете въ моей статьѣ. Она начинается картиной труда крестьянскаго по былинѣ о Птицахъ [1]). Гулящая часть земщины отдѣляется отъ ратаевъ и съ топоромъ въ одной рукѣ, съ сохою позади себя, какъ и теперь американскіе піонеры, идетъ на украйны. Судьба этой вольницы различна: одна возвращается на свою на сторонушку (какъ въ «Добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой»), другая ходитъ сказателями — скоморошинами и каликами перехожими, поддерживая единство языка и преданій; третья гибнетъ отъ избытка своей удали молодецкія, какъ богатырь въ рѣчкѣ Смородинкѣ и Василій Буслаевичъ: они въ тягость были бы земщинѣ, ибо не признаютъ уже никакихъ законовъ, не только извѣстной, условной формы. Дружина со своими настоятелями—дѣло другое: они содержатъ земщину при дѣлѣ, при работѣ и при караулѣ. Микулушку (несмотря на его тожество съ Миколаемъ въ Садкѣ и Потыкѣ) я объяснялъ за полгода своимъ знакомымъ, какъ олицетвореніе Земщины въ противоположность аристократу и вѣдуну, патрицію Вольгѣ.

Вамъ я наберу Стиховъ, сколько смогу: сейчасъ посылаю бѣлорусскіе и полученные отъ судьи, и отдалъ для васъ списывать съ рукописей.

Посылаю еще Заговоръ поморскаго охотника и Отпускъ скоту. Напишите, что̀ у васъ есть для второго тома: по моему мнѣнію, помимо заплачекъ и бытовыхъ пѣсенъ должны бы быть:

1) *Козьмы Романова* Хотенъ, 2) монастырь Румянцевъ, 3) сорокъ каликъ—*записаны мною* въ 1861 г. 4) *Кижской волости*, о Добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой, *записанъ мною* въ 1861 г. 5) *Ставеръ*, записанный для меня у Лысанова, волостнаго писаря, 1861 г. 6) *Латышова* Дюкъ Степановичъ, Чурила, *записаны мною* 1860. 7) *Каргопольскіе* Чурила и Кастрюкъ,

[1]) См. ниже, въ прибавленіи къ письму.—*Б.*

записаны мною 1860. 8) *Повѣнецкій* Василій Игнатьевичъ, *записанъ мною* 1861. Сейчасъ посылаю вамъ: челобитную Полозова и договорную грамоту Сатина, сказаніе о городѣ Еросолимѣ, *повѣсть о Басарѣ*, старинный Травникъ и проч.—Повѣсть годится и для сборника. Изъ былинъ посылаю: Щеголенкова, *записанные мною*, 9) (36) Каково птицамъ жить на Руси, 10) (37) Ставра и 11) (38) Василья Буслаевича, неудачливаго молодца. Отъ В. *еще не получалъ* своей тетрадки и долженъ былъ *возстановлять* по тетрадкамъ, гдѣ было записано съ *разсказа* Щеголенкова и поправлено съ *пѣнья его:* тетрадки измараны до безконечности, и какъ ни надѣюсь я на свою память, а въ Ставрѣ не увѣренъ,—поэтому кое-что отмѣтилъ точками. Если получите тетрадки отъ В., печатайте, какъ выписано тамъ [1]). Посылаю еще 4 былины: 12) о *Михайлѣ*, 13) о *Оникѣ*, 14) о *Добрынѣ* и 15) о *Кастрюкѣ*, записанныя мѣстными священниками и переданныя въ мое распоряженіе Н. В. Обручевымъ, составителемъ военно-топографическаго описанія. Еще 16) о *Потыкѣ* и 17) о *Саламанѣ* записаны для меня въ Кижской волости сельскимъ писаремъ. У меня еще остались: 2 былины отъ Шкалина, 18 и 19); 20) о Саламанѣ и 21) о Кощеѣ, записанныя мною отъ племянницы Щеголенкова, 22) Дворянинъ безсчастный молодецъ — *мною* отъ *Латышова*, 23) Дюкъ—*мною* отъ Бутылки, 24) побывальщина о Добрынѣ—*мною* въ Песчанахъ, 25 и 26 — Дюкъ и Гусино Пленковичъ, записанныя г. Шкалинымъ... Я постараюсь сначала изучить Лодейнопольскіе варіанты. И въ Вытегрѣ, и въ Лодейномъ Полѣ у былинъ особый характеръ и складъ, какъ это вы замѣтите сами изъ переданныхъ мнѣ г. Обручевымъ. Жду десятокъ былинъ изъ Заонежья, да самъ въ маѣ изъ путешествія привезу былинъ тридцать или сорокъ.—Вотъ вамъ и второй томъ сборника, не уступитъ первому. Буду, разумѣется, записывать и для васъ Стихи. Пришлю описаніе петрозаводскихъ свадебъ...

Еще разъ жму вамъ крѣпко руку и въ отвѣтъ на вашъ призывъ служить вѣрой-правдой еще разъ повторяю: лишь бы не мѣшали.

[1]) Какъ сказано выше, эти тетрадки послѣ найдены.—*Б.*

О рукописномъ сборникѣ былинъ пока не получалъ отвѣта... Еще посылаю для сборника три любопытныхъ вещи, списанныя мною изъ рукописнаго сборника: послѣдняя—*бой знаковъ Зодіака.*

Каково птицамъ жить за моремъ и на Руси.

Эта былина въ разныхъ мѣстностяхъ поется различно: вполнѣ я ея не слыхалъ нигдѣ. — Изъ сравненія нѣскольких вариантовъ содержаніе ея можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ. Смѣна временъ года приводитъ къ богатой осени. Крестьяне поклали стога, имъ жить хорошо, и прохладно, и весело. Имъ жить хорошо, — вотъ живутъ и цари по царствамъ, бояре по мѣстамъ, мелкіе судьи по деревнямъ, попы-дьяки по погостамъ и прочіе мелкіе люди по подворьямъ. Поклали крестьяне стога, и старики спокойно спятъ на печахъ, старухи по прилавкамъ, молодицы по чуланамъ, малые ребята по зенькамъ. Благословеніе природы, обиліе хлѣба и трудъ мужчины-крестьянина обезпечили жизнь другихъ слоевъ и возрастовъ.

Отъ синяго Дунайскаго моря, изъ тихаго лукоморья прилетаетъ малая птица-пѣвица, садилась на дерево калину и зачала пѣть-жупѣть, хорошо воспѣвати, и стала она на Русь голосъ подавати. Услышали Русскія птицы, слеталися птицы все стадами, садилися около рядами, въ одну сторону головами, садилися онѣ по коламъ, садилися онѣ по изгородамъ, садилися онѣ по малыимъ ракитовымъ кусточкамъ, садилися онѣ вдоль зеленой дубравы, и стали они пѣть-воспѣвати, и стали къ той ли птицѣ прилегати.

— Ты скажи, заморская птица, скажи намъ, не утай же, скажи Божію правду: кто у васъ на морѣ большій, кто на Дунайскомъ меньшій? — Возговоритъ заморская птица: «Глупыя вы, Русскія птицы, за чѣмъ вы къ намъ прилетали, за чѣмъ про сине море спрошали? всѣ у насъ на морѣ больши, и нѣтъ на Дунайскомъ меньшихъ!»

За тѣмъ заморская птица спрашиваетъ у Русскихъ птицъ: «Каково вамъ жить на Руси?» Отвѣчали Русскія птицы:—Хорошо намъ жить на Руси: всѣ у насъ птицы при дѣлѣ, всѣ птицы при работѣ и всѣ птицы *при караулѣ.*

Далѣе, по моему мнѣнію, слѣдуетъ описаніе этой жизни птицъ на Руси при дѣлѣ, при работѣ и при караулѣ. Былина разсказываетъ ее иносказательно, закрываясь словями «на морѣ». Многіе стихи утратили первоначальный видъ и рѣзкость характеристики, по понятнымъ впрочемъ причинамъ. Насмѣшливое отношеніе къ предмету только проглядываетъ кое-гдѣ и совершенно ясно лишь въ слѣдующихъ стихахъ:

Ястребъ на морѣ стряпчій:
Съ богатаго двора беретъ по куренку,
Со вдовы-сироты беретъ по два и по три;
То есть *великая* въ немъ *неправда*.

Въ концѣ былины пѣвецъ прибавляетъ отрывки изъ другой былины: «Каково звѣрямъ жить за моремъ».

9.

ЕМУ ЖЕ.

24 мая.

. . . .

Я и самъ знаю, что для второго тома еще много нужно матеріаловъ, нужно ихъ интересныхъ, потому что и самое дѣло этого требуетъ, и успѣхъ перваго тома обязываетъ. Я на все, посланное уже къ Вамъ, смотрю не иначе, какъ на закладку, а жду самъ съ нетерпѣніемъ лѣтней поѣздки.

При этомъ прилагаю двѣ побывальщины: въ «Дворянинѣ Безсчастномъ Молодцѣ» строчки въ скобкахъ можно пожалуй выпустить. Вписалъ ихъ потому, что въ нѣкоторыхъ журналахъ критики требуютъ непремѣнно дословнаго пересказыванья, находя какой-то особенный интересъ въ наивно-циническихъ подробностяхъ [1]). Замѣтьте впрочемъ, какъ мало такихъ мѣстъ въ былинахъ, записанныхъ у *сказателей*.

Читали вы чревовѣщаніе въ ..... по поводу 2-го выпуска пѣсенъ Кирѣевскаго? Какъ милы эти самодѣльныя разглагольствія о эпосѣ, о значеніи поэзіи вообще. И это не стыдятся

---

[1]) Для удовлетворенія подобныхъ требованій, строчки, здѣсь помянутыя, отпечатаны всѣ во II-й части. – *Б.*

люди писать, послѣ того какъ уже на русскомъ языкѣ есть труды....

Посылаю Вамъ еще нѣсколько сказаній отъ Миролюбова и Попова, и тетрадку съ заговорами, списокъ которыхъ былъ Вамъ посланъ уже прежде. Но теперь я вмѣсто «*Мусала лѣсъ*» прочелъ «*Мусайла лѣсъ*».

Посылаю Вамъ еще варіантъ былины о Михайлѣ Потыкѣ: записанъ дла меня сельскимъ писаремъ Сѣнногубскаго правленія: новаго въ этомъ варіантѣ нѣтъ ничего; дополнены лишь нѣкоторые пропуски. За то изъ него видно, какъ нѣкоторыя былины почти дословно сохранялись въ памяти народной. У Васъ теперь три варіанта этой былины: одинъ печатный, два другихъ рукописные, и всѣ очень близки между собой.

10.

ЕМУ ЖЕ.

10 іюля.

Посылаю Вамъ 10 былинъ, 9 записаны мною, 10-я по моему порученію въ Кижахъ, да еще прибавляю двѣ сомнительныя Старины.

Свои былины я отдалъ было переписать съ черновой тетрадки, да писецъ много навралъ и вездѣ поставилъ «да,» которое пѣвцомъ прибавляется ради красы-басы. А переписывать все некогда....

При этомъ прилагаю описаніе свадебъ, составленное для меня Миролюбовымъ.

11.

ЕМУ ЖЕ.

17 октября.

Съ этой почтой или со слѣдующей Вы получите небольшое собраніе былинъ, записанныхъ мною отъ Терентія Іевлева, внука перваго *сказателя* въ Олонецкой губерніи Ильи Елустаѳьева (т.-е. Евстаѳьева). Тутъ нѣсколько былинъ и Стиховъ, записанныхъ Миролюбовымъ.

Посылаю Вамъ при этомъ и нѣсколько *Заповѣдей*, заповѣд-

ныхъ тетрадокъ, которыхъ Вы такъ добивались; только отошлите ихъ ко мнѣ назадъ по минованіи надобности: я ихъ съ этимъ условіемъ взялъ у знакомаго чиновника.

На-дняхъ жду сборниковъ былинъ изъ Колодозера отъ старика, у котораго я уже прежде записалъ былины, и отъ Сумозерскаго сказателя.

12.

КЪ ДМ. А. ХОМЯКОВУ.

3 ноября.

Къ П. А. я писалъ два раза, послѣ письма его ко мнѣ, и нѣсколько разъ посылалъ былины. Получены ли онѣ? Вотъ вопросъ. Въ послѣднее время были къ нему отправлены былины, записанныя отъ Терентія Іевлева и тѣ, которыя были мнѣ переданы г. Обручевымъ. Вообще мнѣ хотѣлось бы знать составъ 2-го тома, и именно реестръ былинъ, которыя войдутъ въ него. Если бы можно увѣдомить меня объ этомъ, я былъ бы Вамъ очень благодаренъ.

Былины сохранились въ Петрозаводскомъ, Пудожскомъ, Каргопольскомъ уѣздѣ и Пудожгорскомъ приходѣ Повѣнецкаго. Настоящихъ сказателей этихъ древнихъ пѣсенъ не много, я ихъ знаю на перечетъ: 1) Рябининъ, 2) Козьма Романовъ, 3) Андрей Сорокинъ, 4) Колодозерскій старикъ и 5) Бутылка. Кромѣ ихъ, есть еще: 6) Терентій Іевлевъ, внукъ знаменитаго Ильи Елустаѳьева, 7) Калика изъ Лягъ, 8) Поромскій старикъ, 9) Никифоръ Прохоровъ и 10) Щеголенковъ. Вторая категорія, за исключеніемъ 8-го, котораго не знаю, ниже первой. Остальные, какъ калики, такъ и пѣвцы, не заслуживаютъ имени сказателей и знаютъ по двѣ, по три былины. — Отъ 1, 2, 7, 9, 10-го записано рѣшительно все; отъ 5-го, 3, 4, 6—очень многое; на 8-го я не попалъ ни разу. А искалъ я этихъ пѣвцовъ на разстояніи тысячи верстъ; два раза переплывалъ на лодченкѣ черезъ Онего на сорокъ верстъ, чтобы захватить 5-го сказителя, и не могъ лично записать многаго отъ Бутылки, а долженъ былъ поручить другимъ. Записать остальное отъ 3 и 4-го поручилъ я тоже другимъ и жду-не дождусь присылки изъ уѣздовъ.

Много я роздалъ денегъ и семинаристамъ, и волостнымъ, и сельскимъ писарямъ, а отъ нихъ получаю или мало, или дрянь. На-дняхъ одинъ писарь надулъ меня, приславши шесть старинъ, которыя онъ отъ слова до слова списалъ у Кирши Данилова.—Вообще можно положиться только на то, что записалъ самъ или что записано на глазахъ. Но, какъ я Вамъ объясняю, пѣвцы разсѣяны другъ отъ друга на сотняхъ верстъ и за ними не угоняешься.

Посылаю Вамъ въ настоящее время 3 былины, записанныя мною со словъ Андрея Сорокина; двѣ изъ нихъ переписаны очень плохо, да въ деревнѣ не нашлось лучшаго писца, а я тороплюсь отправить посылку къ Вамъ.—О Дюкѣ Степановичѣ начало почти до слова сходно съ № 47 моего 1-го тома, который тоже записанъ со словъ Сумозерскаго крестьянина. Кромѣ того, на особомъ листочкѣ прилагаю варіанты о Дюкѣ.

Какъ получу 15 былинъ изъ Пудожа, перешлю къ Вамъ. Рѣшите сами, нужно ихъ дожидаться или нѣтъ. Черезъ недѣлю получите описаніе свадебъ.

Пишу къ Вамъ рѣдко, потому что я все еще.....

13.

КЪ П. А. БЕЗСОНОВУ.

2 декабря.

Я всегда былъ убѣжденъ, что русскій народъ отозвался въ своихъ произведеніяхъ на все, что ему было дорого, на всякое замѣчательное событіе въ области своего развитія. И чѣмъ болѣе узнаю народное творчество, тѣмъ убѣжденіе это болѣе и болѣе подтверждается.

Здѣсь Вы найдете разсказъ о томъ, отчего измѣна завелась на Руси со времени Іоанна Грознаго, и разсказъ о Петрѣ. Этимъ вещамъ я не придаю особенной цѣны, потому что первый изукрашенъ записывателемъ. Но я надѣюсь, Вы оцѣните по достоинству былину о Алексѣѣ Михайловичѣ. Вѣдь дѣло, по моему мнѣнію, идетъ о *Земскомъ Соборѣ*. Царь спрашиваетъ народъ, отдать ему Смоленскъ или нѣтъ?

Добиваюсь я теперь былины, разсказывающей о борьбѣ Корелъ и Чуди съ Русскими: на-дняхъ достану ее.

14.

ЕМУ ЖЕ.

3 февраля 1862 г.

Прежде посланныя былины записаны были со словъ Андрея Сорокина — изъ Пудожскаго уѣзда писаремъ по моей просьбѣ. Я сталъ было ихъ перечитывать и поправлять, т.-е. не слова пѣвца, а грубыя ошибки записывавшаго: но пришлось ѣхать, и я просилъ отправить Вамъ рукопись въ томъ видѣ, въ какомъ она была мною оставлена. Теперь посылаю Вамъ еще 2 былины и 3 отрывка, записанные въ Кижской волости: имя-отчество пѣвца вышлю въ слѣдующемъ письмѣ.

Собираніе идетъ очень туго.... Хорошо еще, что въ первыя поѣздки я успѣлъ познакомиться съ пѣвцами и могъ поручить другимъ лицамъ записать отъ иныхъ.

Козьма Романовъ былъ здѣсь и пріѣдетъ еще разъ, чтобы ѣхать въ Петербургъ: если же поѣздъ его не удастся, я сниму съ него фотографическій портретъ здѣсь и попрошу знакомаго записать мотивы.

15.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПИСЬМА П. Н. РЫБНИКОВА КЪ О. Ѳ. МИЛЛЕРУ.

21 октября 1866 года.

Не знаю, какъ благодарить Васъ за присылку Вашихъ статей и книги г. Некрасова. Въ послѣдней я въ первый разъ прочелъ смѣлый и самостоятельный взглядъ на формы русскаго глагола. Слава Тебѣ, Господи, и въ грамматикѣ мы начинаемъ отрѣшаться отъ путъ, сработанныхъ иноземной и доморощенной схоластикой. Съ критической частью сочиненія нельзя не согласиться безусловно, и возраженіе можно сдѣлать развѣ только противъ нѣкоторыхъ частностей. Напр., авторъ принимаетъ форму *сговоритъ* за *ся*+*говоритъ*, между тѣмъ, какъ это ничто иное, какъ *зговоритъ*, т.-е. *взговоритъ*, *возговоритъ*: *в* и *и*, по свойству новгородскаго нарѣчія, передъ с + muta отбрасы-

ваются, какъ и въ *зголовье*, *спровѣщиться*, *зводень* (взводень), *зморье*, *споминать*, *стрѣтный*, *стрѣта* и т. д.

О Вашей исторіи словесности желалъ бы когда-нибудь побесѣдовать или написать подробно, а теперь пока сообщу самое существенное. . . . . Было бы желательно, чтобы выводы опирались на еще болѣе подробную разработку фактической основы, чтобы *аппаратъ* былъ, такъ сказать, осязательнѣе. Для этого Вамъ интересно было бы лично познакомиться съ представителями народной поэзіи въ ея настоящемъ положеніи. Такъ, сказка и былина, простите, по моему посильному убѣжденію, у Васъ не разграничены еще устойчиво. Послушайте, какъ *пѣвцы* поютъ былины, какъ *крестьяне* сказываютъ *сказку*,—сейчасъ же родится само собою представленіе о наглядномъ различіи между тою и другою.

Вотъ *сказитель* сказываетъ былину: Вы записываете и чувствуете, что тутъ опущено слово, тутъ стихъ, тамъ подробности и цѣлый эпизодъ. Вы замѣтите ему объ этомъ, онъ поправляется, но вы не удовлетворены: въ поправкѣ слышится случайное. Просите спѣть его то же самое: мгновенно стихъ получаетъ устойчивость, новыя слова замѣняются древними, которыхъ смысла и онъ, быть можетъ, не понимаетъ (напр., кунный, рутить = польск. rzucić), сами собой льются опущенные стихи, неожиданныя подробности. Если и тутъ у пѣвца (а у второстепеннаго въ особенности) индѣ не ладно, значитъ, извѣстная часть былины для него погибла; онъ не рѣшится на самовольную поправку, или же заплата будетъ сама собой бросаться въ глаза. Рябининъ, Романовъ и другіе упорно отказывались отъ продолженія былинъ, конецъ которыхъ они очень хорошо знали въ *содержаніи*, напр., въ I-мъ томѣ хоть Микулушки, 1-го варіанта Потыка (Рябинина) или Ильи и Ермака, Добрыни и Змѣя (у Романова). Послѣдовательнымъ записываніемъ я стихъ за стихомъ выбиралъ у нихъ отрывки, какъ это легко видѣть изъ поправокъ во 2-мъ и 3-мъ томѣ (позвольте, кстати, обратить Ваше вниманіе на эти поправки: въ нихъ много интереснаго), но разъ забытаго вполнѣ возстановить уже было нельзя. *Въ пѣснь слова не выкинешь.* Разру-

шающаяся былина переходитъ въ побывальщину, разрушенная въ *сказку*[1]).

Послушаемъ *сказчика*. У хорошаго слова такъ и нижутся, какъ бисеръ, слышенъ даже ритмъ, цѣлые стихи. Но это въ тѣхъ сказкахъ, которыя онъ *натвердилъ*, часто разсказывалъ. Ритмъ случайный, стихи, явно, изъ обычныхъ былинѣ оборотовъ. Заставьте его же повторить, онъ многое передастъ другими словами. Спросите, не знаетъ ли той сказки кто-нибудь другой - онъ укажетъ вамъ на *однодеревенца* имрекъ. Имрекъ вмѣстѣ съ нимъ слышалъ отъ такого-то старика или перехожаго. Вы просите имрека разсказать ту же сказку. Она передается не только другимъ языкомъ, другимъ складомъ рѣчи, но иногда другимъ ладомъ. Одинъ вводитъ или сохраняетъ жалостныя подробности, другой вноситъ или удерживаетъ насмѣшливый взглядъ на иные эпизоды, третій выбираетъ или прилаживаетъ изъ другой сказки (или изъ общаго всему люду сказчиковъ *склада*, о чемъ послѣ) иную развязку, появляются новыя лица, новыя похожденія. Вы ведете съ нимъ далѣе разспросы, какъ научился онъ сказкѣ: на Ладожскомъ или Онежскомъ озерѣ ловилъ онъ рыбу, на пристанищѣ, въ *фатерѣ* или у костра, у него было слышано много сказокъ: однѣ разсказывались у повѣнчанъ, другія у заонежанъ, третьи у кореловъ, четвертыя у шведовъ (финновъ). Сколько могъ онъ вмѣстить и запомнить по своей природѣ, онъ вмѣстилъ и запомнилъ, а явились у него едва *двѣ, три* сказки. Извѣстныя причастныя всему народу представленія одѣлись въ извѣстное платье, получили извѣстный складъ рѣчи. *Сказка—складка*.

Основа у былинъ и сказокъ дѣйствительно одна и та же въ

[1]) Эти замѣчательныя слова нашего собирателя слѣдовало бы принять къ свѣдѣнію многоуважаемому берлинскому профессору Штейнталю, который въ только что напечатанной статьѣ своей *объ эпосѣ* слишкомъ односторонимъ образомъ налегаетъ на постоянную, волнованію моря подобную измѣнчивость народной поэзіи, вслѣдствіе которой, будто бы нѣтъ никакой возможности въ точности записать ни одной пѣсни, такъ какъ въ устахъ каждаго пѣвца она становится новою пѣснею, и число варіантовъ всегда безгранично. Статья, въ которой выражено это мнѣніе, во многихъ отношеніяхъ, впрочемъ, весьма замѣчательна. Она помѣщена въ 1-й кн. IV-го тома журнала für Völkerpsychologie Лазаруса и Штейнталя. (*О. М.*)

прошедшемъ и отчасти въ настоящемъ. Народное міросозерцаніе, взглядъ народа на прошедшую свою исторію, на житье-бытье — то передается сказкой, то сказывается былиной. Но когда просится на волю представленіе (первопонятіе), оно не стѣсняется образами и выражается сообразно съ характеромъ разсказчика; когда нуженъ образъ, когда нужна пластичность, идеалъ, опредѣленный особью [1]), мѣстомъ и временемъ,—тогда требуется остойчивая форма, стихъ, былевое воплощеніе, тогда произволу мѣста нѣтъ, личный элементъ въ передачѣ уступаетъ мѣсто общему, цѣлому, въ теперешнемъ положеніи эпоса—традиціи. Въ былинахъ личный элементъ сказывается отдѣльнымъ словомъ, выборомъ варіанта; въ сказкѣ—всѣмъ ея складомъ, интригой, развязкой. Былевая поэзія — земская поэзія народа; но какъ земскіе интересы, хотя они и дороги каждому, всѣмъ рядить нельзя, то они и требуютъ особыхъ представителей; чтобы стать ими, нужна любовь къ дѣлу, память, голосъ. Сказочная поэзія — обыденная, бытовая жизнь, переведенная въ представленіе. Каждый тоже, что̀ дѣлаютъ другіе, дѣлаетъ по своему, сообразно съ своею особенностью, *настроеніемъ*, хотя, разумѣется, опредѣляется въ своемъ личномъ творчествѣ народностью, временемъ, мѣстомъ. *Былины*—-область общаго, земскаго, народнаго эпическаго творчества, *сказки*—личнаго.

Такъ, второпяхъ, къ почтѣ, не досказывая, пишу къ Вамъ, что̀ кажется такъ ясно для мысли. Не бросайте этихъ листочковъ, когда-нибудь я попрошу ихъ у Васъ для болѣе серьезнаго изложенія.

Далѣе, я не вижу у Васъ *пока* движенія, развитія отдѣльныхъ былевыхъ образовъ, именно замѣны и перехода старшихъ богатырей въ младшихъ 1-го поколѣнія. Классификація уже положена Вами. Я не согласенъ на противоположность кіевскихъ и новгородскихъ богатырей, какъ она проведена Вами. Богатырь — это вообще яркая, крупная личность, возведенная въ идеалъ. Какъ она, по понятію народному, выходитъ вонъ изъ будничной, сказочной жизни? «Долго-ль мнѣ жить, *дома* тѣ-

---

[1]) Первая степень разрушенія былины—утрата имени и разум. личности у богатыря, утрата опредѣленія мѣста.

шиться, въ глупомъ, въ маломъ ребячествѣ и т. д. Пора мнѣ-ка съѣздить въ раздольице въ чисто поле, поразгонять бурушка косматаго, поразмять плечо богатырское, отвѣдать силы-удачи молодецкія». (Ср. выѣздъ Добрыни.) Надо знать все однообразіе, все semper-idem сельской жизни, обстановки, природы, семейнаго и мірского быта, чтобы понять, съ какою энергіей крупная сила просится изъ нея на волю.

Удалые, богатыри выдѣлились изъ безразличной массы. Не ужъ-то они въ самомъ дѣлѣ стольно-кіевскіе? Почему же Кіевъ не сохранилъ о нихъ памяти, почему сохранилась о нихъ память на украйнахъ Новогородскаго сѣвера, гдѣ до сихъ поръ человѣкъ упорно борется съ природой, гдѣ до сихъ поръ изъ каждаго почти семейства выходятъ вонъ изъ дому *бурлаки* отвѣдать если не силы, то удали молодецкія? Нѣтъ, это богатыри *свято-Русскіе*, общіе всей Руси. Кіевъ такой же центръ, какъ Москва, Петербургъ,—*внѣшній*. Они родились въ цѣломъ народѣ, для цѣлаго народа, у котораго условія жизни и мысли были общія. Мстиславъ Удалой—столько же кіевскій, сколько и новогородскій. Если есть кіевскіе богатыри, вызванные потребностью опредѣлить образъ богатыря кіевскими условіями, то это кіевскіе городскіе богатыри: Хотенъ, Чурила, *Дюкъ*, *Соловей Будиміровичъ* (всякая столица привлекаетъ пришлыхъ людей) [1]).

Новогородская удаль нашла себѣ конецъ въ себѣ самой. Но и младшее поколѣніе свято-русскихъ богатырей, едва ли не по самому народному воззрѣнію, оказалось несостоятельнымъ передъ движеніемъ исторіи. Это рыцарское (?) безкорыстное великодушіе Мстислава Удалаго и Ильи къ побѣжденнымъ на настоящую минуту; эта ихъ индиферентность къ государственному строю ради внутренняго наслажденія подвигомъ, велики съ земской точки зрѣнія, не таковы съ государственной.

[1]) Отвѣчать на все это г. Рыбникову я предоставляю себѣ въ своемъ сочиненіи о былинахъ и во II-ой части моей книги о Русской Словесности.— Я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что т. наз. *кіевскіе богатыри* имѣютъ значеніе обще-русское, но думаю, что въ нихъ, главнымъ образомъ, поэтически выразилась и окрѣпла (застыла до извѣстной степени) *кіевская пора* въ исторической жизни русскаго народа. (*О. М.*)

Исторія покончила съ ними Татарщиной, пославъ предостереженіе въ печенѣгахъ и половцахъ, шведахъ и полякахъ; на татарщину потребовалась уже *Москва*. Вотъ почему и святорусскіе богатыри перваго поколѣнія находятъ себѣ конецъ въ самой мысли народной. Это доказательно ясно не только въ исторіи Ильи Муромца, но и въ отдѣльной былинѣ, описывающей, какъ свято-русскую силу клала русская удаль въ могилу. Если скорбное выраженіе Ильи въ иныхъ былинахъ: на бою мнѣ смерть *на*писана (3-я б. IV ч.: Знаю я, добрый молодецъ, что на бою мнѣ смерть написана), можно покамѣсть признавать обмолвкою или ошибкою пѣвца, то поразительно мѣтко предчувствіе Ильи именно передъ боемъ со Збутомъ королевичемъ (см. поправки въ замѣткѣ III т. къ I-му т. относит. Рябинина): Хоть на бою мнѣ смерть *не* писана (внутреннимъ сознаніемъ благородства и духовной силы), *переступитъ сила черезъ великъ законъ*! Сила олицетворилась на первый разъ въ Татарщинѣ. По 22 был. 1 ч. (бросьте явно поддѣльную или по крайней мѣрѣ дурно переданную и поправленную Меевскую редакцію о гибели богатырей), Илья, Ермакъ и ихъ побратимы перерубили татаръ. Надо бъ подумать о томъ, откуда берутся кочевники, откуда ихъ сила? Или у себя устроить порядокъ, или in eorum fines bellum inferre: Цезарь, побивъ галловъ и германцевъ, сейчасъ заглянулъ въ Британію, походилъ и за Рейномъ. Вы, молъ, сидите-ка у себя смирно; нето я васъ, галловъ и нѣмцевъ, и въ вашихъ трущобахъ сыщу. Наши богатыри довольны мгновенной побѣдой и въ самодовольствѣ проговариваются: кабы здѣсь была сила небесная, прирубили бы и силу небесную. Народный смыслъ (о святотатствѣ внѣшнемъ тутъ нечего и думать) придалъ ихъ наказанію за распущенность силы удивительно наглядный смыслъ. Въ борьбѣ, опредѣленной извѣстнымъ мигомъ времени, Ильѣ не писана смерть на бою; но сдѣлайте борьбу непрерывной, не устоитъ никакая личная сила. Изъ одного татарина дѣлается два, изъ двухъ четыре; кочевники съ каждымъ пораженіемъ выдвигаютъ на Русь все сильнѣе массы, и сила переступила въ XIII столѣтіи черезъ великъ законъ. Илья и побратимы *пересѣлись*. Въ Татарскій періодъ тѣ же богатыри — другіе, передъ Москвой они

рѣшительно сходятъ со сцены. Но во всякомъ случаѣ первое поколѣніе младшихъ богатырей такъ же погибло отъ своего рыцарства (?), какъ погибли малорусскіе казаки отъ своей удали, какъ новогородскіе богатыри отъ *буести* силы.

Я не встрѣтилъ у Васъ характеристики многихъ богатырей; очерченъ ясно одинъ Илья и Пòтыкъ (это произношеніе олонецкое, съ удареніемъ на ò, а не Безсоновское). Дунай, Добрыня, Алеша Поповичъ, Чурила, Дюкъ, Хотенъ—все вѣдь это яркіе образы, не говоря объ Иванахъ, Васильѣ Казиміровичѣ и прочихъ. А противоположность между придворными, городскими—Мариной, Марьей Бѣлою Лебедью, женою Ивана Годиновича, княгинею Апраксою, и сельскими, земскими — Настасьею и Василисою Микуличною, Грозною Настасьею Дмитріевичной?

Ну, да будетъ покамѣсть . . . . Жду съ нетерпѣніемъ продолженія о Татарщинѣ . . . .

II.

ОБЪ ОСОБЕННОСТЯХЪ ОЛОНЕЦКАГО ПОДРѢЧІЯ.

Авторъ этой замѣтки принужденъ относиться къ олонецкому подрѣчію, какъ къ самостоятельному цѣлому, потому что онъ не имѣлъ случая изслѣдовать другія видоизмѣненія сѣверно-русскаго нарѣчія въ губерніяхъ Новгородской, Архангельской, Вологодской, Пермской и Сибирскомъ краѣ; потому онъ поставленъ въ необходимость приводить многія особенности произношенія, словообразованія и флексій, которыя свойственны, быть можетъ, всему сѣверно-русскому нарѣчію и отличаютъ его отъ прочихъ великорусскихъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что совокупность приводимыхъ особенностей принадлежитъ цѣлому здѣшнему краю: въ частности, языкъ, которымъ говоритъ народъ въ Олонецкой губерніи, изрѣзанной множествомъ озеръ, непроходимыхъ болотъ и лѣсовъ, раздѣленной на четыре неравномѣрныя полосы водами Онежскаго озера и раскинувшейся на огромномъ протяженіи, распадается на множество разнорѣчій не только по уѣздамъ, но даже и по волостямъ. Впрочемъ, если оставить въ сторонѣ случайныя измѣненія, производимыя сосѣдствомъ кореляковъ и порчею языка у обрусѣлыхъ корелъ, то изъ этого множества деревенскихъ обособленій выдѣлятся два главныхъ разнорѣчія: а) заонежское и близкое къ нему пудожское и б) каргопольско-вытегорское [1]).

Надлежитъ также оговорить, что авторъ, при собираніи данныхъ, обращалъ вниманіе преимущественно на языкъ женщинъ, которыя, оставаясь большею частію дома, споконъ вѣка

[1]) Въ Олонецкомъ уѣздѣ, большей части Повѣнецкаго и части Лодейнопольскаго живутъ корелы.

передаютъ отъ одного поколѣнія другому рѣзкія отличія мѣстнаго говора, между тѣмъ какъ мужчины, переходя въ отхожихъ промыслахъ изъ одной мѣстности въ другую, проживая въ столицѣ и другихъ губерніяхъ, говорятъ весьма часто языкомъ, въ которомъ всѣ типическія особенности если не совсѣмъ стерты, то далеко не такъ замѣтны, какъ у женской части населенія. Много данныхъ заимствовано также изъ языка бытовыхъ и былевыхъ пѣсенъ, который сохранилъ еще вполнѣ мѣстный колоритъ.

ПРОИЗНОШЕНІЕ.

I.

А. А. у Петрозаводскихъ, Пудожскихъ и въ особенности у Повѣнецкихъ заонежанъ произносится часто какъ *я*, напр.: безъ спрося, разгоряться, лебсять (шлепать по грязи), больня, въ лисяхъ, во сняхъ, вмистяхъ (вмѣстѣ), ярмякъ няйлучшій. Въ нарѣчіяхъ, оканчивающихся на *да*, *а* произносится какъ *ы*, напр.: туды, суды, когды, тогды. Такъ же произносится и въ имен. множ. у существительныхъ съ окончаніемъ *инъ*, напр.: хозяевы, крестьяны, поѣзжаны, напогощаны.

Е. Послѣ *ж*, *е* произносится какъ *а*, напр.: жанихъ, жаланный. Послѣ *д*, *е* у заонежанъ, въ особенности у Повѣнецкихъ, произносится какъ *э*, напр.: молодэнькій, посаждэньице (отэцькій). *Е* переходитъ въ ё въ косвенныхъ падежахъ притяжательныхъ мѣстоименій: мой, твой, свой, напр.: своёй, твоёй, (также сёго, почёстный). Но зато *е* не переходитъ въ ё во 2, 3 лиц. ед., 1 и 2 множ. наст. и буд. времени, напр.: ведешь, веде, ведемъ, ведете. *Е* иногда переходитъ въ *и*, напр.: биздиля (ничего не дѣлающій), захиривать, цирточька (черточка). Иногда *е* звучитъ какъ *я*, напр., въ словахъ: мяцъ (мечъ), тястице, ня пойду (у заонежанъ), имянство. У заонежанъ, въ особенности Повѣнецкихъ, *е* часто переходитъ въ *о*, напр.: робята, тоби, соби, тобя, собя, солоный, разторзать, още (иногда, аще), одва, одиный, борозно (бережно).

И. Послѣ *ж*, въ словахъ производныхъ отъ корня *жадать*,

а сохраняетъ свой звукъ, не переходя неправильно въ *и*, напр., жадоморъ, жадовикъ. Иногда *и* переходитъ въ звукъ, близкій къ *е*, напр.: оберать (убирать), гредня, нецего (ничего), пехнуть. *И* переходитъ часто въ *ы*, напр.: эты, этыхъ, одныхъ, ранныя, самыхъ, рычать или крычать. Въ сложныхъ словахъ изъ предлога *изъ* и корня *и* передъ *з* не произносится, если корень начинается съ согласной, а слово черезъ такое произношеніе не будетъ смѣшано съ реченіемъ, сложеннымъ изъ того же корня и предлога *съ*, напр.: збавлять, злучить, знедобиться (обезсилѣть), за сыра дуба, сподъ, зраненъ, за маленька (изъ, или съ изъ маленька), сошку съ земельки повыдернулъ.

О. *О* безъ ударенія не переходитъ въ *а*. *О* произносится иногда какъ *е*, напр.: неготь, негтиный, гремъ, шепеткомъ, фенарь, ревня (ровня). *Онъ* произносится какъ *ёнъ*. *О* произносится какъ *у*, напр.: *куль* (коли) и въ производныхъ отъ него, напр.: докуль, покуль, откулешный, и какъ *ю* въ нарѣчіяхъ: отсюль, досюль, и производныхъ: отсюлешный, досюльный и проч.

У. *У* произносится какъ *о* въ словѣ: убирать и производныхъ отъ него: оберать, сошка обрана. *У* произносится какъ *ы* въ словахъ: быдь (будь), быдто, забыдущій, и какъ *я* въ въ словѣ: вынять (вынуть).

Ѣ. Буква *ѣ* почти всегда, а на концѣ словъ и во флексіяхъ всегда, произносится какъ *и*, напр.: сиверинь, свитёлъ мисяць, риценька, мни-ка, мійсцо (мѣстечко), обиденка, золото не мидіетъ, серебро не зелизіетъ, гди (впрочемъ, напр., *зди* (здѣсь) звукъ ятя приближается къ *е*). *Ѣ* произносится какъ *е* въ словѣ: бесѣда. Въ окончаніи сравнительной степени *ѣ* звучитъ какъ *я*, напр.: вѣрняе, скуряй.

Ы. Въ прилагательныхъ, оканчивающихся на *ный*, *ы* часто произносится какъ *і* (въ косвенныхъ падежахъ этихъ прилагательныхъ тоже слышится мягкая гласная, напр., дороднему, болотняя, больня); напр., въ словахъ: соборній, дородній, болотній, подугольній. *Ы* произносится какъ *у* въ словахъ: буватъ (бываетъ), безстужій.

Я. *Я* произносится какъ *и* въ словѣ: забоилася.

Ъ. *Ъ* произносится какъ *ь* послѣ *ц* (молодець) и въ оконча-

ніи 3 лица множ. временъ настоящаго и буд. 1 спряженія, напр.: цитають, поють, давають.

Ой, въ соединеніяхъ изъ предлога и глагола: имать, произносится какъ *ы*, напр.: пымать, сымать.

В. В въ предлогѣ *вз*[1]) не произносится, напр.: стрѣта, стокъ, (востокъ), зрадоваться, звеличать, спомню, незгода, здохъ. Когда необходимо нужно удержать звукъ *в*, тогда или между *в* и *з* вставляется *о*, или же употребляется предлогъ *вы*, напр.: высталъ въ сырой дубъ, соколъ вылетѣлъ въ дубъ, выздынулъ (взвелъ) хоромину. Иногда *в* произносится какъ *у*, особенно передъ *д*, напр.: у дѣвушкахъ, удовка (вдовица). Въ деревняхъ, гдѣ населеніе нынѣ и русское, но образовалоеь изъ обрусѣлыхъ корелъ и чудиновъ, такое произношеніе особенно распространено, напр.: лаука, дауно. *В* произносится какъ *м* въ словахъ: макомка, похматка, примицять (привѣчать, напр.: встрѣцялапримицяла (привѣчала) молода жена, чтобы красныя дѣвушки примицяли (привѣчали).

Г. Звуки *г*, *к*, *х* передъ *н* въ срединѣ словъ часто не произносятся, напр.: выстенуть, стено (стегно), застенуть, стоснулося, сманулъ (махнулъ), столнулись, отомнуть. *Г* произносится у Пудожанъ какъ *м* въ словѣ: муница (гуня).

Д. Д произносится какъ *г* въ предлогѣ: *гля* (для).

Ж. Ж произносится какъ *з* передъ *н*, напр.: дорозный, рогозенный, порозный, мезень (бѣлка, битая позднею весною; но въ значеніи лѣтняго времени межень сохраняетъ звукъ *ж*), борозно (бережно), а также: зелизить (желѣзѣть); но въ словахъ: сяжно, корчажный, турыжный, ярыжный, натяжной, *ж* сохраняетъ свой звукъ. *Ж* употребляется вмѣсто церковнославянскаго *жд*, напр.: межу, пробужается, посажены, одежа, допрежъ (прежде); иногда, очень рѣдко, *жд* является вмѣсто обыкновеннаго *ж*, напр.: саждають.

Зж смягчается въ *ждь*, напр.: пріѣждялъ, поѣждяне.

К. К произносится передъ *н* и *т* иногда какъ *х*, наприм.: схнуть, хто, и наоборотъ, напр.: клеснуть (хлеснуть). *Г* произносится какъ *к*, напр.: мяккой.

---

[1]) „Вз" употребляется гораздо чаще чѣмъ „воз."

Л. *Л* произносится какъ *н*, напр.: ожереньице, гайноище (хайлище), и наоборотъ: околница (оконница).

М. *М* произносится какъ *б* въ словѣ бладой (младой); *м* какъ *н* въ словахъ: назень, озень.

П. *П* у заонежанъ не произносится въ словѣ ташка (пташка), а у Пудожанъ произносится какъ *м* въ словѣ мтица (птица).

Р. *Р* произносится какъ *л* въ словѣ перепелка.

Т. *Т* произносится какъ *д* въ словѣ оцюдиться (очутиться) и переходитъ въ *ч* въ словѣ скачёнъ (скатенъ, скатной).

Ц и Ч. *Ц* и *ч* постоянно употребляются одно вмѣсто другаго или, лучше сказать, обѣ буквы произносятся, какъ *ць*, напр.: чѣлый, чѣдить (цѣлый, цѣдить), молодець, умничя (или умниця), ларчя (или ларця), личо (лице), цейця (чайка) цюжой, вецёръ, поворьчусь (цирточька, соцькій); *тъся*, произносится какъ *тьце*, напр.: колотитьце, даваетьце; *шч* какъ *цць*, напр.: ришёццятый (рѣшетчатый).

II.

Вообще олонецкое населеніе, особенно въ Заонежьѣ, любитъ мягкіе звуки и смягчаетъ не только гласные, но и согласные звуки.

Объ употребленіи смягчающихъ звуковъ и придыханій, замѣнѣ *ѣ* и *ь*, перестановкѣ словъ и сокращеніи словъ замѣтимъ слѣдующее:

1. Древнѣйшій твердый звукъ удержался въ глаголѣ *уродовать*, юродствовать; формы *единый* и *одиный* употребляются безразлично. Вмѣсто первоначальнаго мягкаго звука *е* употребляется *о* въ словахъ одва, още, тобя, собя, какъ упомянуто выше.

2. Придыханіе *й* употребляется въ мѣстоименіи ёнъ, ёна, ёно, ёны. Въ косвенныхъ падежахъ мѣстоименія, когда предшествуетъ предлогъ, наставляется или *й*, или *н*, напр.: на ёмъ, на ёй, къ ёй, за нея за рѣчи [1]), за него перстни; *й* является въ срединѣ слова байна.

3. Придыханіе *в* наставляется въ словахъ: въюношь (юноша), Вольга, и удерживается въ словахъ: охвота, охвочъ, обворотистый, обвернуться.

---

[1]) Найной городъ (на иной), восприимемный.

4. Придыханіе *г* употребляется при стеченіи гласныхъ въ словахъ: пригузъ, погалзывать, (герликъ), и вмѣсто *ъ* въ словахъ: дружги (друзья) и тваргожина.

5. Вставка *о* и *е* при плавныхъ *л* и *н* употребляется чаще, чѣмъ въ прочихъ великорусскихъ подрѣчіяхъ, напр.: волога, черево, оболока, полонъ, добёръ, опережь, пело, соромъ, столобъ, хоробрый.

Въ пѣсняхъ употребляются впрочемъ и древнія формы: младъ, злато.

6. Вмѣсто *ъ* вставляется *е*, напр.: смеретушка, полестися (отъ *льстить*), левымъ, верехъ, казень. Посредствомъ того же *ь* постоянно смягчаются звуки: *ж, ц, ч, с, ш*, особенно въ Заонежьѣ, напр.: молодчамъ, поцёсьтный, русьскій, Христосьскій, Шюньга (иногда даже Сюньга), оставежь, вьюношь, ську-ра (шкура).

7. Если слово начинается двумя согласными, часто наставляется *о*, напр.: обрыкъ, оплеть, Опсково, ортина, оскатный, охлобыснуть (воходить, вм. входить).

8. Перестановка слоговъ чаще, чѣмъ гдѣ-либо: долонь, гнила, бережа, заворыдать, суворый, незамочь, схарпывать, бердо (вм. бедро), тверезый (вмѣсто испорченнаго *подчиватъ* употребляется древняя форма *почтиватъ*).

9. Любовь къ сокращеніямъ крайняя: выкидываются не только отдѣльныя буквы, но и цѣлые слоги, какъ напр.: стокъ (встокъ, востокъ), здохъ, столнулись, застенулъ, поворьцюсь, жавроленокъ, мійсцо, видла, сидла, пугвиця, скаце, пляше, иде, радосенъ; не ходь, возь, гляй (гляди), не идь (не ѣзди), племникъ, племница (племянникъ), у мня, урки (уроки), набъ (надобъ); продолженныя древнія формы сохранились въ словахъ: комонь (конь), дочи, лечи, истопка.

III.

Вліяніе кореловъ и чуди, побѣжденныхъ предками русскихъ олончанъ, новгородцами, и загнанныхъ ими въ болота, горы дебри, но во многихъ мѣстахъ живущихъ въ сосѣдствѣ съ потомками побѣдителей и съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе сливающихся съ русскимъ населеніемъ, обнаружилось не въ про-

изношеніи звуковъ или наплывѣ финскихъ словъ, а въ удареніи. Сами корелы заимствовали у русскихъ всѣ слова, означающія культурные предметы и понятія, а изъ своего языка дали только *нѣсколько* словъ общеупотребительныхъ въ цѣломъ краѣ, а не у однихъ обрусѣлыхъ корелъ. Я, по крайней мѣрѣ, знаю лишь слѣдующія: *пажа*, гной (пайзе), *лембой*, чортъ, *ламба*, озеро (ламбы), *кюрзіи* (Лодейн.), блины (кюрзи), *парманъ,* оводъ (пуарму); изъ корельскаго же языка я произвожу реченія: *гарьюки,* литки (гарью, грива) и *занестужъ* (Лодейн.), толстая дѣвка (дьяра нейчуэть, по-чудски, въ томъ же значеніи). Особенно интересно заимствованіе словъ: *малтать* (умѣть) и *рибуши* (тряпки). Корелы, нуждаясь въ словѣ *умѣть*, взяли его изъ русскаго языка и передѣлали въ *мал-тада*; русскіе, вѣроятно изъ подражанія кореламъ или желая имѣть слово понятное и для себя, и для сосѣдей, обратили *малтада* въ *малтать* и употребляютъ его наравнѣ съ глаголомъ умѣть (напр., даже въ пѣсняхъ встрѣчается: онъ не малталъ Богу молиться). *Рибуши* происходитъ отъ корельскаго *риппаку*, которое есть не что иное, какъ испорченное русское слово *тряпка*.

Въ корельскомъ языкѣ удареніе почти всегда падаетъ на первый слогъ; и у русскихъ олончанъ, особенно у женщинъ, удареніе бываетъ очень часто или на первомъ слогѣ, или на ближайшемъ къ нему, напр.: спáсенье, вòдяникъ, жѝвуцись, нá-пала, прѝшелъ, вòшелъ. молòдый. Предлогъ притягиваетъ удареніе на себя, а также и частица *не,* напр., нàемъ, прó тобя, нѧ́ пойду, нѧ́ хоцю. Въ пѣсняхъ слова произносятся правильнѣе.

СЛОВООБРАЗОВАНІЕ.

I. Глаголъ.

1. Прежде всего считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на употребленіе въ олонецкомъ нарѣчіи, въ первоначальномъ видѣ, такихъ глагольныхъ корней, которые уже изчезли изъ прочихъ великорусскихъ нарѣчій. Таковы глаголы: отъ корня *ры*— рыть (бросать), напр.: рылъ эти письма скорописчаты; отъ

корня *пя*—пясть (пинать), напр.: пялъ его правой ногой; отъ корня *ка* — каять; отъ корня *ска* — скать (раскатывать тѣсто), напр.: ски тѣсто; отъ корня *тя*—тясть, напр.: она тяла его за ноги; отъ корня *със* — ссать (сосать); отъ корня *ша* — шаять (горѣть съ дымомъ, напр., ев. отъ Матѳ. XII, реймск. рукоп.: и льна вьнь шася не угасить), напр.: не шайте жараточки муравленые; отъ корня *льг* (откуда польза, льгота)—льзя, напр.: чтобы льзя было пройти; отъ корня *тьр*—тереть (толкать впопыхахъ), напр.: бѣгутъ да трутъ между собой; отъ корня *ня*—нять (досадить); отъ корня *чу*—чуть, напр.: онъ это чулъ.

2. *Залоги.* Отъ первообразныхъ глагольныхъ и другихъ корней употребляются многія замѣчательныя производныя заложныя формы:

а. Дѣйствительныя, образованныя усиленіемъ звуковъ и примѣтою *а*: отъ корня *дѣ* — дѣять, отъ корня *пъх* — пахать (мести), отъ корня *ем*—имать (ловить), отъ корня *баж*—(санскр. бъадж)—бажать (любить), отъ корня *дм*—здымать (поднимать), отъ корня *тьр*, черезъ существ. *торокъ*, — торыкать (ударять), отъ корня *кря* (крен) — крятать и сложныя: укрятать и скрятать (укротить, скрутить), отъ корня *тру* (трун—тру-нье, тряпки)—трынкать (рвать въ клочья), отъ сущ. *пай*—паевать, отъ корня *крох*—крохать (починивать), отъ корня *чаг*—чагать (доставать), отъ корня *вър*—вирать (плести, напр.: вирать лапти), отъ корня *зъб*—зобать (ѣсть что-либо мелкое, розсыпчатое, напр.: конь зоблетъ пшену бѣлояровую), отъ корня *шиб*—шибать (бросать).

б. Среднія: отъ корня *гра*—граять (каркать), отъ корня *гърк*—гуркать (ворковать), отъ корня *гык*—гыкать (о лебединомъ крикѣ), отъ корня *щект* — щектать (напр., по соловьиному), отъ корня *глуд*—глуздить (скользить), отъ корня *бас*—басить (выказывать себя красивымъ), отъ корня *зык*—зыкать (кричать, скоро бѣгать безъ цѣли), отъ корня *рык* — рычать (кричать), отъ корня *кур* — курить (скоро ѣхать на лошади) отъ корня *щеп* — щепить (щеголять), отъ корня *леб* (откуда лебезить) — лебсять (шлепать по мокрому), отъ корня *гам* — гомотить (шумѣть), отъ корня *вик*—викать (пищать), отъ корня *мызгъ* — мызгать (лаять), отъ корня *удни*—удновать (спать въ удни), отъ

корня *реть*—ретовать (сердиться), отъ существ. *обида*—обидовать (обижаться), отъ сущест. *ступа* — проступать (пробивать ногами настъ и вязнуть въ снѣгѣ), отъ сущест. *грязь*—прогрязывать (пробивать ногами тонкій слой засохшей грязи и вязнуть въ грязи), отъ сущест. *уродъ* (юродивый) — уродовать, отъ существительныхъ: *чашникъ*, *посолъ*, *стольникъ*, *постельникъ*, *подворникъ*, *крестьянинъ*, *толмачъ*, *судья*, *баба* (въ знач. повивальная бабка) — чашничать, посольничать, постельничать, подворничать, крестьяновать, толмачить, судьячить, бабить.

в. Дѣйствительныя съ примѣтою *и*: отъ корня *тър*—торить, (напр., коня, т. е. торопить ударами), отъ корня *кор*—корить, отъ корня *пър*—пружить (опрокинуть, напр.: опружить сани), отъ корня *хут* — хутить (прятать), отъ корня *лад*—ладить [1]), отъ корня *рядъ* — рядить, отъ корня *ша*—(шаль, шальной)—шавить (говорить пустяки, напр.: что ты шавишь), отъ корня *гал*—галить (проказничать), отъ корня *роб*—робить (работать), отъ корня *крут*—крутить (одѣвать), отъ корня *гоно̆ш*—гоношить (копить), отъ существ.: *дрока*, *тынъ*, *вдова*, *слеза*, *скорбь*, *перо* — винословные глаголы: дрочить, тынить, вдовить, слезить, скорбить, перить, напр.: дрочить сына по головѣ, тынить тынъ, вдовить женъ, слезить матерей, скорбить лице, стрѣлы перены перьима орловыма, отъ мѣстоименія: *двои*, *трои*, *четверы* — двоить на двои, троить на трои, четверить на четверы.

г. Среднія съ примѣтою *ѣ*: *модѣть* (напр.: дрова модіютъ, т.-е. тлѣютъ; онъ модіетъ, т.-е. слабѣетъ), *мѣдѣть* (напр.: золото не мидіетъ), *желѣзѣть* (напр.: серебро не зелизіетъ); сложныя формы: *за-колодѣть*, *за-муравитъ*, *повы-щербѣть*, *призагормовѣть* (заплѣсневѣть), *про-свѣтлѣть* (зоря просвѣтлила), *порозсвѣтѣть* (мѣсяцъ порозсвѣтѣлъ), *сѣдатѣть* (начинать сѣдѣть).

д. Среднія съ примѣтою *ну*: *елнуть* (дрожать отъ страха), *вереснуть* (лопнуть съ трескомъ), *перехолоднуть*, перезябнуть,

---

[1]) Ладить и рядить употребляются въ самыхъ многоразличныхъ значеніяхъ: лажу сани, обѣдъ, шубу (поправляю), чай; ладилъ ему поединщика; ладился жениться, въ путь; рядить ряды, рядила къ нему чару, наряжай (лошадей), нарядить (привести въ порядокъ); было намѣренье наряжено.

перемокнуть, *надолызнуть* (соскучиться), *затухнуть* (околѣть, употр. о боровѣ) [1]).

е. Среднія, принимающія съ наставкою предлога значеніе дѣйствительнаго глагола: отъ *спѣть* — доспѣть (приготовить), *ступить*—доступить (достать, добраться) *лучить-ся*—излучить (добыть, напр., птицу), *гуркать*—прогуркивать, *забавить* (мѣшкать)—призабавить (промѣшкать, напр.: мѣстечки всѣ призабавлены), *стать*—обстать (стать около), *граять* обграять (черну ворону силы не обграяти), *кичить* (отсюда с-кука, с-кучать)—напрокучить.

ж. Возвратныя: сряжаться, отодраться въ (смыслѣ отдѣлиться), ворохнуться, хутиться, окичаться, прощаться (просить себѣ прощенія), прищивиться (пристать плотно), волочитися, выславиться (разсказывать о своихъ подвигахъ), задаться (поступить въ обученіе или службу), бахвалиться, испровѣщиться, крутиться (одѣваться), крянуться (тронуться съ мѣста), ладиться (собираться, напр.: ладился въ путь), объявиться (оказаться), тощиться, держаться (носиться), обрядиться (прятаться), повернуться (оборотиться), поостопаться, изниматься (выдѣлывать тѣломъ штуки), пріогрюшиться, подлыгаться, пристраниться, доложиться (выпроситься, напр.: доложусь въ гостебище), спознаться (дать себя признать), сподобляться (готовиться).

з. Общія: подумиться, тулиться (прятаться), отслышаться (непослушаться), изнедобиться (обезсилѣть), изгодиться (ослабнуть), понакнуться (согласиться), издаваться (удаваться), поводиться (случиться), застояться (остановиться), извѣриться (выйти изъ вѣры), пересѣсться, молитвиться, помшиться (обломаться), раскрежаться, ископытиться, нажадѣться (почувствовать жажду), обзариться, похвалиться, лучиться (случиться), собиться (быть не по себѣ), распастаться (распоясаться), суровиться (рѣзвиться), разбракаться (разболтаться), супротивиться, прохватиться.

и. Возвратныя, вмѣсто общеупотребительныхъ дѣйствительныхъ и среднихъ: посягнуться (на грѣхъ, на свои руки), завернуться (на дворъ), начаяться (незгоды, и въ то же время—

[1]) Изъ этихъ глаголовъ только оба послѣдніе отбрасываютъ примѣту въ прошедшемъ причастіи (надолызъ, затухъ), прочіе же удерживаютъ (елнулъ, вереснулъ, перехолоднулъ, перемокнулъ, перезябнулъ).

начаять перемѣну), ставиться (силы мало ставится), играться (головами играемся), качаться (сама себѣ головушкой качается); наоборотъ, среднія формы употребляются вмѣсто общеупотребительныхъ возвратныхъ: кручинить, печалить, напустить (Добрыня кручинитъ—печалитъ; ежелибъ было столько силы поганой, напустилъ бы).

3. *Виды.* Въ образованіи видовъ замѣтимъ:

а. Усѣченныя формы для обозначенія мгновенности дѣйствія: заржай бурка по-звѣриному; не смѣй Добрыня къ поленицѣ подъѣхати.

б. Формы, образованныя усиленіемъ звуковъ: гонить (гнать), наквасить, втерать (вставлять), молитвиться, подлыгаться, потыкаться, столыпаться.

в. Формы, образованныя продолженіемъ окончанія глагола помощію звука *а* или *я* и *ва*: отложать (отмыкать), кладать, владать, кухнать, потыкаться, пошатать, дивовать (удивляться), обидовать, ретовать, гибаться, взимать, уродовать (удавается, издавается, дается, оставается).

г. Формы многократнаго вида, образованныя продолженіемъ окончанія глагола помощію звуковъ *ыва* или *ива*: лѣсывать, окладывать, попинывать, отщалкивать, оттрагивать, продрыгивать, притычивать, погалзывать, пофурскивать, прогрязывать, сноравливать, выздыновать, пріопихивать, подрачивать, пересмѣтывать, пожаливаться, подпахивать; особенно замѣчательны формы: пиивалъ (вм. пивывалъ), воивалъ (воевывалъ), поддаивать (поддавывать).

д. Формы, образованныя окончаніемъ *ну:* сколнуть (сколотить), сустигнуть, оброснуть, здынуть, загонуть (загадать), отгонуть, склеснуть, глянуться, крянуть (двинуть), пріужахнуться.

е. Многочисленныя и разнообразныя формы, образованныя приставкою предлоговъ. Въ олонецкомъ подрѣчіи сохранились, съ предложною надставкою, многіе древніе глагольные корни, какъ, напр.: залѣсть (найти), завѣчать, привѣчать (ласково встрѣчать). Предлоги легко наставляются по два и даже по три, напр.: воспрокудиться (отъ корня кудес), поизувалить, испровѣщиться, повыздынуть, понаводить, понадѣться, посото-

паться, призагормовѣть, пріокинуться, спонаравливать, исповыкупить, исповыручить.

ж. Формы совершеннаго вида: стрѣлить и скочить.

Особенно замѣчательно образованіе глагольныхъ формъ съ помощію наставки предлога *по* для обозначенія приготовленія къ дѣйствію: отъ глаголовъ идти, ѣхать, вести, везти и нести—*походить* (собираться идти, напр.: онъ походитъ въ церковь), *поѣзжать* (напр.: поѣзжаетъ Иванушко жениться), *поносить* (напр.: не пьянъ, а поноситъ, т.-е. начинаетъ тошнить), *поводить* (напр.: Добрыня поводитъ Настасью въ палаты), *повозить* (напр.: мы еще не сбираемся, а сусѣды повозятъ товаръ на ярмарку).

Замѣтимъ здѣсь же употребленіе формъ, образованныхъ чрезъ рѣдко встрѣчающееся въ русскомъ языкѣ удвоеніе корня: даденъ (мнѣ былъ въ тѣ поры даденъ рубликъ), облелѣять (облить, напр.: точно вешнія воды облелѣяли).

4. *Дѣепричастіе и причастіе.* Дѣепричастіе настоящаго времени образуется исключительно посредствомъ окончанія *учи*, *ючи*, *учись*, *ючись:* ходючись, бродючись, сядучись, поѣдучись, глядючись.

Причастіе настоящаго времени дѣйствительнаго залога не употребляется, а употребительны производныя отъ него отглагольныя прилагательныя на *щій* и *чій*. Первыя обозначаютъ значительную силу и какъ бы превосходную степень дѣйствія, выражаемаго глагольнымъ корнемъ: говорящій (эпитетъ орла), спящій (спящее зелье, повергающее въ непробудный сонъ), забудущій (повергающій въ забвеніе, отнимающій память, напр.: питье забудущее), плящій, (огни плящіе—ярко горящіе; морозы плящіе—жгучіе, по стужѣ, какъ огонь), злющій, порнящій (необыкновенно сильный). Вторыя обозначаютъ, что дѣйствіе, выражаемое глагольнымъ корнемъ, составляетъ постоянную принадлежность предмета. Олонецкое подрѣчіе особенно богато такими прилагательными: ѣд*у*чая корова, топ*у*чее болото, толкучія горы, двигучій камень, рыскучіе и рыкучіе звѣри, клевучія птицы, капучая смола, зыбучая ольга, свистучій соловей, сверкучая молвія (молнія), пѣвучія птицы, поскакучій горносталь, вертучій человѣкъ, сходучая луда, шумячій порогъ.

Дѣепричастіе прошедшаго времени дѣйствительнаго залога на *въ* употребляется, но рѣже, чѣмъ на *учи*, *ючи*. Причастіе на *шій* переходитъ въ отглагольныя прилагательныя, напр.: платье умершее (траурное). Сюда же надобно отнести прилагат.: овершій, опрокидывающійся, напр.: кровать овершая. Отъ древняго причастія на *лъ* происходятъ слѣдующія формы: а) прилагательныя на *лый:* бывалый, стоялый, упалый (отъ корня *пад*), тухлый (отъ корня *тух*, напр.: тухлое око — померкшее, тухлый громъ — глухой), зяблый (хлѣбъ — позябшій), огорѣлый (напр., корка), даже отъ глагола дѣйствительнаго *видѣть*—видалый (много мудрости видалый); б) существительныя на *ль* съ вставкою *е* послѣ корня: за-пек-е-ль.

Причастія настоящаго времени страдательнаго залога не употребляются; но съ помощію ихъ суффикса образуются слѣдующія формы: а, прилагательныя: грозимый, сладимый, незнаемый, невѣмый (невѣмъ собою), не жалимый; б) существительныя съ помощію окончанія *мен*: сухмень, знамя (родимое пятно), ѣмины, сѣмины. Сюда же я причисляю существительныя: рамень, раменье (дремучій лѣсъ), производя ихъ отъ корня *ра*, отъ котораго происходятъ: ра—ть, ра—жій.

Причастіе прошедшаго времени страдательнаго залога употребительно, какъ причастіе, только въ усѣченной формѣ: по колѣнъ у бурушка было въ грязи угрязнуто, вожено, брато, ловлено, ѵѣхано, хожено; боротось, побратанось, помѣненось; во сыромъ бору байна ронена, на добрыхъ-то коняхъ вожена, по рѣкѣ байна приплавлена, по край бережку поставлена, мшона байна лисицамы, крыта байна куницамы.

Помощію суффиксовъ *н* и *т* образуются: а) прилагательныя: задвенный (забвенный, напр.: задвенный уголокъ), бажоный, порученый или обрученый (княжна порученая), браный (узорчатый), поеный, кормленый, точеный, сажоный (стрѣла перьицомъ сажоная) орленый (стрѣла орленая), плаченый (одежда плаченая, переный (крыльце, стрѣла), виженый (видный), ожуреный (кусокъ), нехоженый, сряженый (явства сряженыя), нелегченый (конь), покореный (родня покореная), куреный (изба курсная), сѣченый (грядка сѣченая), полоненый; б) существительныя: побытье, рукобитье, посаженье или посажденье,

образованье (благословенье образомъ), щепленье, наказаніе (наказъ), изученіе (знаніе обычаевъ), конченіе (смерть), столованье, щектанье; курень (лѣсная изба, отъ *куреный*), сочень (тонкій блинъ, отъ корня *скать*); упрашивальникъ, умоленникъ.

Отъ причастнаго суффикса *тр* образовались существительныя съ окончаніемъ *тай*: ратай, содержатай, сбережатай, ходатай; съ окончаніемъ *тель*: зазыватель, настоятель (правитель).

Неокончательное наклоненіе послужило къ образованію многосложныхъ формъ, изъ которыхъ замѣтимъ: 1) прилаг. вѣсто, (извѣстно); 2) сущ.: рать, драни (все, что можетъ изодрать звѣрь), рвань, спень (сонъ); 3) существ. на *ло*: вертило (вертунъ), лощило (щеголь) вякало (постоянно вякающій), обирало (скупщикъ дичи); хайло, полохало (пугало), сѣдало (насѣсть), ходило (лопатка), трепало, кружало.

II. Мѣстоименіе.

Изъ указательныхъ мѣстоименій замѣчательны:

1. *Сей*, *сія*, еще употребительныя.

Примѣчаніе. Прибавку *съ* въ выраженіи: «Кіевъ градъ очень красивъ *добрись*», я считаю не производною отъ *сей*, а происшедшею етъ слитія *добръ* и *есть*.

2. *Эвтотъ* для обозначенія предмета, ближайшаго къ 1-му лицу, *эстотъ* для обозначенія предмета, ближайшаго ко 2-му лицу, и *энтотъ* для обозначенія предмета, ближайшаго къ 3-му лицу или самаго отдаленнаго (сравни *вотъ*, *вося* и *вонъ*, напр.: вотъ тутъ — ближе ко мнѣ; вося, что *ты* выдумалъ; вонъ тамъ—ближе къ нему). Эвти деньги отдамъ тебѣ завтра. Тебѣ съ эстою удачею молодецкою наквасить рѣка будетъ Волхова. Пѣвецъ, описывая человѣка съ сумочками (см. Сборника нашего часть III, 1. 14) и обращая сначала на него все вниманіе, а затѣмъ, вводя снова въ дѣйствіе Святогора, говоритъ: они съ *эстымъ* человѣкомъ въ полѣ съѣхались. Въ эвту избу не пойдемъ, а пойдемъ въ энту. Энта изба (вонъ та).

3. Указаніе на отдаленный предметъ, безъ опредѣленія степеней близости къ говорящему, обозначается мѣстоименіемъ *той*, *тая*, *тое*.

4. Отъ личныхъ мѣстоименій происходятъ производныя: *ейнинъ*, *а*, *о* (ея) и *ихный* (ихъ), *нашій* и *вашій* (вѣру вѣруетъ не нашую).

5. Отъ возвратнаго мѣстоименія *собя* преисходятъ глаголы: собить (нѣжить) и собиться (Ильѣ Муромцу не спится, мало собится).

6. Вопросительное мѣстоименіе въ первообразной формѣ своей вполнѣ сохранилось: кака у тя кумоха? кая болѣсть! ты коей земли?

7. Отъ отрицательнаго мѣстоименія *ничто* происходитъ существительное: ницевушка (ничего не знающій).

8. Неопредѣленныя мѣстоименія образуются присоединеніемъ частицы *ни*: кто ни, це ни (что ни). Сравни: куды ни.

Чрезъ мѣстоименные суффиксы образовались:

1. Прилагательныя: один—акій, двугоякій, всякоякій, равнакій.

2. Существительныя съ суффиксомъ *ин* для обозначенія единичности: поѣзжанинъ, заморянинъ, чужанинъ, чужбининъ, челядинка, напогощаны, купчина, богатина; березина (вѣтвь березовая), райдина (райда—сухая ива), черемшина, тесина, мостина и мостовина; крупина, теплина, лучинина, заколина, скалина, глушина, лядина, ободверина, пропадина (противоположно собирательной формѣ *упадь*), уразина (одинъ ударъ и послѣдствіе отъ него), собина, хмѣлина.

III. Существительное.

Особенно замѣчательно свободное образованіе существительныхъ приставкою родового признака къ глагольному корню: шипъ, волокъ, смородъ, ломъ (завалъ въ лѣсу, деревья поломанныя бурею), слыхъ, щепъ (щепомъ, щепитъ), торокъ, гадъ, гнусъ, шипъ, здымъ, кряжъ, разъ (отъ того отъ разу отъ великаго), махъ, юкъ (звукъ), палъ; омехъ, про-визгъ, помахъ, призоръ, приборъ, покоръ, на-ростъ (время стечки), нажимъ, суемъ (сходка), ометъ, наметъ, ободъ, суслонъ, суметъ, наконъ, перегрузъ, перебѣгъ, перекладъ, переходъ (ходы въ сѣняхъ), заколъ, заносъ, напускъ, паужинъ, пабѣдъ, насадъ; вой (война; здѣсь *й* принадлежитъ корню глагола); нуда, байна (баня), страда, остуда, извара, пора, дрока, выручка, поволока, прека

(за преку ему стало), сляча (слякоть), нюра (подводная мель,— отъ корня *ныр*), прета, тяга, скуда, середа (полъ), стрѣта, кожемяка, залога, туга, волоча (волочайка), поча, пята (конецъ стрѣлы, противоположный острію), *ольга* (болото), чета (причетники), блеста, назола, покраса, розорва, прорва, оборва, шоболда, заступа, укрѣпа, ступа, нужа (нужда), оброна, удроба, погона, лада (о мужчинѣ и женщинѣ), гуля (по гулямъ); галь, глубь, дробь, дребь, увалъ; падь, сыть (*мень*), выть, рель, ступь, ссыпь (все ссыпное), шаль; уповодь, подкопь, порядь; удни, жолви, верши. Къ этимъ же первообразнымъ существительнымъ принадлежатъ: хортъ, куръ, портъ (иный хвастаетъ портомъ), голь, стѣнь, пьянь, долонь, чадь, свѣсь, пело, плесо, красно. Присоединеніемъ родового признака къ корню образованы также: поднизъ, ископыть, заводь, зàвѣтерь, заберега.

Затѣмъ замѣтимъ существительныя образованныя посредствомъ суффиксовъ:

а) *б*: корба (чаща, отъ *кор-ень*), куделба (отъ кур-ить; съ переходомъ *р* въ *д*), гуньба, гостеба, жадоба, худоба; колобъ (отъ корня *коло*).

б) *в*: усова, жирова (отъ *жира* жизнь), яндова, лыва (лужа), арава, огнева, сдержава, халява, сугрѣва; пернево, марево, тулово (*тул*, тулый), бѣливо (бѣлила), курево, черево, буево.

в) *д*: ромода, райда, луда (мель).

г) *р*: жира (отъ *жи-ть*), падара (буря).

д) *ч*; *ачъ*: косачъ (тетеревъ), ригачъ, рогачъ, *рехкачъ* (10 сноповъ ржаныхъ, сложенныхъ въ кучу), тукачъ (охапка соломы), робачъ (*сухое* и суковатое дерево, отъ того же корня райда—*сухая* ива); *цъ*: деревенецъ, выжлецъ.

е) *арь* (для означенія лица дѣйствующаго): жихарь (жилецъ), дегтярь (птица). Кромѣ того: мизгирь (паукъ) и кос-орь (тупой ножъ; отсюда косоровать).

ж) *ах, их, ох, ух, юх*: птаха (птица), нарядиха, заманиха, засадиха, сдериха (головной уборъ, поддерживающій сороку и сдерживающій вмѣстѣ волоса), кумоха (бѣда, отъ *кума*—лихорадка), галуха (забавникъ, потѣха), веснуха (лихорадка), жаглуха (ящерица, отъ *жгачъ*, *жечь*), скакуха (лягушка), колюха (сорная трава). Этимъ же суффиксомъ образованы: клюха (клюка),

пороха (пороша), жалуха (жалость), доюха (дойная корова и дровни), отжинаха (пирушка послѣ жатвы).

з) *ина* (для обозначенія вещества): собачина, простина (холстъ), ряднина (тоже), бранина (узорчатая ткань), варенина (вареное мясо), палтусина (мясо палтуса); (для обозначенія происхожденія): дѣдина, изотчина; (для обозначенія качества): большина (власть начальства), бѣлина (бѣлизна), ставины (красно), проводины, хлѣбины.

и) *ище* (для означенія орудія и средства): чинжалище (ножны кинжала), шалыжище (ручка шалыги); (для означенія мѣстности): домовище (гробъ), гостебище, наволокище, верховище; печище (отдаленное селеніе); (для означенія мѣста, гдѣ было дѣйствіе или мѣстонахожденіе обозначаемаго корнемъ): стлище (гдѣ разстилаютъ ленъ), рѣпище, льнище (гдѣ сѣяли рѣпу и ленъ), огнище (гдѣ былъ разведенъ огонь), нивище (гдѣ были нивы), сельбище (гдѣ было селеніе).

і) *сть*: супость (злоба, отсюда *супостатый*), лихость, ближность, живность (засталъ его въ живности), дурость, шевелимость.

к) *щ*: сроща (вырастившая ребенка).

л) *ство*: богачество, сирочество, художество (отъ худоба—имѣньице), угожество, именство (имѣніе).

м) *унъ* и *юнъ* (для обозначенія лица дѣйствующаго): хотенъ (хотеня), ѣдунъ, ѣздунъ, ходунъ, хлоптунъ, ерестунъ, шептунъ (всѣ эти три слова обозначаютъ колдуна и упыря), воркотунъ, шигайдунъ (неповоротливый), лявзунъ (болтунъ), чанжунъ (говорунъ), мяляндунъ (крикунъ), горюнъ, падунъ (водопадъ).

н) *анъ*, *янъ*: челпанъ (непочатый коровай), кожанъ (верхнее платье изъ кожи), саянъ (одежда), колсанъ (колчанъ), баранъ (мѣра), губанъ (птица), братанъ (двоюродный братъ).

о) *ш*: мурашъ, миляшъ; катышъ, гладышъ.

п) *с* и *з*: мелузъ (мелкіе высѣвки), ряса (мокрота), туесъ, ропасъ (бугоръ льда). Послѣднія два слова, кажется, не русскія.

р) Мѣстоименные суффиксы *ак*, *ок*, *як*, *юкъ:* большакъ, казакъ (наемный работникъ), сипакъ, ходакъ (сапогъ), водакъ (проводникъ), видокъ, зимнякъ (вѣтеръ), кремлякъ (твердаго

характера человѣкъ), хухлякъ (замаскированный), ветлюкъ и канюкъ (птицы).

с) *га:* ляга (лужа), чичега (иней), сорога (рыба), шольга (трава), тяпуга (мелкая рыба), няртега (мѣра), солодяга, почерпуга, пурьга (буря), сельга (селеніе), брюдга (провожатая жениха), румега (шелуха, можетъ быть отъ корельскаго *рувмень—плевелы*), шалыга.

т) *та*: ласкота, бѣлота, вальгота, могута, подлипута.

у) *ша*: горюша (бѣдная), щелкуша (болтливая баба), клюша (клюка), шолнуша (темная комната за печью).

ф) *са:* воюкса (плакса), плакса (въ собир. значеніи: всѣ плачущіе).

х) *ма*: горма (трава), нельма (рыба).

у) *ка* и *ца*: смолька (стрекоза), похожайка, загожка (кукушка), сойка (птица); чайца (чайка), липка (бабочка), вороница, галица, колпица, турица, билица; ухватка, укладка, упадка, наслышка.

ц) *нь*: липень, свистень (непосѣда), кречень, лубень, ступень, верзни, обочень, отростень, бучень; (для обозначенія времени): межень, ясень, темень.

ч) *ня*: гуня, сходня, мыльня, ложня, братыня, крошня, пожня, ровня; *нь*: пустынь, закопань.

ш) *ля*: куделя, чечуля; *ль*: комель, могуль (могуль—птица могутная).

щ) *ій* и *ія*: сестрія (двоюродная сестра), надія (надежда), молвія (молнія); надій (надежный человѣкъ), опехтюй.

ъ) *мя*: голомя, шеломя, струмя (стремя).

ь) *зо* и *сто*: монисто, огнищато, пененизо.

я) суффиксы для обозначенія коллективности *ад*, *ед*, *яд*: щенядь, мокредь, теплядь, темедь; *ак*, *як*: листнякъ, косякъ (табунъ); *ье*: витье, павитье, дубье, колодье, сметье, пенье, гвоздье, ямье, щилье, жеребье (рубленый свинецъ); (вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣстности): подкопье, поднебесье, затресье, загуменье, лукоморье, затонье, налучье; (вмѣстѣ съ коллективностью и времени): безполье, бездорожье, безвременье, обночье, пабидье, сѣнограбленье, сполье, безволье, безвѣчье, очелье.

Изъ употребляющихся только во множественномъ олонецкому

подрѣчію свойственны, кромѣ вышеприведенныхъ: охаратки, счастки, умои, потеменки, шалги, шарки, имачки.

Многія существительныя имѣютъ въ олонецкомъ подрѣчіи иной родовой признакъ, чѣмъ въ прочихъ великорусскихъ: холма, оболока, пшена, проступка, поприща, крылосо, яблакъ, острей; вьюношъ, путь (по той ли пути).

Вмѣсто *иня* употребляется *ини, ина*: княгина, государина или княгини, государыни; вмѣсто дочь—дочи, мать—мати.

Увеличительныя, уменьшительныя, ласкательныя и унизительныя въ большемъ употребленіи, чѣмъ гдѣ-либо:

а) Уменьшительныя образуются съ помощью общеупотребительныхъ суффиксовъ *к* и *ц*: Садке, воронке, челочекъ (коронка), борчикъ, вьюнчикъ, стойка, стопка, тычка, истопка, знадебка, лумка (ямка), исподка, здымка; голячокъ; счастки, умоечки; бездорожица, поселица, божница, дѣльница, подпольница, ровница, маломошица; коковка, тяпушка; крылецъ, яснецъ, дубецъ, типецъ, ставецъ, щилецъ, корецъ, свѣтецъ, малецъ.

б) Ласкательныя съ помощью суффикса *ен* и надставнаго *уш*, *ыш*, *ел* къ суффиксу *к*, а также черезъ суффиксъ *це*: спозараньице, раставаньице, покладьице (кладбище), провожаньице, посажденьице, гостибьице, гостьица; жирушка, ровнюшка, остудушка, кудерышки, смеретушка, волокитушка, нешутушка (жена брата), капелюшка, лѣсышко, утрышко, судешко, озерышко, свѣтышко, слезушка; дороженька, обѣденька; брателко, чаделко.

в) Унизительныя съ помощью суффиксовъ *ыг, яг*, *ня*, *ря*: базыга, булыга, холостяга, звяга, верещага, моняга, мальга, мелюзга; моня, изнимоня; сонуря.

г) Увеличительныя, черезъ суффиксы *ище* и *ина* (съ браннымъ оттѣнкомъ): мужичина, ортина, халуина, холопина, тваргожина; гайноище (хайлище), уродище, сынище, огужище, мужище.

Смягчительныя формы распространяются и на другія части рѣчи: охти мнѣшиньки, скорехонько.

IV. Прилагательное.

Прилагательныя образуются чрезъ суффиксы:

а) *р*: просторый (просторный), матерый.

б) *к*: глудкій, поверткій, емкій.

в) *л*: тулый, подхилый, полый, рохлый (незрѣлый).

г) *н*: пабѣдный, дородный, сверстной, зорной, ярыжный, турыжный, зынчный, темный (слѣпой), ознобный, надійный, могутный, порной, огульный, меженный, вальявочный, гусельный, земельный, дубяный, вѣнчальный, злодѣйный, поносный, волжаный, медвяный, огульный, мѣстный, смородный, волокитный, безпосульный, рядобный, жадобный, доходный (доходящій), уходный, запольный, завозный, зарукавный, издачный, снарядный, сесвѣтный, свычный, розливный, пролетный, пометный, подневольный, подорожный, натяжной, маломочный, полномочный; ружейная (комната), лучейная; сяжно.

д) *ав*: хупавый; *ов*: яловый, щитовый, багрецовый, ясновый, варовой.

е) *ив* и *лив*: наступчивый, обжорчивый; завидливый, застойсливый, задумсливый, щепетливый, упачливый, омансливый (обманчивый), захвастливый, ретливый, тоцливый, поклонливый, покорливый.

ж) *ат*: сѣдатый, зубатый, супостатый; яровчатый, берчатый, бручатый, жаровчатый, собольчатый, шеломчатый.

з) *аст*: зубастый, кубовастый.

и) *ист*: обворотистый, крякновистый, ступистый, надвѣсистый, удоистый, разтрубистый, поджимистый.

Изъ относительныхъ прилагательныхъ, кромѣ приведенныхъ при суффиксѣ *н*, укажемъ: княжая (брюдга, боярыня), дѣвочій, Суффиксы *инъ* и *овъ* употребляются безразлично: батюшковъ и батюшкинъ, соловьевый и соловьиный.

Изъ образованныхъ посредствомъ суффикса *ск* приведемъ: безхозяйскій, польскій (польскій воронъ), княженецкій, отецкій, яровицкій, волшенскій, Иваньскій, Христосьскій.

Отъ прилагательныхъ на *скій* образованы существительныя при помощи суффиксовъ:

а) *ина*: халебщина (даровщина).

б) *икъ* и *ица*: рядовикъ (пирогъ съ житными блинами), рыбникъ, гороховикъ (пирогъ), косовикъ (пирогъ), житникъ (пирогъ изъ ячменя), молочникъ (трава), гогарникъ (трава); колосникъ (снопы), грязникъ (мѣсто на дорогѣ, на которомъ всегда вода), денникъ (огороженное мѣсто для корма скота), надлавочникъ;

трубникъ, пятникъ, потникъ, рукотерникъ, ручникъ; медовикъ и медуница; замолотникъ, подворникъ, метельникъ, присѣнникъ, пособникъ, супротивникъ, петельникъ, товарникъ, кроватникъ, лопатникъ, надлетникъ, рожникъ, челядникъ; дворовикъ, баенникъ, водяникъ, лѣсовикъ, домовикъ, ригачникъ; басонщикъ, опытовщикъ, собольщикъ, постельщикъ, пищикъ, думщикъ, позовщикъ, общѣнщикъ; порутчикъ (порука), челомбитчикъ; наложница (постельница) вопленница, плакальщица, горетница, пашница, перемѣнщица, стравница, пособница, бральщица (ягодамъ), ломальщица (рыжикамъ), трудница.

Изъ смягчительныхъ суффисковъ *ешенькій* употребляется очень свободно: любешенькій, станешенькій, низешенькій, долинешенькій, широкошенькій.

Качество ослабляется суффиксомъ *оватый*: шатоватый, печаловатый, кручиноватый, валоватый, зубоватый (противоположно *зубастый*), стуловатый, человѣковатый (дѣвушка, которой скоро пора замужъ, называется человѣковатою).

Въ степеняхъ сравненія замѣчательно образованіе превосходной черезъ надставку *наи:* наистаршій, наилучшій.

V. Числительное.

Дробныя числа съ прибавкою *пол* образуются весьма свободно: полтретья, полпята (полпята ведра).

VI. Нарѣчіе.

Изъ первообразныхъ формъ укажемъ: здѣ, ту, нани; затѣмъ: сутычь, поцяй (почти).

Изъ суффиксовъ нарѣчій замѣчательны:

а) *сь* для обозначенія прошедшаго времени, зимусь (прошедшей зимою), веснусь, осенесь, лѣтось, ночесь, утрось, лонись, оногдась.

б) *ль:* докуль, досель, посель.

в) *жды:* двожды, трожды, другожды, иножды (вм. иногда).

г) *чу*: теперечу, нынечу (нынечку), давечу.

Съ помощью падежныхъ окончаній образованы: пѣхотою, пѣшомъ, нападкою, силомъ, передомъ, окаракою, вечеру, утрѣ, сегоду, дивья.

Отъ прилагательныхъ нарѣчія образуются такъ же свободно, какъ и въ прочихъ великорусскихъ говорахъ: кроваво (сильно), раже, дюжо, просто (легко), столько (въ значеніи *только*); паче, пуще.

Изъ сложныхъ нарѣчій замѣчательны: наопако, наповороть, впотай, наоколъ, натодиль, позаочь, отдали, споволи, поверсту, на испашку, въ тонкую, понапрасные, заобщая, въ упалу, за маленька, вдругорядь, по-другому.

Отъ нарѣчій происходятъ прилагательныя: досюльный, досюлешный, откулешный; въ особенности же замѣчательны: *тамый* (я изъ тамаго изъ города Муромля) и *вонный* (на вонную сторону).

VII. Предлоги.

Предлогъ *через* употребляется и въ видѣ нарѣчія: дни на черезъ, черезъ перестрѣлилъ.

Кромѣ общеупотребительныхъ предлоговъ изрѣдка употребляется *пра*: пра бережку.

Предлогъ *въ* иногда удвояется: вовъ чистомъ полѣ.

Въ видѣ предлога употребляется *край*: край пути-дороги, край синя моря.

Изъ слитныхъ предлоговъ замѣтимъ:

а) *па*: для обозначенія въ сложныхъ словахъ черезъ наставку *па* неразвитія или преждесуществованія того, что̀ выражается корнемъ: падчерича, пасынокъ, паужинъ (ѣда до ужина послѣ обѣда), пабѣдъ (ѣда до обѣда), павитье (молодыя вѣтви), паморокъ (неполный мракъ), пабѣда (бѣда не вполнѣ), пакисель, памха, паполза, паскуда, пасока, пачесы.

б) *су:* сувой, сугрѣво, сугрѣва, сумленье, сутычь; супостатый, супротивный, сусѣдъ, сугона, сустигнуть, сурядниный, суметъ, суслонъ, суемъ.

в) *вы* вмѣсто *воз:* выстать, вылетѣть (см. выше).

г) *за* для обозначенія мѣстности, закрытой тѣмъ или отъ того, что выражается корнемъ слова: завѣтерь, затресье, заводь, заберега, затопье, заколье, закопань, загуменье, застолье.

VIII. Союзъ.

Изъ союзовъ первообразныхъ замѣчательны: бывъ (будто), инъ (а между тѣмъ); изъ сложныхъ: ажно, альни, сяко (сяко

надоть?—надо ли? сяко дать?—дать ли?), почто (зачѣмъ), естьбы (ежелибъ).

Для усиленія прибавляютъ частицы *ка* и *ва*: здѣ-ка, мнѣ-ка, мнѣ-ка-ва, здѣ-ка-ва.

Слова сложныя.

Изъ сложныхъ существительныхъ замѣтимъ: большоуголъ, верноуголъ, пестьноуголъ[1]), сѣноставъ, сѣнограбленье, керегодъ; изъ прилагательныхъ: богадѣльный, бѣломпаный, бѣлояровый, великоденный, водоплавный, вѣковѣчный, двуемѣсячный, двуродимый, долгомѣрный, маломочный, одномѣдный, одноличный (одного лица), одноносный, кологривый, натодильный, рудожелтый, самосмѣнный, сесвѣтный, сухояловый, часторыбій, частоплетный, частоступчатый, частоберчатый.

СЛОВОИЗМѢНЕНІЕ.

I. Спряженіе.

Въ настоящемъ времени 2 лицо един. числа отъ глагола *ѣсть* и *дать* иногда послѣ отрицанія сохраняетъ древнее окончаніе на *си*: не ѣси, не даси.

Третье лице единств. числа на *етъ*, если предшествуетъ окончанію гласная, отбрасываетъ ее, продолжая гласную примѣты: даватъ, валятъ, обиратъ; если же корень прямо присоединяется къ окончанію, то отбрасываетъ *тъ*: скаче, пляше, везе.

Третье лице множеств. числа того же времени глаголовъ II спряженія оканчивается на *я*, напр.: сидя, ходя; у глаголовъ же I спряженія оканчивается на *ть*: даваюдь, играють.

Употребляется настоящее время отъ формы вида продолженнаго: даваю, продаваетъ, издавается, оставается.

Хотѣть спрягается по 2 спряженію: хочу, хошь, хотитъ, хотимъ, хотите, хотятъ и хочутъ.

Купаться спрягается по 2 спряженію: куплишься, куплится.

---

[1]) Въ Пудожскомъ уѣздѣ *ч* произносится въ нѣкоторыхъ словахъ какъ *сть*, напр.: Пестьяны (Песчанскій приходъ), пестьноуголъ (печноуголъ).

II. Склоненіе.

Мѣстоименія.

Я: род. ед. *мня*.

Ты: род. и дат. ед. *тобя, тоби*, и вин. *тя*, твор. иногда тобою.

Себя: род. и дат. ед. *собя, соби*.

		Един.		Множ.
Онъ:	Имен,—*е*нъ,	*е*на,	*е*но	*е*ны, *е*ни, *е*ни.
	Род. —*е*го,	*е*й — *е*я,	*е*го	ихъ.
	Дат. —*е*му,	*е*й,	*е*му	имъ.
	Вин. —*е*го,	ю—ню	*е*но	ихъ.
	Тв. —имъ,	*е*й,	имъ	има.
	Пред.—*е*мъ,	*е*й,	*е*мъ	ихъ.

		Един.		Множ.
Тотъ:	Им. —той,	ты*е*,	то*е*	тыи, тыя, тыи.
	Род. —того,	тыя,	того	тыхъ.
	Дат.—тому,	той—то*е*й,	тому	тымъ.
	Вин.—того,	тую—то*е*,	то*е*	тыхъ, тыя.
	Тв. —тымъ,	тою—то*е*й,	тымъ	тыма.
	Пред.—то*е*мъ,	то*е*й,	то*е*мъ	тыхъ.

Сей: сёго, сёму.

Кто и *что* (хто и цё): кого, цёго, кому, кимъ, цимъ.

Кой, *коя*, *кое*: коего, кого, коёй, коему, коёй, коимъ, коей, и т. д.

Вмѣсто *какая*, *такая*, *какіе*, *такіе*, *другая*, *другіе* и прочихъ мѣстоименныхъ формъ на *ая*, *ое*, *іе*, употребляются иногда усѣченныя: кака; друга, други и т. д.

Существительныя.

У именъ существительныхъ 2 склоненія на *а* дат. ед. числа кончится на *ы* вмѣсто *ѣ*: рыбы, воды; у именъ на *на* оканчивается, какъ у прилагательныхъ, на *ой*: королевичной, Романовной, Микуличной.

Имена ласкательныя муж. рода на *ко* (вм. *ка*) имѣютъ въ род. ед. числа *ка*, въ дат. *ку*, въ вин. *ка*, въ твор. *комъ* и т. д.: *батюшко*, *ровнюшко*, батюшка, ровнюшка, батюшку, ровнюшку, батюшка, ровнюшка, батюшкомъ, ровнюшкомъ. *Любовь* въ род. и дат. имѣетъ: *люби*, напр.: до люби.

Лицо въ вин. ед. иногда принимаетъ окончаніе женскаго рода: лицю.

Сила въ твор. един. имѣетъ: силомъ.

Имен. множеств. отъ *другъ*, *зять*, *кумъ*, *шуринъ*, *сватъ*, *лугъ*, *даръ*, *мужъ* оканчивается на *ья*, *овля*, *евья*: дружья (дружги), луговья, даровья, мужевья, зятевья, кумовья, сватовья, шуревья.

Сущ. на *инъ* въ им. множ. оканчиваются на *ы*: хозяевы, поѣзжаны, напогощаны.

Кречень, *соколъ*, *татаринъ* въ род. множ. имѣютъ: креченей, соколей, татаревей.

Твор. множ. оканчивается на *мы* и рѣже на *мъ*: булавамъ, кушакамъ, рукамы, ногамы, рядамы, стадмы—стадомъ, рядьмы—рядомъ. Предложный падежъ множ. числа оканчивается иногда на *яхъ* вм. *ахъ*: во сняхъ, въ мистяхъ.

Прилагательныя.

Творит. множ. оканчивается на *ма* вм. *ми*: всѣма, цѣлыма, стоялыма.

П. Рыбниковъ.

III.

ОБЪЯСНЕНІЕ НЕПОНЯТНЫХЪ И ОБЛАСТНЫХЪ СЛОВЪ, ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ ВЪ СБОРНИКѢ.

А.

Ажно—*анъ, а между тѣмъ.* Я думала, комарики покусываютъ, ажно русскіе богатыри пощалкиваютъ. Считали нѣтъ жива Ильи Муромца, ажно живъ Илья Муромецъ.

Аки—*какъ.*

Альни, альни—*то же, что* **ажно**. Альни столъ въ щепья приломается, альни-мать земля да сколыбается.

Аще—*еще*: 1) *Еслибъ.* Аще въ небеси было бы кольцо. 2) *Вотъ еще.* Аще ты, Издолина поганая! тянешься ты, потягаешься, а на жильяхъ ты не оторвешься. 3) *Вотъ.* Аще станутъ тотъ напередъ, да другой напередъ: тому-то надо выславиться, да другому надо выславиться; это есть не храбрые воины.

Б.

Багречовый, багрецовый—*краснаго, пурпурнаго цвѣта.* Сверху стланы сукна багречовыя.

Бажоный, пуд. [1])—*любимый.* Бажоные дѣтушки. Бажоный городокъ. Одна женочка бажона.

Базыга—*хрычъ.* Ай же ты, старая базыга ново-древняя.

Байна, баенка—*баня.*

Баса—*краса.* Не ради красы-басы.

Безбратній—*неимѣющій брата.* А сестра есть не безбратняя.

Безвремяньице—*невзгода.*

Безвѣчить—*изувѣчить.* Старухъ обезвѣчили.

Безвѣчье—*увѣчье.* Далъ ему безвѣчье вѣковѣчное.

---

[1]) **Пуд.** — Пудожское, **Карг.** — Каргопольское, **Заон.** — Заонежское нарѣчіе.

Бездорожица—*мѣсто, гдѣ нѣтъ дороги.* Пошли они по чисту полю не дорогою, бездорожицею.

Бездорожье, бездорожьице—*время, когда нѣтъ прохода и проѣзда по дорогамъ.* Осенью бездорожьице.

Безобсылочно—*не посылая о себѣ предувѣдомленія.* На дворъ заѣхалъ безобсылочно.

Безотній—*не имѣющій отца.* Хоть я есть дочи безотняя.

Безполье, безпольице,—*время, когда нѣтъ прохода по полямъ.* Весною безпольице.

Безпосульный—*неподкупный.*

Безумица—*безумный.* Али безумица тебя обезчестила.

Безхозяйскій—*гдѣ нѣтъ хозяина.* Домы безхозяйскіе.

Бережій—*жеребый.* Бережи кобылы ожеребились.

Березина—*палка, прутъ березовые.*

Блеста—*кольцо, вдѣланное въ металлическую доску и прибитое къ воротамъ.* Бьетъ Бермята въ блесту позолоченную.

Богадѣльный—*эпитетъ тюрьмы.*

Богатина, карг.—*богачъ.* Какая это наѣхала богатая богатина.

Богачество—*богатство.*

Бодра—*бедро.* Подхватила-то его на косу бодру.

Большина, 1) *Управленіе дѣломъ.* Воля ваша, а большина наша. 2) *Управленіе, должность.* Снялъ Чурила съ этой большины, поставилъ на большину на иную.

Большо-уголъ—*главный въ избѣ уголъ, гдѣ стоятъ образа.* Сажаютъ молодца въ большо-уголъ.

Борчикъ—*уменьш. отъ борецъ.*

Браный—*узорчатый, вышивной,* напр.: браная скатерть, браный пологъ, браный гость (*вѣроятно, не простой, а разодѣтый*).

Брателко, карг. и **пуд.**—*братъ.*

Бродомъ брести, гл. ср. Мелкіе-то ручейки бродомъ брела.

Бродучій—*эпитетъ ступы.* Дюкъ ѣдетъ сзади ступою бродучею.

Бродъ—*слѣдъ, тропа.* Наѣхалъ онъ на бродъ лошадиный.

Бручатый—*брусочный, песчаниковый.* Лежалъ бручатый бѣлый камешекъ.

Брюдга—*провожатая жениха.*

Бухканье—*буханье, хлопанье.* Охканья не слышно, бухканье.

Бы—*будто.* Молодцы бы на коняхъ бы свѣчи де горятъ.

Бываетъ—*можетъ быть.*

Бывъ—*будто.* Бывъ какъ трава растетъ. Бывъ налетала птица малая пташица.

Быдь—*будь.* Хоть кто хошь быдь.

Бѣлица или **былица** (отъ билье, быліе-растеніе, коренье)—*волшебница.* По три дни онъ билицъ-волшебницъ скликивалъ, не могъ билицъ онъ докликатися. И сказали ему бѣлицы-волшебницы.

Бѣломшаный—*оконопаченный бѣлымъ мохомъ. Эпитетъ стѣнъ избы.*

Бѣлота—*бѣлизна.*

Бѣлояровый—*эпитетъ пшена.*

В.

Ва, приставка къ частицѣ **ка** для ея усиленія. Поминай меня Добрынюшку убитаго, а тебѣ-ка-ва воля вольная.

Вальявочный,—*вальнщетый, рѣзной.* Не разстегивалъ пуговку вальявочну.

Вальянъ, вальянокъ—*рѣзная, чеканная работа.* Пуговицы были вальячные, вальянк-отъ литы красна золота.

Варенина—*варево, вареное пойло для скота.* Кобыла по лохани ѣла варенины.

Вдвоемъ — *вдвое.* Сколько ни рубятъ, а вдвоемъ, втроемъ коньми топчутъ.

Вдовить—*лишать жену мужа.* Не вдовилъ Добрыня молодыхъ женъ.

Великоденный—*христосскій, свѣтло-воскресный.* Въ субботу великоденную.

Вереснуть—*лопнуть съ трескомъ, какъ масло трещитъ на огнѣ.* Кожа у него вереснула.

Верехъ—*верхъ.* На верехъ кладалъ сѣдло черкасское.

Верно-уголъ, дверно-уголъ—*уголъ направо отъ дверей.*

Верховище—*маковка.* Кудерки колечками свивались вкругъ верховища.

Верчатый, см. *Браный.* Скатерти верчатыя.

Вершокъ—*уменьшит. отъ верхъ.*

Ветлюкъ—*родъ кулика.*

Ветлянная нешутушка, заон.—*невѣстка, братнина жена.*

Взимать—*брать.* Не взимайте шалыгъ подорожнiихъ.

Видалый—*видѣвшій.* Мудрости мало видалый.

Виженъ—*виденъ.* Татаринъ въ глаза виженъ былъ.

Виловатый—*искривленный.* Береза виловатая.

Витье—*вѣтье, вѣтка.*

Вмѣсто—*вмѣстѣ.* Толнетъ лбами вмѣсто, и души нѣтъ.

Водоплавный—*эпитетъ сѣрой утушки.*

Водверье, *см. Ободверина.* Повыкинетъ вонъ дверь со водверьемъ.

Возгакати—*закричать по лебединому, кыркать.* Бѣлой лебеди возгакати.

Воивать—*многокр. форма отъ воевать.* По вою ты не воивалъ.

Вой—*война.* По вою ты не воивалъ.

Волжанка—*клюка изъ дерева иволги.*

Волоча—*человѣкъ, который волочится, шатается безъ дѣла.* Волоча-голь кабацкая.

Волочитися—*переходить съ мѣста на мѣсто.* Было бы чего калѣкѣ ѣсть да пить, да чего калѣкѣ волочитися.—Отсюда **Волокитный,** *бывалый.* Только шелъ-прошелъ калика прохожая, волокитная.

Вольгота—*свобода, вольный шагъ.* Поѣдетъ Самсонъ тихою вольготою.

Вонный—*отъ корня вонъ, внѣшній.* Пролетѣлъ на вонную сторону съ простѣночкомъ.

Воронечка (отъ воронецъ), *доска, привѣшенная на веревкахъ поперекъ избы.*

Воронке—*конь вороной масти.*

Воротовый—*находящійся на вороть у рубашки.* Запонка воротовая.

Воспринемный—*воспріемный.*

Воспроговорить—*выговорить.* Воспроговоритъ Вольга таковы слова.

Воспрокуриться—*подняться, въ переносномъ смыслѣ ударить въ голову.* Вино-пиво теперь воспрокурилось.

Восточный—*эпитетъ хрусталя.* Хрусталя чара восточнаго.

Воходить—*входить.* Воходитъ въ мѣхъ пудовъ по сороку.

Впотай—*тайно.* Смерть впотай взяла душу со бѣлыхъ грудей.

Верѣтать, срѣтать—*встрѣчать.*

Втерать—*вставить.* Вмѣсто оцей было втерано... по яхонту.

Втроемъ—*втрое.*

Втопить—*утопить, уставить.* Ясны очушки втопилъ въ сыру землю. **ЗАОН.**

Вточь—*прямо.*

Въ упалу. Въ упалу пріѣхала, а не въ упалу уѣхала.

Выгалкнуть—*выблевать.*

Выжлецъ—*гончій песъ.* Изъ подъ стремени борзой выжлецъ выскакивать.

Выигрышъ—*содержаніе пѣсни.* Играетъ-то въ Цариградѣ, а на выигрышъ беретъ онъ во Кіевѣ, онъ отъ стараго всѣхъ до малаго.

Вымолотить слово. Позволь-ка мнѣ словцо выговорить, словцо вымолотить.

Вырука—*выручка.* Поспѣшайте-тко, братьица, ко мнѣ на выруку.

Вырутить (отъ корня рыть, бросать)—*выбросить.* Добра молодца со добра коня не вырутилъ.

Выславиться—*разсказать или пропѣть о своихъ подвигахъ.—Выславляться было въ обычаѣ передъ боемъ.* Пріѣхало девять братцевъ, въ полѣ поединщиковъ. Аще ѣздятъ тотъ напередъ, да другой напередъ: тому-то надо выславиться, да другому надо выславиться.

Выстать—*встать.* Выстали отецъ съ матерью отъ крѣпкаго сна.

Выструя—*струя.* И за выструю плови, и за другую плови.

Выступка—*поступка.* Выступкою щапить, *щеголять поступью, осанкою.*

Выть: 1) *Количество ѣды заразъ.* Я по семи пудовъ хлѣба къ выти ѣмъ. По многу ли онъ выти-хлѣба ѣстъ? 2) *Ѣда.* Ахъ ты, волчья выть.

Вышка—*чердакъ.*

Вьюноша, вьюнчикъ—*юноша.*

Вѣковѣчный—*начинающійся съ начала вѣка или продолжающійся до конца вѣка. Въ послѣднемъ смыслѣ:* Добыла увѣчье вѣковѣчное.

Вѣнчальный—*эпитетъ мужа.*

Вѣсто—*вѣдомо.* Чтобы міру было вѣсто.

Вѣтрянка—*жердь.* Найди-тко вѣтрянку маненьку.

Г.

Гайноище—*хайлище, пасть.* Захвати змѣю за гайноище.

Герликъ—*ерлыкъ.*

Гибаться—*гнуться.* Переклады гиблются.

Глуздить—*скользить.* Башмачки глуздятъ.

Глуздырь—*отъ корня глуздить, скользить. Птенецъ, еще не въ силахъ летать.* Ты смолода, глуздырь, не попархивай.

Говорящій—*эпитетъ орла.* Орелъ птица говорящая.

Голубъ-скурлатъ—*см. скурлатъ.*

Гольный—*голый.* Гольная щилья.

Гомотить—*шумно говорить, шумѣть.* Тутъ въ углу говорятъ, въ другомъ гомотятъ.

Горетница—*горькая.* Побѣдная она горетница.

Горынь-змія—*змѣя горынчатая.*

Горюнъ—*горькій бѣднякъ.*

Горюша, горюшица—*несчастная.* Горюшица молода жена, **пуд.**

Горючій—*эпитетъ камня.* На розстани-то бѣлъ горючъ камень.

Гостебищо—*пирушка, гости.* Принимай ты гостей въ гостебищо.

Гостибищо—*пирушка.* Доложусь я во любимое гостибищо.

Гостьбице—*см.* **Гостебищо.**

Гремъ—*громъ.* Въ томъ терему стукъ да гремъ.

Гридня, гредня, гривня—*столовая комната.* Приходитъ изъ гридни изъ столовыя.

Грядка—*шестъ или жердь на веревочкахъ для перевѣшиванія чрезъ нее платья.* А цвѣтну платьицу (висѣть) на грядочкѣ и на гвоздикѣ.

Гряновитый—*эпитетъ луговъ.* Луга гряновитые.

Гряночка—*грань.* На три гряночки стрѣлы были строганы.

Грянцатый—*четырехгранный.* Противъ сердца былъ гвоздь грянцатый.

Гуля—*гулянье.* По гулямъ гулялъ двѣнадцать лѣтъ.

Гуня—*верхнее платье.* Гуня на калѣкѣ сорочинская.

Гуркать—*ворковать.*

Гусельный—*играющій на гусляхъ.* Ай же ты, дѣтина пріѣзжая, скоморошная, гусельная.

Гыкать—*о звукѣ, издаваемомъ лебедями.* Какъ бѣлы лебеди гычутъ.

Д.

Двуемѣсячный—*двухмѣсячный.*

Двуродимый—*двоюродный.*

Держать—*носить.* Помретъ молодецъ, шубу държивалъ.

Дивовать—*удивляться.* Не дивую я женщинѣ.

Дивья—*не диво, легко.* Дивья мнѣ потыкатися.

Довлѣетъ—*подобаетъ, прилично.* Не довлѣетъ ти, Чурила, жить во Кіевцѣ.

Дойдетъ—*приходится.* Самому молодцу не дойдетъ сидѣть.

До калины—*до калена, до красна.*

Докуль—*пока.* Докуль не провѣдаютъ короли нечестивые.

Долгомѣрный—*эпитетъ копья.*

Долонь—*ладонь.* Я бы его на долонь поклалъ, а другой-то рукой сверху прижалъ.

Домовище—*гробъ.*

Дородній—*эпитетъ удалого добраго молодца.* Нѣтъ удала дородня добра молодца, сослужить мнѣ службу важную.

Доступить—*достать, добраться*. Тебя доступлю.

Досюль—*прежде, до сего времени*. Досюль Добрынюшка матушкѣ говаривалъ.

Досюльный, досюлешный, пр. *Доселешній, прежній*.

Доходный—*доходящій*. Знать молитвы мои къ Богу не доходныя.

Драныь—*то, что дерутъ*. Ахъ ты, волчья сыть, медвѣжья дрань.

Дребь—*низкое топкое мѣсто*. Палъ-то Сокольникъ во дребь о сыру землю.

Дробь—*гуща послѣ пива, браги или квасу, выжимки*. Дробью объѣлась (корова).

Дроворубный—*эпитетъ топора*. Возьмите топоры дроворубные.

Дрокушка (отъ корня: дрока), *Нѣга*. Во дрокушкѣ жилъ у матушки.

Другожды—*въ другой разъ*. Сдѣлалъ В. другожды почестенъ пиръ.

Дубье, собирательное. Онъ дубье-колодье все повырубилъ.

Дубяный—*окрашенный ивовою корою*. Дубяные сарафаны по Онегѣ по рѣкѣ.

Дымъ, на дымъ спустить—*пожечь*. Божьи церкви на дымъ спустить.

Дѣдій—*дѣдовскій*. Приданое мое дѣдье-матернее.

Дѣвочій—*дѣвичій*. Въ своемъ уборѣ дѣвочьемъ.

Е.

Единый—*одинъ*. Тридцать молодцевъ безъ единаго.

Ейный—*ея*. Прибезчестила ейна матушка.

Есть бы—*если бы*. Есть бы было кольцо во матушкѣ сырой землѣ.

Ж.

Жалуха, заон—*жалость*. Оны другъ друга били не жалухою.

Жаровчатый, см. **жаровый**.

Жаровый—*высокоствольный*. Выше дерева жароваго.

Жеребеечекъ—*долечка*. Дайте мнѣ-ка-ва золотой казны хоть малый жеребеечекъ.

Жеребье, жеребьице—*жеребенокъ*. Привязалъ къ тремъ жеребьицамъ къ неучамъ.

Живность—*жизнь*. Оставь-ко ты меня во живности.

Жира—*жизнь*.

Жога—*птица съ длиннымъ носомъ и навислыми бровями*. Брови у него будто у жоги.

Жуковинье—*перстень*. Гдѣ жуковинья были, тутъ мѣсто знать.

Жупѣть—*пѣть*. Пташица стала пѣть-жупѣть.

З.

За—*изъ-за*. Посмотрѣлъ на паленицу за сыра дуба.

Забаивать—*заговаривать*. Забаивать, заговаривать, въ замужъ подсватывать.

Заберега—*та часть водъ, которая закрыта узкою полосою берега отъ прочаго воднаго пространства*. Тихая заберега.

За боемъ—*съ бою.* Силомъ нейдетъ, такъ за боемъ возмемъ.

Забудущій, забыдущій—*повергающій въ забытье, отъ котораго впадаютъ въ забытье.* Налила ковшъ питья забыдущаго. Спитъ Чурила забудущимъ сномъ.

Забытка—*забытье.* Кинулю его въ забытку спать.

Завидливый—*завистливый.* Поповскіе глаза завидливы.

Заводь—*заливъ, защищенный отъ вѣтра: отъ того заводь называется тихою.* Уѣзжалъ Сухмантій ко тоя ко тихія ко заводи.

Завозный—*взятый на дорогу, привезенный для дороги.* Угощеньице завозное.

Завѣдать—*прознать.* Что вы здѣсь завѣдали.

Завѣчать завѣты—*класть заповѣдь, давать обѣтъ.* Всякъ человѣкъ на свѣтѣ завѣтъ завичалъ, но не каждый человѣкъ завѣтъ справлялъ.

Заграять—*закаркать.* Какъ возграю во первый наконъ.

Загуменье—*мѣсто позади гумна.*

Задаться—*поступить въ обученіе или службу.* Задался Вольга на семь лѣтъ.

Задворенка—*(отъ задворни, задней улицы въ деревнѣ или задворья, мѣста, обнесеннаго заборами съ навѣсомъ).*

Задернуть—*приготовить.* А она дубовы столики задернула. Задернулъ Олешенька почестенъ пиръ.

Задній—*задній уголъ, или полоненый, направо отъ входа.*

Задумеливый—*по долгу думающій.* Добрыня застойсливый и задумсливый.

Заздынуть—*поднять.* Заздынула она голову подъ оболоку.

Зазорко—*см.* **Зарко.**

Зазыватель, м. *Позовщикъ.*

Закликать—*унять крикомъ.* Когда ты у меня была унята, когда ты была закликана.

Заколодить—*покрыться колодьемъ.* Прямоѣзжая дорожка заколодила.

Закопань—*застава, ровъ, которымъ перекопана дорога.* Попадала Добрынюшкѣ закопань, онъ ту закопань перескочилъ.

Закустички—*частый кустарникъ за полями около лѣса.* Много въ Кіевѣ богатырей, какъ сѣрыхъ волковъ по закустичкамъ.

Залѣсть—*найти.* Старца убить не спасенья зались.

Залячить—*задрать голову вверхъ.* Воронке голову залячилъ и хвостъ заломилъ.

За маленька—*съ измаленька, съ малолѣтства.* У меня за маленька да было хожено.

Замолотникъ—*работникъ на гумнѣ.*

Заморянинъ—*пріѣзжій изъ-за моря.* Таракашко гость Заморянинъ.

Замуравѣть—*покрыться муравою.* Прямоѣзжая дорожка замуравила.

Замызгать—*залаять.* Замызгалъ собака по-собачьему.

Заносъ—*сугробъ снѣга въ селеніи, въ противоположность сумету, сугробу на поляхъ и на дорогѣ.*

Заобщая—*сообща.*

Запольный—*живущій по ту сторону полей.* Обвернулся сѣрымъ волкомъ запольніимъ.

Зарабочее—*заработная плата.* Это мое зарабочее.

Зарко—*завидно, отсюда зариться (корень зр, зрѣть).* Тутъ Ильюшенкѣ стало зарко.

Зарудиться—*замараться, загрязниться.* У тебя, голь кабацкая, личико зарудилося.

Зарукавный—*спрятанный въ рукавѣ.* Пистолетъ зарукавный.

Зарѣка—*зарѣчье.* Пошелъ по зарѣкамъ.

Засадиха—*ягода черемха.*

Застойсливый, заон. *Который подолгу стоитъ на одномъ мѣстѣ.* Столько Добрыня напускомъ застойсливый.

Застолье—*мѣсто за столомъ.* Король по застолью бѣгаетъ.

Застоялый—*см. стоялый.*

Застояться—*остановиться.* Рука правая въ плечѣ застоялася.

Затхнуться—*сдѣлаться затхлыми.* Напиточки тамъ заткнулися.

Затохаль—*затхлый запахъ.* Зелено вино пахнетъ на затохаль великую.

Затресье—*та часть водъ, которая покрыта трестою.* Зеленое затресье.

Затулый—*опущенный (собств. опрятный).* Припечалилась затула бѣла завѣска.

Затюремщикъ—*узникъ.*

Заугольникъ—*незаконнорожденный сынъ.* Не хочу слыть заугольникомъ.

Заугроза—*угроза.* Грозитъ ему заугрозою.

Зачагать—*достать, добыть.* На вѣкъ увѣчьице зачажено.

Защектать—*засвистать по-соловьиному.* Защекталъ онъ по-соловьиному.

Забахвалиться—*расхвастаться.* Какъ забахвалился большой сватъ.

Звонунылый—*уныло звенящій. Эпитетъ пѣсенъ и колоколовъ.*

Звѣщеваніе—*извѣстіе, рѣчи.* Услыхалъ Кощей тое воронинное звѣщеваніе.

Здохъ—*вздохъ.* Выпиваетъ чару на единый здохъ.

Здымъ—*подъемъ.* На здымъ здынулъ бы два камня.

Здынуть—*поднять.* Здынулъ бы тобя, Алешу, черезъ столы дубовые.

Здѣ—*здѣсь.* Нельзя мнѣ-ка здѣ жить.

Зелизить—*принимать видъ желѣза, желѣзѣть.* Чисто серебро не зелизіитъ.

Земельный—*эпитетъ царя той земли, въ которой живетъ его подданный.*

Зень—*земь,* **озень,** *оземь,* *на зень.*

Зенька—*колыбель.*

Златоверховатый—*у котораго золотой верхъ.* Поводитъ въ свой теремъ златоверховатый.

Злодѣйный—*злодѣйскій.* Чужая злодѣйная сторона.

Злучить—*залучить, захватить.* Можете ли злучить эту лебедку на синемъ морѣ.

Знадебка—*родимое пятно, родинка.* Подъ правой пазухой родимая знадебка.

Знамя—*примѣта, родимое пятно.* У Добрыни на правомъ лицѣ три знамени было.

Знать—*умѣть.* Не знаешь ты кобылушки цѣны цѣнить.

Зобать—*ѣсть что-нибудь мелкое, разсыпающееся.* Кони зоблютъ пшену бѣлоярову.

Зоренъ—*крѣпокъ.* Табакъ зоренъ.

Зубоватый—*зубастый, насмѣшливый.*

Зыбучій—*эпитетъ болотъ и мховъ.* На мхи, на болота зыбучія.

Зычный—*звонкій, звучный. Эпитетъ голоса.* Вскричалъ Илья зычнымъ голосомъ.

И.

Избыть—*избавиться.* Избыли мужики отъ смерти напрасныя.

Извара—*взваръ.* Поилъ коня изварою медвяною.

Извить—*завить.* Извей кудри.

Извѣриться—*выйти изъ вѣры.* Почто ты теперече извѣрился.

Издаваться—*удаваться.* А не всякому женидьба издавается.

Издачный—*удачный.* Первая женидьба Михайлы неудачна была, а вторая женидьба издачная.

Ижно—*вѣдь, анъ.*

Имать—*ловить, хватать.*

Имянство—*именство, имущество.* Положилъ на доцечку полъ-царства, полъ-имянства.

Ино, инъ—1) *сверхъ того.* Вся небесная луна понаведена была, инъ всякія утѣхи несказанныя. *Анъ, а напротивъ того.* Не такъ бывать дѣвушкѣ, ино дома быть, вода носить. Идетъ-де старикъ подпирается, инъ мать-то земля колыбается. Инъ Добрыня матушки не слушался.

Изотчина—*отцовское имя.* Какъ молодца звеличаютъ по изотчины?

Изуваленый—*заваленый.* Изуваленъ мой зеленый садъ кунами да лисицами.

Изученіе—*благовоспитанность въ свѣтскомъ смыслѣ.* Изученіе видимъ твое полное, а не знаемъ ни имени, ни вотчины.

Ископытиться—*содрать, расколоть копыто.* Тридцать жеребцовъ ископытились.

Ископыть—*комъ грязи или земли изъ копыта.* Ископыти у коня метано по цѣлой овчины по барановой.

Испровѣщиться—*подать, голосъ, заговорить.* Испровѣщится добрый конь голосомъ человѣческимъ.

Источня, источенка—*разноцвѣтный струйчатый поясъ; цвѣта въ поясѣ идутъ одинъ за другимъ струями.* Источнями подпоясанось.

Истратить—*погубить.* Истратила она восмерыхъ молодцевъ.

К.

Ка—частица, служащая для усиленія указанія. Не набъ мнѣ-ка ни злата, ни серебра. Силой возьметъ, да мнѣ-ка бокъ набьетъ.

Казакъ—*наемный работникъ.* Въ казаки наймусь.

Канюкъ—*родъ ястреба: заноетъ передъ дождемъ, крестьяне говорятъ: „вотъ, дескать, уже пить проситъ“.*

Капучій—*капающій. Эпитетъ сѣры.*

Каурка (кавурка) *Каурый конь (желто-рыжій).*

Качаться *качать себя*. И сама себѣ головушкой качается.

Кереgодъ—*сѣть, которую двѣ лодки забрасываютъ въ воду и, ставши на якорь, собираютъ ее.*

Клевецъ—*дятелъ.*

Клеснуть—*хлестнуть*. Марья Соловеевна клеснула Илюшеньку межъ уши въ голову.

Клюша—*клюка.*

Княгиня порученая—*молодая.*

Князь—*женихъ, молодой.*

Княжна порученая—*невѣста.*

Кодолъ—*толстый канатъ*. Снасти и кодолы были шелковые.

Кожанъ—*кожухъ, невыдѣланный овчинный тулупъ*. Кожанъ на плечахъ въ пятьсотъ рублей.

Коковка—*загнутый, верхній конецъ палки*. Уходила та клюшка (въ землю) до коковочки.

Колодье—онъ дубье-колодье все повырубилъ.

Кологривый—*у котораго грива стоитъ коломъ, дыбомъ*. Кологривый жеребецъ.

Колсанъ—*колчанъ*. Кладывала калены стрѣлы да во колсаны.

Комель—*корень*. Выдергивалъ дубъ со кореньями, за вершину бралъ, а съ комля сокъ бѣжалъ.

Комонь—аль нѣтъ у тебя добрыхъ комоней. *Форма комонь, вм. конь, сохранилась до сихъ поръ въ Заонежьѣ. Когда парни черезчуръ розыграются на улицѣ, старики, чтобы унять ихъ, кричатъ*: „эко, комони, расходились“. *Въ бытовыхъ пѣсняхъ тоже поется*: Цвѣтно платьице не держится, добры комони не ѣздятся, добры молодцы не старѣютъ.

Конецъ кукшы—*концами пальцевъ*. Ср. **конецъ рукмы**. Хватилъ онъ камень конецъ кукшы.

Конечь-рукмы—*концами рукъ*. Хватилъ онъ камень конечь-рукмы.

Конченіе—*конецъ*. Тутъ ему было и конченіе.

Копылокъ—*клинъ*. Копылкомъ бородку наладила.

Корба—*чаща мелкаго лѣса*. Корбы дремучія.

Коржинья—*штевни*. Мачты-коржинья позолочены.

Корить—*покорить*. Я корила непокорное сердечушко.

Корпусъ—*сила*. Я теперь корпусъ въ себѣ имѣю.

Корчажный—*кольчужный*. Латы корчажныя.

Косерчетый—вм. *Косявчетый.*

Косица—*високъ*. Вышибъ ему правое око со косицею.

Край—*на краю*. Край пути-дороги.

Красовитый—*прекрасный*. Пошелъ онъ въ палаты красовитыя. На лицо была красовитая.

Крестьяновать—*заниматься крестьянскимъ дѣломъ*. Божья ти помощь, оратаюшко, орать да пахать, да крестьяновать.

Кречень—*кречетъ.*

Кроватникъ—*убирающій кровать.*

Кружало—*казенное питейное заведеніе*. Владиміръ князь пошелъ по кружаламъ государевымъ.

Крупчатый (Кручатый)—*хрущатый, плотный.* Паруса-флаки-крупчатой камки. Не крупчатая жемчужина скатилася.

Крутить—*одѣвать, снаряжать къ замужеству.* Двухъ дочерей кручу.

Крутиться—*одѣваться.* Сталъ крутиться во платьице родительско.

Кручинить—*кручиниться.* Кручинитъ, печалитъ добрый молодецъ.

Кручиноватый—*нѣсколько кручинный.* Что идешь кручиноватъ-печаловатъ?

Крылецъ—*крыльцо.*

Крылосо—*клиросъ.*

Кряжъ, кряжокъ—*гора прибережная.* Мечите сходенки на крутъ кряжокъ.

Крякновистый—*съ корявымъ пнемъ.* Поѣзжай къ сыру дубу крякновисту.

Крянуться—*тронуться съ мѣста.* Стоитъ Потанюшка, не крянется.

Кубоватый—*жирный.* Сѣрый котъ безхвостый, самъ кубоватый.

Куделба—*пыль столбомъ.* Только видятъ въ чистомъ полѣ кудельба стоитъ.

Куковаться—*ласкаться, забавляться отъ радости.* Кукуются воры и ликуются.

Кулехтиться—*жаловаться на разслабленіе.* Вставать начнетъ, кулехтится.

Куль—*коль.* Куль солнышко Владиміръ-князь отдастъ богатырску молоду жену безъ боя, безъ драки великія.

Кунка—*куница.*

Кунный—*обильный, дорогой.* Всю кунную рыбу повыловилъ.

Купавъ (Упавъ)—*красивый.* Ходилъ-гулялъ купавъ молодецъ.

Курево—*пыль столбомъ.* Только видѣли стараго сядучись, а не видѣли стараго поѣдучись, только куревко въ полѣ воскурилось.

Куръ—*пѣтухъ.* Куры пропѣли.

Куря—*молодой пѣтухъ.* (зват. **куряте**). Молодой куряте, не поскакивай.

Куреный—*курный.* Притянула его въ избу куреную.

Курень—*пѣтухъ.*

Куриться—*подниматься столбомъ.* Только курево въ полѣ воскурилось.

Кутельба, кудельба—*то же, что курево, пыль столбомъ.* Отъ Котенина коня кутельба стоитъ.

Кухнать—*поносить.* Не кухнай его отечества.

Кучерявый—*кудрявый.*

Л.

Ладить—*приготовлять.* Ладилъ бы онъ ему поединщика, супротивъ его силушки супротивника.

Ладиться—*собираться.* Тутъ-то солнышко ладился, поскорѣй Владиміръ кольчужился.

Ласкота—*ласка.*

Ластинье—*тонкая драпь.* Расшибъ весь сырой дубъ по ластиньямъ.

Лелѣевать—*переливаться, колыхать волнами.* Какъ не долго синю морю лелѣявати.

Ликоваться—*играть (собственно о птицахъ).* Голубь со голубушкой ликуются. Кукуются воры и ликуются.

Липень—*дверная притолока.* Вылетѣли двери со липеньями.

Лихоманецъ—*злодѣй.*

Ложить—*класть.* Ложите удалаго добра молодца.

Ложня—*спальная комната.* Приходитъ она на ложню на спальную.

Ломъ—*завалъ въ лѣсу.* Побѣжалъ во ты во ломы во великіе.

Лопатникъ, лопатчикъ. Лопатчики дорожку розгребаютъ.

Луда—*подводный камень.* Намѣряйте-ко луды морскія.

Лукоморье—*излучина морскаго побережья.* Изъ-за того лукоморья зеленаго.

Лучейная—*комната, гдѣ хранятся луки.* Заскочилъ онъ во лучейную.

Лучиться—*случаться.* Добрыня лучился у Царя-града.

Лучный—*эпитетъ зори.*

Лѣсывать—*заниматься лѣснымъ промысломъ, сторожить въ лѣсу,* за тѣмъ *ходить по лѣсу.* По лѣсу ты не лѣсывалъ.

Любешенькій—*любезный, нравящійся.* Лужишка посѣяны низешеньки, не любешеньки.

Лядина—*возвышенное мѣсто, поросшее лѣсомъ.*

М.

Макомка—*маковка.* У нихъ палицы въ рукахъ-то погибалися, по макомкамъ отломилися.

Мало—*вскорѣ.* **Мало-мало,** *то-то.* Мало тотъ идетъ, мало новой идетъ.

Маломошица—*малость.* Силы-рати маломошица.

Маломочный—*некрѣпкій, малосильный. Въ первомъ значеніи:* маломощны домы въ Кіевѣ разсыпались.

Марево—*воздушные призраки, виднѣющіеся въ туманѣ.* Напалъ туманъ со маревомъ.

Матерый—*престарѣлый и сильный.* Подносили старой собакѣ матерой выпить съ дороги.

Матерѣть—*рости, становиться большимъ и сильнымъ.* Сталъ Вольга ростѣть-матерѣть.

Матица—*приподнятая надъ концами середина.* Не заѣзжай въ середку въ матицу.

Медвяный, Пойте его питьицемъ медвянымъ.

Меженный—*отъ* **межень,** *жаркая пора.* Идетъ-то калика перехожая въ меженный день по красному по солнышку.

Мійсцо—*мѣстечко.*

Мережа—*рыболовная снасть.*

Мертвый—*эпитетъ якоря.*

Метельникъ, метельщикъ. Метельщики пескомъ дорогу посыпаютъ.

Мети-метать—*образное выраженіе о бѣгѣ коня: конь скачетъ такъ быстро, что какъ будто бы выметываетъ изъ-подъ себя участки въ версту и болѣе.* Мети-мечетъ конь по версты.

Мидить—*принимать видъ мѣди, мѣдѣть.* Красно золото не мидиетъ.

Мизгирь—*паукъ.* Мизгрище.

Многовытный—*имѣющій частый позывъ на ѣду, многопоѣдающій заразъ.* Сиротные дѣтушки за столомъ многовытные.

Могута—*мощь.* Изо всей могуты богатырскія.

Могутный—*могучій.*

Молвія—*молнія.* Дождя-то нѣтъ, свищетъ молвія.

Молитвиться, *Молиться.*

Монисто, монищато—*металлическая шейная цѣпочка.* Мое золото монищато все по спайкамъ распаялося. И принесла она ему золотыя монисты со крестами.

Монистро—*см.* **монисто.** Золоту монистру лежать въ кованномъ ларцу.

Мостина, мостовина—*половица.*

Мостъ—*полъ.* У насъ во гридняхъ во столовыихъ мосты-то все кленсвые. Мосты, настланные переходы. Идетъ онъ, мостинки подгибаются.

Мошникъ—*птица изъ породы самыхъ большихъ глухарей.*

Муница—*вмѣсто* **гуница.**

Муравленый—*расписной разводами.* Добрыня скочилъ на печку на муравлену.

Мурашъ—*муравей.* Мудрены вырѣзы вырѣзаны, а и только въ вырѣзу мурашу пройти.

Мурманка—*шапка, у которой съ обѣихъ сторонъ завѣсы, которые можно опускать и приподнимать.* На головкахъ шапки черно-мурманки

Мызганье—*лай.* Развѣ не слыхалъ ты мызганья собачьяго.

Мызгать—1) *лаять,* 2) *свистать по соловьиному.* Соловей разбойникъ замызгалъ по соловьиному.

Мыльня—*баня.*

Н.

На—*противъ, въ сравненіи.* Нѣтъ на друга на стараго.

На четырехъ костяхъ—*на четвереньках.* Онъ на четырехъ костяхъ поплылъ во зеленый лугъ.

Набъ—*Надобъ.* Набъ покорному быть сердцу ретивому.

Навидъ—*(отъ корня* **навье,** *мертвецъ). Смертная рана.* Оброни Соловья-вора Рахматаго безъ навиду.

Наволокище—*мысъ.* Гулялъ по частымъ наволокищамъ.

Надвѣсистый—*навѣсистый.*

Надзола, назола—*досада.* Даетъ Василью на его ретивое сердечушко назолу великую. А Кощею-то надзолу даютъ.

Надійный, надѣйный—*надежный.* Два товарища, два надѣйные, два ножички, два булатніе.

Надлетникъ—*летающій надъ другими.* Соколъ птица надлетникъ.

Надолызнуть—*надоѣсть.* Надолызнула волокитушка твоя.

Надѣя, надѣюшка—*надежда.* Только есть надѣюшка на Спаса и Пресвятую Богородицу.

Нажадѣться—(*отъ* корня **жад-ати**). *Почувствовать жажду.* Богатырско его сердце нажадѣлося.

Наказанье—*наказъ.* И забылъ Добрыня наказаньице матушкино.

Наквасити. Тебѣ съ эстою удачей молодецкою наквасити рѣка будетъ Волхова.

Наконъ—*разъ.* Въ первый наконъ.

Накрутиться—*нарядиться.* Накрутилися они тутъ каликами.

Наличникъ—*оконный ставень съ закроями и болтомъ.*

Наложница—*служанка, убирающая ложе, постельница.*

Налучіе, налучникъ—*чехолъ на лукъ.* Клалъ тугія лука во налучія. Кладывалъ тѣ луки во налучники.

Наметъ—*верхній чехолъ.* Онъ луки во наметы полагалъ.

Наметывать—*налагать.* Службу-заботу наметывалъ.

Нани—*будто.* Нани лучная зоринька просвѣтлила, острая сабелька промахнула.

На околъ—*окольными путями.* А на-околъ-то ѣхать семьсотъ верстъ.

Нападкою, нападчи—*припавъ къ землѣ ничкомъ.* Которая сила пила нападкою. **Пить нападкою, нападчи,** *у славянъ считалось дурнымъ предзнаменованіемъ. Напр., у Сербовъ:* Кад би знала мушка глава, што йе ником воде̌ снапит, нигди не би ником пила.

Напогощаны—*живущіе на погостѣ, т.-е. усадьбѣ причта.*

Напрокучить—*надоѣсть.* Видно напрокучила своимъ долгіимъ дѣвичествомъ.

Напускъ—*сильное нападеніе.* Алеша-то силой не силенъ, а напускомъ смѣлъ.

Напустить—*напуститься.* Ежели было бы теперь колько силы поганой, напустилъ бы.

Нарядить—*справиться.*

Насадъ—*судно, низъ котораго изъ одного дерева, а съ боковъ досчатые борты.* Исполадимъ-ка насадъ черленый.

Наслышка. Я слыхалъ наслышкой человѣческой, что у него на бою смерть не писана.

На-старшій—*наи-старѣйшій.* Большая дочи на-старшая.

Настоятель—*начальный человѣкъ.* Вы настоятели Новогородскіе.

Наступчивый—*эпитетъ коня.*

Настъ—*обледенѣвшій снѣгъ.* А и буйные вѣтры по насту тянутъ.

Натяжный—*эпитетъ лука.* Стрѣлялъ съ того лука натяжнаго.

Нахалиться—*дерзко, нахально поступать.* Станутъ на насъ они нахалиться.

Нацвѣтъ. Возжики съ нацвѣтами.

Началъ—*начало.* Теперь старины его началъ пойдетъ.

Начаяться—*полагать.* Пріѣдучись не начаются (имъ кажется, что не пріѣдетъ).

Не къ лицу придти. *Не понравиться.* Тутъ-то поганому не къ лицу пришло, этыя рѣчи не слюбилися.

Невѣмъ—(отъ корня **вѣдати**). *Несказанно.* Невѣмъ дѣвица перепалася.

Неготь—*ноготь.* Негтемъ востра.

Незамочь—*занемочь.* А ты незамоги.

Незнай собою, невѣмъ собою—*неизвѣстный.* Дѣтина не знай собою.

Нелегченый, нелегченый конь—*не меринъ.*

Немудрый—*простой.* Мужикъ ведетъ жеребчика немудраго.

Нехоженый—*не бывшій въ употребленіи.* Деньга нехоженая.

Новой—*другой.* Мало тотъ идетъ, мало новой идетъ.

Ножье, (острице),—*см. ножевое.* Попасть во ножье острице стрѣлою каленою за триста саженъ.

Ныркомъ—охочь-то Добрыня ныркомъ нырять.

Нынѣча—*нынѣ.* Нынѣча теперь я вамъ скажу.

Нынѣчку—*нынѣ.*

О.

О, 1) *Около, для обозначенія времени.* О полночь, о полденъ. 2) *Около, для обозначенія пространства.* Дубье-колодье о борозду валитъ.

Обворотистый, **заон.**,—*изворотливый.* И собой Добрыня очень-обворотистый.

Оббаять, **Обгалиться**, и **обголчить**—*осмѣять, оговорить, насмѣхаться*, Многіе люди не обгалятся. Добрые людюшки не обголчатъ.

Обграять—*обкаркать.* Черну ворону этой силы не обграяти.

Обжа—*оглобля отъ сохи.* Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ.

Обжорчивый—*обжорливый.* Была корова обжорчива.

Обзариться—*польститься.* Обзарился на имѣнье, на богачество. Обзарился ты на прелести на женскія.

Обираться—*убираться.* Скоро обирайся во свою землю.

Обкольчужиться—*надѣть на себя кольчугу.*

Облатиться—*надѣть на себя латы.*

Облелѣять—*облить со всѣхъ сторонъ, въ переносномъ смыслѣ—окружить.* Сила то вся облелѣяла.

Облочкать—*расщепить.* На лозиночки дубиночка облочкана.

Обночьице—*ночное время.* Средь темное обночьице.

Ододверина—*притолока и косяки.* Выскочила дверь съ ододвериной.

Оболоко—*облако.* **Оболока**, Похотѣлося Вольгѣ птицей соколомъ летать подъ оболока.

Обронка—*оброненное.* Обронила я оброночку.

Обрученый—*обручальный.* Перстень обрученный.

Обрыкъ—*шумная болтовня, крикъ.* Развѣ ты бабьяго обрыку не слыхивалъ.

Обрядить—*спрятать.* Тутъ-то обрядилъ свою сошку позолоченую.

Обрядиться, **обряжаться**—*прятаться.* Буду отъ тебя обряжатися.

Обрядъ—*женскій нарядъ.* Что же ты не въ снаредѣ, не въ обредѣ?

Обстать—*обступить.* Вы обстаньте, подружки любезныя.

Общѣньщикъ—*оцѣнщикъ.*

Объумѣться—*воротить себѣ умъ.* Можетъ король объумѣется.

Объявиться, *казаться.* Объявилася чаша княженецкая въ подсумкѣ у Михайлы.

Овершій—*спускной, опрокидывающійся.* Кроватка была овершная.

Огнева—*горячка.*

Огородникъ—*горожанинъ.* Всѣ мужи огородники.

Огужище—*стропка, петля для весель.*

Одва—*едви.*

Одинакій—*единственный*. Дочь одинакая. Одинаку сестру замужъ выдали.

Одинцовый—*темнозеленый*. Настланы сукна одинцовыя.

Одноличный—*одинакаго лица*. Молодцы на коняхъ одноличные.

Одномѣдный—*изъ одной мѣди*. Кони подъ нима одношерстные, узды на нихъ одномѣдныя.

Односный—*рожденный одиночкой, а не въ числѣ двойней, тройней и болѣе*. Односный жеребенокъ.

Однорядка—*однобортная одежда*.

Ожуреный—*охаенный, поданный съ побранкой, съ поношеніемъ*. Пить чарочка ожуреная.

Ознобный—*который знобитъ*. Эпитетъ чужой стороны.

Окаракою—*на четвереньках*. Владиміръ князь по двору ходитъ окаракою.

Окичаться, (отъ корня хут.)—*хорониться, прятаться*. Призамолкли всѣ, окичаются.

Окладывать—*укладывать. Въ переносномъ смыслѣ—бить*.

Оклескивать—*обзывать браннымъ словомъ*.

Окольный—*идущій около чего-нибудь*. Садился онъ за столики дубовые, за тыя за скамеечки окольныя.

Окутать—*покрыть*. Окутай меня каменной накрышечкой.

Окучаться—*скрываться*. Другъ за друга туляются и окучаются.

Ольга (вѣроятно отъ корня влага)—*топкое болото*. Первая застава великая, ольги топучія.

Омѣхъ, омѣшикъ—*рало у сохи*. Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ.

Опахивать—*выметать*. Улицы опахивалъ.

Опережь—*прежде*. Опережъ я возилъ богатыря и женку богатырскую.

Опочевъ или **опочивъ держать**. *Опочивать*. И легъ опочевъ держать.

Опочинуться—*уснуть*.

Опочинъ, *см.* **опочивъ**.

Орда—*земля, сторона*. Ты коей земли, коей орды?

Ордынскій—*эпитетъ телѣги*. Складите имѣнье на ты телѣги ордынскія.

Орленый, орловый—*граненый. Эпитетъ грядки*. И грядочку прокладемъ орленую. Орловыя грядки повыпадали.

Ортина—*пасть*. Отворила ортину великую.

Оружьина—*оружье*.

Особина, Въ особину—*особенно*. Напр., Князю Владиміру поклонъ въ особину.

Островье. Стали разбойники ставиться островьямы.

Остуда—*постылая*. Остуда чужая сторонушка.

Ошарашиться—*встать дыбомъ*. Илья Муромца добрый конь ошарашился.

Отвернуть—*снова оборотить, возвратить прежній образъ*. И зачала искать по Москвѣ докторовъ, чтобы отвернуть Добрыню добрымъ молодцемъ.

Отвѣдать—*попробовать.* Отвѣдай взять мою ношицу. Посланъ я поотвѣдать твоей силы.

Отдали—*издали.* Хоть отдали-то Турицы поганыя, посмотрѣли на князя на Владиміра.

Отдынуть—*поднять.* Ср. **Здынуть.**

Откулечный—производное прилагат. отъ **откуль,** откуда. Ты откулешній, дороднiй, добрый молодецъ.

Отложать—*отпирать задвижку.* Отложай воротечка рѣшетчетые.

Отодраться—*отдѣлиться съ силою.* Отодрался конь отъ сырой земли выше лѣсу стоячаго.

Отребный—(отъ **отребье** или **отрепье,** низшій сортъ льна). Онъ не вовсе глупъ, да не отребной клубъ.

Отрушить—*сорвать.* Отрушилъ онъ отъ себя свой шелковъ поясъ.

Отслышаться—*непослушаться.* Не можетъ отъ нихъ отслышаться.

Оттрагивать—*отодвигать.* Оттрагивала столики дубовые.

Отчина—1) *отцовское имя.* Какъ тебя зовутъ по отчины. 2) *Отцовское значеніе. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ:* Или мѣсто было не по отчины.

Охвота—*охота.* **заон.**

Охканье—*оханье, крикъ отъ боли.* Букханья не слышно, охканье.

Охаплять—*охватывать.*

Очелье, карг. *Передъ сороки, головнаго убора, надѣваемаго на сверху. Очелье бываетъ бѣлое, вытканное узорами, матеревое или парчевое и низанное жемчугомъ.* Красныя дѣвки очелья дерутъ.

Ошестокъ—*шестокъ.*

Още—*еще.* Ѣхалъ Вольга още третій день.

П.

Па—надставка, *означаетъ въ сложныхъ словахъ неразвитое или бывшее прежде того, что выражено въ корнѣ слова.* Ср. Па-дчерица, па-ужинъ (*ѣда до ужина* послѣ обѣда), па-бѣдъ (*ѣда до обѣда*), па-морокъ (*не полный мракъ, сумерки*).

Пабѣдье—*время около* **пабѣда,** т.-е. *первой ѣды, бывающей до обѣда.*

Павитье—*молодыя, неразвившіяся вполнѣ вѣтки.*

Падовый—на ту ли на улицу падовую.

Паевать—*дѣлить на паи.* Начнемъ на камню деньги паевать.

Палъ—*обгорѣлый лѣсъ.* Очистить надо палъ отъ дубья-колодья.

Паробка или **паробокъ**—*слуга.* И былъ взятъ у него малый паробка. Своего паробка, слугу вѣрнаго. Стоялъ его слуга, Акимъ паробокъ.

Пахать—*мести.* Какъ метлой пахнули силу поганую.

Паче—*больше.* Крестовый братъ паче роднаго.

Пашница—*несчастливая.* Какъ у вдовушки было у пашницы.

Пелечко—*лопатка передней ноги у животнаго.* Подвязывалъ подъ пелечко подъ правое.

Пело (множ. **пелы**), **пелька,** с. ж. (мн. **пельки**). *Передняя часть рубахи, покрывающая грудь.* На него дѣвки глядятъ, золоты пелы ломятъ. Копай по пелькамъ въ сыру землю.

Пенье—*пни.* Колодье-пенье вы повырубите.

Пестно-уголъ—*уголъ, гдѣ печь.*

Перебраный—*отборный.* Перебраный жемчугъ.

Перебѣгъ—*пространство бѣга.* Перебѣгу ровно триста верстъ.

Перевалъ—*холмистое возвышеніе между двумя увалами или ухабами.* Лежатъ-то мужики увалами и перевалами.

Перевозное—*плата за перевозъ.* Перевознаго дати нечего.

Переговорныя слова—*пересуды.*

Перегрузъ—*плотъ для подъема и перевоза груза.*

Перекладъ—*помостъ въ наружныхъ сѣняхъ отъ лѣстницы до дверей.* Переклады гиблются.

Перелѣтныя дрова—*срубленныя осенью и оставленныя сохнуть слѣдующія зиму и лѣто.*

Перемѣнщица—*смѣняющая кого-либо на работѣ.* Не легкая была перемѣнщица.

Переный—*окруженный перилами.* Крылечко переное.

Перепасться—*испугаться.* Невѣмъ дѣвица перепалася.

Переплавывать—*переплывать.* Синія моря переплавывать.

Переправить—*поколотить въ другой разъ.*

Пересмѣтывать— *дѣлать смѣту.* Кто бы ѣхать могъ... силу пересмѣтывать.

Пересѣться—*надорваться.* Бьется тамъ Ермакъ, пересядется.

Переходъ—*помостъ въ сѣняхъ или галлереѣ отъ наружной двери до жилыхъ покоевъ.* Переходы колыбаются.

Перехолоднуть—*сильно перезябнуть.* Сидятъ они всѣ перехолоднули.

Перить—*садить перьями съ обѣихъ сторонъ.* Стрѣлы перены перьемъ сиза орла.

Персъ, пересокъ—*перстъ, палецъ.* Перески тоненьки все по женскому.

Печалить—*печалиться.* Кручинитъ, печалитъ добрый молодецъ.

Печаловатый—*нѣсколько печальный.* Что идетъ кручиноватъ, печаловатъ.

Пластина—*половина разрубленнаго тѣла.* Безъ числа пластина принарублена.

Плаченый—*заплатанный.* На ножкахъ чоботы рваные-плаченые.

Племникъ, племница—с. ж. *племянникъ, племянница.*

Плутивцо—*поплавокъ.* Плутивца клалъ серебряные.

Плывомъ плыть—глубокія рѣки плывомъ плылъ.

Плящій—(*отъ корня* пл, *откуда:* пламя, пылъ, пылать). *Эпитетъ огня и морозовъ.* Огни плящіе.

По—*для обозначенія продолженія времени.* По три дни и по три ночи.

Побѣда—*бѣда.* Тая побѣда учинилася.

Побѣдный—*жалкій, бѣдный.* Взвивайся побѣдный зыченъ голосъ. Курица на морѣ побѣдна птица.

Повелѣный—*эпитетъ дѣла.* Дѣло повелѣное.

Повернуться—*оборотиться львомъ, щукой.* Повернулся Вольга левымъ звѣремъ.

По версту—*подходящій къ кому-нибудь.* Неровня мнѣ, да не по версту.

Поверткій—*поворотливый, проворный.* Ильюша былъ на ноженьку повертокъ.

Поволока—*покрышка шубы.* Шьютъ-то шубу черныхъ соболей, а поволоку-то дорогаго самита.

Поволжаный, см. **волжаный**.

Поводиться—*случиться.* Поводился у Ставра свой человѣкъ.

Поводить—*собираться, приниматься вести.* Поводитъ Добрыня Настасью въ свой теремъ. *Ср.* **походить, поѣзжать**.

Поворотъ держать—*вернуться.* Скоро оны поворотъ держатъ.

Повыздынуть, см. **Здынуть**.

Повыщербить—*выломать часть цѣлаго.*

Повыщербѣть—*иззубриться.* У нихъ сабли въ рукахъ погибалися, повыщербѣли на латы кольчужныя.

Поговòря или **проговòря**—*говоръ, рѣчь.* Рѣчь-проговòря все съ провизгомъ.

Погона—*погоня.*

Пограянье—*покарканье.* Чернымъ воронамъ на пограянье.

Погрядочка—*бѣлая браная занавѣска.*

Погуменный—*летающій по гумнамъ.* Сорока погуменная.

Подброздья (отъ **брозды**, бразды, конскія удила, желѣзный колѣнчатый прутъ, которымъ, посредствомъ узды, внуздываютъ лошадей). *Конецъ удилъ.* Бэретъ коня... за подброздья серебрянныя.

Подворникъ—*постоялецъ.*

Поддаивать—*поддавать въ шашки.*

Подзолоточка—*колчанъ.* Клалъ онъ стрѣлочку въ подзолоточку.

Подкамедить—*напроказить.* Кто этакъ подкамедилъ.

Подколѣнный (отъ **колѣно**, старшій въ семьѣ или родѣ). *Младшій.* Поклонъ ведетъ князю Владиміру и всѣмъ его князьямъ подколѣннымъ.

Подлыгаться—*лгать въ глаза.* Во глазахъ, мужикъ, ты подлыгаешься.

Подмостъ—*помостъ.*

Подневольный—*подвластный.* Сила подневольная.

Подоболочье—*подоблачье.*

Подорожникъ—*попадающійся на дорогѣ.* Было сорокъ человѣкъ разбойничковъ, ночныхъ все подорожничковъ.

Подорожныій, 1) *Взятый на дорогѣ или на дорогу.* 2) *Платимый за дорогу.* Оны просятъ грошевъ подорожнихъ. А былъ я съ шалыгой подорожною.

Подпахивать—*подметать.* Тутъ зашла она въ ложню подпахивать.

Подпорожный—*что подъ порогомъ.* Стала грязь подпорожная.

Подрачивать (отъ корня **дрока**, *нѣга, ласка*), *Ласкать.*

Подумиться—*думу думать съ кѣмъ-нибудь.* Царица съ Кастрюкомъ подумилася.

Подхилый—*отвислый.*

Подъ—*супротивъ, въ сравненіи.* Смѣлости подъ собаку у тебя нѣтъ.

Подъугольный—*слоняющійся подъ углами домовъ.* Обвернулся сѣрымъ волкомъ подъугольнімъ.

Поелзывати—*елозить, вертѣться на мѣстѣ.*

Пожаливаться—*жаловаться.*

Позаочь—*за глаза, заочно, долой съ глазъ.* Возьми моего сына позаочь. Тебя не позаочь бранятъ.

Позволеніе, изволеніе—*распоряженіе.* Я теперь въ изволеньицѣ у матушки.

Поиграть—*обыграть.* Я тебя поиграю, Богъ проститъ.

Поклонливый—*любящій кланяться.* Будь головушка поклонлива.

Покляпый—*наклонный въ одну сторону.* У тоя у березы у покляпыя.

Покорливый—*любящій покорность, умѣющій покаряться.* Будь сердечушко покорливо.

Покраса—*показъ своей красоты.* Мой-то мужъ на покрасу сѣлъ.

Покрутъ—*нарядъ, убранство.* Что же ты, сестрица, не въ покрутѣ?

Поле—*край.* Положилъ яйцо на поле тазовое.

Поленица (отъ корня **поляковать**). *Удалый молодецъ, который ѣздитъ по полю и ищетъ приключеній. Прозваніе иноземныхъ богатырей и женщинъ богатыршъ.* Проѣхала паленичища удалая.

Поленской—*поленицынъ.* Али ты полякъ есть, поленской сынъ.

Полестися—*поластиться, поласкаться.* Не съ кѣмъ добру молодцу полестися.

Полномочный—*у котораго всего вдоволь, независимый.* Поди хоть за полномочнаго крестьянина.

Полона—*взятое въ плѣнъ.* Станемъ-те теперь полону подѣлять.

Подкопь—*подкопъ, волчья яма.*

Полоняночка—*плѣнница.*

Польскій—*полевой. Эпитетъ ворона.*

Поляковать—*рыскать по чисту полю, отыскивая приключеній.*

Полякъ, см. **поленица.**

Помахъ—*пространство, перемахнутое, перескоченное лошадью.*

Пометный—*стоющій того, чтобъ бросить.* Дрянное лученушко пометное.

Пометочка—*памятная записка.*

Поморозница—*мѣсто морозное.* Сверху горница, внизу поморозница.

Помуравленый (Чердаки помуравлены). *См.* **Муравленый.**

Помшиться—*обломиться.* Шеломчатые гвоздики не помшилися.

Помятушиться—*помутиться.* Бѣлый свѣтъ въ глазахъ помятушился.

Понаводить—*поправить.* Перешили они башмаки, понаводили.

По надобью—*сколько надобно.* А мы пошлину выплатимъ по надобью.

Понадѣться—*одѣться.*

Понакнуться—*согласиться.* Скоро Добрынюшка понакнулся.

Понапрасные—*понапрасну.*

Поневольный—*невольный.* Мое дѣло поневольное.

Поносный—*беременный.* Поносныя бабы разродились.

Поносъ—*беременность.* Захотѣлось на поносѣ мнѣ мяса лебединаго.

Поносъ понести—*забеременѣть.* А втапоры княгиня поносъ понесла.

Пообидовать—*жаловаться на обиду.* Попеняю, пообидую.

По-однакому—*одинакимъ образомъ.*

Поостопаться—*потоптаться.* Дайте мнѣ маленько поостопаться.

Пооченно—*очень.* Пооченно велико здоровье въ себѣ чую.

Попровѣдать—*повѣдать.* Скажи-ка мнѣ, паленица, попровѣдай-ка.

Попустить голосъ—*запѣть громко.*

Пора—*сила, опоръ.* Во всю-то пору лошадиную.

Поразмалтаться (отъ корельскаго глаг. **малтада**, умѣть), *Прійти въ себя.* Какъ всѣ они поразмалтались.

Порато—*сильно.* Дюкъ порато въ чужихъ людяхъ хвастаетъ.

Поретовать (отъ корня **рет**, ретивый). *Сердиться.* Посудьячу, поретую.

Поровеночка—*однолѣтка.*

Порока—*закладъ.* Порокъ поставили пятьсотъ рублей.

Пороха, порошица—*молодой снѣгъ.*

Портъ—*платье, одежда.* Иной хвастаетъ шелковымъ портомъ.

Порутчикъ—*порука, поручитель.*

Порученки—*перила.* Настланы мостички кирпичные и порученки положены калиновы.

Поручный—*за рукоприкладствомъ.* Записали записи поручныя.

Порядный, **пуд.** *См.* **Спорядобный.**

Порядь—становитесь всѣ попоряди.

Посаждэнье или **посаженье**—*благословеніе посаженаго отца или посаженой матери.*

Поселица, *см.* **Поселье.**

Поселье, посельице—*мѣсто поселенія, постояннаго жительства.*

Поскакучій—*эпитетъ зайца.* Поскакучіихъ заюшекъ.

Поскокъ—скочитъ конь на три поскока.

Пословничать—*жить въ послахъ.* По три году Добрынюшка пословничалъ.

Послѣдне—*въ послѣдній разъ.* Послѣдне мнѣ-ка съ ней проститися.

Посмѣхъ вести—*насмѣхаться.* На Владиміра князя посмѣхъ ведетъ.

Пособникъ, пособничекъ—*помощникъ.*

Постельничать—*убирать постель.*

Постельщикъ—*постилальщикъ.* Постельщики по дорожкамъ сукна постилаютъ.

Посѣдатѣть—*посѣдѣть.* Русы кудри посѣдатѣли.

Посѣмена—*сѣмена.*

Потикъ—*подикъ у печки.*

Потникъ, потикъ—*подстилка подъ сѣдло, чтобы не тереть спину лошади.* Потнички клалъ на потнички, а на потнички кладетъ войлочки.

Потархивать (отъ корня **торокъ**, ударъ вѣтра). *Толкать.* Зачали калику потархивать.

Потоки—*выдолбленныя бревна, на которыя опирается нижними концами своими кровля избы и по которымъ стекаетъ дождевая вода.* Потоки съ потоками сросталися.

Потребить—*убить.* Моего-то мужа взяли потребили.

Потурять (отъ корня **тр**, означающаго толчокъ, ударъ, а затѣмъ поспѣшность). *Погонять ударами, торопить.* Не твое было дѣло коня потурять.

Потыкаться—*спотыкаться.* Что ты, собака, потыкаешься?

Поученый—*знающій.* Молодцы поученые, скоморохи.

Пофурскивать—*фыркать.* Станетъ конь въ лошадиныя ноздри пофурскивать.

Похматка—*похватка.* Повыучить всѣмъ похматкамъ, поѣздкамъ богатырскіимъ.

Походить—*собираться итти.* Походитъ Василій на почестный пиръ.

Пошапка—*пощапка, щегольство.*

Пошатать—*встряхнуть.* Пошатаю своей старостью глубокою.

Почерпуга—*посуда, употребляемая для черпанія воды.* Третья сила пила почерпугами.

Почтивать—*подчивать, угощать.* Чимъ будешь гостя почтивати.

Поѣзжане—*провожатые жениха.*

Поѣзжать—*собираться ѣхать.* Поѣзжалъ я добрый молодецъ. Ты куда поѣждяешь на широко далече чисто поле.

Прека—*упрекъ, укоръ.* Мнѣ за преку будетъ за великую.

Прета—*перекоръ, раздоръ.* Съ каменной Москвой преты не было.

Придержать—*издержать.*

Призабавить—*промѣшкать, пропустить что-либо.* Мѣстечка всѣ призабавлены.

Призагормовѣть (заон. призагорбовѣть). *Призаплесневѣть.* Бѣлоярово пшено призагормовѣло.

Призаздынуть—*приподнять.*

Призоръ—*дѣйствіе сглазенья.* На тую рыбу вѣкъ призору не бываетъ.

Прикладка—говори не съ упадкою, говори со прикладкою.

Прилучиться—*случиться.* Я одна прилучилася.

Приниматься къ рѣчамъ—*Обращать вниманіе.* Къ тѣмъ рѣчамъ государь не принимался.

Пріогрюшиться—*погрузиться.* Чурила посередъ рѣки пріогрюшился.

Пріокинуться, пріукинуться—*польститься.* На тыя лясы Батыга пріукинулся.

Пріомалтаться—*прійти въ себя, справиться.* (Отъ корельскаго корня малтада, перед. изъ русск. корня (**умѣл.**) Тутъ-то Илья пріомалтался.

Пристраниться—*посторониться.* Пристранился Илья Муромецъ въ сторонушку малешенько.

Присѣнникъ—*сѣнный служитель.*

Притычивать—*притыкать.* Тычки къ берегу притычивали.

Притолакивать—*прихрамывать, волочить ногу.*

Пріужахнуться—*ужаснуться.* Его сердце богатырское пріужахнулось.

Пріулокъ—*переулокъ.*

Причетникъ—(отъ **чета**, дружина). *Дружинникъ.*

Прищивиться—*плотно пристать къ чему нибудь, отъ* **прищивить**—*слегка приколоть иголкою.* Серебряной иголочкой прищивиться.

Провизгъ—*визгливый тонъ рѣчи.* Рѣчь-проговоря все съ провизгомъ.

Проводины—*трата за проводъ коня съ одного мѣста въ другое.* Мой конь... съ проводинами сталъ цѣлу тысячу.

Прогрязывать—*погружаться въ грязь.* Добрый конь въ дорожку до щеточки прогрязывалъ.

Прогуркивать—*ворковать.*

Продрыгивать—*вздрагивать, дрожать.* Мать сыра земля продрыгиваетъ.

Прохлаждаться—*продолжаться.* И много времени прохлаждается.

Прокурить—*подняться столбомъ.* Одна куревка прокурила.

Прокырчить—*кикать, кричать по лебединому.* Не бѣлая лебедушка прокырчила.

Пролетный—*пролетающій.* Нѣтъ пути ни проѣзжему, ни пролетному.

Промежъ—*между.*

Пропетаться—*провозиться до поту.* Пропетался съ Соловьемъ.

Прописать—*писать на конъ* (въ игрѣ въ шахматы). Прописалъ король свою землю польскую.

Просвѣтлить—*дать свѣтъ.* Зоринька просвѣтлила.

Просто—*легко.* Тобѣ просто надо мною насмѣхатися, какъ стоишь ты надъ моею грудью бѣлою.

Простокиша—*простокваша.*

Просторый—*просторный.* Дубовая колода простораая.

Проступывать—*ступать потихоньку.*

Прохватиться—*спохватиться, прійти въ себя.* Спитъ Илья Муромецъ, высыпается, не прохватится ото сна богатырскаго.

Прощаться—*просить прощенье.* Прощается Василій во первой большой винѣ.

Прямохожій—*эпитетъ дороги.* Дорожка прямохожая.

Пустохвастъ—*хвастающій вздоромъ.* Олеша пустохвастъ то есть, вѣкъ Олеша пустымъ хвастаетъ.

Путо, путевья—*сѣти.* Вяжите путевья шелковыя.

Путыни—*путы.* Поразлопали путыни шелковыя.

Пшена—*пшеница.* *Пшена бѣлояровая—постоянный конскій кормъ въ былинахъ.*

Пырять—(отъ корня **пыр**, означающаго быстроту движенія, напр., **пряткій**) *скоро разъѣзжать.* Не твое дѣло было по полю пырять.

Пьянь—*пьяницы.* Дала ты мнѣ пьянь да голь кабацкую.

Пѣвучій—*пѣвчій.* Птицы пѣвучія.

Пѣхотою—*пѣшкомъ.* Усмотрѣлъ идучись молодца пѣхотою.

Пясть, пялъ—*пнуть.* Пялъ Чурила правой ногой.

Пята—*конецъ стрѣлы противоположный острію.* Втерано было въ пяты каменье все яхонты.

Пятникъ, пятничекъ—*крюкъ у воротъ.* Къ тымъ ко пятничкамъ ко булатніимъ.

Пененизо—(т.-е. *пененисто,* отъ **пенязь**, пененэь, какъ монисто отъ монета), *Металлическая цѣпь.*

Р.

Рагуза—живете здѣсь по домамъ, по рагузамъ.

Развалить—*расчистить.* Развалилъ поле великое.

Разгуркаться—*разворковаться.* Голубь да голубка промежъ собой разгуркались.

Разложиться—*разсудиться.* Что ему по разуму разложится.

Разрывчатый—*эпитетъ лука.* Свой тугой лукъ разрывчатый отстегивалъ.

Раменье—*мѣсто, гдѣ растетъ большой строевой лѣсъ.* Бѣгалъ, скакалъ по темнымъ лѣсамъ и по раменью.

Раскрежаться—*разломаться.* Столы всѣ дубовые раскрежались.

Распастаться—(отъ **пасъ**, поясъ). *Распоясаться.* Скоро Ванюшенька распастался.

Раструбистый—*трубою.* Эпитетъ кафтана и сарафана.

Растуляться—*попрятаться.*

Расхутиться, расхучиться—*попрятаться* (отъ корня **хит, хут**). Всѣ по чуланчикамъ расхучалися.

Ратай—*землепашецъ.* Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ.

Ревня—*ровня.*

Рель—*висѣлица.* Будьте скоро у рели у дубовыя.

Риньга—*гридня, столовая комната.* Гляди-тко на риньгу королевскую.

Рипсоватый (отъ **рибуша,** испорченнаго изъ корельскаго *рипак,* которое въ свою очередь испорчено изъ русскаго *тряпка.* Въ Петрозаводскомъ уѣздѣ употребляется и *ришковатый* отъ *ряски,* тряпье, откуда глаголъ *ряшиться*),—*употребляется о матеріи, которой ткань начинаетъ расползаться и на оконечностяхъ виситъ нитками.* Рипсовые подолы Почезерочки.

Робить—*работать.* Не работы робить деревенскія.

Ровнакій—*ровный.* Обѣ половиночки на взглядъ ровнакія.

Ровнымъ—*ровно.* А волосомъ, ростомъ ровнымъ съ меня.

Рогачъ—*рукоятка у сохи.* Ушла сошка до рогача въ землю.

Родитель—*родной.* Ай же ты, родитель мой дядюшка.

Родникъ—*сродникъ, родственникъ.*

Роздѣять—*разсѣять.* Гдѣ роздѣять мнѣ великая кручинушка.

Розливной—*эпитетъ весны.* До разливной красной веснушки.

Розстань—*перекрестокъ.* Пріѣхалъ Илья Муромецъ на розстани.

Ромода—*хлопоты, безпокойство.* Сочинилась ромода.

Розбракаться—*разболтаться.* Тутъ ты, удалый, раскуражишься и порозбракаешься.

Роскатный—*эпитетъ шлема.* Другая сила пила роскатнымъ шеломомъ.

Рудожелтый—*красножелтый. Эпитетъ песковъ.*

Рукотерникъ—*полотенце ручное, не личное.*

Рутить—*бросать.* Ужъ онъ рутитъ орелъ перьица орлиныя.

Рыкучій—*издающій рыкъ.* Звѣри рыкуціе.

Рыскучій—*эпитетъ звѣрей: волка, оленя, тура.*

Рыть—*бросать.* Первую частиночку рубилъ онъ на мелки куски, и рылъ онъ по раздольицу чисту полю.

Рѣчистый—*эпитетъ языка.*

Рядный—*холщевый.* Рядные сарафаны Кенозерочки.

Рядобный—*идущій, достающійся по ряду.* Али чара ти шла не рядобная.

Рядомъ дойти—*какъ сидятъ, по ряду.* Али чара тебѣ не рядомъ дошла.

Ряды рядить—*быть судьею и надзирателемъ за порядкомъ.* Стань-ко къ намъ ряды рядить.

С.

Саженый перьями—*оперенный.*

Самитъ—*аксамитъ.*

Самолетный—*летающій самъ собою.* Коверъ самолетный. Орелъ самолетный.

Самосмѣнный—*самъ собою перемѣняющійся.* Надѣваетъ платье самосмѣнное.

Сбережатай—*охранитель.* Не было въ Москвѣ сбережатая.

Сверкучій—*эпитетъ молніи.*

Сверстной—*ровный, подходящій.* Умомъ сверстна.

Свистучій—*эпитетъ соловья.*

Сворохнуться—*пошевелиться.* Сидитъ Соловникъ, не стряхнется, желтыя кудерка не сворохнутся.

Свычный—*привычный.* Какъ Илья былъ свыченъ, догадливъ былъ.

Сдержава—*то, за что можно держаться.* Милая моя ладушка, крѣпкая сдержавушка.

Сдоложиться—*выпроситься, испросить чьего-нибудь разрѣшенія.* У царя сдоложилася. Доложусь я во любимое гостебищо.

Сдѣять—*сдѣлать.* Тутъ оны здоровье сдѣяли (поздоровались).

Семья—*общее названіе супруговъ въ отношеніи къ другъ другу, подобно тому, какъ парочка общее названіе любящихся.*

Середа—*полъ.* **карг.** По той-то середы по кирпичныя.

Сесвѣтный—*сего свѣта.* По сесвѣтному есть прегрѣшеньице.

Сидуномъ—*сиднемъ.* Тридцать лѣтъ йонъ сидѣлъ сидуномъ.

Сидѣльный—*эпитетъ бесѣдки.*

Силомъ—*силой.* Добромъ буде не дашь, силомъ возьму.

Сказать Божью помочь—*поздороваться.* Не сказала Божьей помочи богатырямъ.

Склеснуть—*схлеснуть, такъ сдавить въ одно мѣсто, что послышится „хлестъ“.* Третьяго склеснулъ въ середочку.

Сколнуть—*сколотить.* Сколнутъ омѣшики булатніе.

Скоморовчатый—*скоморошный.*

Скорбить—*доводить до скорби.* Скорбила она лице бѣлое.

Скоромъ—*скоромное.* Среду-пятницу скоромъ кушаютъ.

Скрятать—*скрутить, захватить въ плѣнъ.* Тутъ они скрятали татарина поганаго.

Скурлатный *см.* **Скурлатъ.**

Скурлатъ—*шерстяная ткань разнаго цвѣта, напр.*, **голубъ скурлатъ.** Кафтанчики на молодцахъ скурлатъ-сукна.

Слезить—*вводить въ слезы.* Не слезилъ Добрыня отцевъ-матерей. Слезила она очи ясныя.

Слухать—*слушать.* Слухайте большаго брата.

Сыть—*то, чѣмъ бываютъ сыты.* Ахъ ты, волчья сыть.

Слыхъ—*слухъ.* Двѣнадцать лѣтъ и слыху нѣтъ.

Смануть—*пробраться.* Сманулъ Ванька въ подворотенку.

Смертный—*грозящій смертію, напр.*, **смертное побоище, мѣсто.** Почто вы меня бьете-убиваете и со смертнаго мѣста не спущаете.

Снарядный—*нарядный*. Что, Катерина, не снарядна идешь?

Сноровить, сноровливать—*содѣйствовать*. Своимъ Татарамъ не сноровливаешь.

Собиться—*быть по себѣ, чувствовать себя хорошо*. Ильѣ Муромцу не спится, мало собится.

Собачина—*псина*. Сердце смердитъ на собачину.

Собольщикъ—*обдѣлыватель соболиьихъ шкурокъ*.

Совѣтный—*съ кѣмъ совѣтуются*. Совѣтныя милы подруженьки.

Совѣтовать—*держать совѣтъ*. Что онъ царь совѣтуетъ со своей царицей со Давыдьевной.

Содержатай—*который можетъ сдержать, остановить*. Не было въ Москвѣ содержатая.

Сожидать—*ждать*. Промежду собой уговорилися братьямъ дружкадружкѣ сожидать.

Сойка—*лѣсная сорока*.

Сокрутиться, сокручаться—*нарядиться*. Сокрутился онъ старчищемъ пилигримищемъ.

Солоный—*соленый*.

Сорога—*рыба плотица*. Рыбу сорогу повыловили.

Соромы довести кому. *Осрамить*. Молодыхъ молодицъ соромы довели.

Сохутиться—*спрятаться*.

Сподобляться—*готовиться*. Мужики Бѣжеговцы къ скорой смерстушки сподобляются.

Спознаться—*дать себя признать*. Срѣтается царю земельному и самъ ему не спознается.

Спонаровка—*снаровка*. Ты не знаешь спонаровки богатырскія.

Спорядобный, заон. *эпитетъ сосѣдовъ*. Живущій рядомъ.

Спящій—*усыпляющій*. Спускалъ зелья спящаго.

Сродники, сродцы—*родственники*.

Сряжаться—*снаряжаться*. Сряжался Илья Муромецъ.

Ссать—*сосать*. Ладила змѣя ссать тѣло мертвое.

Стадо—*стая*. Налетѣло на молодца стадо грачевъ. **Стая** *же въ Олонецкой губерніи означаетъ дворъ у дома*.

Станешенькій—*статный*. Станомъ была станешенька.

Станливый—*рано встающій*. Лѣнивая у него взята, не станливая.

Станъ—*глубокое мѣсто, въ рѣкѣ, озерѣ, морѣ*. А рыбы ушли въ глубоки станы.

Статьникъ (отъ корня **тать**). *Грабитель, воръ*. Наѣхалъ статьниковъ, разбойниковъ.

Статья: 1) *собственно свойство характера, качество, выпавшее кому-нибудь на долю*. Сколько тыя статьи есть, а другихъ Богъ не далъ. *Самая участь, судьба. Судьба, по древнему воззрѣнію, при извѣстныхъ случаяхъ взвѣшивается высшими силами, и за тѣмъ выпадаетъ человѣку счастіе или несчастіе*. Не по Дюковой пало участи. Подошла статья Дюка Степановича, *т.-е., наставала роковая минута въ судьбѣ Дюка*.

Стойка—*косякъ у окна*. Шапка Чурилина на стойкѣ виситъ.

Столованье—*пированье.* Завелося столованьице-почестенъ пиръ.

Стольничать—*исправлять должность стольника.*

Столыпаться—*бродить толпами.* Голи по царевымъ кабакамъ столыпаются.

Стопка—*вѣшалка.* Беретъ со стопки саблю острую.

Стоялый: 1) *давно стоявшій, эпитетъ меда,* 2) *гдѣ есть стойла. Эпитетъ конюшни.*

Стравница, стратница—*губительница.* Маришка стравница.

Струмя—*стремя.* Вязалъ Соловья ко струмену.

Стрѣта—*встрѣча.* И на стрѣту ѣдетъ Илья Муромецъ.

Стуловатый—*толстый.* Стуловато личище.

Ступа—*шагъ.* Микула-то ѣдетъ ступою впереди.

Ступень—*ходъ.* Просмотрѣлъ ступень шашечный.

Ступистый—*эпитетъ лошади.*

Ступь—*ступа, тихій шагъ, слѣдъ.* Наѣхалъ онъ на ступь лошадиную.

Стѣнь—*образъ, подобіе живаго существа, отсюда—тѣнь, призракъ.* Напишите намъ его всю стѣнь-то человѣческую.

Сугона—*погоня.* Поѣдемъ мы въ слѣдъ сугоною.

Суды судить—*быть судьею.* Стань-къ къ намъ суды судить.

Супостатый—*злющій* (*отъ* **супость,** *злоба*). Поминайте Терентья постылаго и супостатаго.

Супротивиться—*драться, вступать въ бой.* Самъ ли пойдешь, али меня пошлешь съ Тугариномъ супротивиться.

Супротивникъ—*сверстный, ровный по силѣ или другому свойству противникъ.* Выкликаетъ она поединщика, супротивъ себя да супротивника.

Сурядниный—*изъ толстаго сукна.* Накинулъ попону не сурядниную.

Сустигнуть—*настигнуть.* Гдѣ ихъ сустигнешь, тутъ и смерти предай.

Сутычь—*вплоть.* Ударилъ сутычь по шеѣ то.

Сухояловый—(*отъ* **яловый**). *Голый, пустой.* Нашелъ Василій косточку сухояловую.

Схарпывать—*всхрапывать.* Спитъ богатырь схарпываетъ.

Сходня, сходенка—*лѣстница,* мостки съ судна на берегъ.

Счастки—*счастье, удача.*

Счудиться—*сотвориться* (*о чудѣ*). Что это чудо счудилося.

Сѣверикъ, сиверикъ—*сѣверный вѣтеръ.*

Сѣдатый—*сѣдой.* Было-то псище сѣдатое.

Т.

Тавлеи, велеи—*шашки, шахматы.* Играютъ въ шашки, шахматы, во тые велеи золоченыя.

Тамый—(*производное отъ нарѣчья* **тамъ**). Я изъ тамаго изъ города изъ Муромля.

Тарыкать, потаркивать—(*отъ* **торокъ,** *Сильный ударъ вѣтра*). *Бить, ударять.* Гдѣ было Татарина копьемъ тарыкать. Сталъ косматаго бурушка потаркивати.

Темный, темный глазами—*слѣпой.*

Теперечу, теперече—*теперь.*

Тереть—*толкать другъ друга въ поныхахъ (отъ корня* **тр**, *поспѣшать, откуда и* **туркій**—*поспѣшный*,, **туриться** — *спѣшить)*. Бѣжатъ да трутъ про́межу собой.

Тетива—*веревка, прикрѣпленная къ верхнему или нижнему основанію четыреугольной сѣти.* Тетивочки были семи шелковъ.

Тожно—*тогда, въ такомъ случаѣ*. Дайте выпить чару зелена вина, тожно засвищу я вамъ въ полсвиста.

Толкучій—*сталкивающійся.* Стоятъ горы толкуціи.

Толмачить—*понимать и переводить.* Кто знаетъ баять по-ру̊сскому, толмачить по-татарскому.

Тоневье—*тони, сѣти.* Вяжите вы тоневья шелковыя.

Тонецъ—(*отъ* **тонъ**, *иногда произносится* **танецъ**), *тонъ.* Тонцы по голосу налаживаетъ. Тонцы онъ ведетъ отъ Нова-города. Тонецъ поетъ.

Топучій—*топкій.* Ольги топучія.

Торить—(*отъ корня* **тр**). *Торопить ударами.* Алеша гонялъ, торилъ добра коня.

Тороки—*дорожный мѣшокъ, сума за сѣдломъ.* Настасью Дмитріевну въ тороки вязалъ.

Тоцливый—*тоскливый, имѣющій жалость.* Тоцливая тетушка.

Тошто—*тогда, то.* Буде не пріѣдетъ Добрыня со чиста поля, тошто я Настасья хоть вдовой живу, хоть замужъ пойду. Пусть-ко Дунай въ хоробры погостить, тошто Дунай объумѣется.

Тощиться—*истощаться.* Есть-то у Олешеньки золота казна, не тощится.

Трапезовать—*объѣдать.* Садился хлѣба кушать, трапезовать.

Треста, трестиночка—*тростникъ.*

Треста—*полотнище.* Бралъ ее за тресту за заднюю.

Трое, трое—*трижды.* А будетъ трое проклятъ на вѣку тотъ бы.

Трудница—*работница.* Знать я вамъ была не трудница, не работница.

Трынкать—*рвать въ клочья, расклевывать (отъ того же корня* **трунье**-*лохмотья,* **трянки**-*тряпки)*. Черные вороны тѣло трынкаютъ.

Ту—*тутъ.* Закричалъ ту Кирилушка во всю голову. Она видѣла надъ Кіевомъ невзгодушку, ту она и слезно плакала.

Тукъ—*дородство.* Было туку принабавлено.

Тулово—*туловище.* У Добрынюшки головушка отсичена, а тулово лежитъ посреди поля.

Туляться—*прятаться.* Большой туляется за средняго.

Тупица—*затупленный топоръ.*

Турица—*самка тура.*

Турыжный—*потаскушка.*

Тухлый—*потухшій, мутный.* Поглянулъ Грозный царь тухлымъ окомъ.

Тучмяный—*вм. тесмянный.*

Тынить—*обносить тыномъ.* Золотомъ-то не тыны тынить.

Тычка—*что втыкаютъ.* Тычки втыкайте въ круты берега.

Тѣсто—*густой растворъ изъ овсяной муки.*

У.

Увалъ, *Ухабъ, выбоина. См.* **перевалъ**. Лежатъ-то мужики увалами.

Угожество, *Красота.* Не для красы, для угожества.

Удоистый, *Эпитетъ коровы.*

Удроба—*робость.* Говоритъ Иванъ да не съ удробою.

Укинуться—*накинуться, польститься.* Илья на женскую прелесть не укинулся.

Укладка—*пріятность.* Говори не съ укладкою, говори со прикладкою.

Уклетать—*поблекнуть.* Всѣ травы-муравы уклетаютъ.

Укрѣпа—*крѣпость.* Не для красы, для угожества, а для ради укрѣпы богатырскія.

Укрятать—*укротить.* Не укрятуешь плеча ты могучаго.

Уловный—*гдѣ кто захваченъ.* А только не выѣзжай съ этаго съ уловнаго мѣстечка.

Умершій—*траурный, на случай смерти.* Третье платье надѣнь умершее.

Умильный, умѣльный—*вѣжливый, любезный.* Цѣловалъ ю въ уста сахарныя за нея за рѣчи за умильныя.

Умоечки—*помои.*

Умоленникъ—*за кого умолили.* Пусть ты бабій умоленникъ.

Умѣняться—*обмѣняться.* Съ Чурилушкой санкамы умѣнялися.

Упадка—*упадокъ духа.* Говоритъ ему не съ упадкою.

Упалый—*(отъ корня* **пад**, *означающаго иногда—имѣть несчастіе, неудачу, напр.:* **упадь**, *несчастіе).* Черный воронъ упалый.

Упачливый—*падкій.* Михайла до вина былъ упачливый.

Упеченка—*мѣсто на знои, сильномъ теплѣ.* Садился Добрынюшка на упеченку.

Упечечье—*мѣстѣ на знои, на сильномъ теплѣ.* Кіевъ на красы стоитъ, да упечечьѣ.

Упрашивальникъ—*за кого упросили.* Старшій упрашивальникъ.

Уныльный—*унылый.*

Уродище—*юродивый.* А сынище твой уродище. А тебя топерь называемъ уродищемъ.

Уродовать, уродствовать—*юродствовать.* Ѣздитъ Хотинка по городу, уродуетъ со паробкомъ любимымъ.

Ускочить 1) *вскочить, увернуться прыжкомъ.* Онъ скоро ускочилъ на добра коня. 2) *Убѣжать.* Ай же упавъ дородній добрый молодецъ, хочешь ускочить, да не ускочить.

Усова—*усобица.* Нажили усовы себѣ вѣчныя.

Ухватка—*охабка.* Захватилися они въ ухваточку, стали они боротися ломатися.

Уходный—*за которымъ ходятъ.* Много уходны сердечны малы дѣтушки.

Ф.

Фоя—*Хвоя.*

Х.

Хамкать—*лаять по собачьи.* Тутъ поганое захамкало.

Хмѣлина—*хмѣль.* И ударила хмѣлина кабацкая.

Ходило—*лопатка.* Рветъ ногу изъ ходиловъ вонъ.

Холма—*холмъ.* Съ горы на гору перескакивать, съ холмы на холму перемахивать.

Холомчатый, см. *шеломчатый. Эпитетъ горы* (*отъ* **холмъ**). Не ѣздили на крутую, славну, на гору холомчатую.

Храпъ. Наложи-ка храпы крѣпкія, на его на плечики могучія.

Художество—(*отъ* **худоба,** *имущество.*

Хупаво—*хорошо, красно.* Царица красно снарядилася, хупаво.

Ц.

Цѣну цѣнить—*цѣнить.* Не знаешь ты кобылушки цѣну цѣнить.

Ч.

Частоберчатый (*отъ* **бердо**). *Узорчатый. Эпитетъ сѣней.* И въ сѣни зайдешь частоберчаты.

Частоплетный—*эпитетъ косы.*

Частоуступчатый—*эпитетъ лѣстницы.*

Чашничать—*исправлять должность чашника.*

Череломбитчикъ—*челобитчикъ.*

Челядинка—*чернорабочая* (*отъ челядь*).

Челядична (*отъ* **челядь**) Тая ли дѣвка челядична.

Черево—*чрево.*

Черемшина—*палка, прутъ черемхи.*

Черень, черенья—*черенокъ.*

Черленый (черненый). **Червленый,**—*эпитетъ корабля, вяза и стула.* На томъ ли на черленомъ на кораблѣ. Исподъ вязу, сподъ черленаго. Сидитъ на стулѣ на черленоемъ.

Черный—*чермный, червленый. Эпитетъ корабля и вяза.* На тыхъ ли на черныхъ на корабляхъ. Изъ подъ того ли вяза, вяза чернаго.

Чеснуть—*ударить.* Хотѣлъ чеснуть Илью Муромца.

Чета—*чадь.* Малую чету (т.-е. князевыхъ ближнихъ людей) дарилъ чистымъ серебромъ. Ср. Истор. Кар. II, пр. 26 и 106.

Чинжалище—*кинжалъ, въ ножнахъ котораго еще охотничій ножъ.* Вынималъ изъ чинжалища острый ножъ.

Чужанинъ—*чужой человѣкъ.* Повыкупите отъ эвтого чужаго чужанина.

Чужбининъ—*См.* **Чужанинъ**.

Ш.

Шалыга—*плеть.*

Шалыжище—*ручка шалыги.* Учалъ шалыжищемъ (Алешу) охаживать.

Шаять—*тлѣть.* Не шайте, жараточки муравленные.

Шевелимость—*движеніе*. Тамъ лежалъ бы этотъ камешекъ вѣкъ по вѣку безъ шевелимости.

Шеломчатый—*съ выпуклою шляпкою.* (*Отъ* **шеломя,** *холмъ.*) *Эпитетъ гвоздя*. Въ косы-то вплетено по дорогому гвоздочку шеломчатому.

Шеломъ—*шлемъ.*

Шеломя—*холмъ, гора. Ср. Слово о полку Игор*. А поди ты на гору высокую, на тое на шеломя оскатное.

Шепеткомъ—*шепотомъ.*

Ширинка—*полотенце*. Въ шелкову ширинку утирается.

Ширинка—*шеренга*. Вываживай, налаживай удалыхъ добрыхъ молодцевъ ширинками.

Шишира—*Праздношатающійся.*

Шишкомъ—*шепотомъ.* Шишкомъ говорятъ.

Шпенекъ—*пряжечная шпилька.*

Штурмовать—*отвѣдать силы въ бою.*

Шурчать—*журчать, ворчать*. Ходитъ по терему, шурчитъ да бурчитъ.

Щ.

Щанъ—*чанъ*. Глаза-то у него—пивны щаны.

Щектанье—*соловьиный свистъ*. Не ужель ты не слыхалъ щектанья соловьинаго.

Щелыгать—*жадно и много пить*. Меды щелыгать.

Щелье, щилье—*голый камень, утесистый берегъ*. Гольныя щели къ Бѣлу-озеру.

Щенять—*щенокъ*. За этою щенятью бѣлогубою.

Щепетко—*щегольски*. Баско-щепетко по городу погуливаетъ.

Щепленье—*щегольство.*

Щепливый—*щегольской*. Походка щепливая.

Щепетливый—*щепливый, щеголь*. На походочку щепетливый.

Щепомъ щепить—*щеголять*. Зачнемъ-ко мы съ тобой щепомъ щепить по три года.

Щеточка—*мѣсто надъ копытомъ*. Подточили у бурки они (змѣеныши) щеточки.

Щилецъ—*палочка съ затесанными клиньями, употребляемая въ особаго рода игрѣ. Дѣти, раздѣлившись на два отряда, стрѣляютъ щильцомъ (т.-е. бьютъ другой палочкой по концамъ щильца) изъ одного отряда на улицу, а изъ другаго щилецъ руками отбрасываютъ назадъ въ городъ*. Маленьки ребятки играютъ щильцомъ-мячомъ.

Ѣ.

Ѣздучись—*ѣздючи.*

Ѣзды брать—*выигрывающіе въ городки бросаютъ палку въ цѣль, сидя верхомъ на обыгранныхъ, и это называется ѣзды брать.*

Э.

Эстотъ—*этотъ, ближайшій къ 2-му лицу.* (**Эвтотъ** *ближе къ 1-му лицу,* **энтотъ** *къ 3-му*). Тебѣ съ эстою удачею молодецкою наквасити рѣка будетъ Волхова.

Я.

Яблуко—*шаръ подъ остріемъ копья.* Копья по яблукамъ срывалися.
Яловикъ. (*Отъ корня* **яловый**) *волъ.* Ѣстъ по три быка яловика.
Яловица—*корчага.* Щей хлѣбаю по той яловицы по русскія.
Яндова—*мѣдный жбанъ.* Поднесъ имъ яндову квасу.
Ясновый—*изъ дерева ясеня.* Перекладинка ясновая.
Ясь-соколъ—*ясный соколъ.*
Яровицкій—*аравійскій.* Выложенъ тынъ мѣдью яровицкою.
Яровчатый, ярывчатый—*яворчатый, изъ явора.* Гусельки яровчаты.
Ярыжный—*Развратный.*

IV.

УКАЗАТЕЛИ КЪ БЫЛИНАМЪ.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ. [1])

А.

[1]) Указатели именъ и предметовъ обнимаютъ лишь былинный матеріалъ. Римская цифра указываетъ томъ, арабская—страницу. *Ред.*

Б.

В.

Г.

Е.

Ж.

З.

И.

I.

Н.

О.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Ю.

Я.

Ѳ.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

К.

Л.

Н.

О.

П.

Р.

С.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Ѣ.

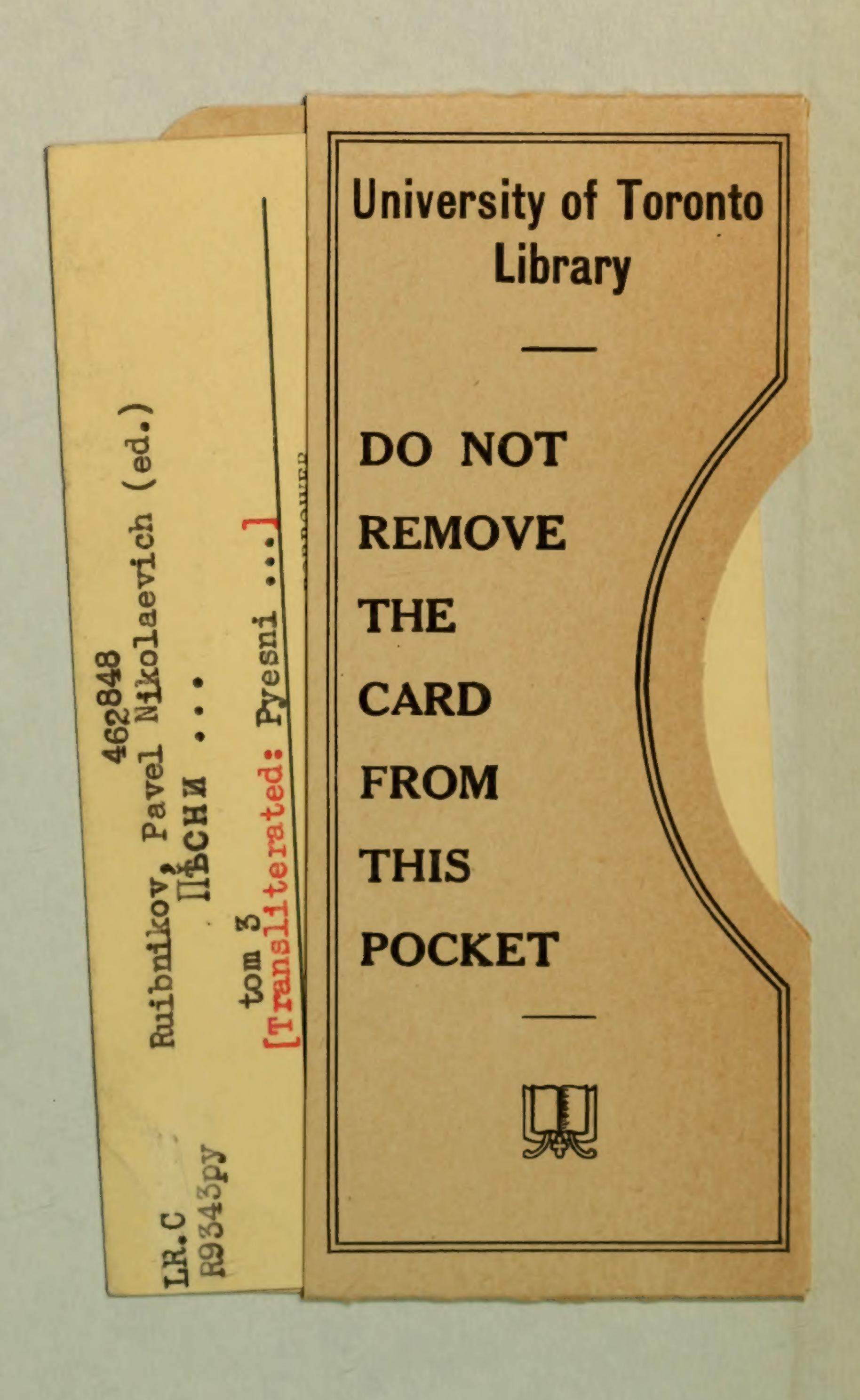
Ю.

Я.

СПИСОКЪ СКАЗИТЕЛЕЙ И СКАЗИТЕЛЬНИЦЪ.

УКАЗАТЕЛЬ БЫЛИНЪ ПО СОДЕРЖАНІЮ.

0


LR.C
R9343py
462848
Ruibnikov, Pavel Nikolaevich (ed.)
ПѢСНИ ...
tom 3
[Transliterated: Pyesni ...]
University of Toronto Library
DO NOT REMOVE THE CARD FROM THIS POCKET